ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Каменный убийца

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Annotation

Роман «Каменный убийца» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. В самый разгар лета старший инспектор Арман Гамаш и его супруга Рейн-Мари приезжают в уединенную гостиницу в лесной глуши, чтобы отдохнуть и отпраздновать очередную годовщину их свадьбы. Но отдохнуть, как всегда, не получается: в этом благословенном уголке Канады происходит убийство. Жертва – один из членов семейства Финни, богатых, респектабельных людей, которые собрались здесь, чтобы почтить память давно умершего родственника. Обстоятельства убийства настолько загадочны, что поначалу следствие заходит в тупик. И лишь поняв, что корни преступления уходят в далекое прошлое, Гамаш и его команда начинают разбираться в этом хитросплетении давно похороненных секретов и ненависти, спрятанной за вежливыми улыбками.

Луиза Пенни
Каменный убийца

В память о моих родителях и с любовью к ним

*** * ***

ЛУИЗА ПЕННИ – канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гамаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека (в настоящее время вышло 11 романов). Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger». Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пенни – первый автор, пять раз получивший премию «Agatha Award».

> Гамаш – удивительно сложный и привлекательный герой, которому суждено стать одним из классических литературных детективов.
>
> *Kirkus Reviews*
>
> Вы не найдете деревню Три Сосны на карте… хотя Луиза Пенни сделала и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно отыскать ее.

The Chicago Tribune

Читать романы Луизы Пенни – редкостное удовольствие.

People

Это превосходная детективная история в классическом стиле Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников с нетерпением ожидать продолжения.

Booklist

Пролог

Более столетия назад «бароны-разбойники»[1] открыли озеро Массавипи. Они приехали туда из Монреаля, Бостона, Нью-Йорка и, углубившись в этот медвежий угол Канады, построили огромный дом. Хотя, конечно, они не стали пачкать собственные руки, к которым прилипало нечто совсем иное. Нет, они нанимали людей, носивших имена Зоэтик, Телесфор и Оноре, чтобы те рубили для них густые древние леса. Поначалу квебекцы сопротивлялись, ведь они всю жизнь жили в этих лесах. Они препятствовали уничтожению такой красоты, а некоторые наиболее проницательные предвидели печальный исход. Но деньги делали свое дело, лес постепенно сводился, и росла великолепная «Охотничья усадьба». После нескольких месяцев вырубки, обдирки, зачистки и сушки огромные стволы были водружены один на другой. Изготовление таких домов-срубов было искусством. Но не эстетическими соображениями руководствовались эти люди с точным глазомером и умелыми руками, а уверенностью в том, что зимой мороз убьет обитателей возводимых ими домов, если бревна будут неправильно подобраны. Какой-нибудь coureur du bois[2] мог часами созерцать обработанный ствол громадного дерева, словно расшифровывая его. Этот coureur du bois, этот человек леса раз за разом обходил вокруг бревна, присаживался на пенек, набивал трубочку и смотрел, пока ему не становилось понятно, где именно должно находиться данное бревно, пока не сгниет.

На это ушло несколько лет, и наконец большой дом был построен. Последний из строителей стоял на великолепной медной крыше, словно громоотвод, и озирал леса и одинокое манящее озеро с высоты, на какую он уже никогда не поднимется. И если у этого человека было хорошее зрение, то он смог бы разглядеть вдалеке приближение чего-то ужасного, похожего на стрелы летних молний. Оно надвигалось не только на построенный дом, но ровно на то место, где стоял человек на сверкающей металлической крыше. Что-то кошмарное должно было случиться на этом самом месте.

Он и прежде крыл крыши медью, и конструкция всегда была одна. Но на этот раз, когда все остальные считали, что работа уже закончена, он забрался на крышу и обил конек – верхушку крыши. Он не знал, почему сделал это, просто так выглядело красиво и у него возникло ощущение, что так оно и должно быть. К тому же у него остались излишки меди. После этого он снова и снова использовал такую конструкцию на больших

зданиях в этой бурно развивающейся местности. Но тот дом был первым.

Забив последний гвоздь, человек медленно, осторожно, осмотрительно спустился.

Получив расчет, работники ушли с тяжестью на сердце, сравнимой с той тяжестью, которая оттягивала их карманы. И, оглядываясь назад, самые проницательные из них отмечали, что творение их рук само по себе немного напоминало лес, только неестественным образом положенный набок.

С самого начала в «Охотничьей усадьбе» было что-то неестественное. Дом был ошеломляюще красивым, окоренные стволы сияли золотистым цветом. Он был сооружен из дерева, обнесен плетнем и стоял на самой кромке воды. Он занимал господствующее положение над озером Массавипи, как «бароны-разбойники» занимали господствующее положение над всем. Эти капитаны промышленности ничего не могли с этим поделать.

И раз в год люди, носящие имена Эндрю, Дуглас и Чарльз, покидали свои империи железных дорог и виски, меняли гетры на погрызенные кожаные мокасины и направлялись на каноэ к дому на берегу уединенного озера. Они уставали грабить, им требовалось иное развлечение.

«Охотничья усадьба» была задумана и создана для того, чтобы делать одно – убивать.

Это позволяло им великолепным образом разнообразить жизнь.

Шли годы, и глушь отступала. Лисы и олени, лоси и медведи – все дикие звери, на которых охотились «бароны-разбойники», ушли из этих мест. Абенаки,[3] которые нередко доставляли богатых промышленников к громадному дому, состарились и отказались делать это. Рядом начали возникать городки и деревни. Близлежащие озера были открыты владельцами загородных домов и людьми, ищущими, где бы им отдохнуть на выходных.

Но «Охотничья усадьба» осталась. От поколения к поколению менялись владельцы, и постепенно головы давно убитых оленей и лосей и даже редкой пумы исчезли с бревенчатых стен и перекочевали на чердак.

По мере того как истощалось состояние его создателей, истощался и дом. Много лет он стоял заброшенным, слишком большой для единственной семьи и слишком удаленный для того, чтобы превратиться в гостиницу. Когда лес набрался сил и стал предъявлять свои права на дом, кто-то купил это сооружение. Была проведена дорога, повешены занавеси, изгнаны жуки, совы и пауки и приглашены гости. За плату. «Охотничья

усадьба» стала одной из лучших auberges[4] в Квебеке.

И хотя за прошедшее столетие изменилось озеро Массавипи, изменился Квебек, изменилась Канада, изменилось почти все, одна вещь осталась неизменной.

«Бароны-разбойники» вернулись. Они вернулись в «Охотничью усадьбу», чтобы убивать.

Глава первая

В начале лета гости прибыли в уединенный дом у озера, куда их призвали одинаковые приглашения, написанные на хорошей бумаге знакомым витиеватым почерком, напоминающим паутину. Эти тяжелые конверты, просунутые в почтовые прорези, с глухим стуком упали на пол внушительных домов в Ванкувере и Торонто и на дно почтового ящика перед маленьким кирпичным коттеджем в деревне Три Сосны.

Почтальон неторопливо пронес приглашения в своей сумке по этой крохотной квебекской деревеньке. Снимая шапку и обтирая потный лоб, он думал, что по такой жаре лучше не переутомлять себя. Благодаря профсоюзу у почтальона были послабления. Но истинная причина его неторопливости была не в жарком сияющем солнце, а кое в чем более приватном. Ему всегда хотелось подольше задержаться в Трех Соснах. Он медленно прошел мимо многолетних розовых кустов, лилий и отважной, упорной наперстянки. Помог ребятишкам найти лягушек у пруда на деревенском лугу. Потом сел на теплую ограду из плитняка и некоторое время наблюдал за деревней, живущей своей жизнью. Это увеличивало его рабочий день, и он последним возвращался в почтовое отделение. Товарищи подшучивали над ним за его медлительность, и он подозревал, что именно по этой причине он так и не получил повышения. Два десятилетия, а то и больше он работал не спеша. Не несся, а прогулочным шагом шел по Трем Соснам, заговаривал с людьми, выгуливавшими собак. Нередко выпивал с ними стаканчик лимонада или thé glacé[5] у бистро. А зимой – кофе с молоком перед пылающим огнем в камине. Иногда жители деревни, зная, что он зашел поесть в бистро, сами приходили туда и забирали свою почту. Болтали с ним минуту-другую. Он приносил новости из других деревень, лежащих на его пути, словно бродячий менестрель Средневековья, приносивший известие о чуме, или войне, или потопе, случившихся в каких-то далеких краях. Но никогда здесь, в этой милой и мирной деревне. Почтальону всегда было забавно представлять, что Три Сосны, угнездившиеся среди гор и окруженные канадскими лесами, изолированы от внешнего мира. Ощущение такое неизменно возникало. И он получал от этого удовольствие.

А поэтому и не спешил. В тот день он держал в потной руке пачку конвертов, надеясь не замарать идеальную, изящную бумагу верхнего из них. Потом его внимание привлек почерк, и он еще больше замедлил шаг.

Он работал почтальоном не одно десятилетие и понимал, что доставляет нечто большее, чем письмо. За годы службы он разбросал по своему маршруту много бомб. Хорошие новости: рождение детей, выигрыши в лотерею, смерть дальней родственницы, оставившей богатое наследство. Но он был добрый и понятливый человек, а потому знал, что доставляет и плохие вести. У него сердце разрывалось, когда он думал о том горе, что приносит в дома, в особенности в этой деревеньке.

Он знал, что сейчас держит в руке нечто такое. И даже больше. Его уверенность основывалась не на одной лишь телепатии, но еще и на подсознательном умении разбираться в почерках. Не только в словах, но и в скрытом в них тайном смысле. Простой, обычный адрес из трех строк на конверте говорил ему многое, помимо того, куда нужно доставить письмо. Он видел, что адрес написан старой, дрожащей рукой. Искалеченной не только возрастом, но и гневом. Это письмо не несло адресату ничего хорошего. И почтальону вдруг захотелось избавиться от него.

Он собирался заглянуть в бистро, выпить холодного пивка и съесть сэндвич, поболтать с хозяином заведения – Оливье, подождать, не придет ли к нему кто-нибудь за почтой. Но внезапно его словно переполнила энергия. Удивленные обитатели деревни увидели нечто необычное – спешащего почтальона. Он остановился, развернулся и быстрой походкой направился к ржавому почтовому ящику перед кирпичным коттеджем, выходящим на деревенский луг. Почтальон приоткрыл козырек ящика, и тот издал скрежещущий звук. Почтальон не мог его в этом винить. Он быстро сунул в щель письмо и закрыл крикливый козырек. Его удивило, что видавшая виды металлическая коробка не рыгнула и не выплюнула из себя злосчастное послание. Он давно уже привык смотреть на доставляемые им письма как на нечто живое, а на почтовые ящики – как на любимых домашних зверьков. И он сделал нечто ужасное с этим конкретным ящиком. И с этими людьми.

** * **

Будь у Армана Гамаша завязаны глаза, он бы все равно знал, где находится. Все дело было в запахе. Эта смесь дымка, аромата старых книг и жимолости.

– Monsieur et Madame Gamache, quel plaisir.[6]

Клементин Дюбуа вышла из-за стойки портье в «Охотничьей усадьбе». Кожа, словно крылья, свисала с ее вытянутых в приветственном жесте рук

и подрагивала, отчего Клементин по мере приближения становилась похожей на птицу или состарившегося ангела. Рейн-Мари Гамаш двинулась ей навстречу, тоже раскинув руки без малейшей надежды объять эту необъятную женщину. Они обнялись и поцеловались в обе щеки. После того как мадам Дюбуа обменялась объятиями и поцелуями с Арманом Гамашем, она отступила назад и оглядела пару. Рейн-Мари была невысокой, в меру полной женщиной средних лет с седеющими волосами. Ее лицо говорило о том, что она живет насыщенной жизнью. Она выглядела миловидной, не будучи красавицей. То, что французы называют soignée.[7] На ней была сшитая на заказ темно-синяя юбка миди и накрахмаленная белая блузка. Простая, изящная, классическая одежда.

Мужчина был высок и атлетически сложен. Ему было лет пятьдесят пять, но он не начал полнеть – весь его вид свидетельствовал о жизни, прожитой с хорошими книгами, хорошей пищей и в неторопливых прогулках. Он напоминал университетского профессора, хотя Клементин Дюбуа знала, что никакой он не профессор. Волосы его поредели, и прежняя волнистая темная шевелюра обернулась просвечивающей лысиной на макушке и седыми прядями, закрывающими уши и спускающимися до воротника. Он был чисто выбрит, но носил аккуратные усы. На нем был темно-синий пиджак, широкие брюки защитного цвета и голубая рубашка с галстуком. Выглядел он, как всегда, безупречно, даже в этот июньский день, когда набирала силу жара. Но самым удивительным были его глаза. Вдумчивые, карие, дружелюбные. Спокойствие было так же свойственно ему, как другим мужчинам запах туалетной воды.

– Но у вас усталый вид.

Большинство содержателей гостиниц воскликнули бы: «Вы прекрасно выглядите!» Или: «Mais, voyons,[8] вы двое не меняетесь!» Или даже: «Вы словно помолодели!» Кому, как не владельцам гостиниц, знать, что для старых ушей нет ничего приятнее этих слов.

Конечно, уши Гамашей еще нельзя было назвать старыми, но вот устали они точно. Год был долгий, и их уши слышали много такого, что никак не доставляло им удовольствия. И Гамаши, как всегда, приехали в «Охотничью усадьбу», чтобы забыть обо всем этом. Если весь мир праздновал новый год в январе, то Гамаши праздновали его в середине лета, когда приезжали в это благословенное место и скрывались от мира, чтобы потом начать с чистой страницы.

– Мы немного устали, – признала Рейн-Мари, с удовольствием усаживаясь в удобное большое кресло у стойки портье.

– Bon,[9] что ж, мы об этом позаботимся. Немедленно. – Мадам Дюбуа грациозно удалилась за стойку и уселась на собственный удобный стул. Она пододвинула к себе журнал и надела очки. – Куда мне вас поместить?

Арман Гамаш сел в кресло рядом с женой, и они переглянулись. Они знали, что если пролистать назад страницы этого журнала, то они увидят там свои подписи, которые появлялись в журнале каждый год вот уже на протяжении более чем тридцати лет, начиная с того июньского дня, когда молодой Арман, накопив деньги, привез сюда Рейн-Мари. На одну ночь. Они поселились тогда в самом маленьком из номеров в задней части великолепного старого дома. Без вида на горы, или озеро, или многолетний сад с буйно расцветающими пионами и только-только распустившимися розами. Гамаш несколько месяцев экономил деньги, чтобы эта поездка стала чем-то особенным. Он хотел, чтобы Рейн-Мари узнала, как сильно он ее любит, как важна она для него.

Вдыхая сладкие запахи леса, тимьяна с кухни и сирени, чуть ли не зримо проникавшие в комнату через москитную сетку на окне, они впервые познали друг друга. И самым сладким запахом была она, свежая и теплая в его сильных объятиях. Той ночью Гамаш написал ей любовное письмо. Он осторожно укрыл ее белой простыней и сел в тесное кресло-качалку, хотя раскачиваться не стал, опасаясь, что ударится о стену сзади или разобьет колени о кровать и разбудит Рейн-Мари. Он просто сидел и смотрел, как она дышит. Потом стал писать на фирменном бланке «Охотничьей усадьбы»:

Моя любовь не знает…
Как бесконечна бывает любовь…
Мои сердце и душа ожили…
Моя любовь к тебе…

Он писал всю ночь, и на следующее утро Рейн-Мари обнаружила послание, прилепленное к зеркалу в ванной:

Я тебя люблю.

Клементин Дюбуа уже тогда была здесь, крупная, с походкой вразвалочку и улыбающаяся. Она и тогда была немолода, и Гамаш каждый год опасался, что вот позвонит он, чтобы забронировать номер, и услышит незнакомый ломкий голос: «Bonjour, Manoir Bellechasse. Puis-je vous

aider?»[10] Но вместо этого он слышал: «Месье Гамаш, как я рада! Надеюсь, вы опять собираетесь к нам?» Это было сродни поездке к бабушке. Хотя и самой крупной из бабушек, каких он когда-либо знал.

И если Гамаш и Рейн-Мари явно изменялись – женились, родили двух детей, сами стали бабушкой и дедушкой, то Клементин Дюбуа не старела и не уменьшалась в размерах. Как и ее любовь – «Охотничья усадьба». Они словно слились в одно, оба были исполнены доброты и любви, гостеприимства и доброжелательства. Они таинственным образом и восхитительно не изменялись в мире, который менялся с сумасшедшей скоростью. И не всегда к лучшему.

– Что-то случилось? – спросила Рейн-Мари, заметив выражение лица мадам Дюбуа.

– Наверное, я старею, – сказала та и подняла голову.

Ее темные глаза выражали озабоченность. Гамаш ободряюще улыбнулся. По его подсчетам, ей стукнуло по меньшей мере сто двадцать лет.

– Если у вас нет номеров, не волнуйтесь. Мы можем приехать и в другую неделю, – сказал он.

«Охотничья усадьба» находилась всего в двух часах езды по Восточным кантонам Квебека от их дома в Монреале.

– Нет-нет, номер у меня есть, но я надеялась, что будет что-нибудь получше. Когда вы бронировали номер, мне нужно было оставить для вас Озерный – тот, что вы снимали в прошлом году. Но у нас все занято. Одна семья – Финни – сняла пять остальных номеров. Они здесь…

Она вдруг замолчала и опустила глаза в журнал. Это было так нехарактерно для нее, что Гамаши переглянулись.

– Они здесь?.. – проговорил Гамаш, почувствовав, что молчание затянулось.

– Ну, это не имеет значения, времени еще много, – сказала мадам Дюбуа и, подняв на них взгляд, успокаивающе улыбнулась. – И все же извините, что я не оставила для вас лучший номер.

– Если бы мы так уж хотели Озерный номер, то должны были его и заказать, – откликнулась Рейн-Мари. – Вы же знаете Армана с его трепетным влечением к неопределенности. Дикий человек.

Клементин Дюбуа рассмеялась, потому что это было вовсе не так. Она знала, что Гамаш каждый день своей жизни проживал с изрядной долей неопределенности. И именно поэтому ей очень хотелось, чтобы они каждый год приезжали в эту гостиницу, с ее роскошью и удобствами. И покоем.

– Мы никогда не просим конкретный номер, мадам, – сказал Гамаш низким дружелюбным голосом. – И знаете почему?

Мадам Дюбуа отрицательно покачала головой. Ей всегда было любопытно, но она все же остерегалась подвергать своих гостей перекрестному допросу. В особенности этих.

– Все остальные просят, – сказала она. – А эта конкретная семья еще и потребовала бесплатного улучшения класса. Приехали на «мерседесах» и «БМВ» и потребовали улучшения.

Она улыбнулась, но беззлобно, просто недоумевая, почему люди, у которых и без того есть все, хотят получить еще что-то бесплатно.

– Мы предпочитаем оставлять это на выбор судьбе, – ответил Гамаш на свой вопрос (и мадам Дюбуа внимательно вгляделась в его лицо – не шутит ли он, но решила, что, вероятно, не шутит). – Мы совершенно довольны тем, что имеем.

И Клементин Дюбуа поняла, что это правда. Она чувствовала то же самое. Она просыпалась каждое утро, удивляясь, что еще жива, что видит еще один день в этом старом доме на сверкающем берегу озера с кристально чистой водой, в окружении лесов, ручьев, садов и гостей. Здесь был ее дом, а постояльцы становились для нее чем-то вроде семьи. Хотя мадам Дюбуа по своему горькому опыту знала, что не всегда в твоих силах выбирать – или любить – собственную семью.

– Прошу. – Она сняла с длинной цепочки старый медный ключ. – Лесной номер. К сожалению, он в задней части дома.

Рейн-Мари улыбнулась:

– Мы знаем, где этот номер, merci.[11]

* * *

Дни неспешно сменяли друг друга. Гамаши плавали в озере, гуляли в благоухающем ароматами лесу. Они читали, болтали о том о сем с другими постояльцами, понемногу знакомились с ними.

Еще несколько дней назад они и не подозревали о существовании Финни, но в этой уединенной гостинице стали чуть ли не приятелями. Как опытные путешественники на круизном лайнере, гости не слишком отдалялись друг от друга, но и не слишком сближались. Они даже не знали, чем другие зарабатывают на жизнь, и это вполне устраивало Армана Гамаша.

День катился к вечеру, и Гамаш наблюдал за пчелкой, которая никак не

могла насытиться нектаром особенно пышной розы, как вдруг его привлекло какое-то движение. Он повернулся в шезлонге и увидел, что из дома на жаркое солнце вышли Томас, сын старших Финни, и его жена Сандра. Сандра подняла тонкую руку и надела громадные солнцезащитные очки, отчего стала похожа на муху. В этом месте она казалась инопланетянкой и уж никак не человеком в привычной среде обитания. По предположениям Гамаша, ей было под шестьдесят или немногим за шестьдесят, хотя она пыталась выдавать себя за женщину гораздо более молодую. Забавно, подумал он, что крашеные волосы, густой слой косметики и молодежная одежда делают человека старше его лет.

Они вышли на лужайку. Подошвы Сандры легко ступали по траве. Супруги остановились, словно в ожидании аплодисментов. Но Гамаш слышал только один звук – жужжание пчелы: ее крылышки производили приглушенный трескучий звук близ цветка розы.

Томас стоял на вершине небольшого холма, спускающегося к озеру, – ни дать ни взять адмирал на капитанском мостике. Его пронзительные голубые глаза оглядывали воду – настоящий Нельсон при Трафальгаре. Гамаш вдруг понял, что каждый раз, когда он видел Томаса, в голову ему приходили мысли о человеке, который готовится к сражению. В свои шестьдесят с небольшим Томас Финни был, безусловно, красив. Высокий и видный, с седыми волосами и благородными чертами лицами. Но за те несколько дней, что они соседствовали в гостинице, Гамаш отметил у этого человека и склонность к иронии, и спокойное чувство юмора. Томас был самоуверенный и высокомерный, но, казалось, отдавал себе отчет в этом и мог посмеяться над собой. Это ему шло, и Гамаш вдруг обнаружил, что начинает прикипать сердцем к этому человеку. Впрочем, в такую жару можно было прикипеть к чему угодно, в особенности к старому номеру журнала «Лайф», типографская краска которого отслаивалась в потных руках Гамаша. Он посмотрел на свою ладонь и увидел на ней вытатуированное слово «Лайф» в зеркальном отражении.

Томас и Сандра прошли мимо престарелых родителей Томаса, удобно расположившихся на веранде под крышей. Гамаш еще раз удивился способности членов этой семьи не замечать друг друга. Взглянув поверх своих полукруглых очков, он увидел, как Томас и Сандра оглядели людей, расположившихся в саду и на берегу озера. Джулия Мартин, старшая из сестер, но на несколько лет моложе Томаса, сидела в одиночестве на пристани в кресле-лежаке и читала. На ней был простой белый купальник. В свои пятьдесят с гаком она была стройной и сияла, как медный таз, будто приняла ванну из кулинарного жира и теперь поджаривалась на солнце;

Гамаш поморщился, представив себе, как начинается трескаться ее кожа. Время от времени Джулия опускала книгу и смотрела на спокойное озеро. Думала. Гамаш знал о Джулии Мартин достаточно, чтобы понимать: ей есть о чем задуматься.

На лужке перед озером расположились остальные члены семейства – младшая сестра Мариана и ее чадо Бин. Если Томас и Джулия были стройными и привлекательными, то Мариана – невысокой, толстой и, безусловно, уродливой. Она словно была отрицательным полюсом рядом с их положительным. Ее одеяния явно имели зуб на свою хозяйку, потому что либо соскальзывали с нее, либо неловко закручивались, отчего Мариане приходилось постоянно их поправлять, подтягивать, разглаживать.

А вот ее чадо Бин было удивительно красиво: длинные светлые волосы, почти до белизны выжженные солнцем, бархатные темные ресницы и сияющие голубые глаза. В этот момент Мариана вроде бы занималась китайской дыхательной гимнастикой, хотя движения были ее собственного изобретения.

– Детка, посмотри – журавль. Твоя мамочка – журавль!

Полная женщина встала на одну ногу, подняв руки к небу и до предела вытянув шею.

Десятилетнее чадо Марианы проигнорировало мамочку и продолжило чтение. Гамаш подумал, что для ребенка такое времяпрепровождение – скука смертная.

– Это самая трудная позиция, – сказала Мариана громче, чем требовалось, почти удушая себя одним из своих шарфов.

Гамаш уже успел заметить, что Мариана начинала заниматься дыхательной гимнастикой, йогой, медитацией, боевыми искусствами, только когда появлялся Томас. Интересно, чего она хочет: произвести впечатление на старшего брата или смутить его?

Томас мельком взглянул на пухлого, грозящего рухнуть на землю журавля и повел Сандру в другом направлении. Они нашли два стула в удалении от других.

– Ты за ними шпионишь? – спросила Рейн-Мари.

Опустив книгу, она смотрела на мужа.

– Шпионю – слишком сильно сказано. Наблюдаю.

– Не пора ли тебе прекратить? – Секунду спустя она добавила: – Что-нибудь интересное?

Гамаш рассмеялся и отрицательно покачал головой:

– Ничего.

– И все же странное какое-то семейство, – сказала Рейн-Мари, оглядев

сидевших каждый сам по себе членов семейства Финни. – Проделывают такой долгий путь, чтобы увидеться, а после не замечают друг друга.

– Могло бы быть и хуже, – ответил Гамаш. – Они могли бы начать убивать друг друга.

Рейн-Мари рассмеялась:

– Они никогда не приближаются друг к другу, так что это вряд ли возможно.

Гамаш согласно хмыкнул, с радостью осознавая, что ему это все равно. Это была их проблема, не его. И потом, проведя несколько дней в обществе Финни, он в каком-то смысле привязался к ним.

– Votre thé glacé, madame.[12] – Молодой человек говорил по-французски с приятным англо-канадским акцентом.

– Merci, Элиот. – Рейн-Мари загородила рукой глаза от солнца и улыбнулась официанту.

– Un plaisir.[13]

С сияющей улыбкой он передал Рейн-Мари высокий стакан охлажденного чая, а Гамашу – запотевший стакан лимонада, после чего отправился разносить напитки другим гостям.

– Помню время, когда я был таким же молодым, – задумчиво произнес Гамаш.

– Таким же молодым ты, вероятно, был, но ты никогда не был таким же… – Она кивнула в сторону Элиота, который спортивным шагом шел по стриженому лужку в строгих черных брюках и коротком белом пиджаке, обтягивающем его гибкое тело.

– Боже мой, неужели мне придется отбивать тебя еще у одного ухажера?

– Возможно.

Он взял ее за руку:

– Ты же знаешь, я бы это сделал.

– Я знаю, что ты бы этого не сделал. Ты бы заговорил его до смерти.

– Что ж, это стратегия. Сокрушил бы его моим могучим интеллектом.

– Могу себе представить его ужас.

Гамаш пригубил лимонад и внезапно сморщился, из его глаз потекли слезы.

– Ах, – заметила Рейн-Мари, глядя на его моргающие, слезящиеся глаза и перекошенное лицо, – ну какая женщина смогла бы сопротивляться этому?

– Сахара. В лимонаде не хватает сахара, – выдохнул Гамаш.

– Сейчас позову официанта.

– Не надо. Я сам.

Он закашлялся, бросил на нее шутливо-строгий взгляд и поднялся с низкого удобного сиденья.

Взяв свой лимонад, он пошел по тропинке из душистого сада на широкую затененную веранду, где было прохладнее, – спасение от жаркого дневного солнца. Берт Финни опустил свою книгу и посмотрел на Гамаша, потом улыбнулся и вежливо кивнул.

– Bonjour, – сказал он. – Жаркий день.

– Но я заметил, что здесь прохладнее, – сказал Гамаш, улыбаясь паре стариков, тихо сидевших бок о бок.

Финни был явно старше своей жены. На взгляд Гамаша, ей было лет восемьдесят пять, а ее мужу – под девяносто, и был он почти прозрачный – такое качество приобретают люди перед концом.

– Я иду в дом. Может, вам что-то надо? – спросил он.

И снова подумал о том, что Берт Финни умудряется при всей своей аристократичности быть одним из самых непривлекательных людей, с какими Гамашу приходилось сталкиваться. Он упрекнул себя за поверхностный взгляд на мир, но ничего не смог с собой поделать – глазел на него, как мальчишка. Месье Финни был настолько отвратителен на вид, что становился чуть ли не привлекательным, словно эстетические свойства в его случае замкнулись в круг.

Кожа у него была рябая и красноватая, большой красный нос имел неправильную форму и был испещрен венами, словно месье Финни втянул носом бургундское, которое там и осталось. Его желтые зубы торчали изо рта в разные стороны. Глаза были маленькие и чуть косили. Амблиопия, подумал Гамаш. Прежде это называлось «дурной глаз», и в темные времена за это в лучшем случае изгоняли из порядочного общества, а в худшем – тащили на костер.

Айрин Финни сидела рядом с мужем, одетая в цветастый сарафан. Она была пухленькая, с тонкими седыми волосами, собранными в пучок на затылке, и, поскольку она не поднимала глаз, Гамаш мог ее рассмотреть и заметил, что кожа у нее нежная и белая. Она напоминала мягкую, уютную выцветшую подушку, брошенную возле скалистого обрыва.

– Нам ничего не надо, merci.

Гамаш обратил внимание, что старик Финни единственный в семье пытался хоть немного говорить с ним по-французски.

Температура в «Усадьбе» была еще ниже. Там стояла почти прохлада – такое облегчение зайти сюда в дневную жару. Глазам Гамаша

потребовалось несколько секунд, чтобы приспособиться.

Темная кленовая дверь в столовую была закрыта, и Гамаш неуверенно постучал по ней, потом открыл и вошел в помещение, обитое панелями. Официанты готовили столы к обеду, на крахмальных скатертях лежали столовые приборы чистого серебра, стояли тарелки тонкого фарфора и вазы со свежими букетами. Здесь пахло розами, деревом, полиролью и травами. А еще красотой и порядком. Солнечный свет заливал комнату сквозь выходившие в сад окна высотой во всю стену. Окна были закрыты, чтобы не впускать жару и не выпускать прохладу. В «Охотничьей усадьбе» не было кондиционеров, но массивные бревна действовали как естественные изоляторы – они удерживали внутри тепло в самые холодные квебекские зимы и не пускали внутрь жару в самый разгар летнего пекла. Сегодня день был не из самых жарких, градусов двадцать шесть – двадцать семь, по прикидкам Гамаша. Но все же он был благодарен coureurs du bois, которые возвели этот дом вручную, подбирая бревна с такой точностью, что ничто нежелательное не могло проникнуть между ними.

– Месье Гамаш.

Пьер Патенод, улыбаясь и вытирая руки о полотенце, вышел к нему навстречу. Он был на несколько лет моложе Гамаша и чуть стройнее. «Это потому, что он носится тут между столами», – подумал Гамаш. Но метрдотель, казалось, никогда не торопился. Он всем успевал уделять время, словно, кроме человека перед ним, в auberge[14] других людей не было. При этом он умудрялся вести себя так, что никому и в голову не приходило, будто он игнорирует или не замечает их. Это был особый дар, свойственный лишь немногим метрдотелям. А «Охотничья усадьба» славилась тем, что все в ней было только наилучшее.

– Чем могу вам помочь?

Гамаш, чуть смущаясь, протянул свой стакан:

– Извините, что беспокою вас, но мне нужно немного сахара.

– Боже мой, я этого и боялся! Похоже, сахар у нас кончился. Я послал одного из гарсонов в деревню, чтобы привез немного. Désolé.[15] Но если вы подождете, мне кажется, я знаю, где шеф-повар Вероника прячет свой неприкосновенный запас. Поверьте, это совершенно из ряда вон выходящее событие!

Самым из ряда вон выходящим было видеть невозмутимого метрдотеля возмущенным.

– Не хочу вас разорять! – крикнул Гамаш вслед удаляющейся спине Патенода.

Минуту спустя метрдотель вернулся с небольшим фарфоровым сосудом в руке.

– Voilà![16] Успех. Конечно, пришлось отнимать у шеф-повара с боем.

– Я слышал крики. Merci.

– Pour vous, monsieur, c’est un plaisir.[17]

Патенод взял лоскут и серебряную вазу для цветов и продолжил полировать ее, а Гамаш принялся размешивать драгоценный сахар в лимонаде. Оба они в дружеском молчании смотрели в окна, выходящие в сад и на озеро, посверкивающее за ним. По водной глади неторопливо скользило каноэ.

– Несколько минут назад я проверил мои приборы, – сказал метрдотель. – Надвигается гроза.

– Vraiment?[18]

День был ясный и тихий, но Гамаш, как и все остальные постояльцы, уже научился верить ежедневным прогнозам метрдотеля, которые тот делал на основании показаний метеоприборов собственного изготовления, расположенных в разных точках гостиницы. Это хобби, как признался Патенод, передалось ему от отца.

– Некоторые отцы учат сыновей охотиться или рыбачить. Мой приводил меня в лес и рассказывал о погоде, – поведал он как-то раз Гамашу и Рейн-Мари, показывая им самодельный барометр и стеклянный сосуд, заполненный водой по самую кромку. – Теперь я обучаю их.

Пьер Патенод показал рукой на молодой персонал гостиницы. Гамашу хотелось верить, что им это интересно.

В «Охотничьей» не было телевидения и даже радио принималось плохо, так что прогнозы Канадской метеослужбы сюда не доходили. Только Патенод и его почти мистическая способность предсказывать погоду. Каждое утро, когда они приходили на завтрак, прогноз был приколот к стене рядом с дверями столовой. Канадцы – нация, помешанная на погоде, и он потакал их слабости.

Сегодня Патенод видел за окном тихий день. Ни листика не шевелилось на деревьях.

– Oui. Сначала тепловой фронт, а за ним гроза. Похоже, будет сильная.

– Merci. – Гамаш приветственно поднял стакан с лимонадом, глядя на метрдотеля, и вышел на улицу.

Он любил летние грозы, в особенности когда приезжал в «Охотничью». В отличие от Монреаля, где грозы являлись как снег на голову, здесь он видел их приближение. Над горами собирались темные

тучи, потом вдали повисал серый занавес дождя. Он как будто делал глубокий вдох, а затем начинал маршировать, как пехотная шеренга, продвижение которой было четко видно на воде. Ветер набирал скорость, ухватывал и бешено тряс высокие деревья. И наконец наносил удар. Бах! Гроза выла, задувала, бросалась на них, а они с Рейн-Мари в безопасности сидели в «Охотничьей усадьбе».

Он вышел из дома и почувствовал обжигающую жару – не столько стена, сколько удар наотмашь.

– Нашел сахар? – спросила Рейн-Мари, погладив его по щеке, когда он, прежде чем сесть на свое место, наклонился поцеловать ее.

– Absolument.[19]

Она вернулась к чтению, а Гамаш хотел было взять «Ле девуар», но его большая рука зависла над заголовками газеты. Возможен еще один референдум о независимости. Война между бандами байкеров. Катастрофическое землетрясение.

Вместо газеты его рука потянулась к стакану с лимонадом. У Гамаша весь год слюнки текли, когда он вспоминал здешний фирменный лимонад: вкус свежий и чистый, приятный и терпкий.

Гамаш почувствовал, как тело его расслабилось. Ему стало легко и приятно. Он снял мягкую шляпу с полями и отер лоб. Влажность увеличилась.

В этой тишине и спокойствии трудно было поверить, что вскоре здесь разразится гроза. Но он ощущал у себя на спине щекочущий ручеек пота. Атмосферное давление повышалось, он чувствовал это, и слова, сказанные метрдотелем, когда Гамаш выходил из столовой, только теперь догнали его:

– Завтрашний день будет убийцей.

Глава вторая

После освежающего купания и джина с тоником на пристани Гамаши приняли душ и присоединились к другим гостям в столовой. Под стеклянными колпаками горели свечи, и каждый столик был украшен простыми букетами роз. Более пышные цветочные композиции расположились на каминной полке – всплески пионов и сирени, нежно-голубой дельфиниум и великолепная дицентра, известная также под названием «разбитое сердце».

Финни сидели вместе: мужчины в смокингах, женщины в стильных летних платьях для теплого вечера. Чадо Марианы было одето в белые шорты и крахмальную зеленую рубашку.

Гости провожали взглядом солнце, скрывающееся за холмами вокруг озера Массавипи, и наслаждались обедом, начиная с фирменной amuse-bouche[20] из оленины. Рейн-Мари предпочла улитки с чесноком, после которых подали грудку жареной утки в подливке из дикого имбиря, мандарина и кумквата. Гамаш начал со свежей рукколы с огорода при гостинице и тонко нарезанного пармезана, потом заказал лосося в щавелевом йогурте.

Пьер вытащил бутылку из ведерка и вылил остатки вина в их бокалы.

– Что желаете на десерт?

– А что вы посоветуете? – Рейн-Мари сама не поверила, что спрашивает.

– Для мадам у нас будет мороженое со свежей мятой на эклере с шоколадным кремом, а для месье – пудинг du chômeur à l’érable avec crème chantilly.[21]

– Боже мой, – прошептала Рейн-Мари, повернувшись к мужу. – Что там говорил Оскар Уайльд?

– «Я могу противостоять всему, кроме искушения».

Они заказали десерт.

Наконец, когда в них больше уже не лезло, появилась сырная тележка с набором местных сыров, приготовленных в расположенном неподалеку монастыре бенедиктинцев Сен-Бонуа-дю-Лак. Братья вели созерцательную жизнь, выращивали животных, готовили сыры и пели григорианские хоралы такой красоты, что по иронии судьбы они, намеренно удалившиеся от мира, обрели всемирную знаменитость.

Наслаждаясь fromage bleu,[22] Арман Гамаш смотрел на другой берег

озера, где медленно гасло солнечное сияние, словно этот прекрасный день не желал кончаться. Там горел одиночный огонек. Коттедж. Он выглядел не агрессивно, не нарушал чистоту нетронутой природы, напротив, казался гостеприимным. Гамаш представлял себе семью, которая сидит на пристани и наблюдает за падающими звездами, воображал их сельскую гостиную, где они при свете газовых ламп играют в карты или в слова. Конечно, у них есть электричество, но в его фантазиях люди в канадской лесной глуши жили при газовых лампах.

Рейн-Мари откинулась на спинку стула и услышала, как он утешительно затрещал.

– Я сегодня звонила в Париж и говорила с Розлин.

– Все в порядке? – Гамаш уставился на жену, хотя и знал, что, если бы были какие-то проблемы, она сказала бы ему об этом раньше.

– Никогда не было лучше. Осталось два месяца. Ребенка ждут в сентябре. Ее мать приедет в Париж, будет присматривать за Флоранс, когда появится маленький. Но Розлин спрашивает, не хотим ли и мы тоже приехать.

Он улыбнулся. Конечно, они с Рейн-Мари это обсуждали. Им очень хотелось слетать в Париж, увидеть внучку Флоранс, их сына и невестку. Увидеть новорожденного. Думая об этом, Гамаш неизменно дрожал от удовольствия. Сама мысль о том, что у его ребенка есть ребенок, казалась ему почти невероятной.

– Они выбрали имя, – небрежно сказала Рейн-Мари.

Но Гамаш знал свою жену, ее лицо, руки, тело, голос. И голос ее изменился.

– Расскажи. – Он отложил сыр и сплел свои большие выразительные руки на белой льняной скатерти.

Рейн-Мари посмотрела на мужа. При всем своем внушительном сложении он мог быть очень спокойным и сдержанным, хотя казалось, что это лишь усиливает впечатление о его силе.

– Если родится девочка, ее назовут Женевьева Мари Гамаш.

Гамаш повторил имя вслух:

– Женевьева Мари Гамаш. Прекрасное имя.

Это имя они будут писать на поздравительных открытках ко дню рождения и Рождеству. Неужели он услышит, как ее маленькие ножки топают по лестнице их дома в Утремоне, как она кричит: «Дедушка, дедушка»? А он назовет ее по имени, поднимет своими сильными руками и прижмет к теплому и безопасному местечку у его плеча, куда он прижимал самых любимых. Будет ли он когда-нибудь гулять с ней и ее сестренкой

Флоранс по парку Мон-Руаяль и учить их своим любимым стихам?

Где тот мертвец из мертвецов,
Чей разум глух для нежных слов:
«Вот милый край, страна родная!»[23]

Как когда-то учил его отец.

Женевьева.

– А если будет мальчик, то они назовут его Оноре, – сказала Рейн-Мари.

Последовало молчание, потом Гамаш вздохнул и опустил глаза.

– Замечательное имя, Арман, и замечательный жест.

Гамаш кивнул, но ничего не сказал. Он уже спрашивал себя, что будет чувствовать, если это случится. Вообще-то, он подозревал, что так оно и будет, наверное потому, что знал своего сына. Они были так похожи. Высокие, атлетически сложенные, незлобивые. А разве сам он не испытывал желания назвать Даниеля Оноре? До самого дня крещения предполагалось, что мальчик будет зваться Оноре Даниель.

Но в конечном счете он не решился сделать это со своим сыном. Разве в жизни и без того было мало сложностей, чтобы еще идти по ней с именем Оноре Гамаш?

– Он хочет, чтобы ты ему позвонил.

Гамаш посмотрел на часы. Почти десять.

– Позвоню завтра утром.

– И что ты ему скажешь?

Гамаш взял руки жены в свои, потом отпустил их и улыбнулся ей:

– Как насчет кофе с ликером в Большом зале?

Она взглянула ему в глаза:

– Не хочешь прогуляться? Кофе я закажу.

– Merci, mon coeur.[24]

– Je t’attends.[25]

* * *

«Где тот мертвец из мертвецов», – беззвучно прошептал Гамаш, размеренно шагая в темноте. Компанию ему составлял приятный ночной аромат леса, а еще звезды, луна и свет за озером. Семейство в лесу.

Семейство его фантазий. Отец, мать, счастливые, цветущие дети.

Ни печалей, ни утрат, ни громкого стука в дверь по ночам.

На его глазах огонек погас, и все по другую сторону озера погрузилось в темноту. Семья мирно заснула.

Оноре Гамаш. Неужели это было так уж неправильно? Неужели его чувства по этому поводу так уж ошибочны? И что он скажет утром Даниелю?

Он задумчиво уставился вдаль. Но через несколько минут вдруг начал ощущать присутствие чего-то в лесу. Какое-то сияние. Он огляделся – нет ли рядом еще кого-нибудь, другого свидетеля. Но ни на террасе, ни в саду никого не оказалось.

Любопытство повлекло Гамаша в ту сторону. Он шел, чувствуя мягкую траву под ногами. Оглянулся и увидел яркие, веселые огни «Усадьбы» и людей, двигающихся в комнатах. Потом снова повернулся к лесу.

В лесу стояла темень, но не тишина. По лесу двигались какие-то существа. Хрустели веточки, с сучков что-то падало и мягко шлепалось о землю. Гамаш не боялся темноты, но, как и большинство благоразумных канадцев, побаивался леса.

Однако что-то белое сияло и манило его, как сирены – Одиссея, и он против воли шел вперед.

Это находилось на самой опушке леса. Гамаш подошел и с удивлением увидел большой идеальный цельный куб, похожий на сахарный. Высотой он доходил до его паха. Гамаш протянул было руку к этому кубу, но отдернул ее. Куб был холодным и немного влажным. Протянув руку еще раз, теперь уже с большей уверенностью, Гамаш положил ее на вершину куба и улыбнулся.

Это был мрамор. «Значит, я испугался мраморного куба», – усмехнулся он, высмеивая себя самого. Не медведя, не пантеры. Ничего, что было бы опасным, и уж явно ничего такого, что могло бы ему угрожать. Но ведь он испугался. Этот куб напомнил ему о чем-то.

– Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся.

Гамаш замер.

– Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся.

Вот опять.

Он повернулся и увидел фигуру, стоящую посреди лужка. Вокруг нее висела едва заметная дымка, а у носа светилось яркое красное пятнышко.

Джулия Мартин вышла потихоньку выкурить сигарету. Гамаш громко откашлялся и провел рукой по кустарнику. Красная точка тут же упала на землю и исчезла под изящным каблучком.

– Добрый вечер, – весело сказала Джулия, хотя Гамаш сомневался, что она знает, к кому обращается.

– Bonsoir, madame, – ответил Гамаш и слегка поклонился, подойдя к ней.

Изящное вечернее платье подчеркивало стройность ее фигуры. Косметика, маникюр, прическа – все это было на месте даже на опушке леса. Джулия помахала тонкой рукой перед ртом, прогоняя едкий табачный запах.

– Насекомые, – сказала она. – Мошка. Единственная неприятность восточного побережья.

– На западе у вас нет мошки?

– В Ванкувере – почти нет. Разве что слепни на площадке для гольфа. Они меня с ума сводят.

В это Гамаш мог легко поверить – слепни его тоже мучили.

– К счастью, дым отгоняет насекомых, – сказал он, улыбаясь.

Она помолчала, потом хохотнула. Джулия Мартин была легка в общении и смеялась легко. Она прикоснулась к его руке привычным жестом, хотя они и были едва знакомы. Но жест был не навязчивый, просто вошедший в привычку. Наблюдая за ней в предыдущие дни, Гамаш обратил внимание, что она прикасается ко всем. И улыбается всему.

– Вы меня засекли, месье. За курением. Вот уж в самом деле ерунда какая-то.

– Ваша семья этого не одобряет?

– Меня в моем возрасте давно не волнует, что думают обо мне другие люди.

– C’est vrai?[26] Хотелось бы и мне так.

– Ну, может быть, чуточку и волнует, – признала она. – Я уже давно член этого семейства.

Она посмотрела на здание гостиницы, и Гамаш проследил за ее взглядом. Там, за окном, ее брат Томас, склонившись к матери, что-то говорил ей, а Сандра и Мариана молча глядели на них, не зная, что за ними тоже наблюдают.

– Когда прибыло приглашение, я думала, что не поеду. Понимаете, это ежегодное семейное сборище, но я прежде никогда их не посещала. Ванкувер отсюда так далеко.

Перед ее глазами снова возникло то приглашение на полированном полу за внушительной дверью их дома, куда оно упало словно с немалой высоты. Она знала это чувство. Помнила плотную белую бумагу и знакомые каракули. Это было противостояние двух характеров. Но она

знала, кто одержал победу. Кто всегда одерживал победу.

– Не хочу их разочаровать, – тихо сказала Джулия Мартин.

– Я уверен, вы бы не смогли это сделать.

Она повернулась к нему, широко открыв глаза:

– Правда?

Гамаш сказал это просто из вежливости. Он совершенно не знал о взаимоотношениях членов семейства.

Джулия заметила его неуверенность и снова рассмеялась:

– Простите меня, месье. Каждый день, проведенный в кругу моего семейства, я сбрасываю десять лет. Теперь я чувствую себя неловким подростком. Жалкой девчонкой, которая украдкой курит в саду. Вы тоже?

– Курю ли я в саду? Нет, уже много лет не курю. Я тут из любопытства.

– Осторожнее. Мы бы не хотели вас лишиться. – В ее тоне проскользнули игривые нотки.

– Я всегда осторожен, мадам Мартин, – сказал Гамаш тоном, который пресекал любую игривость.

Он подозревал, что флирт – ее вторая, пусть и безобидная, натура. Несколько дней он наблюдал за нею, и она с такими же интонациями разговаривала со всеми: мужчинами, женщинами, родственниками и чужими людьми, собаками, бурундуками, пташками. Она ворковала со всеми.

Его внимание привлекло какое-то движение сбоку. Ему показалось, что он увидел мелькание чего-то белого, и на мгновение сердце его екнуло. Неужели эта мраморная штука ожила? Неужели она пробирается к ним из леса? Он повернулся и увидел фигуру на террасе, тут же исчезнувшую в темноте. Потом фигура появилась снова.

– Элиот, – сказала Джулия Мартин. – Замечательно. Ты принес мой бренди и бенедиктин?

– Oui, madame, – ответил молодой официант, протягивая ей серебряный поднос с бокалами. Он повернулся к Гамашу. – А вам, месье? Что принести вам?

Официант казался таким молодым, взгляд у него был такой открытый.

И тем не менее Гамаш знал, что молодой человек прятался в уголке, наблюдая за ними. Почему?

Он тут же посмеялся над собой. Он видит то, чего нет, слышит несуществующие голоса. Он приехал в «Охотничью усадьбу», чтобы забыть об этом, расслабиться, не искать пятен на ковре, ножей в кустах или в спине. Прекратить замечать недоброжелательные интонации, которые

вкрадываются в вежливый разговор, прячась за разумными словами. И чувства, уплощенные, упрощенные и превращенные в нечто иное, словно эмоциональное оригами. Внешне не дурные, но скрывающие за собой нечто категорически непривлекательное.

Хватало и того, что он пристрастился смотреть старые фильмы, спрашивая себя, живы ли еще пожилые люди на заднем плане. А если нет, то как они умерли. Но когда он начал глазеть на людей на улице и видеть черепа под кожей, стало ясно, что пора отдохнуть.

Но и оказавшись здесь, в этой тихой гостинице, он разглядывал молодого официанта Элиота и был готов обвинить его в шпионстве.

– Non, merci. Мадам Гамаш заказала нам выпивку в Большой зал.

Элиот удалился, и Джулия проводила его взглядом.

– Привлекательный молодой человек, – сказал Гамаш.

– Вы так считаете? – спросила она.

Ее лица он не видел, но в голосе отчетливо слышались шутливые нотки. Мгновение спустя она заговорила снова:

– Я вспоминала похожую работу – устроилась на нее приблизительно в его возрасте. Такого великолепия, как здесь, там не было. Летняя работа в грязной забегаловке на Мейне в Монреале. Ну, вы знаете, так называется бульвар Святого Лаврентия.

– Да, знаю.

– Конечно знаете. Извините. Это была настоящая дыра. Жалованье минимальное, владелец все время меня лапал. Отвратительно!

Она помолчала.

– Мне нравилось. Это была моя первая работа. Родителям я сказала, что беру уроки в яхт-клубе, но вместо этого садилась на двадцать четвертый автобус, идущий на восток. Неразведанная территория для англичан в шестидесятые годы. Очень смело, – сказала она с самоиронией.

Но Гамаш помнил те времена и знал, что она права.

– До сих пор помню первое жалованье. Принесла домой и показала родителям. И знаете, что сказала моя мать?

Гамаш отрицательно покачал головой, потом, поняв, что она не видит его в темноте, сказал:

– Non.

– Она посмотрела на деньги, вернула их мне и сказала, что я могу гордиться собой. И я гордилась. Но было ясно, что она имела в виду что-то другое. И тогда я сделала глупость. Спросила, о чем она говорит. С тех пор я научилась не задавать вопросы, если не готова к ответу. Она сказала, что наша семья не бедствует и мне не нужны деньги, что я лишаю заработка

того, кому он действительно нужен. Можно сказать, что я украла их у какой-нибудь бедной девчонки, которой эта работа и в самом деле необходима.

– Очень жаль, – сказал Гамаш. – Я уверен, она не это имела в виду.

– Очень даже имела. И она была права. Я уволилась на следующий день, а потом через окошко наблюдала, как клиентов обслуживает другая девчонка. И чувствовала себя счастливой.

– Нищета может уничтожить человека, – тихо сказал Гамаш. – Но и богатство тоже.

– Я даже завидовала этой девчонке, – сказала Джулия. – Знаю, что это глупо. Романтика. Ее жизнь наверняка была ужасной. Но я думала, что, по крайней мере, она живет собственной жизнью. – Она рассмеялась и пригубила из бокала. – Прекрасно. Как вы думаете, этот ликер готовят монахи?

– Бенедиктинцы? Нет, не знаю.

Она рассмеялась:

– Мне редко доводится слышать эти слова.

– Какие?

– «Я не знаю». Моя семья всегда знает. Мой муж всегда знает.

В течение нескольких дней они обменивались вежливыми замечаниями о погоде, саде и еде в «Усадьбе». Это был его первый настоящий разговор с одним из членов семьи, и за все это время она впервые упомянула своего мужа.

– Я приехала в «Усадьбу» несколькими днями ранее. Чтобы…

Она запнулась и замолчала. Гамаш ждал. Его время и терпение не имели границ.

– Я развожусь. Не знаю, известно ли вам.

– Да, я слышал об этом.

Об этом слышало большинство канадцев. Джулия Мартин была замужем за Дэвидом Мартином, чей впечатляющий успех и не менее впечатляющее падение безжалостно освещалось в прессе. Он был одним из богатейших канадцев – заработал состояние в страховом бизнесе. Падение началось несколько лет назад. Оно было долгим и мучительным, как скольжение по грязевому склону. В каждое отдельное мгновение казалось, что ему удастся остановиться, но вместо этого он набирал грязь, слизь и скорость. В конце даже его враги не могли смотреть на это без боли.

Он потерял все, включая и свободу.

Но рядом с ним стояла его жена. Стройная, элегантная, благородная. Ей удавалось не возбуждать в людях зависть к ее очевидному богатству,

напротив, она умела внушать к себе любовь. Люди симпатизировали ее добродушию и разумным замечаниям. Для них она была образцом достоинства и преданности. И наконец они восхитились ее публичными извинениями, когда стало ясно, что ее муж лгал всем и разорил десятки тысяч людей. И она пообещала вернуть эти деньги.

Теперь Дэвид Мартин находился в заключении в Британской Колумбии, а Джулия Мартин вернулась домой. Она собирается жить в Торонто, сообщила она прессе, перед тем как исчезнуть. Но вот она обнаружилась здесь. В лесной глуши Квебека.

– Я приехала сюда перевести дыхание перед тем, как соберется вся семья. Я люблю побыть наедине с собой, чтобы мне никто не мешал. Мне этого не хватало.

– Je comprends,[27] – сказал Гамаш. Он и в самом деле понимал. – Но есть кое-что, чего я все же не понимаю, мадам.

– И чего именно? – с легкой настороженностью спросила она, как женщина, привыкшая к назойливым вопросам.

– Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся? – спросил Гамаш.

Она рассмеялась:

– Это игра, в которую мы играли детьми.

Гамаш видел половину ее лица, освещенную янтарным сиянием из окон гостиницы. Они стояли молча, глядя, как люди перемещаются из комнаты в комнату. Впечатление было такое, будто они смотрят пьесу. Сцена была красиво освещена, в разных ее частях были установлены обитаемые декорации. Актеры двигались по сцене.

Он снова взглянул на свою собеседницу и не мог не задаться вопросом: почему вся семья находится там, словно ансамбль на сцене, а она вне дома, одна в темноте, наблюдает?

Все собрались в Большом зале с высоким бревенчатым потолком и великолепной мебелью. Мариана подошла к пианино, но мадам Финни движением руки прогнала ее.

– Бедняжка Мариана! – рассмеялась Джулия. – Ничто не меняется. Маджилле никогда не дают поиграть. Музыкантом в семье считается Томас. И мой отец, который был талантливым пианистом.

Гамаш перевел взгляд на старика, сидящего на диване. Неужели эти корявые пальцы могут быть источником прекрасной музыки? Впрочем, они ведь не всегда были такими искореженными.

Томас сел на стул, опустил руки на клавиатуру, и в ночном воздухе зазвучала музыка Баха.

– Он великолепный музыкант, – сказала Джулия. – Я и забыла.

Гамаш согласился с ней. В окне он увидел Рейн-Мари – она села, и официант поставил перед ней два эспрессо и коньяк. Гамашу захотелось вернуться.

– Еще не вся компания собралась.

– Правда?

Она пыталась говорить беспечным голосом, но Гамашу показалось, что в нем слышатся тревожные нотки.

Рейн-Мари размешивала кофе, перед этим она повернулась и посмотрела в окно. Гамаш знал, что она не может его увидеть. Только отражение комнаты в стекле.

«Вот он я, – прошептал его внутренний голос. – Здесь».

Она повернулась еще раз и посмотрела точно на него.

Конечно, это было совпадением. Но та его часть, которую не интересовала логика, знала: Рейн-Мари услышала его.

– Завтра приезжает мой младший брат Спот. Возможно, привезет свою жену Клер.

Он впервые слышал из уст Джулии Мартин что-то неприятное, досадное. Слова были нейтральные, информативные. Но тон говорил сам за себя.

Тон был исполнен страха.

Они вернулись в «Охотничью усадьбу», и, открывая сетчатую дверь для Джулии Мартин, Гамаш краем глаза увидел мраморную глыбу в лесу. Он увидел лишь мраморный уголок и понял, что он ему напоминает.

Надгробный камень.

Глава третья

Пьер Патенод подошел к распашным кухонным дверям и толкнул их в тот момент, когда из комнаты донесся взрыв смеха. Смех прекратился, как только появился Пьер, и он не мог сообразить, что расстроило его сильнее – смех или то, что он резко прервался.

В центре комнаты стоял Элиот, уперев одну руку в бок, а другую приподняв, его указательный палец был прям и неподвижен, выражение на лице озабоченное и кислое. Это была удивительно точная карикатура на одного из гостей.

– Что происходит?

Пьеру не понравилась строгая нотка неодобрения в собственном голосе. И ему не понравилось выражение на их лицах. Страх. У всех, кроме Элиота. Тот выглядел довольным.

Персонал никогда прежде не боялся Пьера, да и сейчас у них не имелось для этого никаких оснований. Все дело было в Элиоте. Он появился и стал настраивать остальных против метрдотеля. Пьер чувствовал это. Если раньше он занимал главенствующее положение среди персонала «Усадьбы», был их уважаемым лидером, то теперь неожиданно почувствовал себя аутсайдером.

Как молодой парень добился этого?

Впрочем, Пьер знал как. Мальчишка разбудил в нем, в Пьере, худшие качества. Он третировал метрдотеля, поддевал его, нарушал правила, вынуждал Пьера быть солдафоном, каким тот вовсе не хотел быть. Весь остальной молодой персонал был обучаем, готов слушать и учиться, благодарен за организацию работы и подсказки метрдотеля. Он учил их уважать гостей, быть вежливыми и добрыми даже перед лицом грубости. Он говорил им, что гости платят хорошие деньги, а потому их нужно облизывать. Но не только. Они приезжают в «Усадьбу», чтобы получить здесь надлежащий уход.

Иногда Пьер чувствовал себя врачом «скорой помощи». К его дверям приходили люди, искалеченные городской жизнью, таща за собой заботы этого мира. На их плечах лежал слишком тяжелый груз требований, вечного дефицита времени, слишком большого числа счетов для оплаты, электронных писем, встреч, телефонных звонков, слишком малого числа благодарностей и слишком сильного, чрезмерного давления. Он помнил собственного отца, который приходил с работы выжатый как лимон.

Здесь, в «Охотничьей усадьбе», они выполняли не лакейскую работу, Пьер знал это. Их работа была благородной и важной. Они возвращали людей к жизни. Хотя некоторые из гостей приезжали более надломленные, чем другие.

Не все были созданы для такой работы.

Элиот явно не был создан.

– Да я просто немного пошутил.

Элиот сказал это так, словно не было ничего неразумного в том, что он стоял посреди набитой людьми кухни и высмеивал гостей, а вот метрдотель как раз и был человеком неразумным. Пьер почувствовал, как в нем закипает гнев. Он оглянулся.

Большая старая кухня была естественным местом сбора для персонала. Здесь были даже садовники – пришли съесть кекс, выпить чаю или кофе. И они тоже стали свидетелями его унижения этим девятнадцатилетним мальчишкой. «Он молод, – сказал себе Пьер. – Он молод». Но он произносил эти слова так часто, что они утратили всякий смысл.

Он знал, что лучше не обращать на это внимания.

– Ты высмеивал гостей.

– Только одну. Да ведь она такая смешная! «Excusez-moi,[28] но я думаю, ему дали больше кофе, чем мне. Excusez-moi, но вы уверены, что это лучшее место? Excusez-moi, я не хочу показаться склочной, но я сделала заказ раньше. Где мои салатные стебельки?»

Смешки заполнили теплую кухню, но быстро смолкли.

Имитация была хорошая. Метрдотель даже в гневе узнал нудное нытье Сандры. Ей вечно чего-то не хватало. Элиот, возможно, и не родился официантом, но он обладал необъяснимой способностью видеть человеческие недостатки. И гротесково их пародировать. Высмеивать. Не каждому такой талант пришелся бы по вкусу.

* * *

– Смотрите, кого я нашла, – весело сказала Джулия, когда они вошли в Большой зал.

Рейн-Мари улыбнулась, встала и поцеловала мужа, держа в руке пузатый бокал с коньяком. Остальные подняли голову, улыбнулись и продолжили заниматься прежними делами. Джулия неуверенно остановилась на пороге, потом взяла журнал и села в кресло с

подголовником.

– Тебе стало лучше? – прошептала Рейн-Мари.

– Гораздо, – искренне ответил Гамаш, взял бокал, согретый ее руками, и прошел за ней к дивану.

Томас перестал играть на пианино и подошел к Гамашам:

– Как насчет бриджа попозже?

– Merveilleux. Bonne idée,[29] – сказала Рейн-Мари.

Вечерами они обычно играли в бридж с Томасом и его женой Сандрой. Это был приятный способ закончить день.

– Нашла розы? – спросил Томас у Джулии, возвращаясь к жене.

Сандра захихикала, словно он изрек что-то блестящее и остроумное.

– Ты имеешь в виду розы Элеоноры? – спросила Мариана с места у окна, где она сидела рядом со своим чадом. На ее лице появилось выражение крайнего удивления. – Это твои любимые, да, Джулия?

– Мне казалось, что они больше в твоем вкусе, – улыбнулась Джулия.

Мариана улыбнулась в ответ и представила, как потолочная балка падает прямо на голову ее старшей сестры. Она надеялась, что встреча с Джулией будет куда как забавнее. Получилось совсем наоборот.

– Ну, дитятко Бин, пора спать, – сказала Мариана и положила тяжелую руку на плечо своего прилежного чада.

Гамаш еще не видел такого спокойного и послушного десятилетнего ребенка. Когда они проходили мимо, Гамаш перехватил взгляд ярких голубых глаз.

– Что ты читаешь? – спросил он.

Ребенок остановился и посмотрел на этого большого незнакомца. Хотя они соседствовали в «Усадьбе» уже три дня, но практически ни разу не поговорили.

– Ничего.

Гамаш отметил, что маленькие ручки крепче сжали книгу в твердом переплете и свободная рубашка сложилась складками, когда ребенок сильнее прижал книгу к себе. За маленькими загорелыми пальцами Гамаш смог разобрать только одно слово.

«Мифы».

– Давай скорее, копуша! В кровать! Мамочке нужно напиться, а она не может этого сделать, пока ты не ляжешь, ты же знаешь.

Ребенок, не сводя глаз с Гамаша, неожиданно улыбнулся и, выходя из комнаты, спросил:

– А можно мне сегодня коктейль с мартини?

– Ты знаешь, что до двенадцати лет нельзя. Либо виски, либо вообще

ничего, – услышали они слова Марианы, а потом – шаги по лестнице.

– Я не вполне уверена, что она шутит, – сказала мадам Финни.

Гамаш улыбнулся ей, но сразу же посерьезнел, когда увидел суровое выражение на ее лице.

* * *

– Почему ты позволяешь ему издеваться над тобой, Пьер?

Шеф-повар Вероника раскладывала по маленьким тарелкам трюфеля ручной работы и засахаренные фрукты в шоколаде. Ее пухлые пальцы машинально размещали сласти изящным рисунком. Она взяла веточку мяты из стакана, стряхнула с нее воду и отщипнула несколько листиков. Рассеянно вытащила из вазы несколько съедобных цветов и аккуратно выложила все это на белой тарелке. Потом выпрямилась и посмотрела на Пьера.

Они много лет проработали вместе. Да что там лет – десятилетий. Ей казалось странным, что ей уже под шестьдесят, хотя она и знала, что выглядит на свой возраст. Впрочем, к счастью, в такой глуши это не имело значения.

Вероника редко видела, чтобы молодые работники так расстраивали Пьера. Самой ей Элиот нравился. Он всем нравился, насколько ей было известно. Уж не поэтому ли так расстроен метрдотель? Завидует?

Несколько секунд она наблюдала, как он своими тонкими пальцами поправляет тарелки на подносе.

«Нет, – подумала она, – тут дело не в зависти. В чем-то другом».

– Он ничего не хочет слушать, – сказал Пьер, отодвигая поднос в сторону и садясь напротив нее.

Они остались одни в кухне. Посуда была вымыта, тарелки убраны, все вычищено. Пахло эспрессо, мятой и фруктами.

– Он пришел сюда учиться, а слушать не хочет. Я этого не понимаю. – Пьер вытащил пробку из бутылки коньяка и налил.

– Он молод. В первый раз вдали от дома. А если ты станешь на него давить, будет только хуже. Оставь все как есть.

Пьер пригубил коньяк и кивнул. Общество шеф-повара Вероники благоприятно действовало на него, хотя он знал, что она может запугать любого новичка до смерти. Она была громадная, тучная, лицом напоминала тыкву, а голосом – корнеплод. И у нее были ножи. Много ножей. Мясницкие тесаки и чугунные сковородки.

Увидев ее впервые, новички думали – и их можно было понять, – что они заблудились, свернули не на ту дорогу и оказались в лагере лесорубов, а не в изысканной «Охотничьей усадьбе». Шеф-повар Вероника была похожа на третьеразрядного повара дешевой забегаловки.

– Он должен понимать, кто здесь командует, – твердо сказал Пьер.

– Он это понимает. Просто ему это не нравится.

Было видно, что у метрдотеля выдался нелегкий день. Вероника взяла с тарелки самый большой трюфель и протянула Пьеру.

Он рассеянно съел его.

* * *

– Я очень поздно выучила французский, – сказала миссис Финни, изучая карты сына.

Они переместились в библиотеку и перешли на французский, и теперь старая женщина медленно ходила вокруг карточного стола, заглядывая в карты каждого. Время от времени она вытягивала руку с корявым пальцем и щелкала по какой-нибудь карте. Поначалу она давала советы только сыну и его жене, но сегодня включила в круг опекаемых и Гамашей. Игра шла не на деньги, и никто вроде бы не возражал, и уж точно не Арман Гамаш, пользовавшийся ее подсказками.

Вдоль стен здесь стояли книжные стеллажи, их ряд был разорван лишь камином и стеной с окнами во всю высоту, смотрящими в темноту. Окна были открыты, чтобы уловить тот слабый ветерок, который мог им предложить жаркий квебекский вечер. В гораздо большей степени этот вечер предлагал несмолкающие трели птичьих голосов из чащи.

На старом сосновом полу лежали потертые восточные ковры; удобные кресла и диваны располагались так, чтобы можно было вести приватные разговоры или читать в одиночестве. Повсюду стояли композиции из свежих цветов. «Охотничья усадьба» умудрялась быть одновременно деревенской и изысканной. Снаружи грубо отесанные бревна, а внутри великолепный хрусталь.

– Вы живете в Квебеке? – спросила Рейн-Мари, медленно и четко произнося слова.

– Я родилась в Монреале, но теперь живу в Торонто. Поближе к моим друзьям. Большинство давно ушли, но я осталась. В те дни французский нам не требовался. Ну разве что для того, чтобы объясняться с горничными.

Миссис Финни говорила на хорошем французском, правда с сильным акцентом.

– Мама! – Томас покраснел.

– Я помню те дни, – сказала Рейн-Мари. – Моя мать ходила убирать чужие дома.

Миссис Финни и Рейн-Мари поговорили о тяжелой работе, о воспитании детей, о «тихой революции» 1960-х годов, когда квебекцы наконец стали maîtres chez nous – хозяевами в собственном доме.

– Хотя моя мать продолжала убирать в домах англичан в Вестмаунте, – сказала Рейн-Мари, раскладывая по порядку сданные карты. – Одна без козыря.

Мадам Финни заглянула в карты Рейн-Мари и одобрительно кивнула:

– Надеюсь, наниматели были добры к ней. Со стыдом признаю, что мне приходилось этому учиться. Это было почти так же трудно, как освоить сослагательное наклонение в английском.

– Примечательное было время, – сказал Гамаш. – Волнующее для большинства франкоязычных канадцев. Но я знаю, что англичане заплатили огромную цену.

– Мы потеряли наших детей, – сказала миссис Финни, обходя стол, чтобы заглянуть в карты Гамаша. – Они отправились искать работу на языке, который знали. Вы, возможно, стали хозяевами, но мы превратились в иностранцев, присутствие которых в собственном доме стало нежелательным. Вы правы. Мы заплатили большую цену.

Она показала на десятку бубен у него в руке. В ее голосе не слышалось ни жалости к себе, ни сентиментальности. Может быть, немного укоризны.

– Пас, – сказал Гамаш.

Он играл на пару с Сандрой, а Рейн-Мари – с Томасом.

– Я уехать из Квебека, – сказал Томас, который понимал французский лучше, чем говорил на нем, а это явно было лучше, чем наоборот. – Уехать далеко – в университет в Торонто. Квебек трудно.

«Занятно, – подумал Гамаш, слушая Томаса. – Если ты не говоришь по-французски, то можешь поклясться, что Томас двуязычен, настолько идеальное у него произношение. Вот только со смыслом je ne sais quoi».[30]

– Три без козыря, – сказал Томас.

Его мать отрицательно покачала головой и тихонько щелкнула языком.

Томас рассмеялся:

– Ах уж этот язык моей матушки!

Гамаш улыбнулся. Ему нравился Томас. Гамаш подозревал, что Томас нравится многим.

– Кто-нибудь из ваших детей остался здесь? – спросила Рейн-Мари у мадам Финни.

У Гамашей хотя бы Анни жила в Монреале, но Рейн-Мари каждый день тосковала по Даниелю и спрашивала себя, как такое вынесла эта женщина и многие-многие другие. Неудивительно, что эти люди не очень любили квебекцев. Из-за языка им пришлось расстаться с детьми. Никаких благодарностей они за это не получили. Фактически произошло нечто противоположное. Среди квебекцев было распространено подозрение, что англичане просто тянут время, выжидают, когда их, франкоязычных, снова можно будет поработить.

– Остался один. Еще один мой сын.

– Спот. Он и его жена Клер приезжают завтра, – сказал Томас, переходя на английский.

Гамаш оторвал взгляд от карт, в которых все равно не было ничего интересного, и уставился на Томаса.

Как и его сестра Джулия, Томас говорил об отсутствующем брате теплым, радостным тоном, но за этим Гамашу слышалось что-то иное.

Он почувствовал легкое движение в той части своего мозга, ради отключения которой и приехал в «Усадьбу».

Настала очередь Сандры торговаться. Гамаш через стол сверлил взглядом партнершу.

«Пасуй, пасуй, – посылал он ей мысленный сигнал. – У меня ничего нет. Они нас прикончат».

Он знал, что бридж совмещает в себе карточную игру и упражнения в телепатии.

– Спот, – хмыкнула Сандра. – Как это на него похоже! Всегда появляется в последнюю минуту. Делает самый минимум – ничего больше. Четыре без козырей.

Рейн-Мари удвоила ставку.

– Сандра! – сказал Томас со смехом, почти не скрывая упрека.

– А что такое? Все приехали уже несколько дней назад, чтобы почтить твоего отца. А он появляется в последнюю минуту. Ужасный человек.

Наступило молчание. Сандра то и дело бросала взгляды на тарелку с шоколадом, которую метрдотель поставил на их столик.

Гамаш посмотрел на мадам Финни, но та как будто и не слышала этого разговора, хотя он подозревал, что она не упустила ни слова.

Он перевел взгляд на месье Финни, сидевшего на диване. Безумными глазами тот обшаривал комнату, а его волосы торчали во все стороны, отчего голова старика Финни казалась похожей на поврежденный спутник,

набравший слишком большую скорость перед ударом о землю. Если все собрались, чтобы почтить его, то почему он сидит в одиночестве? Глаза Финни остановились на картине, висящей над камином, – сельский пейзаж кисти Кригхоффа.[31] Оригинал. Квебекские крестьяне загружают телегу, а от одного из домов крепкая женщина, смеясь, несет мужчинам корзинку с едой.

На картине была изображена семейная сцена, сердечная и приманчивая, и деревенская жизнь, какой она была сотни лет назад. И Финни явно предпочитал семейную обстановку на картине той, частью которой он был здесь и сейчас.

Мариана встала и подошла к игрокам.

Томас и Сандра прижали карты к груди. Мариана взяла журнал «Шатлен».

– «Судя по опросам, – прочла она, – большинство канадцев считают бананы наилучшим фруктом для шоколадного фондю».

Снова воцарилось молчание.

Мариана представила себе, как ее мать подавилась шоколадным трюфелем.

– Но это смешно, – сказала Сандра, которая тоже наблюдала, как ест мадам Финни. – Клубничное – самое вкусное.

– Я всегда любила груши и шоколад. Комбинация необычная, но замечательная. Вы так не считаете? – спросил Томас у Рейн-Мари, но та ничего не ответила.

– Вот вы, значит, где. А мне никто не сказал. – Через оконную дверь из сада легким шагом вошла Джулия. – О чем вы тут говорите?

По какой-то причине она посмотрела на Гамаша.

– Пас, – сказал он, уже толком не понимая, о чем они говорят.

– Маджилла говорит, что для топленого шоколада больше всего подходят бананы. – Томас кивнул на Мариану.

Это вызвало бурное веселье, и Гамаши недоуменно переглянулись.

– А монахи не используют голубику в шоколаде? – спросила Джулия. – Нужно бы мне купить немного голубики до отъезда.

На следующие несколько минут игра была забыта – все обсуждали фрукты и шоколад. В конце концов Джулия и Мариана удалились в уголок.

– Пас, – объявил Томас, вернувшись в игру.

«Отдай ему игру, – транслировал Гамаш Сандре, уставившись на нее. – Пожалуйста, пасуй».

– Я удваиваю ставку, – сказала Сандра, сердито посмотрев на Томаса.

«Мы имеем здесь дело с полным отсутствием коммуникации», –

подумал Гамаш.

– Нет, правда, о вы чем думали? – спросила Сандра, надув пухлые губы, когда она увидела карты, раскрытые Гамашем.

– Oui, Арман. – Рейн-Мари улыбнулась. – Шесть без козыря с такими картами? О чем ты думал?

Гамаш привстал и слегка поклонился:

– Это полностью моя вина.

Он послал жене взгляд, полный веселья.

В том, чтобы быть недоумком, есть свои преимущества. Гамаш вытянул ноги и пригубил коньяк, затем прошелся по комнате. Становилось жарче. Обычно вечера в Квебеке прохладные, но этот был исключением. Гамаш почувствовал, как повышается влажность, расстегнул воротник и ослабил галстук.

– Очень смело, – сказала Джулия, подойдя к нему, когда он остановился, разглядывая картину Кригхоффа. – Вы раздеваетесь?

– Боюсь, что на сегодня я уже получил свою долю унижений. – Гамаш кивнул на столик, где трое игроков в бридж сидели над картами.

Он наклонился и понюхал розы на каминной полке.

– Они прекрасны, правда? Здесь все прекрасно. – Голос Джулии звучал задумчиво, словно она уже начала скучать по «Усадьбе».

Потом он вспомнил Спота и подумал, что для Финни, вероятно, это последний приятный вечер.

– Потерянный рай, – пробормотал он.

– Что-что?

– Да нет, так, одна мысль мелькнула.

– Вы задаетесь вопросом: что лучше – царствовать в аду или прислуживать в раю? – с улыбкой спросила Джулия.

Гамаш рассмеялся. Мимо ее взгляда почти ничто не проходило – в этом она была похожа на мать.

– Видите ли, у меня есть на это ответ. Смотрите-ка, это же роза Элеоноры, – удивленно сказала она, показывая на ярко-розовый цветок в букете. – Можете себе представить?

– Кто-то уже говорил это сегодня, – вспомнил Гамаш.

– Томас.

– Верно. Он хотел узнать, нашли ли вы ее в саду.

– Это наша маленькая шутка. Роза названа в честь Элеоноры Рузвельт. Вы знаете?

– До этой минуты не знал.

– Мм… – проговорила Джулия, глядя на розу и кивая. – Она сказала,

что поначалу чувствовала себя польщенной, пока не прочла описание в каталоге: «„Элеонора Рузвельт“: на клумбе[32] не смотрится, а у стены выглядит прекрасно».

Они рассмеялись, и Гамаш восхитился и розой, и цитатой, хотя так и не понял, какое отношение эта семейная шутка имеет к Джулии.

– Еще кофе?

Джулия вздрогнула.

В дверях с серебряным кофейником стоял Пьер. Его вопрос был обращен ко всем присутствующим, но смотрел он на Джулию и при этом слегка краснел. В другом углу комнаты Мариана пробормотала:

– Ну вот, пожалуйста.

Каждый раз, когда метрдотель появлялся в комнате, где была Джулия, на его лице появлялся румянец. Мариане были известны эти симптомы. Она всю жизнь прожила с ними. Мариана была девчонка без комплексов, всегда готовая развлечься вечерком. Ее можно было лапать и целовать в машине. Но на Джулии все хотели жениться, даже метрдотель.

Глядя на сестру, Мариана почувствовала, как кровь ударила ей в лицо, но по абсолютно иной причине. Пока Пьер наливал Джулии кофе, Мариана воображала, что вот эта огромная картина Кригхоффа в тяжеленной раме срывается со стены и бьет Джулию по голове.

– Посмотрите, напарничек, что вы со мной сделали! – простонала Сандра, поскольку Томас брал взятку за взяткой.

Наконец они поднялись из-за стола, и Томас присоединился к Гамашу, который разглядывал другие картины в комнате.

– Это Брижит Норманден, да? – спросил Томас.

– Да. Фантастика! Очень смело, очень современно. Дополняет Молинари и Риопеля. И в то же время сочетается с традиционным Кригхоффом.

– А вы, оказывается, разбираетесь в искусстве, – с некоторым удивлением сказал Томас.

– Я люблю историю Квебека, – ответил Гамаш, кивая на старую картину.

– Но для других картин это не объяснение, ведь так?

Гамаш решил немного пободаться:

– Вы меня проверяете, месье?

– Может быть, – признал Томас. – Редко удается встретить коллегу-самоучку.

– Тем более в плену, – сказал Гамаш, и Томас рассмеялся.

Картина, на которую они смотрели, была неброской, в сдержанных

светло-коричневых тонах.

– Похоже на пустыню, – заметил Гамаш. – Безотрадное впечатление.

– Но это неверное впечатление, – возразил Томас.

– Опять двадцать пять, – сказала Мариана.

– Что, снова про розу? – спросила Джулия, обращаясь к Сандре. – Он все об этом говорит?

– Раз в день, как «Надежный старик».[33] Отойди подальше.

– Ладно, пора спать, – сказала мадам Финни.

Ее муж поднялся с дивана, и пожилая пара вышла из комнаты.

– Вещи совсем не такие, какими кажутся, – сказал Томас, и Гамаш удивленно посмотрел на него. – Я имею в виду, в пустыне. Вид действительно неживой, но на самом деле там все кишит жизнью. Просто вы этого не видите. Жизнь прячется, чтобы не быть сожранной. В Южно-Африканской пустыне есть одно растение, которое называется каменным. Знаете, как оно выживает?

– Дай подумать. Оно притворяется камнем? – спросила Джулия.

Томас стрельнул в нее недовольным взглядом, но его лицо тут же приняло прежнее дружеское, приветственное выражение.

– Вижу, ты не забыла ту историю.

– Я ничего не забываю, Томас, – сказала Джулия и села.

Гамаш наблюдал. Финни редко говорили между собой, но если и делали это, то слова их были наполнены смыслом, непонятным для Гамаша.

Томас задумался на мгновение, потом обратился к Гамашу, который мечтал улечься наконец в кровать, хотя больше всего ему хотелось выслушать эту историю.

– Оно притворяется камнем, – сказал Томас, сверля глазами Гамаша.

И тот вдруг осознал, что слова Томаса имеют скрытый смысл. Что Томас хочет что-то донести до него. Вот только что?

– Чтобы выжить, оно должно скрываться. Притворяться тем, чем не является на самом деле, – продолжил Томас.

– Это всего лишь растение, – возразила Мариана. – Оно ничего не делает специально.

– Оно такое хитроумное, – сказала Джулия. – Инстинкт самосохранения.

– Это всего лишь растение, – повторила Мариана. – Не говори глупостей.

Оригинально, подумал Гамаш. Оно не осмеливается выставлять себя в своем истинном виде, потому что опасается за свою жизнь. Не это ли

сейчас сказал ему Томас?

Вещи не такие, какими кажутся. Он начинал верить в это.

Глава четвертая

– Мне понравился сегодняшний вечер, – сказала Рейн-Мари, забираясь под прохладные крахмальные простыни рядом с мужем.

– И мне тоже.

Он снял свои полукруглые очки и положил раскрытую книгу на кровать. Вечер стоял теплый. Окно их крохотного номера выходило на огород и было единственным, а поэтому устроить сквозняк не получалось; впрочем, при распахнутом окне легкие ситцевые занавеси чуть колебались. Лампочки на прикроватных тумбочках освещали лишь малую часть комнаты, остальное было погружено в полумрак. От бревенчатых стен и от сосен в лесу пахло деревом, из огорода доносился пряный аромат трав.

– У нас через два дня юбилей, – сказала Рейн-Мари. – Первого июля. Ты только представь: тридцать пять лет вместе. Неужели мы были такими молодыми?

– Я был. Молодым и невинным.

– Бедный мальчик. Я тебя пугала?

– Может быть. Немного. Но теперь я этим переболел.

Рейн-Мари откинулась на подушку:

– Не могу сказать, что с нетерпением жду завтрашнего приезда отсутствующих Финни.

– Спота и Клер. Спот – это, вероятно, прозвище.

– Будем надеяться.

Гамаш снова взял книгу, попытался сосредоточиться, но веки его отяжелели, и ему приходилось делать усилие, чтобы глаза оставались открытыми. Наконец он прекратил сопротивление, поняв, что ему не выиграть этой борьбы, да и нужды нет. Он поцеловал Рейн-Мари, зарылся головой в подушку и заснул под многоголосье существ за окном, ощущая запах жены рядом с собой.

* * *

Пьер Патенод стоял в дверях кухни. Здесь все было чисто, все на своих местах. Стаканы стояли ровными рядами, столовые приборы лежали в футлярах, между фарфоровыми тарелками в стопках были проложены салфетки. Он перенял это от своей матери. Она научила его, что порядок –

это свобода. Жизнь в хаосе равносильна жизни в тюрьме. Порядок освобождает мозг для других дел.

У отца он научился управлять людьми. В те редкие дни, когда у него не было занятий в школе, ему позволялось приходить в офис к отцу. Пьер усаживался к нему на колени, вдыхал запах туалетной воды и табака, а отец не прекращал работу – без конца говорил по телефону. Еще ребенком Пьер чувствовал родительский уход: его холили и лелеяли, стригли и наводили на него лоск.

Был бы его отец разочарован, увидев Пьера сейчас, всего лишь метрдотелем? Нет, он так не думал. Отец хотел для него лишь одного: чтобы он был счастлив.

Он выключил свет и прошел по пустому обеденному залу в сад, чтобы еще раз посмотреть на мраморный куб.

*** * ***

Мариана, мурлыча себе под нос, снимала с себя одежку за одежкой. Время от времени она поглядывала на односпальную кровать, стоявшую рядом с ее кроватью: Бин то ли спит, то ли притворяется.

– Бин? – прошептала Мариана. – Бин, пожелай мамочке спокойной ночи.

Молчание. Впрочем, в комнате вовсе не было тихо. Здесь повсюду тикали часы – цифровые, электрические, заводные. Все они были выставлены на семь утра. Все они двигались к этому времени, как и каждое утро в течение многих месяцев. Казалось, их теперь больше, чем всегда.

Мариана спрашивала себя, не зашло ли это слишком далеко. Не пора ли ей сделать что-нибудь. Чтобы ребенок десяти лет ударился в такое – нет, это было ненормально. То, что год назад началось с одного-единственного будильника, расцвело и распространилось, как сорняк, пока вся детская в их доме не наполнилась часами. Шум по утрам поднимался невероятный. Мариана из своей спальни слышала, как маленькая рука по очереди выключает их, пока не замолкает последний тоненький писк, возвещающий о начале дня.

Нет, это, конечно, ненормально.

Правда, в этом ребенке многое было ненормальным. Вызывать сейчас психотерапевта, думала Мариана, все равно что пытаться убежать от штормовой волны. Она вынула книгу из маленькой руки, положила ее на пол и улыбнулась. В детстве это была ее любимая книга, и она прикинула,

какая история больше всего понравилась ее чаду. Про Одиссея? Пандору? Геракла?

Мариана наклонилась, чтобы поцеловать ребенка, и тут заметила люстру со старым электропроводом. Она вдруг представила себе, как искра перескакивает с этих проводов на кровать, постель начинает дымиться, а потом вспыхивает пламенем. А они тем временем спят.

Она отошла назад, закрыла глаза и возвела невидимую стену вокруг кровати.

«Спи! Тебе ничто не грозит».

Она выключила свет и легла, ощущая свое липкое рыхлое тело. Стоило ей приблизиться к матери, как она словно тяжелела, будто мать обладала собственной атмосферой и гравитацией. Завтра появится Спот, и все начнется. И закончится.

Мариана попыталась устроиться поудобнее, однако ночь была душной, простыни комкались, прилипали к телу. Она сбросила их. Но на самом деле между нею и сном стояли не смрадная жара, не похрапывающее дитя, не липкие простыни.

Все дело было в банане.

Почему они вечно подначивают ее? И почему в сорок семь лет она все еще продолжает переживать из-за этого?

Она повернулась, пытаясь найти прохладное место на влажной простыне.

Банан. И опять она услышала их смех. Увидела насмешливые взгляды.

«Да не обращай ты внимания», – сказала она себе. Закрыла глаза и постаралась забыть о банане и тикающих, тикающих, тикающих часах в ее голове.

* * *

Джулия Мартин села у трюмо и сняла ниточку жемчуга с шеи. Простые, изящные бусы – подарок отца к восемнадцатилетию.

«Настоящая леди всегда одевается со вкусом, Джулия, – сказал он тогда. – Леди никогда не бравирует своим богатством. В ее присутствии другие люди чувствуют себя легко. Не забывай об этом».

И она не забывала. Она сразу же осознала правильность его слов. И все блуждания и неуверенности ее юности отошли в прошлое. Она увидела перед собой прямую дорогу. Пусть узкую, но ясную. Она испытала огромное облегчение. Теперь у нее была цель, направление в жизни. Она

знала, кто она и что должна делать. Пусть другим будет легко в ее присутствии.

Раздеваясь, она перебирала в памяти события прошедшего дня, составляла список людей, которых, возможно, обидела, всех тех, кого могли обидеть ее слова, интонации, манеры.

И еще она подумала об этом милом французе и их разговоре в саду. Он видел, как она курит. Что он о ней думает? Потом она пофлиртовала с молодым официантом, взяла выпивку. Выпивка, курение, флирт.

Боже, он, наверно, подумал, что она человек поверхностный и слабый.

Завтра она постарается вести себя лучше.

Она уложила жемчужную нитку, словно маленькую змейку, в выстланную бархатом коробочку, потом сняла сережки, жалея, что не может снять и уши. Но она знала, что уже слишком поздно.

Роза Элеоноры. Зачем они сделали это? По прошествии всех этих лет, когда она пыталась быть доброй, зачем тащить сюда эту розу?

«Забудь, – умоляла она себя, – это не имеет значения. Это была шутка. Все кончилось».

Но слова успели сформироваться внутри ее и не желали уходить.

*** * ***

В соседнем номере под названием Озерный на балконе стояла Сандра, окруженная дикими звездами, и думала, как бы захватить лучший столик на завтрак. Она устала от того, что ее обслуживают последней, всегда ей приходится требовать, и все равно ей достаются самые маленькие порции.

А этот Арман – худшего игрока в бридж она не видела. Почему она именно его выбрала в партнеры? Персонал крутится вокруг него и его жены. Может, потому, что они французы? Это было несправедливо. У них не номер, а кладовка для метелок в задней части дома, самый дешевый номер в «Усадьбе». Наверняка он какой-нибудь бакалейщик, а жена у него – уборщица. С какой стати они должны соседствовать с Финни в «Усадьбе»? Однако она была с ними вежливой. Большего от нее требовать нельзя.

Сандра была голодна. И хотела есть. И еще она устала. А завтра приедет Спот, и все станет еще хуже.

Из глубин их великолепного номера Томас смотрел на жесткую спину жены.

Он женился на красивой женщине, и она до сих пор с расстояния, со спины была красива.

Но ее голова почему-то в последнее время увеличилась в размерах, а все остальное сжалось, отчего у Томаса создалось впечатление, будто его прикрепили к сдувшемуся спасательному устройству. Оранжевому, мягкому, податливому и более не выполняющему своих функций.

Пока Сандра стояла к нему спиной, он быстро снял старые запонки, подаренные ему отцом к восемнадцатилетию.

«Мне дал их мой отец, а теперь пора передать их тебе», – сказал тогда отец. Томас взял запонки и потертый бархатный мешочек, в котором они хранились, и засунул в карман небрежным жестом, надеясь задеть этим отца. И он добился своего.

Больше отец не давал ему ничего. Ничего.

Томас быстро скинул старый пиджак и рубашку, радуясь тому, что никто не видит его слегка потрепанных манжет. В дверях появилась Сандра. Томас небрежно швырнул рубашку и пиджак на ближайший стул.

– Мне не понравилось, что ты перечил мне за бриджем, – сказала она.

– Разве я перечил?

– Конечно перечил. Перед всей семьей и этой парой – бакалейщиком и уборщицей.

– Дома́ убирала не она, а ее мать, – поправил ее Томас.

– Ну, ты видишь? Ты просто не можешь не поправлять меня.

– Ты хочешь говорить неправду?

Эта была натоптанная тропинка в их браке.

– Ну хорошо, что я такого сказал? – спросил он наконец.

– Ты прекрасно знаешь, что ты сказал. Ты сказал, что с плавленым шоколадом лучше всего идут груши.

– Так и сказал? Груши?

Он произнес это так, чтобы прозвучало глупо, но Сандра знала, что это не глупо. Она знала, что это важно. Жизненно важно.

– Да, груши. Я сказала, клубника, а ты – груши.

Внезапно это и в самом деле стало представляться ей глупостью. Это было нехорошо.

– Но я так считаю, – возразил Томас.

– Да брось ты. Только не говори мне, что у тебя есть собственное мнение.

От всех этих разговоров о теплом шоколаде, стекающем со свежей клубники – или даже груши, – в ее сухом рту начала выделяться слюна. Сандра проверила, нет ли на ее подушке крохотной шоколадки от гостиницы. На ее половине кровати, на его, на подушках, ночном столике. Она бросилась в ванную – и там ничего. Оглядела раковину, подумала о

том, сколько калорий может быть в зубной пасте.

Ничего. Ничего съедобного. Она посмотрела на свои ногти. Но нет, это она сохраняла на крайний случай. Сандра вернулась в комнату, увидела потрепанные манжеты мужа, задумалась, отчего это они истрепались. Уж явно не от частых прикосновений.

– Ты унизил меня перед всеми, – сказала она, переводя свое желание поесть в желание обижать.

Томас не повернулся. Она знала, что лучше не трогать эту тему, но было слишком поздно. Она уже пережевала оскорбление, раскусила его на части и проглотила. Это оскорбление стало теперь ее неотъемлемой частью.

– Почему ты всегда это делаешь? Из-за какой-то груши! Ну почему ты хоть раз не можешь со мной согласиться?

Она два месяца питалась ягодами, веточками, травой, черт бы ее драл, и похудела на пятнадцать фунтов по одной-единственной причине. Чтобы семья сказала, какая она красивая и стройная. И еще она надеялась, что, может быть, это заметит и Томас. Томас заметит. Может, он поверит в это. Может, прикоснется к ней. Всего лишь прикоснется. О том, чтобы заняться любовью, она и не думает. Просто прикоснется.

Она сгорала от желания.

* * *

Айрин Финни взглянула в зеркало и подняла руку. Она поднесла к лицу намыленную тряпочку, но замерла.

Спот приедет завтра. И тогда они все будут вместе. Четверо детей, четыре краеугольных камня ее мира.

Как и многие пожилые люди, Айрин Финни знала, что на самом деле мир плоский. Что у него есть начало и конец. И что она подошла к краю.

Осталось сделать только одно. Завтра.

Айрин Финни уставилась на свое отражение. Она снова поднесла к лицу тряпочку и принялась тереть. В соседней комнате Берт Финни сжимал простыни, слушая сдавленные рыдания жены, снимавшей с себя дневное лицо.

* * *

Арман Гамаш проснулся с первыми лучами солнца, которые проникли сквозь замершие занавески и коснулись их скомканных простыней и его потного тела. Простыни свернулись во влажный шар в ногах кровати. Рейн-Мари подняла голову:

– Который час?

– Половина седьмого.

– Утра? – Она приподнялась на локте.

Гамаш кивнул и улыбнулся.

– И уже такая жара?

Он снова кивнул.

– День будет убийственно жаркий.

– То же самое вчера говорил Пьер. Тепловой фронт.

– Я наконец поняла, почему его называют фронтом, – сказала Рейн-Мари, глядя на его влажную руку. – Мне нужно принять душ.

– У меня есть предложение получше.

Через несколько минут они оказались на пристани, скинули с ног сандалии и уронили полотенца, как гнезда, на теплые доски. Гамаш и Рейн-Мари залюбовались этим миром двух солнц, двух небес, удвоенных гор и лесов. Озеро было не стеклом, а зеркалом. Птица, летевшая в ясном небе, отражалась и в спокойных водах. Мир был такой идеальный, что разделялся надвое. Стрижи рассекали воздух в саду, бабочки-монархи порхали с цветка на цветок. Вдоль пристани носились две стрекозы. Единственными людьми в этом мире были Гамаш и Рейн-Мари.

– Ты первый, – сказала Рейн-Мари.

Она любила смотреть на это. Как и их дети, когда они были помладше.

Гамаш улыбнулся, согнул ноги в коленях и прыгнул с пристани в воздух. Несколько секунд он парил, раскинув руки в стороны, словно собирался долететь до противоположного берега. Это было больше похоже на пуск ракеты, чем на нырок. А потом, естественно, случилось неизбежное, ведь Арман Гамаш, разумеется, не мог летать. Подняв гигантскую волну, он рухнул в воду. Она была такая холодная, что на миг у него перехватило дыхание. Но, вынырнув на поверхность, он почувствовал себя свежим и полным энергии.

Рейн-Мари посмотрела, как он помотал головой, чтобы стряхнуть воду с волос, – так он сделал во время первого их приезда сюда. И делал все последующие годы, когда волос у него стало гораздо меньше и нужда в этом отпала. Но он продолжал делать это, а Рейн-Мари по-прежнему смотрела, и сердце у нее все так же замирало.

– Давай ко мне, – позвал ее Гамаш.

Она изящно нырнула; правда, ее ноги всегда расходились и она так и не научилась вытягивать носки, а потому при входе в воду неизменно поднимала фонтан брызг. Гамаш дождался, когда она вынырнет лицом к солнцу, с мокрыми волосами.

– Брызги были? – спросила она, выгребая по волнам, разошедшимся после ее прыжка.

– Ты вошла в воду, как нож. Я даже не заметил, что ты нырнула.

– Ну, пора завтракать, – сказала Рейн-Мари десять минут спустя, когда они по лесенке поднялись на пристань.

Гамаш протянул ей разогретое солнцем полотенце.

– Ты что будешь?

Они возвращались в гостиницу, рассказывая друг другу, какое невероятное количество еды готовы проглотить. У «Усадьбы» Гамаш остановился и повел жену в сторону:

– Я хочу показать тебе кое-что.

Рейн-Мари улыбнулась:

– Я это уже видела.

– Я не про это, – тихо засмеялся Гамаш и вдруг замолчал.

Они были здесь не одни. У боковой части «Усадьбы» кто-то копал землю, согнувшись над лопатой. Прекратив работать, человек медленно повернулся к ним.

Это была молодая женщина с лицом, испачканным землей.

– Здравствуйте.

Она была удивлена едва ли не больше, чем они. Настолько удивлена, что заговорила не на принятом в «Усадьбе» французском, а по-английски.

– Здравствуйте, – тоже на английском ответила Рейн-Мари, улыбаясь.

– Désolée, – сказала молодая женщина, еще сильнее размазывая землю по потному лицу, отчего земля превратилась в подобие глины, а девушка стала похожа на ожившую глиняную скульптуру. – Я думала, все еще спят. Это лучшее время для работы. Я одна из садовников.

Она перешла на французский и говорила на нем легко, лишь с небольшим акцентом. До них донесся знакомый аромат чего-то сладковатого, химического. Средство для отпугивания насекомых. Их собеседница была пропитана им. Запахи квебекского лета. Скошенная трава и репеллент.

Гамаш и Рейн-Мари опустили глаза и увидели ямки в земле. Девушка заметила, куда они смотрят.

– Я пытаюсь пересадить их, прежде чем станет слишком жарко. – Она махнула в сторону нескольких поникших растений. – Почему-то на этой

клумбе все растения гибнут.

– А что это? – спросила Рейн-Мари.

Но она глядела вовсе не на ямки.

– Именно это я и хотел тебе показать, – сказал Гамаш.

В стороне, чуть скрытый деревьями, стоял громадный мраморный куб. По крайней мере, теперь было у кого спросить, для чего он.

– Понятия не имею, – ответила садовница. – Дня два назад приехала огромная машина и сгрузила его здесь.

– А из чего он? – Рейн-Мари прикоснулась к камню.

– Это мрамор, – сказала девушка, подходя к ним.

– Ну вот, мы приехали в «Охотничью усадьбу», – заговорила после паузы Рейн-Мари. – Вокруг лес, озера и сады. А мы с тобой, – она взяла мужа за руку, – смотрим на единственную вещь на много миль вокруг, которая не создана природой.

Он рассмеялся:

– И какова вероятность такого события?

Они кивнули садовнице и вернулись в «Усадьбу», чтобы переодеться к завтраку. Но Гамашу показалось любопытным, что Рейн-Мари прореагировала на этот мраморный куб так же, как и он предыдущим вечером.

* * *

Террасу там и здесь пятнали тени, жара еще не набрала силы, но к полудню камни будут разогреты, как угли. На Рейн-Мари и Гамаше были мягкие шляпы с большими полями.

Элиот принес им кофе с молоком и завтрак. Рейн-Мари налила кленовый сироп на блинчик, а Гамаш разрезал поданное ему яйцо бенедикт и стал наблюдать, как желток смешивается с голландским соусом. На террасе начали появляться Финни.

– Это уже не имеет значения, – услышали они женский голос, – но если бы нам дали хороший столик под кленом, это было бы здорово.

– Боюсь, что этот столик занят, мадам, – сказал Пьер.

– Правда? Впрочем, не важно.

Берт Финни уже сидел. Как и Бин. Они оба читали газету. Берт – комиксы, а Бин – некрологи.

– Ты, кажется, волнуешься, Бин, – сказал старик, опуская комикс.

– Ты обратил внимание, что теперь умирает больше людей, чем

рождается?

Гамаш увидел, как Бин протягивает деду страницу из газеты, а тот, взяв ее, мрачно кивает:

– Это означает, что те из нас, кто остается, смогут потреблять больше.

– Я не хочу больше.

– Захочешь. – И Финни потряс зажатыми в руке комиксами.

– Арман… – Рейн-Мари положила мягкую ладонь на руку мужа и понизила голос до еле слышного шепота. – Как ты думаешь, Бин – девочка или мальчик?

Гамаш, который время от времени тоже задавал себе этот вопрос, снова взглянул на ребенка в очках, со светлыми волосами до плеч, с симпатичным загорелым лицом. Он покачал головой:

– Бин напоминает мне Флоранс. Когда они приезжали в прошлый раз, я прогулялся с ней по бульвару Лорье, и почти все говорили: «Ах, какой у вас красавчик-внук!»

– На ней была панамка?

– Была.

– А о сходстве ничего не говорили?

– Вообще-то, говорили. – Гамаш посмотрел на жену как на гения, его карие глаза расширились от восхищения.

– Могу себе представить, – сказала она. – Но Флоранс чуть больше года. А сколько, по-твоему, этому ребенку?

– Трудно сказать. Девять? Десять? Любой ребенок, читающий колонку некрологов, кажется старше своих лет.

– Некрологи старят. Я не должна забывать об этом.

– Еще джема? – Пьер заменил их пустые розетки полными домашнего клубничного, малинового, голубичного джема. – Чего-нибудь еще? – поинтересовался он.

– Знаете, я хочу у вас спросить, – сказал Гамаш, показывая круассаном на угол дома. – Там стоит мраморный куб. Для чего он предназначен, Пьер?

– Так вы заметили?

– Это и космонавт бы заметил.

Пьер кивнул:

– Мадам Дюбуа ничего вам не говорила, когда вы приехали?

Рейн-Мари и Гамаш переглянулись и отрицательно покачали головой.

– Так-так. – У метрдотеля был несколько смущенный вид. – Боюсь, вам придется спросить у нее. Это сюрприз.

– Приятный сюрприз? – спросила Рейн-Мари.

Пьер задумался:

– Мы пока что не уверены. Но вскоре узнаем.

Глава пятая

После завтрака Гамаш позвонил сыну в Париж и оставил сообщение с телефонным номером «Усадьбы». Сигнал сотовой связи в этот медвежий угол не доходил.

Они проводили день в приятном безделье, температура медленно, но неуклонно росла, и наконец – они даже не успели понять, в какой момент, – стало по-настоящему жарко. Рабочие притащили в сад и на лужайку кресла и шезлонги и расставили их в тенистых местах, чтобы гости не сгорели дотла.

– Спот!

Этот крик рассек влажный воздух и нарушил сладкое безделье Армана Гамаша.

– Спот!

– Странно, – сказала Рейн-Мари, сняла солнцезащитные очки и взглянула на мужа. – С такой интонацией обычно кричат «Пожар!».

Используя палец вместо закладки в книге, Гамаш посмотрел в ту сторону, откуда доносился крик. Ему было любопытно увидеть, что это за Спот такой. Может, у него уши лопухами? Или он весь в пятнах?[34]

Томас воскликнул: «Спот!» – и быстро зашагал по газону навстречу хорошо одетому мужчине с седыми волосами. Гамаш снял солнцезащитные очки и пригляделся внимательнее.

– Это, насколько я понимаю, конец нашего покоя и тишины, – с сожалением сказала Рейн-Мари. – Тот самый одиозный Спот и его еще более злобная жена материализовались.

Гамаш снова надел очки и прищурился, не веря собственным глазам.

– Что такое? – спросила Рейн-Мари.

– Никогда не догадаешься.

Две высокие фигуры появились на газоне «Охотничьей усадьбы». Изысканный Томас и его младший брат Спот.

Рейн-Мари пригляделась:

– Но это же…

– Я тоже так думаю, – подхватил Гамаш.

– Тогда где же… – с недоумением начала Рейн-Мари.

– Не знаю. А, вот и она.

Из-за угла «Усадьбы» появилась взъерошенная фигура с кое-как натянутой на растрепанные волосы шляпкой с широкими полями от

солнца.

– Клара? – прошептала Рейн-Мари. – Боже мой, Арман, значит, Спот и Клер Финни – это Питер и Клара Морроу. Это какое-то чудо.

Она была довольна. Катастрофа, казавшаяся неминуемой и неотвратимой, обернулась встречей с друзьями.

Теперь Питера приветствовала Сандра, а Томас обнимал Клару. Она казалась крохотной и почти исчезла в его объятиях, а отпрянув, выглядела еще более растрепанной.

– Ты выглядишь замечательно, – сказала Сандра, оглядывая Клару.

Она с удовольствием отметила, что та набрала вес: пополнела, бедра еще больше округлились. На ней были неподобающие шорты в полоску и блузка в горошек. «А еще называет себя художницей», – подумала Сандра, у которой поднялось настроение.

– Я прекрасно себя чувствую. А ты похудела. Боже мой, Сандра, ты должна мне сказать, как ты это сделала. Я бы не прочь сбросить десять фунтов.

– Ты? – воскликнула Сандра. – Да зачем тебе это надо?

Две женщины пошли под руку, и Гамаши больше не слышали их.

– Питер, – сказал Томас.

– Томас, – сказал Питер.

Они коротко поклонились друг другу.

– Все хорошо?

– Лучше не бывает.

Они говорили обрывочными фразами, не требовавшими пунктуации.

– А у тебя?

– Прекрасно.

Они сократили язык до одних смысловых слов и вскоре грозили перейти на восклицания. А потом – на молчание.

Арман Гамаш наблюдал за ними из зыбкой лиственной тени. Она знал, что должен радоваться встрече со старыми друзьями. И он радовался. Но, опустив взгляд, он увидел, что волоски у него на руках стоят дыбом, и почувствовал дуновение холода. В этот яркий, солнечный летний день, в этой нетронутой человеком, спокойной обстановке вещи казались не тем, чем были на самом деле.

* * *

Клара направилась к каменной стенке террасы, держа в руках пиво и

сэндвич с помидорами, с которого капало на ее новую ситцевую блузку, чего она, конечно, не замечала. Она старалась спрятаться в тени, и это было не так уж трудно, поскольку семья Питера почти не уделяла ей внимания. Она была невесткой, и ничем больше. Поначалу это ее раздражало, но с каких-то пор она стала считать это большим благом.

Она посмотрела на многолетний сад и поняла, что если прищуриться, то вполне можно представить себя дома, в маленькой деревне Три Сосны. А дом ее был не так уж далеко. За горным хребтом. Но теперь он казался за семью морями.

Дома она каждое утро летом наливала чашку кофе и шла босиком к речушке Белла-Белла, вдыхая на ходу аромат роз, флоксов и лилий. Она садилась на скамью под мягким утренним солнцем и пила кофе, глядя на воду в реке, завороженная ее неторопливым течением, сверканием серебра и золота в солнечных лучах. После этого она возвращалась в свою мастерскую и писала до середины дня. Потом они с Питером брали пиво и выходили в сад или присоединялись к друзьям в бистро, чтобы выпить по стаканчику вина. Жизнь была тихая, небогатая событиями. И она их устраивала.

Но вот однажды утром, не так давно, она, как обычно, пошла проверить почту в ящике. И нашла там это приглашение, ввергнувшее ее в страх. Ржавая дверка взвизгнула, когда она открыла ее, а засунув руку внутрь, она даже на ощупь догадалась, что там лежит. Она почувствовала тяжелую писчую бумагу конверта. У Клары возникло искушение просто выбросить его, швырнуть в бачок с отходами для переработки, чтобы он превратился во что-нибудь полезное, например в туалетную бумагу. Но она не сделала этого. Она уставилась на паучьи каракули, зловещий почерк, от которого у нее мурашки бежали по коже. Наконец, больше не в силах это выносить, она вскрыла конверт и обнаружила внутри приглашение на семейный сбор в «Охотничьей усадьбе» в конце июня. На месяц раньше обычного и как раз в то время, когда в Трех Соснах снимают флаги святого Иоанна Крестителя и готовятся к празднованию Дня Канады первого июля на деревенском лугу. Время было выбрано хуже некуда, и Клара подумала как-нибудь отговориться, но тут вспомнила, что в этот год она должна организовывать детские игры. Клара, которая научилась общаться с детьми, делая вид, будто это куклы, вдруг пришла в смятение и сказала себе: пусть решает Питер. Но в приглашении было и кое-что еще. Во время их пребывания в «Охотничьей усадьбе» что-то должно было случиться. Когда в тот день Питер вышел из своей мастерской, Клара протянула ему конверт и взглянула в его красивое лицо. Она любила это лицо, хотела защитить

этого человека. И могла защитить от всего на свете. Но не от его семьи. Они нападали на него изнутри, а тут она ничем не могла ему помочь. Она наблюдала за ним: поначалу на его лице появилось недоуменное выражение, потом он понял.

Ничего хорошего ждать не приходилось. И все же, к ее удивлению, он взял телефон, позвонил матери и принял это несчастное приглашение.

То было несколько недель назад, и вот, пожалуйста, оно случилось.

Клара сидела в одиночестве на стенке и смотрела, как остальные попивают джин с тоником на ослепительном солнце. Ни на ком не было шляп от солнца, они предпочитали получить солнечный удар и рак кожи, лишь бы не иметь дурацкого вида. Питер разговаривал с матерью, приложив ладонь козырьком ко лбу, чтобы защититься от солнца, словно нескончаемо отдавал честь.

У Томаса вид был элегантный и величественный, тогда как Сандра выглядела настороженно. Стреляла в разные стороны глазами, оценивала порции, наблюдала за мельтешащими официантами, прикидывала, кто сколько получил в сравнении с тем, что досталось ей.

По другую сторону террасы и тоже в тени Клара видела Берта Финни. Он вроде бы наблюдал за женой, хотя сказать точно она не могла. Она отвела глаза, как только его блуждающий взгляд поймал ее.

Прихлебывая прохладный напиток, Клара ухватила прядь волос, мокрую от пота, и отклеила ее от шеи, потом помахала ею, чтобы проветрить кожу. Лишь после этого она заметила, что мать Питера наблюдает за ней. Увядшее лицо свекрови было розовым, белым и милым, ее фарфоровые глаза смотрели задумчивым и добрым взглядом. Прекрасная английская роза приглашала тебя подойти к ней и наклониться. Ты слишком поздно понимал, что за этим прячется оса, собираясь сделать то, что осы умеют делать лучше всего.

«Меньше суток, – сказала себе Клара. – Завтра утром после завтрака мы уедем».

Вокруг ее потной головы кружил слепень, и Клара так бешено замахала руками, что ударила сэндвичем о каменную стенку и тот отлетел в клумбу. Ответ на молитву муравьев, кроме тех, которых этот сэндвич прихлопнул.

– Клер ничуть не изменилась, – сказала мать Питера.

– И ты тоже, мама.

Питер старался говорить с нею таким же ровным голосом, каким и она, чувствуя, что он достиг идеального равновесия вежливости и презрения. Равновесия такого тонкого, что его невозможно было заметить,

такого очевидного, что его невозможно было не заметить.

Стоявшая за этой раскаленной террасой Джулия чувствовала, как нагреваются ее ступни через тонкие подошвы сандалий на горячих камнях.

– Привет, Питер. – Она постаралась забыть о горящих подошвах, прошла по террасе и поцеловала брата, не прикасаясь к его щеке. – Хорошо выглядишь.

– И ты тоже.

Пауза.

– Хорошая погода, – сказал он.

Джулия обшарила свой быстро пустеющий мозг в поисках чего-нибудь рассудительного, чего-нибудь остроумного и осмысленного. Чего-нибудь такого, что показало бы, как она счастлива. Что она вовсе не развалина, какой она, по собственному мнению, и была. Она безмолвно повторяла про себя: «Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся». Это помогало.

– Как поживает Дэвид? – спросил Питер.

– Ну, ты же его знаешь, – легкомысленно ответила Джулия. – Он приспосабливается к чему угодно.

– Даже к тюрьме?

Джулия посмотрела на его спокойное красивое лицо. Что это было – оскорбление? Она так давно не встречалась с семьей, что совсем потеряла навыки. Она чувствовала себя, как давно не прыгавший парашютист, которого вдруг выкинули из самолета.

Четыре дня назад, сразу по приезде, она чувствовала себя уязвленной и усталой. Последняя улыбка, последний пустой комплимент, последнее вежливое обращение – все это было вымучено из нее за время катастрофы, какой был весь последний год во время процесса над Дэвидом. Она чувствовала себя преданной, униженной, брошенной на произвол судьбы – и вот приехала лечиться домой. К любящей матери и высоким, красивым братьям из ее волшебной, мистической памяти. Они наверняка позаботятся о ней.

Как-то так получилось, что она забыла, почему уехала от них. Но теперь, когда вернулась, воспоминания стали возвращаться.

– Только представить себе, – сказал Томас, – твой муж украл все эти деньги, а ты и понятия не имела. Это, наверно, было ужасно.

– Томас! – вмешалась мать, чуть покачивая головой.

В укор не за оскорбление Джулии, а за то, что он сказал это в присутствии персонала. Джулия чувствовала, как горячие камни шипят под ее ногами, но улыбнулась и не отступила.

– Твой отец… – начала было миссис Финни, но замолчала.

– Я слушаю, мама, – сказала Джулия, чувствуя, как что-то старое и знакомое начинает размахивать хвостом внутри ее. Что-то, спавшее десятилетия, проснулось и зашевелилось. – Ты сказала – мой отец?

– Ты же знаешь, как он к этому относился.

– Как он к этому относился?

– Послушай, Джулия, это неподобающий разговор.

Мать повернула к ней розовое лицо. Эти слова были произнесены с нежной улыбкой, руки слегка дрожали. Когда она в последний раз чувствовала прикосновение материнских рук?

– Извини, – сказала Джулия.

– Прыгай, Бин, прыгай!

Клара повернулась и увидела, как младшая сестра Питера прыгает по газону, легко касаясь ногами земли, а за ней бежит Бин с купальным полотенцем на шее и смеется. Но прыгать не прыгает. «Бин не меняется», – подумала Клара.

– Фу-у-у… – выдохнула Мариана, через несколько секунд появившись на террасе.

С нее капал пот, словно она выбежала из-под душа. Он взяла кончик шарфа и отерла глаза.

– Бин прыгает? – спросила она у семьи.

Прореагировал только Томас: он хмыкнул, выражая таким образом свое отношение к ее вопросу.

При такой жаре и влажности кожа Клары под бюстгальтером зудела. Она засунула руку под блузку и поправила его. Она слишком поздно огляделась вокруг. Мать Питера снова уставилась на нее, словно обладала каким-то специальным радаром.

– Как твое искусство?

Этот вопрос застал Клару врасплох. Она предполагала, что спрашивать об этом будут Питера, и занималась тем, что счищала томатные подтеки с блузки.

– Мое? – Клара посмотрела на Джулию. Эту сестру Питера она знала меньше всего. Но она слышала рассказы Питера и тут же насторожилась. – Ну, ты знаешь, это всегда борьба.

Это был простой ответ – то, чего они и ждали. Неудачница Клара, которая называет себя художницей, чьи картины не покупаются. Которая делает какие-то смешные вещи вроде манекенов с пышными прическами или тающие деревья.

– Я слышала про твое последнее шоу. Неплохой отзыв.

Клара села прямее. Она знала, что многим людям удается задать

первый вежливый вопрос. Но редкому человеку удается задать такой же второй.

Может быть, Джулия говорила искренне?

– «Воинственные матки», так это называется? – спросила Джулия.

Клара вгляделась в ее лицо – нет ли в нем насмешки – и кивнула. Да, по экономическим меркам серию «Воинственные матки» нельзя было назвать успешной, но эмоционально эта ее работа стала триумфом. Клара подумала, не подарить ли Джулии одну из картин серии на Рождество, но потом решила, что это будет слишком.

– Разве мы тебе не говорили?

К ним подошел улыбающийся Питер. На семейном сборе это всегда было плохим знаком. Чем изобретательнее становились уколы, тем чаще Финни улыбались. Клара попыталась поймать его взгляд.

– Не говорили что? – спросила Сандра, чувствуя, что приближается что-то неприятное.

– О работе Клары.

– Я бы хотела еще пива, – сказала Клара.

Никто не обратил на нее внимания.

– И что о ее работе? – спросил Томас.

– Ничего, – сказала Клара. – Куча всякого дерьма. Ты же меня знаешь. Сплошные эксперименты.

– К ней обратились с предложением из галереи.

– Питер! – пресекла его откровения Клара. – Я думаю, не стоит об этом говорить.

– Но они наверняка хотели бы услышать, – сказал Питер. Он вытащил руку из кармана брюк, и карман вывернулся наружу – этакое пятно на его в остальном безукоризненном внешнем виде. – Клара скромничает. Галерея Фортена в Монреале хочет устроить ее выставку. В Три Сосны приезжал сам Дени Фортен – посмотреть ее работы.

Молчание.

Ногти Клары впились в ладони. Слепень нашел подходящий участок кожи у нее за ухом и укусил.

– Замечательно, – сказала Кларе мать Питера. – Я очень довольна.

Удивленная Клара повернулась к свекрови. Она ушам своим не верила. Может быть, она была слишком жестока все это время? Несправедливо судила свекровь?

– Они часто бывают слишком толстые.

Улыбка сошла с лица Клары. Слишком толстые?

– И майонез в них не настоящий. Но шеф-повар Вероника снова

превзошла саму себя. Ты пробовала сэндвичи с огурцом, Клер? Они великолепны.

– Да, они хороши, – согласилась Клара с маниакальным энтузиазмом.

– Мои поздравления, Клара. Прекрасная новость! – Голос был мужской, радостный и вроде бы знакомый. – Félicitations.[35]

К ней по газону легкими шагами шел атлетически сложенный человек средних лет, в забавной шляпе. Рядом с ним – невысокая изящная женщина, в такой же шляпе с широкими полями от солнца.

– Рейн-Мари? – Клара уставилась на женщину, не веря своим глазам. – Питер, это Рейн-Мари?

Питер тоже смотрел на приближающуюся пару, и челюсть у него чуть не отвисла от удивления. Клара ощутила аромат туалетной воды «Джой» от Жана Пату и испытала чувства, соответствующие этому названию.[36] Ее словно в последний момент избавили от предстоящей пытки. После объятий она уставилась на Рейн-Мари Гамаш, чтобы окончательно убедиться. Нет, это была не иллюзия – перед ней стояла улыбающаяся Рейн-Мари. Клара чувствовала недовольные взгляды у себя за спиной, но ей было все равно. По крайней мере, теперь.

Арман Гамаш поцеловал ее в обе щеки и дружески пожал руку.

– Мы так рады за вас. И за Дени Фортена. – Он оглядел окаменевшие лица на террасе. – Он ведущий торговец произведениями искусства в Монреале. Вы, вероятно, это знаете. Это настоящий успех.

– Правда?

Голос матери прозвучал одновременно снисходительно и неодобрительно. Словно в успехе Клары было что-то непристойное. И безусловно, это было грубым вмешательством в приватные семейные дела. Но вероятно, хуже всего было то, что миссис Финни получила неопровержимое свидетельство: Питер водит знакомство с людьми из кладовки для швабр. Одно дело было играть с ними в бридж, оказавшись в одной гостинице на краю света: хорошее воспитание обязывает. Но другое дело – водить с ними дружбу.

Гамаш подошел к Питеру и пожал ему руку:

– Привет, старина.

Гамаш улыбался, а Питер смотрел на него как на нечто из ряда вон выходящее.

– Арман, вас-то каким ветром сюда занесло?

– Ну, это ведь всего лишь гостиница, – рассмеялся Гамаш. – Мы здесь празднуем наш юбилей.

– Слава богу, – произнесла Клара и шагнула к Рейн-Мари.

Питер тоже хотел подойти к ним, но его остановило легкое покашливание за спиной.

– Наверное, мы сможем поговорить позже, – сказала Рейн-Мари. – Вам нужно побыть с вашей очаровательной семьей.

Она еще раз наскоро обняла Клару, которая не хотела ее отпускать, хотя ничего другого ей не оставалось. Клара проследила взглядом за тем, как Гамаши по лужку направились к озеру. Она почувствовала, что по шее стекает струйка пота, провела рукой по коже сзади, посмотрела и с удивлением увидела на пальцах кровь.

Глава шестая

После ланча, который продолжался тысячу лет, Кларе наконец удалось улизнуть. Первым делом она хотела отправиться на поиски Гамашей.

– Я думаю, мама хотела бы, чтобы мы остались здесь, – возразил Питер, расхаживая по каменной террасе.

– Идем. – Она заговорщицки взглянула на него и протянула руку. – Не трусь.

– Но это же семейный сбор.

Питеру очень хотелось пойти с ней. Взять ее за руку, пробежаться по этой идеальной лужайке и найти Гамашей, с которыми они были дружны. За ланчем, пока остальные либо молча ели, либо обсуждали новости биржевого рынка, Питер и Клара взволнованно и возбужденно перешептывались о Гамашах.

– Видела бы ты свое лицо, – сказал Питер, стараясь говорить тихо. – Совершенно потрясенное и возбужденное, как у Дороти, впервые увидевшей Великого и Ужасного из страны Оз.

– Я думаю, ты слишком много времени проводишь с Оливье и Габри, – с улыбкой сказала Клара. Прежде она никогда не улыбалась на семейных сборах, так что это казалось странным. – К тому же ты и сам выглядел как Железный Дровосек – совершенно ошалевший. Ты можешь поверить, что Гамаши тоже здесь? Может, ускользнем и посидим с ними где-нибудь сегодня?

– Не вижу причин, почему бы нам это не сделать, – сказал Питер, прячась за теплой сдобной булочкой.

Мысль о том, чтобы провести несколько часов с друзьями вместо мучительной тягомотины с семьей, радовала его.

Клара уже успела посмотреть на часы. Два пополудни. Еще двадцать часов. Если она ляжет в одиннадцать, а встанет в девять, то останется всего… она попыталась вычислить это в уме… всего придется провести одиннадцать часов с семейкой Питера. Пожалуй, она осилит это. А если вычесть два часа с Гамашами, то останется всего девять часов. Господи боже, всего-то ничего. И тогда они смогут вернуться в свою маленькую деревню Три Сосны и жить себе спокойно до следующего приглашения через год,

«Не думай об этом».

И вот теперь Питер задержался на террасе – Клара втайне знала, что

так оно и будет. Она еще за ланчем почувствовала, что ему не хватит духу. И все-таки притворяться было забавно. Это все равно что играть в эмоциональный маскарад. Хотя бы один раз сделать вид, что ты храбрец.

Но в конечном счете он не сумел это сделать. И Клара не смогла его оставить. А потому медленно вернулась.

– Зачем ты сказал своему семейству о моей персональной выставке? – спросила она Питера.

Ей самой пока было неясно, задирает она его или нет. Чтобы наказать за то, что он вынудил ее остаться.

– Я подумал, что они должны знать. Они всегда с таким небрежением относятся к твоей работе.

– А ты – нет? – Клара почувствовала, как в ней закипает злость.

– Как ты можешь такое говорить?

Питер обиженно посмотрел на нее, и она поняла, что сказала это, чтобы сделать ему больно. Она ждала: вот он сейчас скажет, что все эти годы она сидела на его шее. Что он обеспечил им крышу над головой и кормил ее. Но он промолчал, и это вызвало у нее еще большее раздражение.

Внезапно Клара увидела у него на щеке капельку взбитого крема, похожую на прыщик. Будь это аэроплан, она удивилась бы не больше, настолько непривычным было видеть что-то неуместное на ее муже. Он был такой великолепный, такой безукоризненный. Одежда на нем никогда не мялась, все стрелочки оставались идеальными, на материи ни пятнышка, ни малейшего дефекта. Что это там было такое в «Звездном пути»? Захватный луч? Нет, что-то другое. Щиты. Питер шел по жизни с поднятыми щитами, отражая атаки еды, напитков и людей. Клара подумала, уж не звучит ли в его голове тоненький шотландский голосок: «Капитан, щиты опущены. Я не могу их поднять».

Но Питер, дорогой Питер, не замечал маленького воздушного белого инопланетянина на своем лице.

Клара знала, что должна что-то сказать. Или, по крайней мере, стереть эту капельку крема, но ее все достало.

– Что случилось? – спросил Питер, озабоченный и испуганный назревающим конфликтом.

– Ты сказал своей семье о галерее Фортена, чтобы вызвать у них раздражение. В первую очередь у Томаса. Ко мне это не имеет никакого отношения. Ты использовал мое искусство в качестве оружия.

«Капитан, она прорывается».

– Как ты можешь так думать?

Но голос его звучал неуверенно – Кларе редко доводилось слышать

такое.

– Прошу тебя, не говори больше с ними о моем искусстве. И вообще ни о чем личном. Им это все равно, а меня ранит. Наверно, не следовало бы мне обижаться, но это выше моих сил. Ты можешь это сделать?

Она обратила внимание, что карман его брюк все еще вывернут. Ничто в жизни еще не выбивало ее так из колеи.

– Извини, – сказал наконец Питер. – Но дело было не в Томасе. Больше не в Томасе. Я думаю, что привык к нему. Дело было в Джулии. Увидел ее – и все во мне взбунтовалось.

– Она показалась мне довольно милой.

– Мы все такими кажемся.

– Еще двадцать часов, – сказала Клара, посмотрев на часы, потом протянула руку и стерла взбитый крем с его щеки.

* * *

Гамаши шли по тропинке, как вдруг услышали, что кто-то их окликает. Они остановились.

– Вот вы где, – тяжело дыша, сказала мадам Дюбуа. Она несла корзинку трав из огорода. – Я оставила записку на стойке. Звонил ваш сын из Парижа. Сказал, что его не будет сегодня вечером, но он позвонит еще.

– Quel dommage,[37] – сказал Гамаш. – Ну ничего, как-нибудь соединимся. Merci. Позвольте, я это понесу?

Он взял корзинку за ручку, и после некоторого колебания мадам Дюбуа с благодарностью отдала ему свою ношу.

– Температура все повышается, – сказала она. – И влажность меня убивает.

Она развернулась и пошла по тропинке со скоростью, удивившей Гамашей.

– Мадам Дюбуа… – Гамаш обнаружил, что с трудом поспевает за женщиной, которой, по его подсчетам, перевалило за сто двадцать лет. – У нас вопрос.

Она остановилась, дожидаясь их.

– Нас заинтересовал мраморный куб.

– Какой мраморный куб?

– Pardon?[38] – спросил Гамаш.

– Pardon? – спросила мадам Дюбуа.

– Большой мраморный куб по другую сторону «Усадьбы». Я видел его вчера вечером и сегодня утром. Ваша садовница не знает, для чего он, а Пьер сказал, чтобы мы спросили у вас.

– Ах да, oui, та мраморная штука, – сказала мадам Дюбуа так, словно были и другие. – Понимаете, нам очень повезло. Мы… – И она пробормотала что-то невнятное, потом пошла дальше.

– Я не расслышал, что вы сказали.

– О. Ну хорошо. – Она вела себя так, словно они пыткой вымучивали из нее эти сведения. – Это для статуи.

– Для статуи? Правда? – спросила Рейн-Мари. – Чьей статуи?

– Мужа мадам Финни.

Арман Гамаш увидел Берта Финни в мраморе в центре их любимого сада в «Охотничьей усадьбе». Где он останется навсегда. Его жуткое лицо высечено в мраморе и вечно смотрит на них или бог знает на что.

Выражение их лиц, вероятно, насторожило мадам Дюбуа.

– Не этого, конечно. Первого. Чарльза Морроу. Понимаете, я его знала. Прекрасный был человек.

Гамаши, прежде и не задумывавшиеся об этом, неожиданно многое поняли. Как Спот Финни стал Питером Морроу. Его мать вышла замуж еще раз. Она была Морроу, а стала Финни, в отличие от всех остальных. Они все считали себя Финни, хотя таковыми не являлись. Они были Морроу.

Возможно, это хотя бы частично объясняло, почему на семейном сборе, созванном для того, чтобы отдать дань уважения отцу, Берта Финни словно бы и не замечали.

– Чарльз Морроу умер довольно давно, – продолжала Клементин Дюбуа. – Сердце. Семья проведет небольшую церемонию открытия памятника сегодня перед коктейлем. Статую привезут приблизительно через час. Она будет прекрасным украшением сада.

Она мельком кинула на них взгляд.

Судя по мраморному пьедесталу, статуя предполагалась огромная, подумал Гамаш. Выше некоторых деревьев, хотя деревья, к счастью, будут продолжать расти, а статуя – предположительно – нет.

– А скульптуру вы видели? – спросил Гамаш нарочито небрежно.

– О да. Она огромная. Обнаженная, конечно, с цветами вокруг головы и маленькими крыльями. Им повезло найти красный мрамор.

Глаза Гамаша расширились, брови приподнялись. Потом он увидел ее улыбку.

– Ах вы, негодница! – расхохотался он, услышав ее смешок.

– Неужели вы думаете, что я бы сделала такое с вами? Я люблю этот

дом, – сказала мадам Дюбуа, продолжая идти к распашной сетчатой двери в прохладную «Усадьбу». – Но расходы на его содержание с каждым годом растут. В этом году нам нужно купить новый котел. Да и кровлю вскоре придется менять.

Супруги задрали голову, чтобы посмотреть на медную крышу, которая со временем окислилась и позеленела. Стоило Гамашу посмотреть на эту крышу, как у него закружилась голова. Кровельщика из него никогда бы не получилось.

– Я говорила с одним мастером абенаки об этой работе. А вы знаете, что этот дом когда-то и построили абенаки?

– Нет, я не знал, – сказал Гамаш, любивший историю Квебека. – Я думал, это сделали «бароны-разбойники».

– Они заплатили за работу, но построили его индейцы и квебекцы. Раньше это был дом для охотников и рыболовов. Когда мы с мужем купили его пятьдесят лет назад, он был заброшен. На чердаке валялись чучела голов. Возникало впечатление скотобойни. Отвратительно.

– Вы поступили мудро, приняв предложение Финни. – Он улыбнулся. – И их деньги. Лучше уж иметь Чарльза Морроу в саду и сделать ремонт, чем потерять все.

– Будем надеяться, что он не в обнаженном виде. Я статую не видела.

Она направилась к кухне, и Гамаши проводили ее взглядом.

– Что ж, по крайней мере, у птиц будет еще одно место, где гнездиться, – сказал Гамаш.

– По крайней мере, – сказала Рейн-Мари.

* * *

Отправившись искупаться, Гамаши нашли Питера и Клару на пристани.

– А теперь скажите нам, что происходит в вашей жизни, начиная с Дени Фортена и вашего искусства. – Рейн-Мари похлопала ладонью по стулу. – И ничего не упустите.

Питер и Клара сообщили им обо всех событиях, произошедших в Трех Соснах, потом, после некоторого нажима, о появлении в их скромном доме знаменитого галериста и о следующем визите Фортена вместе с партнерами, после чего наступило мучительное ожидание, пока они решали, можно ли Клару Морроу в сорок восемь лет признать начинающим художником, которого они могут спонсировать. В мире искусства все знали:

если твою работу одобряет Дени Фортен, то ее одобряет весь мир искусства. И тогда все становится возможным.

И вот после десятилетий, потраченных на безуспешные попытки добиться хоть какой-то известности, у Клары на следующий год намечалась персональная выставка в галерее Фортена.

– Что вы об этом думаете? – тихо спросил Гамаш, когда они с Питером покинули женщин и отошли на другой конец пристани.

– Это замечательно.

Гамаш кивнул и, сцепив руки за спиной, посмотрел на дальний берег, ожидая, что последует дальше. Он знал Питера Морроу. Знал, что тот порядочный и добрый человек, который больше всего в жизни любит жену. Но еще он знал, что эго Питера своими размерами не уступает его любви. То есть оно огромно.

Молчание слишком затянулось, и Питер рассмеялся:

– Что?

– Ведь к успехам привыкли вы, а не она, – прямо сказал Гамаш. Что толку притворяться? – Естественно было бы испытывать некоторую… – он поискал подходящие слова, – смертоубийственную зависть.

Питер снова рассмеялся и с удивлением услышал, что звук его смеха усиливается эхом.

– Вы же знаете художников. Мне пришлось сделать над собой кое-какие усилия – думаю, вы об этом догадываетесь, – но видеть Клару счастливой…

– Не уверен, что Рейн-Мари была бы счастлива, стань я библиотекарем, как она, – сказал Гамаш, глядя на жену, которая оживленно разговаривала с Кларой.

– Я могу себе представить, как вы оба работаете в Национальной библиотеке Монреаля, распространяя волны недовольства между стеллажами. В особенности если бы вы получили повышение.

– Этого не случится. Я не умею писать. Каждый раз приходится повторять алфавит, когда я отыскиваю чей-нибудь телефон в записной книжке. Рейн-Мари от этого чуть с ума не сходит. Но если вы хотите смертоубийственных ощущений, то пообщайтесь с библиотекарями, – доверительно сказал Гамаш. – Столько тишины вокруг. Оттого им и приходят в голову всякие идеи.

Они рассмеялись, а подойдя к женщинам, услышали, как Рейн-Мари рассказывает о том, как они проводят здесь время:

– Поплавать, поспать, поплавать, выпить белого вина, пообедать, поплавать, поспать.

На Клару это произвело впечатление.

– У нас была целая неделя, чтобы довести этот режим до совершенства, – призналась Рейн-Мари. – Над такими вещами нужно работать. А вы чем будете заняты?

– Покататься на лодке, открыть памятник, напиться, поунижать себя, извиниться, похандрить, поесть, поспать, – сказала Клара. – За двадцать лет я довела программу семейного сбора до совершенства. Впрочем, открытие памятника – это что-то новенькое.

– Речь идет о статуе вашего отца? – спросил Гамаш у Питера.

– Отца семейства. Лучше уж здесь, чем в нашем саду.

– Питер, – мягко сказала Клара.

– Ты бы хотела, чтобы у нас в саду? – спросил Питер.

– Нет, но я почти не знала твоего отца. Он был очень красив, как и сын.

– Я ничуть на него не похож, – отрезал Питер совершенно несвойственным ему тоном, чем немало удивил Гамашей.

– Вы не любили своего отца? – спросил Гамаш.

Это предположение казалось безопасным.

– Я любил его в той же мере, что и он меня. Разве не так обычно происходит? Вы получаете ровно столько, сколько даете. А он не давал мне ничего.

Наступило молчание.

– После смерти отца Питера его мать вышла замуж еще раз, – сообщила Клара. – За Берта Финни.

– Он был клерком в компании моего отца, – сказал Питер, кидая камешки в спокойную воду озера.

Клара знала, что Берт был кое-чем большим, чем клерк. Но еще она знала, что сейчас не лучший момент, чтобы поправлять мужа.

– Жду не дождусь, когда это кончится. Мать не хочет, чтобы мы видели статую до открытия, а потому Томас предложил нам всем покататься на лодке.

Он кивнул в сторону деревянной гребной лодки, привязанной к пристани. Она была необычайно длинная, с двумя рядами весел.

– Это называется verchère, – удивленно сказала Рейн-Мари, много лет не видевшая таких лодок.

– Верно, – сказал Питер. – Мы участвовали в местной регате на вершерах-семерках. Томас решил, что это хороший способ провести время. Что-то вроде дани памяти отцу.

– Томас называет вас Спотом, – вспомнил Гамаш.

– Почти всю жизнь так называл.

Питер выставил вперед руки. Рейн-Мари и Гамаш наклонились, словно собираясь поцеловать кольцо на пальце монарха. Но вместо кольца они обнаружили крапинки. Пятнышки.

– Краска, – сказала Рейн-Мари, распрямляясь. – Скипидар это выведет.

– Неужели? – спросил Питер с насмешливым удивлением. Потом улыбнулся. – Это свежие. Замарался сегодня утром у себя в мастерской. Но они всю жизнь у меня на руках, на лице, на одежде, на волосах. Томас обратил на это внимание, когда я был еще мальчишкой, и стал называть меня Спот.

– Томас все замечает, мне кажется, – сказал Гамаш.

– Он от природы – мусорный бачок, – согласился Питер. – Собирает разговоры, события, а годы спустя использует их против вас. Собирает, перерабатывает, выдает на гора. У нашего Томаса никогда ничего не пропадает.

– Значит, откуда взялось прозвище Спот, понятно, – сказала Рейн-Мари. – А что насчет вашей сестры Марианы? Почему ее называют Маджиллой?

– Ну, это по какому-то телевизионному шоу, которое она любила смотреть в детстве. «Горилла Маджилла». Она на нем зациклилась. Отец приходил домой, как раз когда шла эта передача, и требовал, чтобы мы все встречали его у дверей, как большая счастливая семья. А Мариана всегда была в подвале – смотрела телевизор. Отцу приходилось кричать, чтобы она вышла. Каждый вечер она с плачем поднималась по ступенькам.

– Значит, Томас назвал ее Маджиллой по имени гориллы? – спросил Гамаш, начиная понимать характер этого человека.

Питер кивнул.

– А как называли его вы?

– Томас. Я в семье всегда был самой творческой личностью.

Они сидели на пристани, наслаждаясь легким ветерком. Питер слушал, как Клара рассказывает о приезде Дени Фортена в ее мастерскую, о показанном ему портрете их общего друга Рут, старой, увядшей поэтессы. Озлобленной, ощетинившейся, блестящей. По какой-то причине Питер не надеялся понять, почему Клара изобразила Рут как Мадонну. Разумеется, не как невинную деву, а как старую, забытую всеми женщину, одинокую и испуганную, доживающую свои последние годы.

Питер в жизни не видел произведения искусства прекраснее, а уж он-то повидал истинные шедевры. Но никогда он не видел ничего более необычного, чем эта картина в маленькой мастерской Клары, набитой

забракованными картинами, журналами, свернувшимися и засохшими шкурками апельсинов, – и все это рядом с ее аккуратным, профессиональным рабочим пространством.

Но в то время как он в очередной раз брал привычный предмет, увеличивал его до неузнаваемости, а потом изображал в абстрактном виде и называл «Занавеска», или «Лезвие травы», или «Транспорт», Клара, копившая впечатления в своей маленькой мастерской, уловила нечто божественное в лице их морщинистой, встрепанной, злобной соседки. Старые руки с синими венами прижимали к высохшей шее синюю выцветшую шаль. На лице застыло выражение горя и разочарования, гнева и отчаяния. Вот только глаза смотрели иначе. Это было неочевидно. Лишь намек, предположение.

Крохотная точка в ее глазах. На всем громадном холсте Клара нарисовала одну-единственную точку. И этой точкой она изобразила надежду.

Это было великолепно.

Он был рад за нее. Искренне.

Резкий крик разорвал их размышления, и через мгновение все вскочили и помчались к «Усадьбе». Арман Гамаш бросился вперед в тот момент, когда маленькая фигурка выбежала из сада.

Бин.

Они увидели, как Бин с криком бежит к ним по лужку, с каждым шагом все больше впадая в истерику. Ребенка кто-то пытался догнать. Когда они приблизились, Гамаш узнал девушку-садовницу.

Питер и Клара, Гамаш и Рейн-Мари выбежали на лужок и раскинули руки, чтобы остановить ребенка, который почему-то попытался ускользнуть от них, но Питеру удалось поймать этого спринтера.

– Отпустите меня!

Чадо Марианы вопило и билось в руках Питера, словно тот представлял угрозу. Широко распахнутые глаза ребенка были устремлены на «Усадьбу».

Лужок заполнили люди – Морроу, Финни и кое-кто из персонала, прибежавший вслед за перешедшей на рысцу садовницей.

– От кого ты убегаешь, Бин? – Гамаш опустился на колено и взял ребенка за дрожащие руки. – Посмотри-ка на меня, – добрым голосом, но твердо приказал он. – Тебя кто-то обидел?

Он знал, что должен получить честный ответ, пока к ним не присоединились остальные, а они уже были рядом.

Испуганный ребенок вытянул вперед руку. На нежной коже появились

покрасневшие вздутия.

– Что вы сделали с ребенком?

Было слишком поздно. Все уже собрались вокруг, и Гамаш перевел взгляд на обвиняющее лицо Айрин Финни. Он знал, что эта женщина умеет наводить страх на окружающих, а он восхищался сильными женщинами, уважал их, доверял им. Его воспитала сильная женщина, и женился он на сильной женщине. Но он знал, что сила не то же самое, что жестокость, а женщина, вселяющая в окружающих страх, не то же самое, что обычная задира. Кем же была она?

Он снова взглянул на пожилую женщину, жесткую, несгибаемую, требующую ответа.

– Отойдите от ребенка, – потребовала она, но Гамаш остался стоять на колене, игнорируя ее.

– Что случилось? – тихо спросил он.

– Я не виновата, – услышал он у себя за спиной, повернулся и увидел садовницу.

– Обычно такие слова означают прямо противоположное, – заявила миссис Финни.

– Айрин, пусть девушка сама скажет. Как вас зовут? – мягким голосом спросил Берт Финни.

– Коллин, – ответила девушка, отходя подальше от этого безобразного старика. – Это были осы.

– Это пчелы, – всхлипнул ребенок. – Я скачу вокруг Олимпа, а тут они на меня нападают.

– Олимпа? – переспросила миссис Финни.

– Мраморного куба, – сказала Коллин. – И это были осы, а не пчелы. Бин их не различает.

Гамаш наклонился и протянул свою большую руку. Ребенок помедлил, и, пока семья рассуждала о различиях пчел и ос, Гамаш рассмотрел все три вздутия. Они были красные и горячие на ощупь. Приглядевшись, Гамаш увидел под кожей жала с маленькими мешочками, наполненными ядом.

– Каламиновый раствор есть? – спросил он, и кто-то из молодого персонала побежал в дом.

Крепко держа руку ребенка, Гамаш быстро удалил жала и мешочки, взглянул в испуганные детские глаза – не проявится ли аллергическая реакция, готовый схватить дитя, посадить в машину и нестись в больницу в Шербрук. Он посмотрел на Рейн-Мари – та тоже явно готовилась к этому.

Кто был родителем, тот навсегда им остается.

Отек пока держался, но ничего серьезного Гамаш не увидел.

Рейн-Мари взяла бутылочку с жидкостью персикового цвета и, предварительно поцеловав места укуса, протерла их каламиновым раствором. Вокруг них семья вела спор о том, насколько эффективна каламиновая жидкость.

– Все, балаган закончился, – заявила миссис Финни. Она огляделась и, заметив лодку, направилась к пристани. – Ну, кто поедет?

После долгого обсуждения Питер и Томас принялись усаживать всех Морроу в вершер. Питер стоял в лодке, а Томас – на пристани, помогая миссис Финни, Мариане и Джулии. Покусанное пчелами чадо Марианы пробралось в лодку без посторонней помощи.

– Моя очередь, – сказала Сандра, и Томас препроводил ее к Питеру.

Клара шагнула вперед и протянула руку Питеру, но тот почему-то замешкался.

– Извини, – сказал Томас, обошел Клару и шагнул в лодку.

Он уселся, и все семейство уставилось на Питера, стоявшего перед последним свободным местом.

– Садись, а не то опрокинешь лодку вместе со всеми нами, – велела миссис Финни.

Питер сел.

Клара опустила руки. В воде она увидела отражение уродливейшего из всех людей на земле, стоящего рядом с ней.

– В вершере не всем хватает места, – сказал Берт Финни, когда лодка отчалила от пристани.

Глава седьмая

– Да я, в общем-то, и не хотела плыть, – сказала Клара, не глядя на Рейн-Мари. – Но сказала, что поплыву, потому что мне казалось, для Питера это важно. Так, вероятно, лучше.

– Не хотите присоединиться к нам, сэр? – спросил Гамаш, подойдя к Берту Финни и тоже заглядывая в воду озера.

Финни повернулся и уставился на Гамаша тревожным взглядом. Взгляд был таким не только из-за его отталкивающего лица и странных глаз, но и потому, что люди редко смотрят так открыто и так долго в чужие лица. Гамаш выдержал взгляд, и наконец губы Финни раскрылись, показался частокол желтых зубов, на лице появилось какое-то подобие улыбки.

– Нет, merci, я, пожалуй, останусь здесь. – Он направился к концу пристани. – Семь сумасшедших Морроу в лодке. Что тут может случиться?

Гамаш снял свою широкополую шляпу и в полной мере ощутил, насколько горячи лучи солнца. На его памяти не было дня жарче. Жара была удушающая. Ни ветерка, ни дуновения, одно лишь безжалостное солнце, лучи которого усиливались, отражаясь от вод озера. От пота его свежая рубашка прилипла к телу. Он предложил свою шляпу старику.

Берт Финни очень медленно повернулся, словно боясь упасть в воду. Потом старческая рука, похожая на окоренную ветку, протянулась к Гамашу и взяла веселую цветастую широкополую шляпу.

– Но это ваша шляпа. Она вам самому нужна.

– Я предпочитаю думать о ней как о шлеме, – сказал Гамаш, отпуская шляпу. – И вам он нужен больше.

Финни хмыкнул и принял шляпу, погладил ее пальцами.

– Солнечный шлем. Интересно, кто же враг?

– Солнце.

– Пожалуй, – с сомнением сказал Финни.

Кивнув Гамашу, он надел шляпу на свою голову-спутник и повернулся лицом к озеру.

Час спустя к ним в саду присоединился Питер с красным от загара лицом. Клара с удовлетворением отметила это. Она решила делать вид, будто ничего не случилось, – не показывать своих чувств.

Гамаш предложил Питеру банку холодного пива, со стенок которой соскальзывал ледок. Питер прижал ее к своему покрасневшему лицу,

прокатал по груди.

– Хорошо провел время? – спросила Клара. – Поболтал с членами семьи?

– Было неплохо, – сказал Питер, отхлебывая пиво. – Мы даже не утонули.

– Ты так думаешь? – сказала Клара и демонстративно затопала прочь.

Питер посмотрел на Гамашей и побежал за Кларой, но, приблизившись к «Усадьбе», он заметил громадное полотняное покрывало, которое словно парило в воздухе.

Привезли статую. Привезли его отца. Питер остановился и вперился взглядом в прибывший груз.

– Да черт побери, ты ни на секунду не можешь расстаться со своей семейкой! Даже если бежишь за мной – и то останавливаешься! – закричала Клара с другой стороны «Усадьбы».

Ей было уже все равно: пусть себе все подозрения Морроу оправдываются. Пусть она непостоянная, эмоциональная истеричка. Сумасшедшая. Но они ничуть не лучше.

Семь сумасшедших Морроу.

– Боже мой, Клара, извини. Что я могу сказать? – выпалил Питер, догнав жену.

Клара хранила молчание.

– Я сегодня ни на что не гожусь. Что мне сделать, чтобы улучшить ситуацию?

– Ты что, шутишь? Я ведь не твоя мамочка. Тебе пятьдесят, а ты спрашиваешь, как тебе исправить все? Ты тут нагадил, ты и вытирай.

– Извини. В моей семье все психи. Наверно, нужно было сказать тебе об этом раньше.

Он одарил ее мальчишеской улыбкой, от которой ее сердце растаяло бы, если бы уже не успело превратиться в мрамор. Наступило молчание.

– И всё? – спросила Клара. – И все извинения?

– Я не знаю, что должен сделать, – сказал Питер. – Хотелось бы мне знать.

Он стоял потерянный. Как и всегда, когда она злилась.

– Мне очень жаль, – повторил он. – В лодке не было места.

– А когда оно будет?

– Я тебя не понимаю.

– Ты мог бы остаться со мной.

Он уставился на нее, словно она сказала ему, что он может раскинуть крылья и полететь. Она это видела. Это было все равно что требовать от

Питера невозможного. Но она еще верила, что Питер Морроу может летать.

Глава восьмая

Церемония открытия памятника длилась недолго и прошла достойно. Морроу сидели полукругом перед задрапированной статуей. День клонился к вечеру, и деревья отбрасывали длинные тени. Сандра отмахнулась от пчелы в сторону Джулии, которая перенаправила ее к Мариане.

Гамаш и Рейн-Мари сидели под огромным дубом рядом с домом, наблюдая за церемонией с уважительной дистанции. Морроу протирали сухие глаза и влажные лбы.

Клементин Дюбуа, стоявшая рядом со статуей, протянула Айрин Финни веревку и показала, как нужно дернуть.

Гамаши подались вперед, а Морроу едва заметно подались назад. Последовала пауза. Гамаш подумал, что миссис Финни, кажется, медлит сдергивать холстину со статуи. Не решается обнажать и освобождать своего первого мужа.

Пожилая женщина потянула веревку. Потом еще раз. Чарльз Морроу словно цеплялся за холстину. Не желал представать перед людьми.

Наконец, после резкого рывка, холстина упала.

И перед ними предстал Чарльз Морроу.

* * *

Во время обеда статуя была единственным предметом разговоров в кухне. Шеф-повар Вероника пыталась успокоить взволнованный персонал, заставить их сосредоточиться на заказах, но это было трудно. Улучив спокойное мгновение, когда она помешивала подливку для баранины, а Пьер стоял рядом, руководя подготовкой десерта, она спросила у него низким, бархатным голосом:

– Ну и как она выглядит?

– Не так, как можно было ожидать. Ты что, не видела?

– Не было времени. Думала, выдастся минутка позднее – пойду взгляну. Что, так ужасно? Детишки вроде были напуганы.

Она посмотрела на молодых официантов и кухонных работников, сбившихся в тесные группки: кто-то возбужденно говорил, другие стояли с широко открытыми глазами, словно слушали страшилки у костра. Глядя на них, Пьер подумал: вот ведь пугают друг друга до одурения.

– Bon, хватит! – Он хлопнул в ладоши. – За работу!

Но он постарался произнести это одобрительно, а не жестко.

– Клянусь, что она двигалась, – раздался знакомый голос из одной из групп.

Пьер повернулся и увидел Элиота в окружении других работников. Они захихикали.

– Нет-нет, я серьезно.

– Элиот, хватит, – сказал Пьер. – Статуи не двигаются, и ты это знаешь.

– Конечно, вы правы, – сказал Элиот.

Но его тон был лукавым и снисходительным, словно он услышал от метрдотеля что-то глуповатое.

– Пьер, – прошептала Вероника у него за спиной.

Он выдавил улыбку на лице.

– Ты что, опять салфетку выкурил, молодой человек?

Остальные – и даже Элиот – рассмеялись. Скоро эскадрон официантов вышел через распашную дверь – понесли гостям еду, соусы, хлеб и вино.

– Молодец, – сказала шеф-повар Вероника.

– Чертов Элиот! Извини. – Метрдотель посмотрел на Веронику извиняющимся взглядом. – Но он намеренно пугает других.

Он принялся насыпать сахар в фарфоровую сахарницу, и она с удивлением увидела, что руки у него дрожат.

– Теперь у нас сахара хватает? – Она кивнула на пустой пакет с сахаром в его руке.

– Вполне. Странно, что он тогда кончился. Ты не думаешь…

– Что? Элиот? Зачем ему это?

Метрдотель пожал плечами:

– Когда случается что-то необычное, можно не сомневаться, что за этим стоит он.

Шеф-повар Вероника была с ним согласна. За долгие годы у них прошло выучку немало молодых ребят. Сотни. Но Элиот среди них оказался один.

«Он их так любит, – думала Вероника, глядя на Пьера. – Словно это его дети». И она не в первый раз спросила себя, насколько ему не хватает отцовства. Из него получился бы хороший отец. Он учил этих ребят, воспитывал их. Мало того, он обеспечил им стабильное существование и уютный дом. В этом медвежьем углу у них было все, что необходимо человеку. Хорошая еда, теплая постель и твердая почва под ногами. Пьер отказался от собственных детей ради дома в этой глуши и заботы о других

людях и детях других людей. Они оба пошли на это. Но вот по прошествии почти тридцати лет один из них, кажется, вывел Пьера из себя. Шеф-повар Вероника любила природу и уделяла немало времени ее изучению, и она знала, что из чрева и из чащи иногда появляется нечто неестественное. Она думала об Элиоте и спрашивала себя, а на самом ли деле этот красивый молодой человек является тем, чем кажется.

* * *

– Что ты думаешь о статуе? – спросила Рейн-Мари, когда после обеда они сидели за чашечкой кофе с коньяком.

Темноту рассекали только светляки, мелькавшие здесь и там. Морроу все еще были в доме, ели в тишине, и весь мир принадлежал Гамашам.

Гамаш задумался на секунду.

– Я был поражен.

– И я тоже, – сказала она, глядя в ту сторону, где стоял памятник.

Но вечер был темен, и она не видела худого, усталого лица Чарльза Морроу. Красивого человека, превратившегося в камень.

После открытия памятника ветер неуклонно набирал силу. Но он не освежал, а, казалось, нес с собой еще больше жары и влажности.

Из открытых окон Большого зала доносились звуки музыки Баха.

Арман ослабил галстук:

– Вот так получше будет. Ты видела? – Он показал на озеро, хотя нужды в этом не было.

– Молния, – сказала Рейн-Мари. – Пьер был прав. Будет гроза.

Ее муж шевелил губами, произнося шепотом цифры, – отсчитывал секунды между светом и звуком. И вот издалека донеслось глухое урчание. Гром прогрохотал, затих и снова отозвался рокотом.

– Еще далеко, – заметил Гамаш. – Может, и пройдет стороной. Грозы иногда тормозятся в долинах.

Но на самом деле он не думал, что гроза обойдет их стороной. Вскоре всей этой тишине и спокойствию придет конец.

– Потерянный рай, – пробормотал он.

Рейн-Мари продекламировала:

Он в себе
Обрел свое пространство, и создать
В себе из Рая – Ад и Рай из Ада

Он может.[39]

Вот так-то, месье. Это рай. Он всегда будет раем.
– Ты говоришь про это место? Про «Охотничью усадьбу»?
– Нет. – Она обняла его. – Я говорю про *это* место.

***

– Пожалуйста, отнеси в Большой зал. – Пьер передал серебряный поднос с кофе, глинтвейном и шоколадом одному из официантов. – Это для мадам Мартин.
– Эй, я тебя подменю. Я возьму это. – Элиот, стоявший у дверей, потянулся к подносу. – Я видел, как она вышла в сад покурить. А ты можешь взять мой. Это для миссис Морроу.
– Это та, которая растрепанная? – с надеждой спросил официант.
– Нет, которая сдувшаяся, как воздушный шарик, – сказал Элиот. – Сандра Морроу. – Заметив выражение лица другого официанта, он понизил голос. – Слушай, я знаю, куда миссис Мартин ходит курить. Ты будешь бродить вокруг без толку и так и не найдешь ее.
– Откуда ты знаешь, куда она ходит? – прошептал другой официант.
– Просто знаю, и все.
– Оставь, старина. Не понесу я это миссис Морроу. Она пошлет меня за добавкой шоколада, или за другим сортом, или за большей чашкой кофе. Отвяжись.
Официант не выпускал подноса из рук, а Элиот тянул его на себя.
– Что тут происходит? Почему вы оба еще здесь?
Они подняли глаза: метрдотель стоял рядом с ними. Он смотрел на их руки – все четыре цеплялись за серебряный поднос, предназначенный Джулии Мартин. Шеф-повар Вероника, выкладывавшая на тарелку миниатюрные pâtisserie,[40] прекратила работать и уставилась на них.
– Элиот, разве это не твой поднос? – Метрдотель кивнул на поднос, стоящий на старом сосновом буфете.
– Да что за проблема? Мы просто торгуемся.
– Ничего мы не торгуемся, – сказал второй официант, вырывая поднос из рук Элиота.
При этом он расплескал немного кофе.
– Все, хватит. Возьми другой поднос и кофе, – приказал Пьер

официанту. – А ты иди со мной.

Он отвел Элиота в дальний конец кухни. Избежать там взглядов исподтишка они не могли, но для посторонних ушей их разговор был недостижим.

– В чем дело? Между тобой и миссис Мартин что-то происходит?

– Нет, сэр.

– Тогда из-за чего этот сыр-бор?

– Просто я не выношу миссис Морроу, только и всего.

Пьер задумался. Он мог это понять. Ему она тоже не нравилась.

– Как бы то ни было, она наша гостья. Мы не можем обслуживать только тех, кто нам нравится. – Он улыбнулся Элиоту.

– Да, сэр. – Элиот не улыбнулся ему в ответ.

– Bon, – сказал Пьер. – Я это отнесу.

Он забрал у удивленного официанта новый поднос, подготовленный для Джулии Мартин, и вышел из кухни.

– Чего хочет старик? – спросила одна из официанток у Элиота.

Тот взял поднос, чтобы отнести его Сандре Морроу, которая наверняка скажет, что ждала слишком долго и кофе остыл.

– Он не хочет, чтобы я обслуживал Джулию Мартин, – ответил Элиот. – Он оставляет ее для себя. Ты видела, как он на нее смотрит? Я думаю, он в нее втрескался, – пропел он подростковым фальцетом.

Они оба взяли подносы и вышли через распашные двери. У речи Элиота аудитория была больше, чем он думал. Шеф-повар Вероника вытерла руки о чайное полотенце и уставилась на дверь, которая раскачивалась туда-сюда, пока не остановилась.

* * *

– Завтра домой, – сказала Клара Гамашам по пути с террасы в библиотеку.

Скоро она сможет лечь в постель, проспать восемь часов, позавтракать с семьей, а потом отправиться в Три Сосны. И в самом деле, с семьей ей оставалось провести фактически еще часа два. Она в тысячный раз посмотрела на часы. Всего десять? Как это может быть? Неужели Морроу и время способны останавливать?

– А вы когда уезжаете? – спросила она.

– Через два дня, – сказал Рейн-Мари. – Сначала отметим юбилей нашей свадьбы.

– Конечно, – кивнула Клара, смущенная тем, что забыла. – Примите мои поздравления. Когда?

– Первого июля будет тридцать пять лет. В День Канады.

– Легко запомнить, – сказал Питер, дружески улыбаясь.

– Это была любовь с первого взгляда? – спросила Клара, садясь рядом с Рейн-Мари.

– Для меня – да.

– Но не для вас? – спросил Питер у Гамаша.

– И для меня тоже. Она имеет в виду свою семью.

– Неужели у вас тоже были проблемы с семьей супруга? – спросила Клара, которая жаждала услышать о том, что у кого-то такие же беды, как у нее.

– Не совсем. Они были замечательные, – сказала Рейн-Мари. – Проблемой был он.

Она кивнула на мужа, который прислонился к каминной полке, пытаясь притвориться невидимкой.

– Вы? А что случилось? – спросила Клара.

– Не забывайте, что я был молод, – напомнил он ей. – И влюблен. И не очень красноречив.

– У этой истории хороший конец, – сказал Питер Кларе.

– Рейн-Мари пригласила меня после воскресной мессы к себе домой – на ланч и познакомиться с ее семьей. Там были двадцать три сестры и брата.

– Девять, – поправила его жена.

– Я, конечно, хотел произвести на них впечатление, а потому целую неделю размышлял, что бы такое подарить ее матери. Что-нибудь не очень большое. Хотел оставаться в рамках. Но подарок не должен был быть и слишком маленьким. Чтобы не показался дешевым. Я потерял сон. Не мог есть. Эта проблема стала самой важной в моей жизни.

– И что вы подарили? – спросила Клара.

– Коврик для ванной.

– Вы шутите, – фыркнул Питер.

Гамаш отрицательно покачал головой, не в силах говорить. Когда остальные разразились смехом, Гамаш наконец обрел голос.

– Понимаете, – сказал он, отирая слезы, – коврик никогда не ломается.

– И не выходит из моды, но, по-моему, это в некотором смысле je ne sais quoi.

– После этого он научился выбирать подарки, – сказала Рейн-Мари.

– Мыльницы? – спросила Клара.

– Вантузы? – предположил Питер.

– Ш-ш-ш, – прошептал Гамаш. – Это сюрприз к нашему юбилею.

– Пусть тогда он и останется сюрпризом, – со смехом сказала Клара. – Только давайте оставим туалетную тему.

– Бога ради, не надо, – простонал Питер; он никак не мог прийти в себя после приступа смеха.

– Ну уж нет, – сказал Гамаш, хлопая Питера по руке. – Теперь ваша очередь, старина.

– Ладно, – согласился Питер и пригубил ликер. – Когда я впервые приехал в школу и стал распаковывать свои маленькие носочки, ботиночки и брючки, я обнаружил записочку, приколотую к моему блейзеру. Написана она была рукой отца и гласила: «Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете».

С тех пор Питер вырос и поседел, но Гамаш видел перед собой маленького серьезного мальчика с пятнами на руках. Он читал записку и заучивал эти слова наизусть, как заучивают строку из Библии. Или стихотворения.

«Где тот мертвец из мертвецов?»

Что за человеком был Чарльз Морроу, если он оставил такое послание сыну? Гамаш хотел спросить Питера про статую, но у него пока язык не поворачивался.

– Хороший совет, – сказала Рейн-Мари, и все посмотрели на нее. – Если вы спешите, то куда идете? В первую кабинку.

Дальнейших комментариев не требовалось.

Питер задумался; он так до сих пор и не понял, что хотел донести до него отец, хотя в глубине души знал: это нечто важное.

Неужели все было настолько прозаично? Неужели это был обычный практический совет? Еще ребенком, затем подростком и даже – надо признаться самому себе – взрослым мужчиной он позволял себе фантазировать, воображал, что это какой-то тайный код. Переданный лишь ему. Доверенный ему. Его отцом. Код, который выведет его к сокровищу.

«Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете».

И он не пользовался.

Гамаш уже собрался спросить мнение Питера о статуе, но тут вошел Томас.

– Вы разговаривали об общественных туалетах? – спросил он.

– О туалетах? – переспросила Мариана, входя в комнату вместе с Сандрой. – Бин расстроится, что не позвали. Десятилетние ребятишки обожают вести такие разговоры.

– Привет. – Через москитную дверь с террасы вошла Джулия с маленькой чашкой кофе в руке. – Там гром и молния. Я думаю, будет гроза.

– Нет, – саркастически сказал Томас. – Это Питер говорил о туалетах, Джулия.

– Не совсем так, – быстро вставил Питер.

Джулия уставилась на него.

– О мужских или о женских? – спросила Мариана с наигранным интересом.

– Видимо, о мужских, – ответил Томас.

– Ну все! С меня хватит!

Джулия швырнула свою чашку с кофе на пол, и та разбилась. Это действие было таким неожиданным, таким резким, что все в комнате подпрыгнули.

– Прекратите! – прохрипела она. – С меня хватит.

– Успокойся, – сказал Томас.

– Успокоиться, как ты? Ты думаешь, я не знаю? – Она начала улыбаться. Или, по крайней мере, показывать зубы. – Томас – это успех, это талант, – прошипела она, глядя на него. – А ты, – повернулась она к Мариане, – Горилла Маджилла! Неудачница с таким же неудачным ребенком. Бин. Бин? Это что еще за имя? Какого рода это дитя? Ты думаешь, что ты такая уж умная? Ну думай. А я-то знаю. Я знаю все. А ты… – Она посмотрела на Питера. – Ты хуже всех. «Дай, дай, дай!» Ты готов уничтожить всех и вся, чтобы получить то, что тебе надо, верно?

– Джулия… – У Питера перехватило дыхание.

– Ты не изменился. Жестокий и жадный. Пустышка. Трус и лицемер. Вы все приехали сюда, чтобы подлизаться к матери. Вы ненавидели отца. И он это знал. Но я знаю кое-что, вам неизвестное.

Она подошла и наклонилась над Питером. Он не шелохнулся, не сводил глаз с картины над камином. С картины Кригхоффа. С линий и цветов, которые он понимал. Истерики его сестры были непредсказуемыми, ужасающими.

– Я знаю тайну папочки, – прошипела Джулия. – Нужно было жить как можно дальше от вас, чтобы сообразить. Но наконец до меня дошло. И вот я вернулась. И я знаю.

Она злорадно ухмыльнулась и оглядела комнату. Ее глаза остановились на Гамашах. На мгновение она смешалась, удивившись их присутствию.

– Извините, – запинаясь, проговорила она. Приступ закончился, гнев прошел. Она огляделась и заметила результат своей вспышки. –

Извините. – Она нагнулась, чтобы поднять разбитую чашку.

– Нет, не надо, – сказала Рейн-Мари, подходя к ней.

Джулия выпрямилась с осколком чашки в руках, по ее пальцу стекала струйка крови.

– Извините.

Ее глаза наполнились слезами, подбородок задрожал. От ее ярости не осталось и следа. Она повернулась и выбежала через сетчатую дверь, оставив в комнате своих родственников, чьи головы вполне могли бы быть прибиты к старой бревенчатой стене. Если бы их загнали в угол, убили и выставили напоказ.

– Она порезала палец, – сказала Рейн-Мари. – Я принесу ей бинт.

– Не так уж сильно она и порезалась, – возразила Сандра. – Ничего с ней не случится. Перебьется.

– Я пойду с тобой, – сказал Гамаш и взял фонарик со столика у дверей.

Они с Рейн-Мари последовали за ярким лучом фонарика, который рыскал по грубым камням террасы, потом по траве. Они следовали за лучом и рыданиями и нашли Джулию на лужайке у опушки леса. Близ статуи.

– Все в порядке, – сказала Рейн-Мари, опускаясь на колено и обнимая Джулию.

– Нет… не… в порядке.

– Покажите мне, что у вас с рукой.

Исчерпав весь свой протест, Джулия подняла руку. Рейн-Мари осмотрела ее.

– Другую, пожалуйста. – Она нашла небольшой порез на пальце Джулии и промокнула кровь салфеткой. – Кровотечение прекратилось. Все будет в порядке.

Джулия рассмеялась, разбрызгивая капли изо рта и носа:

– Вы так считаете?

– Мы все, случается, злимся, мы все кричим и говорим вещи, которых вовсе не думаем, – сказала Рейн-Мари.

Гамаш протянул Джулии носовой платок, и она высморкалась.

– Я о них думала.

– Тогда вещи, которые говорить не следовало.

– Их следовало говорить.

Она брала себя в руки, латала раны, натягивала на них кожу, восстанавливала косметику, вечернее платье.

– Знаете, они меня никогда не простят. – Она встала, поправила платье, отерла слезы и сопли с лица. – У Морроу долгая память на такие вещи.

Напрасно я вернулась. Нет, в самом деле глупо. – Она издала смешок. – Пожалуй, я уеду утром еще до завтрака.

– Не делайте этого, – сказала Рейн-Мари. – Поговорите с ними. Если уедете, не увидевшись с ними, будет только хуже.

– И вы думаете, что разговор поможет? Вы не знаете Морроу. Я уже и без того наговорила слишком много.

Гамаш хранил молчание, смотрел и слушал. И держал фонарь. В его свете он видел лишь ее лицо, неестественно бледное, с резкими морщинами и тенями.

Не все нужно вытаскивать из старых сундуков. Не каждую правду нужно произносить вслух. Гамаш знал, что Джулия права. Он видел, какие у них были лица, когда она убежала. Она сказала слишком много. Он этого не понимал, не знал, но чувствовал, что на свет божий вызвано нечто отвратительное.

Глава девятая

Гамаш проснулся несколько часов спустя из-за резкого, трескучего звука, словно что-то громадное прорывалось к ним. Потом внезапный удар.

Гром. Не точно над ними, но где-то рядом.

Покрытый по́том, он выпутался из мокрых простыней, жгутом обвивших его ноги, встал и тихо плеснул холодную воду себе на шею и лицо, ощутил соль на губах, почувствовал щетину под пальцами и тут же испытал недолгое облегчение от благодатной прохлады.

– Тебе тоже не спится?

– Только что проснулся, – ответил Гамаш, вернувшись в постель.

Он перевернул свою напитанную влагой подушку и положил голову на прохладную наволочку. Но через несколько секунд она нагрелась, стала влажной от пота. Он чувствовал, что воздух в любой момент может превратиться в жидкость.

– Ой, – сказала Рейн-Мари.

– Что?

– Часы остановились.

Она потянулась к лампе, и Гамаш услышал щелчок. Но ничего больше не случилось.

– Света тоже нет.

Из-за грозы вырубилось электричество.

Гамаш попытался снова уснуть, но к нему все время возвращался образ Чарльза Морроу – тот стоял в одиночестве в саду, освещаемый молниями и снова погружающийся в темноту.

Гамаш предполагал, что фигура будет иметь властный, высокомерный вид. Но когда упала холстина, перед ним предстало удивительное зрелище.

Статуя была выполнена из темно-серого однородного камня, но голова не была высоко и гордо поднята, а, наоборот, немного опущена. Фигура была чуть наклонена, словно собиралась шагнуть вперед. Но этот Чарльз Морроу не был исполнен целеустремленности и планов. Этот сутулый серый человек словно испытывал неуверенность на своем пьедестале.

Когда холст упал на землю и Морроу еще раз увидели своего отца, наступило молчание.

Миссис Финни подошла к статуе. Следом один за другим подошли дети, встали по кругу, словно гайка вокруг болта. Миссис Финни обратилась к ним.

– Я думаю, настало время выпить.

И они так и сделали.

Когда они удалились в дом, Гамаш и Рейн-Мари подошли к статуе и взглянули на это красивое лицо. Прямой благородный нос. Высокий лоб. Губы полные и чуть вытянутые. Не осуждающе, не в горьком размышлении, а в желании сказать что-то. Но самым поразительным были его глаза. Он смотрел перед собой, и то, что видели его глаза, превратило этого человека в камень.

Что видел Чарльз Морроу? И почему скульптор вложил это в свою работу? И что на самом деле почувствовали Морроу? Гамаш подозревал, что последний вопрос самый трудный из всех.

Свет на мгновение мигнул в их спальне. Гамаш начал инстинктивно считать. Одна тысяча, две тысячи…

Снова рокот и еще один удар.

– Ангелы играют в боулинг, – сказала Рейн-Мари. – Так мне мать говорила.

– Это лучше, чем мой ответ. Я, вообще-то, думал, что это гроза.

– Ты невежда. Какая гроза? Лиственная или хвойная?

– А это разве не о деревьях?

– Ты, наверно, думаешь о кучевых деревьях.

– У меня идея, – сказал он, вставая с влажной кровати.

Несколько минут спустя они в своих легких летних халатах спустились по лестнице и прошли по гостиной на крытое крыльцо. Сев в плетеные кресла-качалки, они стали наблюдать, как гроза приближается к ним по озеру. Рейн-Мари взяла зрелые вишни из фруктовой вазы, а Гамаш съел сочную грушу. Они были готовы к тому, что надвигалось на них. Или думали, что готовы.

Тишина была внезапно разорвана порывом ветра, который прорвался через деревья и устроил безумную, показную овацию тому, что двигалось на них. Гамаш слышал и озеро. Волны бились о пристань и берег, несли на своих хребтах все более крупные буруны по мере приближения к ним грозы. Гамаш и Рейн-Мари наблюдали, как ударяют и приближаются молнии, прокладывая себе путь по заливу.

Гроза была сильная. Ветер налетел на крыльцо, прогибая москитные сетки на дверях, словно пытался добраться до Гамаша и Рейн-Мари.

Молния на мгновение осветила озеро и горы. Гамаш почувствовал, как напряглась рядом с ним Рейн-Мари, когда еще одна разлапистая молния ударила в лес на другом берегу озера.

– Одна тысяча, две тысячи…

Оглушающий удар грома прервал их подсчеты. До грозы оставалось меньше двух миль, и направлялась она прямо на них. Гамаш вдруг подумал, есть ли на «Усадьбе» громоотвод. Наверняка есть, решил он, иначе дом давно бы сгорел. Еще один разряд молнии воткнулся в лес за озером, и они услышали оглушительный треск – рухнуло громадное старое дерево.

– Давай лучше войдем в дом, – предложила Рейн-Мари.

Но не успели они подняться, как сильный порыв ветра ударил по сетчатым дверям, принеся с собой струи дождя. Они поспешили внутрь, промокшие и слегка ошарашенные.

– Боже, вы меня напугали, – произнес тихий дрожащий голос.

– Мадам Дюбуа, désolée, – извинилась Рейн-Мари.

Попытку разговора пресек очередной удар молнии и раскат грома. Но во время вспышки Гамаш увидел фигуры, бегущие, словно призраки, по Большому залу, будто гроза переместила «Усадьбу» в потусторонний мир.

Потом в комнате стали появляться маленькие пятна света. Ливень ударил в окна и двери, его бешеная ярость была слышна в доме.

Пятна света стали приближаться к ним, и через несколько секунд они увидели Пьера, Элиота, садовницу Коллин. Нашли фонарики и некоторые другие обитатели гостиницы. Еще несколько мгновений – и они разошлись закрывать ставни, запирать окна и двери. Теперь временное пространство между молнией и громом сократилось до нуля. Гроза оказалась запертой между горами без всякой надежды двигаться дальше. Она снова и снова набрасывалась на «Усадьбу». Гамаш и Рейн-Мари принялись помогать персоналу, и вскоре старый сруб был запечатан.

– У вас есть громоотвод? – спросил Гамаш у мадам Дюбуа.

– Есть, – ответила она, но в мерцающем свете выглядела не очень уверенно.

К ним присоединились Питер и Клара, а еще через несколько минут появились Томас и Сандра. Остальные постояльцы и персонал либо спали, либо были слишком испуганы, чтобы двигаться.

В течение часа гроза сотрясала массивное деревянное сооружение, колотилась в окна, грохотала по медной крыше. Но дом выдержал.

Гроза ушла, чтобы пугать другие существа в лесной чаще. И Гамаши вернулись в свой номер, распахнули окна для прохладного ветерка, оставленного грозой в виде извинения.

Утром электричество восстановили, но солнце не вернулось. Небо было затянуто тучами, чреватыми дождем. Гамаши поднялись поздно под соблазнительный аромат канадского черного бекона, кофе и луж. Запах

квебекской деревни после сильного дождя. Они присоединились к остальным в столовой, поздоровавшись кивками.

Заказав кофе с молоком и вафли с лесной голубикой и кленовым сиропом, они приготовились к неторопливому дождливому дню. Но когда принесли вафли, послышался отдаленный звук, столь неожиданный, что Гамаш даже не узнал его.

Это был пронзительный вопль.

Пока остальные переглядывались, Гамаш быстро поднялся и прошел по столовой. Его догнали Пьер и Рейн-Мари, не сводившая взгляда с мужа.

В коридоре Гамаш остановился.

Вопль повторился.

– Наверху, – сказал Пьер.

Гамаш кивнул и стал подниматься по лестнице, шагая через две ступеньки. На площадке они снова прислушались.

– Что над нами?

– Чердак. За книжным шкафом есть потайная лестница.

Они последовали за Пьером. Коридор слегка расширялся в том месте, где были встроены книжные шкафы. Пьер откатил один из них. Гамаш посмотрел вверх и увидел старую лестницу, темную и пыльную.

– Оставайтесь здесь.

– Арман… – начала было Рейн-Мари, но замолчала, увидев его поднятую руку.

Он побежал по лестнице и вскоре исчез за поворотом.

Голая лампочка раскачивалась из стороны в сторону. В ее тусклом свете плавала пыль и виднелась паутина, свисающая с балок. Здесь пахло пауками. Гамаш заставил себя остановиться и прислушаться. Но не услышал ничего, кроме биения собственного сердца. Он сделал шаг, доски под его ногой заскрипели. У него за спиной раздался еще один вопль. Он развернулся и бросился в темную комнату, встал там, пригнувшись, готовый прыгнуть в любую сторону. Вгляделся в темноту – и вдруг ощутил, как у него сдавило горло.

На него смотрели сотни глаз. Потом он увидел голову. И еще одну. Глаза смотрели на него с отсеченных голов. И пока его мечущийся ум фиксировал это, что-то бросилось на него из угла и чуть не сбило с ног.

Бин. Ребенок, зарыдав, вцепился в него, маленькие пальцы впились в ногу Гамаша. Он освободился из хватки и крепко прижал к себе дрожащее тельце.

– Что случилось? Тут есть кто-то еще? Бин, скажи мне.

– Ч-ч-чудовища. – Глаза ребенка расширились от ужаса. – Нам нужно

бежать отсюда. Пожа-а-а-алуйста!

Гамаш поднял ребенка на руки, но тот вскрикнул, словно его ошпарили, и принялся выворачиваться из его рук. Тогда он опустил его на пол, взял маленькую ладошку в свою, и вместе они побежали к лестнице и вниз. Там уже собралась толпа.

– Опять вы! Что вы сделали с моим ребенком на этот раз? – спросила Мариана, прижимая к себе трясущееся в рыданиях дитя.

– Что, чучела? – спросила мадам Дюбуа.

Гамаш кивнул. Старушка нагнулась и положила морщинистую руку на маленькую спину, содрогающуюся в рыданиях.

– Извини, Бин. Это моя вина. Это всего лишь украшения. Головы животных. Кто-то застрелил их много лет назад, а потом сделал из них чучела. Я понимаю, они могут напугать, но повредить тебе они не в состоянии.

– Конечно, они тебе ничего не сделают. – К спине ребенка прикоснулась еще одна морщинистая рука, и спина напряглась. – Хватит слез, Бин. Мадам Дюбуа все тебе объяснила. Ты ничего не хочешь сказать?

– Merci, Madame Dubois, – послышался приглушенный голос.

– Нет, Бин, извинись за то, что ходишь туда, куда не имеешь права ходить. Ты уже большой человечек, чтобы понимать это.

– Non, ce n’est pas nécessaire,[41] – возразила мадам Дюбуа, но было ясно, что никто никуда не уйдет, пока ребенок не извинится за то, что испугался до полусмерти.

Так оно в конечном счете и случилось.

Все вернулись в нормальное состояние, и через несколько минут Гамаши уселись в свои плетеные кресла-качалки на крыльце. В дождливом солнечном дне было что-то умиротворяющее. После ужасной жары и влажности шел мягкий, ровный, освежающий дождь. Озеро было серым, и на его поверхности виднелись маленькие бурунчики. Рейн-Мари отгадывала кроссворд, а Гамаш смотрел вдаль и слушал, как дождь монотонно молотит по крыше, падает на траву с деревьев. Издалека доносились крики белошейной воробьиной овсянки и вороны. Или во́рона? Гамаш плохо разбирался в птичьих криках. Разве что гагару узнавал. Но этот крик не принадлежал ни одной из птиц, которых он когда-либо слышал.

Он наклонил голову и прислушался внимательнее. Потом встал.

Это был не птичий крик. Это был вопль, визг.

– Опять Бин, – сказала Сандра, выходя на крыльцо.

– Ребенку нужно внимание, – заметил Томас из Большого зала.

Проигнорировав их, Гамаш вышел в коридор и столкнулся там с чадом Марианы.

– Так это не ты? – спросил он, хотя и знал ответ, подтвержденный недоуменным взглядом.

Они услышали новый крик, на этот раз еще более истерический.

– Боже мой, что это такое? – У дверей кухни появился Пьер, взглянул на ребенка, затем на Гамаша.

– Это снаружи, – сказала Рейн-Мари.

Гамаш и метрдотель поспешили под дождь, даже зонты не потрудились взять.

– Я пойду сюда! – прокричал Пьер, показывая на домики персонала.

– Нет, постойте, – сказал Гамаш.

Он снова поднял руку, и Пьер остановился на месте. Пьер понимал: этот человек умеет отдавать приказы и знает, что они будут выполнены. Они замерли чуть ли не на целую вечность, дождь струился по их лицам, промокшая одежда прилипала к телу.

Криков больше не было слышно. Но через мгновение Гамаш услышал кое-что еще.

– Сюда.

Длинные ноги легко несли его по выложенной плитняком дорожке и потом вокруг старого дома, где земля после дождя превратилась в месиво. Пьер шел следом, скользя и разбрызгивая воду.

Посреди лужайки на влажной траве стояла садовница Коллин, прижав руки к мокрому лицу. Она плакала, и он подумал, что ее ужалили осы, но, подойдя ближе, увидел ее глаза. Остекленевшие, испуганные.

Он проследил за ее взглядом и тоже увидел. Увидел то, что должен был заметить, как только завернул за угол дома.

Статуя Чарльза Морроу сделала свой неуверенный шаг. Громадный каменный человек покинул пьедестал и теперь лежал на земле, погрузившись в напитанную влагой землю, но не так глубоко, как мог бы. Что-то помешало его падению. Под ним, едва видимая, лежала его дочь Джулия.

Глава десятая

Метрдотель замер на месте.

– Боже мой! – выдохнул он.

Гамаш взглянул на Коллин, окаменевшую почище Чарльза Морроу. Она закрыла лицо руками, и ее выпученные голубые глаза поблескивали между мокрыми от дождя пальцами.

– Уходите, – мягко, но непререкаемо сказал Гамаш, встав между ней и ужасной сценой.

Губы ее шевельнулись, но она не смогла произнести ни слова. Он наклонился к ней и услышал:

– Помогите…

– Все в порядке, мы здесь, – сказал он, перехватив взгляд Пьера.

– Коллин… – Метрдотель положил пальцы на ее руку.

Глаза ее моргнули и перефокусировались.

– Помогите. Мы должны ей помочь.

– Мы поможем, – утешительно сказал Гамаш.

Вместе с метрдотелем он провел ее под дождем к задней двери, ведущей в кухню.

– Уведите ее в дом, – велел Гамаш Пьеру. – Попросите шеф-повара Веронику приготовить ей горячий чай с сахаром. И вообще пусть приготовит побольше чая. Я думаю, нам тоже понадобится. «Эрл Грей».

– Je comprends,[42] – произнес Пьер. – Что мне им сказать?

Гамаш задумался на секунду.

– Скажите, что случилось несчастье со смертельным исходом. Только не говорите с кем. Пусть никто не выходит. Вы можете увести туда весь персонал?

– Легко. В такой день большинство предпочитает держаться в доме – работать там.

– Хорошо, пусть там и остаются. И вызовите полицию.

– D’accord.[43] А семья?

– Им я сам сообщу.

Дверь закрылась, и Гамаш остался один под проливным дождем. Он подошел к Джулии Мартин, присел, вытянул руку, прикоснулся к ней. Она была холодной и окостеневшей. Рот и глаза широко открыты в изумлении. Он не удивился бы, моргни она, чтобы смахнуть капли, падающие на ее раскрытые глаза. Он сам моргнул несколько раз, как бы за нее, потом обвел

взглядом ее тело. Ноги у нее были переломаны и не видны под статуей, а руки распахнуты, словно она хотела обнять отца.

Долгую минуту Гамаш оставался недвижим; вода капала с его носа, подбородка и рук, проникала за воротник. Он глядел на удивленное лицо Джулии Мартин и думал об исполненном печали лице Чарльза Морроу. Потом он еще раз посмотрел на белый куб, который с первого взгляда напомнил ему надгробие. Что заставило эту массивную статую упасть?

* * *

Когда он вернулся, Рейн-Мари и Бин сидели в коридоре «Усадьбы» и играли в «Я вижу». Один взгляд на его лицо – и она уже знала все, что ей сейчас нужно знать.

– Бин, принеси свои книжки, почитаем вместе.

– Вот здорово!

Ребенок побежал за книгой, но прежде бросил оценивающий взгляд на Гамаша. Гамаш пошел с женой в библиотеку и по пути к телефону рассказал ей все.

– Но как? – проговорила она, тут же проглотив вопрос.

– Я пока не знаю. Oui, bonjour. Жан Ги?

– Только не говорите, что опять хотите попросить у меня совета, шеф. Вы должны использовать собственное серое вещество.

– Как это ни мучительно для меня, но мне и в самом деле нужна твоя помощь.

Жан Ги Бовуар тут же понял, что босс звонит ему не просто от нечего делать. Голос Жана Ги зазвучал резче, и Гамаш почти услышал, как его кресло отъехало от стола.

– Что случилось?

Гамаш вкратце изложил детали.

– В «Охотничьей усадьбе»? Mais, c’est incroyable.[44] Это же одна из самых элитных гостиниц Квебека.

Гамаша всегда удивляло, когда люди, даже профессионалы, полагали, что итальянская одежда высокой моды и дорогое вино являются гарантией против смерти.

– Ее убили?

Был еще один вопрос, кроме этого. Два вопроса, которые возникли на месте преступления и начали мучить Армана Гамаша, как только он увидел тело Джулии Мартин: отчего упала статуя и убийство ли это?

– Я не знаю.

– Скоро мы выясним. Выезжаю.

Гамаш посмотрел на часы. Без десяти одиннадцать. Бовуар и остальная команда прибудут из Монреаля в половине первого. «Охотничья усадьба» затерялась в лесах к югу от Монреаля, в регионе, известном как Восточные кантоны, вблизи от американской границы. Так близко от границы, что некоторые из гор, видимых в это дождливое утро, находились в штате Вермонт.

– Арман? Кажется, я слышу машину.

«Вероятно, местное отделение Квебекской полиции», – подумал Гамаш, благодарный метрдотелю за помощь.

– Merci.

Он улыбнулся Рейн-Мари и направился к выходу, но она остановила его:

– А что семья?

Она выглядела обеспокоенной, и для этого были основания. Мысль о том, что миссис Финни узнает о смерти дочери от официанта или, еще того хуже, выйдя из дома на прогулку, была невыносима.

– Я проинструктирую полицейских и сразу же вернусь в дом.

– А я пойду посмотрю, все ли с ними в порядке.

Гамаш проводил жену взглядом: она решительным шагом прошла в комнату, наполненную людьми, чья жизнь вскоре должна была измениться навсегда. Она могла бы тихо скрываться в библиотеке, и никто бы и слова укоризненного ей не сказал, но Рейн-Мари Гамаш предпочла сидеть в комнате, которую вскоре захлестнет горе. Не многие сделали бы такой выбор.

Гамаш быстро вышел из дома и представился полицейским, которые очень удивились, увидев знаменитого сыщика здесь, в лесной чаще. Он дал им указания и, пригласив с собой одного из них – молодую женщину, – вернулся в дом, чтобы известить Морроу.

*** * ***

– Случилось несчастье. У меня для вас плохие новости.

Арман Гамаш знал, что долгие вступления в таких случаях не идут на пользу родственникам.

Но он знал и кое-что еще.

Если это было убийство, то кто-то из присутствующих в комнате почти

наверняка его и совершил. Гамаш никогда не позволял этому факту заглушать его сострадание, но и не позволял состраданию ослеплять его. Он говорил и внимательно изучал лица.

– Мадам, – обратился он к миссис Финни, сидевшей в мягком кресле со свежим номером «Монреаль газетт» на коленях.

Она напряглась. Ее глаза заметались по комнате, перебегая с одного лица на другое. Он знал, какие мысли проносятся у нее в голове. Кто присутствует и кого здесь нет.

– Произошел несчастный случай со смертельным исходом.

Он произнес это тихим, отчетливым голосом. У него не было иллюзий насчет того, какой эффект произведут его слова на эту женщину. Слова тяжелые, как камень, и сокрушительные.

– Джулия, – выдохнула она имя.

Ее отсутствующая дочь. Единственная из ее детей, кого не было в комнате.

– Да.

Миссис Финни открыла рот и впилась взглядом в его глаза в поисках выхода, какой-нибудь задней двери, намека на то, что это неправда. Но Гамаш не дрогнул. Его карие глаза смотрели прямо на нее, спокойно и уверенно.

– Что?

Томас Морроу вскочил на ноги. Он не прокричал это слово, а скорее швырнул его через комнату в Гамаша.

«Что». Вскоре кое-кто будет спрашивать «как», и «когда», и «где». И наконец, главный вопрос: «за что».

– Джулия? – спросил Питер Морроу, вставая; Клара взяла его за руку. – Джулия мертва?

– Я должна пойти к ней.

Миссис Финни встала, газета упала на пол и осталась там. Это был эквивалент крика. Мистер Финни с трудом поднялся в полный рост. Он протянул было руку к жене, но передумал.

– Айрин, – сказал он и снова протянул к ней руку, и Гамаш послал ему мысленный сигнал дотянуться, непременно дотянуться.

Но старая иссохшая рука опять не дотянулась – безвольно упала вниз.

– Откуда вы знаете? – спросила Мариана, которая тоже поднялась. – Вы ведь не доктор. Может быть, она жива.

Она двинулась к Гамашу, сжав кулаки, с покрасневшим лицом.

– Мариана! – Голос звучал властно, как и прежде, и женщина остановилась на полпути.

– Но, мама…

– Он говорит правду. – Миссис Финни снова взглянула на этого крупного, уверенного человека. – Что случилось?

– Отчего она умерла? – спросил Питер.

Гамаш видел, что ужас нарастает. Они начинали понимать, что женщина, которой не исполнилось и шестидесяти, явно здоровая, не может умереть просто так, ни с того ни с сего.

– Аневризма? – выпалила Мариана.

– Несчастный случай? – спросил Томас. – Она упала с лестницы?

– Упала статуя, – ответил Гамаш, внимательно глядя на них. – Упала на нее.

Морроу сделали то, что получалось у них лучше всего. Они замолчали.

– Статуя отца? – наконец спросил Томас.

– Мне очень жаль. – Гамаш посмотрел на миссис Финни: вид у нее был неважный, она напоминала чучело. – Полиция сейчас занимается ею. Она не одна.

– Я должна ее увидеть.

– Полиция никого к ней не подпускает. Пока, – сказал он.

– Мне плевать. Меня они пропустят.

Гамаш встал перед ней, поймал ее взгляд.

– Нет, мадам. Боюсь, что сейчас не пустят даже вас.

Она с ненавистью посмотрела на него. Он часто ловил на себе такие взгляды и понимал их. И знал, что дальше будет еще хуже.

Гамаш оставил Морроу наедине с их скорбью и увел с собой Рейн-Мари, но при этом сделал незаметный жест женщине-полицейскому, велев занять место в углу.

* * *

Инспектор Жан Ги Бовуар вышел из машины и взглянул на небо. Оно все было затянуто серыми тучами. Дождь будет идти еще некоторое время. Он посмотрел на свои кожаные туфли. На дизайнерские брюки. На льняную рубашку. Идеально. Чертово убийство на краю света. Под дождем. В грязи. Он шлепнул себя по щеке. Тут еще и насекомые. Он посмотрел на ладонь – капелька крови и раздавленный комар.

Идеально до хрени.

Агент Изабель Лакост раскрыла зонтик, предложила другой Бовуару. Он отказался. Достаточно уже того, что он здесь, не хватает еще и

выглядеть как Мэри Поппинс.

Из гостиницы вышел старший инспектор Гамаш и помахал ему. Бовуар помахал в ответ и хлопнул себя по затылку. Гамаш предпочел думать, что Бовуар просто прогонял насекомое. Рядом с Бовуаром под зонтиком шла агент Лакост. Ей еще не исполнилось тридцати, она была замужем и уже успела родить двоих детей. Как и большинство квебекцев, она была темноволосая и невысокая, не обделена хорошим вкусом и уверенностью в себе. На ней были блузка и брюки, одновременно строгие и модные даже при резиновых сапогах.

– Salut, Patron, – сказала она. – Как вы умудрились найти тело?

– Я остановился в этой гостинице. – Гамаш зашагал между ними. – Жертва тоже остановилась в «Усадьбе».

– Надеюсь, она получает скидку, – сказал Бовуар.

Они завернули за угол дома, и Гамаш представил им местных полицейских.

– Кто-нибудь выходил? – спросил он.

Бовуар оглядывал место, где лежала жертва, сгорая от желания принять участие в следственных действиях.

– Какая-то пожилая женщина, – сказала молодая женщина-полицейский.

– Англичанка? – спросил Гамаш.

– Нет, сэр. Франкоязычная. Предложила нам чай.

– Высокая, с низким голосом?

– Да, это она. Вообще-то, она показалась мне знакомой, – сказал один из полицейских. – Кажется, я видел ее в Шербруке.

Гамаш кивнул. Шербрук был ближайшим городком, где располагалось полицейское отделение.

– Это шеф-повар гостиницы. Вероника Ланглуа. Она интересовалась этим местом? – Гамаш оглядел участок, огороженный желтой полицейской лентой.

– А кто бы не полюбопытствовал? – рассмеялась молодая женщина.

– Вы правы, – тихо сказал он, посмотрев на нее печальными добрыми глазами. – Женщина еще несколько часов назад была жива. Может, это несчастный случай, может – убийство, но в любом случае здесь сейчас не место и не время для смеха. Пока.

– Извините.

– Вы слишком молоды, чтобы сделаться бесчувственной или циничной. И я тоже. – Он улыбнулся. – Нет ничего зазорного в том, чтобы проявлять чувствительность. Что говорить, это наше самое большое

преимущество.

– Да, сэр.

Женщина-полицейский готова была лягнуть себя. На самом деле она была человеком чувствительным, но решила, что должна скрывать это, а некоторая грубость произведет впечатление на знаменитого главу отдела по расследованию убийств. Она ошиблась.

Гамаш повернулся к огороженному месту. Он почти ощущал, как вибрирует рядом с ним Бовуар. Инспектор Бовуар был альфа-самец, энергичный, сосредоточенный заместитель шефа, который верил в торжество фактов над ощущениями. Почти ничто не проходило мимо его взгляда. Кроме разве что тех вещей, которые невозможно увидеть.

Агент Лакост тоже смотрела в ту сторону. Но в отличие от Бовуара она умела сдерживать свои порывы. В их команде она была охотником. Умела вести наблюдение незаметно, скрытно.

А Гамаш? Он знал, что он не гончая и не охотник. Арман Гамаш был разведчиком. Он шел впереди других на неизвестную и не нанесенную на карту территорию. Его тянуло на край света. В места, известные старым морякам, которые предупреждали: «Там водятся чудовища».

Вот где можно было найти старшего инспектора Гамаша.

Он заходил за черту и обнаруживал там чудовищ, прячущихся в глубине внешне разумных, мягких, веселых людей. Он заходил туда, куда даже они сами не отваживались заходить. Арман Гамаш шел по скользким следам вглубь человеческой души, где скрывался почти потерявший человеческие черты убийца.

У команды Гамаша была чуть ли не идеальная следовательская история, они делали свою работу, отделяя факты от фантазий, пресекали попытки выдать желаемое за действительное. Они делали это, собирая свидетельства и улики. А также эмоции.

Арман Гамаш знал кое-что, недоступное другим следователям в прославленной Квебекской полиции. Убийство – это в высшей степени человеческое явление. Убивают человека, и убивает человек. А спусковым крючком убийства становится не каприз и даже не какое-то событие, а эмоция. Нечто прежде здоровое и человечное становится жутким и распухшим, оно вынуждено прятаться. Но не успокаивается. Оно лежит там нередко десятилетиями, пожирая самое себя, увеличиваясь в размерах и скрежеща зубами, мрачное, полное обид. И наконец оно вырывается на свободу, отрекаясь от всего, что было в нем человеческого. Его уже не могут сдержать ни совесть, ни страх, ни общественный договор. Когда это происходит, начинается ужас. И человек становится убийцей.

И Арман Гамаш вместе со своей командой занимались тем, что отыскивали убийц.

Что же случилось в «Охотничьей усадьбе» – убийство или нет? Гамаш этого не знал. Но он знал: здесь произошло что-то неестественное.

* * *

– Отнесите это им, s’il vous plaît.[45] – Большая красная рука шеф-повара Вероники чуть дрожала, когда она показывала на подносы. – И принесите от них чайники. Им понадобится свежий чай.

Она знала, что это ложь. То, чего хотела семья, невозможно было вернуть. Но, кроме чая, ей нечего было им предложить. И она готовила его. Заваривала снова и снова.

Элиот старался ни с кем не встречаться взглядом. Он пытался делать вид, будто ничего не слышит, что, впрочем, было вполне возможно из-за Коллин, которая все время всхлипывала и шмыгала носом. Возникало впечатление, что у нее в голове неисчерпаемый запас жидкости.

– Я не виновата, – в сотый раз проговорила она, брызжа слюной.

– Конечно, ты не виновата, – сказала Клементин Дюбуа, прижимая ее к себе и поправляя одеяло, которым она накрыла девушку. – Никто тебя и не винит.

Коллин прильнула к мягкой груди.

– Там повсюду были муравьи, – сказала она, икнув, и отпрянула от мадам Дюбуа, оставив на плече ее цветастого платья влажное пятно.

– Ты и ты, – сказала шеф-повар Вероника, показывая на Элиота и Луиз и понуждая их действовать.

Чай стал бы слишком крепким, если ждать и дальше. Она знала: официанты молоды и еще не сталкивались со смертью. В отличие от нее. Отправлять их прислуживать Морроу и в лучшие времена было нежелательно, а сейчас времена были отнюдь не лучшие. Комната, полная скорби, хуже, чем комната, полная злости. К злости человек привыкал, сталкивался с нею каждый день, научался принимать ее или не замечать. Или уходить от нее подальше. Но спрятаться от скорби было невозможно. Она находила тебя повсюду. Больше всего люди боялись скорби. Не утраты, не печали. Но что происходило, когда вы подавляли эти чувства в себе? Они возвращались скорбью.

Работники гостиницы собрались в кухне: кто сидел в кресле, кто устроился на краешке стола, кто прислонился к стене, прихлебывая

крепкий кофе или чай, успокаивая друг друга. Шепотком делились предположениями, теориями, догадками. Метрдотель привел Коллин, сдал им на руки – пусть утешат, найдут ей сухую одежду, – потом собрал весь персонал. После того как семья была извещена, он мог поделиться новостью с работниками.

Мадам Мартин мертва. На нее упала статуя.

Все охнули, у кого-то вырвалось восклицание, но лишь один из них вскрикнул. Пьер оглядел комнату, но так и не понял, кто это. В одном он был уверен: этот звук удивил его.

* * *

Наконец-то инспектору Бовуару удалось заглянуть в яму. Только это была не яма. Углубление в земле было заполнено человеческим телом. Женщина с широко раскрытыми глазами, мертвая, ее грудь раздавлена упавшей статуей.

– Господи Исусе!

Бовуар покачал головой и хлопнул ладонями, убивая мошку. Краем глаза он заметил агента Лакост, которая надела резиновые перчатки и склонилась над трупом.

Начиналось новое расследование.

В течение следующих нескольких минут приехали еще пикапы, привезли новых членов команды, и криминалисты принялись за работу. Арман Гамаш внимательно наблюдал за происходящим, за Бовуаром, который руководил действиями агентов.

– Ну и что вы думаете, шеф? – Лакост сняла резиновые перчатки и встала рядом с ним под зонтом. – Она была убита?

Гамаш отрицательно покачал головой. Он пребывал в недоумении. В этот момент появилась молодая женщина-полицейский, которой он приказал находиться в Большом зале, когда туда пришли Морроу. Она явно пребывала в возбуждении.

– Хорошие новости, сэр, – сказала она. – Я подумала, что должна как можно скорее сообщить вам. Кажется, у нас появился подозреваемый.

– Молодец. И кто же это?

– Поначалу семья вела себя тихо, но вскоре двое из них начали шептаться. Не тот, что художник, а другой брат и сестра. Они, кажется, абсолютно уверены, что если это было убийство, то убить ее могли только два человека.

– Да? – вмешался Бовуар.

Может быть, они вернутся к благам цивилизации скорее, чем он думал.

– Oui. – Она посмотрела в свой блокнот. – Бакалейщик и его жена-уборщица. Их зовут Арман и Рейн-Мари. Фамилию я не разобрала. Они тоже снимают номер в гостинице.

Бовуар ухмыльнулся, а Лакост поспешила отвернуться.

– Мои подозрения подтвердились, – сказал Бовуар Гамашу. – Вы сдадитесь без сопротивления?

– Мне будет вас не хватать, – подхватила агент Лакост.

Гамаш слегка улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Семь сумасшедших Морроу.

Нет, шесть.

Глава одиннадцатая

– Питер, – прошептала Клара.

Она наблюдала за тем, как он взял фирменный бланк «Усадьбы» и карандаш, склонил седую голову и забылся, проводя прямые на разлинованных страницах блокнота. Это действие зачаровывало и утешало так же, как утешает третья порция мартини. Ощущение было приятное, но только потому, что это притупляло чувства. Даже Клара чувствовала себя вовлеченной. Что угодно, лишь бы ускользнуть из этой комнаты, наполненной безмолвной и торжественной скорбью.

По другую сторону Большого зала склонилась и седая голова Томаса. Над клавишами пианино. Зазвучали медленные, неуверенные ноты, но через несколько секунд Клара узнала музыку. На сей раз это был не Бах. Бетховен. «Für Elise».[46] Мелодия была подвижная, живая. И относительно легкая для исполнения. Клара и сама смогла бы сыграть несколько первых тактов.

Но Томас Морроу играл это как погребальную песнь. Он отыскивал каждую ноту так, словно мелодия пряталась. Она наполняла скорбную комнату такой болью, что у Клары стали слезиться глаза. Их жгло от усилий, которые прилагала Клара, чтобы скрыть слезы, но это было уже невозможно.

Сандра оплакивала песочное печенье, поглощая одну штуку за другой, а Мариана сидела рядом со своим чадом, читающим книгу, и обнимала его за плечи. Теперь они молчали, хотя несколькими минутами ранее Томас, Сандра и Мариана сидели тесным кружком и перешептывались. Подошла Клара со словами соболезнования, но они ответили молчанием и подозрительными взглядами. Поэтому она отошла от них.

Не каждый годится для плавания, подумала она. Корабль «Морроу» явно шел на дно. Это видела даже Клара. Это был пароход в эпоху реактивных самолетов. Они представляли собой старые деньги во времена меритократии.[47] Звучали сигналы тревоги. Но даже Питер, ее прекрасный, умный муж, цеплялся за эти обломки.

Кларе было известно нечто такое, о чем не знали Морроу. Пока не знали. Они в это утро потеряли больше, чем сестру и дочь. Полиция стояла у дверей, и Морроу были накануне прощания с теми остатками заблуждений, что еще оставались у них и поддерживали их на плаву. После этого они станут такими же, как и все остальные.

Мать Питера недвижно сидела выпрямившись на диване. Смотрела перед собой.

Сказать ей что-нибудь? Сделать? Клара ломала голову, размышляя над этим. Нет, наверняка можно как-то утешить эту старую женщину, которая только что потеряла дочь.

Но как? Как?

Открылась дверь, и появился Арман Гамаш. Музыка прекратилась, и даже Питер поднял глаза. Следом за Гамашем шли инспектор Бовуар, агент Лакост и молодой квебекский полицейский.

– Ах ты, ублюдок! – Томас вскочил так резко, что опрокинул табурет, и двинулся на Гамаша.

– Томас! – одернула его мать.

Он остановился. Миссис Финни поднялась и сделала несколько шагов к центру комнаты.

– Вы арестовали этого человека? – спросила она у Бовуара, кивая на Гамаша.

– Я бы хотел представить вам старшего инспектора Гамаша, главу отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, – сказал Бовуар.

Морроу, исключая Питера и Клару, уставились на входную дверь, полагая, что сейчас в ней появится этот большой полицейский начальник. Потом они мучительно медленно перевели взгляд на крупного человека, стоящего перед ними. На бакалейщика.

– Это он? – спросила Мариана.

– Это что, шутка? – С каждым словом Сандры из ее рта на ковер вылетали крошки печенья.

– Bonjour. – Гамаш торжественно поклонился. – К вашему сожалению, он имел в виду меня.

– Так вы полицейский? – спросил Томас, который никак не мог осознать, что подозреваемый на его глазах превращается в старшего инспектора. – Почему же вы нам не сказали?

– Я не думал, что это имеет значение. Мы все были здесь гостями. И никем больше. До сегодняшнего утра. – Он повернулся к миссис Финни. – Вы все еще хотите увидеть вашу дочь? Раньше я не мог этого позволить, потому что нам нужно было осмотреть место происшествия. Но должен вас предупредить…

– В этом нет нужды, старший инспектор. Я знаю, что зрелище будет не из приятных. Отведите меня к Джулии.

Она уверенным шагом прошла мимо него к двери, и на Клару произвела впечатление ее способность даже в скорби менять курс: она

признала в Гамаше старшего инспектора, пока Томас и Мариана продолжали пялиться на него с подозрением. И она первая из них смирилась с тем, что Джулия и в самом деле мертва. Но не слишком ли быстро она это сделала?

Гамаш смотрел, как миссис Финни идет к двери. Но теперь его было уже не одурачить. Сегодня утром, за мгновение до того, как он сказал ей о Джулии, он видел ее ястребиный взгляд, обшаривавший комнату, когда она высматривала, кто присутствует, а кого нет. Любимый ребенок отныне был потерян. Гамаш видел то, что она пыталась скрыть.

– Я прошу остальных оставаться здесь, – сказал Гамаш, хотя никто больше и не шелохнулся.

Кроме Берта Финни. Он остановился в шаге от Гамаша, устремив взгляд на лампу и книжный шкаф.

– Боюсь, что мне придется настаивать, – сказал старик.

Гамаш заколебался. На мертвенно-бледном, почти нечеловеческом лице старика застыло испуганное выражение. Но его поступок был благородным. Гамаш кивнул.

Они оставили в комнате молодую женщину-полицейского, и Гамаш спросил себя, кому из них придется труднее: ей, остающейся, или им, уходящим.

* * *

Когда они подошли к желтой полицейской ленте, до них снова донеслись звуки «Für Elise». Дождь прекратился, и туман уполз в горы. Все вокруг было серо-зеленого цвета, и между отдельными нотами было слышно, как капли с деревьев падают на землю.

Гамаш приказал криминалистам отойти, чтобы позволить миссис Финни увидеть дочь. Они встали полукругом на краю леса, глядя, как эта старая женщина, такая маленькая и розовая, идет к яме в земле.

Приближаясь, миссис Финни поначалу увидела только весело трепыхающуюся полицейскую ленту. Желтую. Любимый цвет Джулии. Она была такой женственной, ее дочь, любила хорошо одеваться, а еще любила всякие выдумки и косметику, туфли и шляпки. Любила быть в центре внимания.

Потом миссис Финни увидела полукруг мужчин и женщин на окраине леса, наблюдающих за ней. И над ними – синюшное, опухшее небо.

Бедная Джулия.

Айрин Финни замедлила шаг. Она была не из тех женщин, которые понимают пустоту, которые размышляют над этим. Но сейчас – слишком поздно – она поняла, что это было ее ошибкой. Сейчас она поняла, что пустота на самом деле таковой не является. Даже за несколько шагов слышала она шепоток. Пустота хотела знать что-то.

«Во что ты веришь?»

Вот что заполняло пустоту. Вопрос и ответ. Айрин Финни остановилась – она еще не была готова увидеть то, что ей предстояло увидеть. Она ждала Берта. Она не увидела его, но ощутила его присутствие и сделала еще один шаг вперед. Еще один – и она увидит.

Она помедлила – и сделала этот шаг.

То, что она увидела, совершенно не затронуло ее глаз, а сразу же осело в груди. Прошло всего мгновение, и она погрузилась туда, где нет скорби, в забвение, где нет боли, нет утрат, не существует страсти.

Айрин Финни глубоко вздохнула. Потом еще раз.

Она воспользовалась этими вздохами, чтобы прошептать единственную молитву, которую сумела вспомнить:

Перед сном молюсь на ложе:
Сохрани мне душу, Боже.

Она увидела раскинутые руки Джулии. Увидела пухлые мокрые пальчики, хватающие ее за большой палец в старой кухонной раковине их самой первой квартиры. Ее и Чарльза. Что же ты наделал, Чарльз?

А умру в ночную стужу —
Прибери мою ты душу.

Она предложила молитву пустоте, но было слишком поздно. Пустота уже забрала Джулию, а теперь поглотила и ее. Миссис Финни оглядела людей, стоявших полукругом, но их лица совершенно изменились. Они стали плоскими, как на фотографии. И совсем ненастоящими. Лес, трава, старший инспектор рядом с ней, даже Берт – все они больше не существовали. Стали ненастоящими.

«Во что ты веришь?»

Ни во что.

* * *

Гамаш в полном молчании проводил их в дом, уважая потребность миссис Финни побыть наедине с собственными мыслями. Когда он вернулся, приехала машина с подъемником.

– А вот и коронер. – Лакост кивнула в сторону женщины лет тридцати с небольшим, в брюках, легком летнем плаще и резиновых сапогах.

– Доктор Харрис! – Гамаш помахал ей, а потом стал наблюдать за тем, как поднимают статую.

Бовуар руководил работой, отбиваясь от мошки. Это запутывало крановщика, который принимал взмахи рук Бовуара за указания и два раза чуть снова не уронил статую на Джулию Мартин.

– Эти проклятые твари! – прорычал Бовуар, оглядывая остальных полицейских, работавших как ни в чем не бывало. – Неужели они больше никому не досаждают? Господи боже!

Он треснул себя по голове, целясь в слепня. Но промахнулся.

– Bonjour, – слегка поклонился Гамаш подошедшему коронеру.

Шарон Харрис мимолетно улыбнулась. Она знала, что на месте убийства, где еще находится жертва, старший инспектор требует от подчиненных соблюдения определенного этикета. Он был в этом смысле белой вороной. В большинстве случаев на месте преступления отпускались шутки, часто звучали замечания в духе черного юмора. Полицейских пугало то, что они видят, и считалось, что саркастические, грубые реплики отпугивают монстров. Не отпугивали.

Инспектор Гамаш подбирал в свою команду людей, которых, возможно, тоже пугали жуткие зрелища, но им хватало мужества преодолеть себя.

Стоя рядом с Гамашем и наблюдая, как статую поднимают с земли и с мертвой женщины, доктор Харрис уловила слабый аромат розовой воды и сандалового дерева. Его фирменный запах. Она повернула голову и взглянула на старшего инспектора, на его волевое лицо в профиль. Спокойное, но внимательное.

Ему была свойственна какая-то старомодная вежливость, отчего ей казалось, что она находится в обществе своего деда, хотя Гамаш был всего на двадцать лет старше ее. Когда крановщик увел стрелу со статуей к грузовику, доктор Харрис надела перчатки и приступила к делу.

Она видела трупы и пострашнее. Гораздо страшнее. Ужасные смерти, которые не могли быть отомщены, потому что виновата в этом была только

судьба. Возможно, это один из таких случаев, подумала она, осматривая искалеченное тело, потом статую. Затем пьедестал.

Доктор Харрис опустилась на колени, чтобы осмотреть повреждения.

– Я бы сказала, что она мертва уже часов двенадцать. Может быть, больше. Дождь не позволяет определить точнее.

– Это почему? – спросила Лакост.

– Нет мух. Количество насекомых на теле помогает установить, как давно умер человек. Но ливень разогнал насекомых. Они в этом смысле как кошки. Не любят дождя. А сейчас, когда дождь закончился…

Она посмотрела на Бовуара, исполнявшего безумный танец и шлепающего себя по голове.

– Вот… – Она показала на рану. – Видите?

Лакост пригляделась. Коронер была права. Насекомых почти не было.

– А вот это интересно, – сказала доктор Харрис. – Посмотрите-ка.

На ее пальце было что-то коричневое. Лакост наклонилась ближе.

– Земля? – спросила она.

– Земля.

Брови Лакост недоуменно взметнулись, но она ничего не сказала. Еще через несколько минут коронер встала и подошла к старшему инспектору:

– Я могу вам сказать, как она умерла.

– Убита упавшей статуей? – спросил Гамаш.

– Возможно, – ответила коронер и посмотрела на статую, висящую в воздухе, потом на пьедестал.

– Это более интересный вопрос, – сказал Гамаш, читая ее мысли.

– Вчера была сильнейшая гроза, – сказала доктор Харрис. – Может быть, поэтому статуя и упала.

– Они меня с ума сведут. – К ним подошел Бовуар, на его лице были крохотные пятнышки раздавленной мошки. Он взглянул на Гамаша, спокойного, уравновешенного. – Они вас что, не кусают?

– Нет. Тут нужно усилие воли. Это все в вашей голове, инспектор.

Бовуар знал, что это правда. Он только что вдохнул целый рой мошки и знал, что немало насекомых попало ему в нос. Неожиданное жужжание в ухе предупредило его: либо с ним случился удар, либо к нему в ухо залетел слепень.

«Пожалуйста, пусть это будет несчастным случаем, а не убийством. Пусть я вернусь к моему барбекю, моему стаканчику пива, моему спортивному телеканалу. Моему кондиционеру».

Он засунул мизинец в ухо, но жужжание только ушло вглубь.

Чарльз Морроу опустился в грязный безбортовой кузов. Он лежал на

боку, вытянув руки. Его печальное лицо было испачкано плотью и кровью от плоти и крови его.

Гамаш подошел к краю ямы. Все видели, как он посмотрел вниз. Шевельнулась только его правая рука, пальцы медленно сжались в кулак.

Потом он дал знак своей команде, которая тут же пришла в действие и начала сбор вещдоков. Руководство этой работой взял на себя Жан Ги Бовуар, а Гамаш отошел к большому грузовику без бортов.

– Это вы ставили статую на пьедестал? – спросил он у крановщика.

– Нет, не я. А когда ее ставили? – спросил крановщик, закрепляя и укрывая Чарльза Морроу для поездки на базу полиции в Шербруке.

– Вчера. В начале дня.

– У меня был выходной. Я рыбачил на озере Мемфремейгог. Могу показать вам фото и улов. Лицензия у меня есть.

– Я вам верю. – Гамаш успокаивающе улыбнулся. – Мог кто-то другой из вашей компании ставить статую?

– Спрошу.

Через минуту он вернулся:

– Связался с диспетчерской. Босс ответил. Он сам и ставил статую. Мы часто работаем в «Усадьбе», и, когда мадам Дюбуа позвонила с этим заказом, босс решил, что тут нужен особый подход. Никто лучше его этого не сделал бы.

В его словах прозвучал некоторый сарказм. Было ясно, что этот человек не будет возражать, если его босс получит по полной программе. Если бы в подтверждение своей мысли он еще мог бы выставить средний палец, то непременно так и сделал бы.

– Вы можете сообщить мне его имя и координаты?

Крановщик радостно протянул Гамашу визитку, на которой было подчеркнуто имя владельца.

– Прошу вас, скажите ему, что приблизительно через час я буду ждать его в отделении полиции в Шербруке.

Как только крановщик сел в машину и уехал, к Гамашу подошла доктор Харрис.

– Это могло быть следствием грозы? – спросил он ее, вспоминая разряды молний и игры рассвирепевших ангелов, кричащих над перевернутыми статуями.

– Попадание молнии в статую? Такое возможно. Только этого не было.

Гамаш посмотрел на коронера удивленными карими глазами:

– Почему вы так уверены?

Она показала ему палец. Агент Лакост скорчила гримасу. Это был не

какой-нибудь палец, а средний. Гамаш поднял брови и ухмыльнулся. Потом брови его опустились, и он придвинулся ближе, разглядывая коричневатую субстанцию.

– Это было под ее телом. Вы увидите еще больше, когда тело будет перемещено.

– Это похоже на землю, – сказал Гамаш.

– Так оно и есть, – подтвердила доктор Харрис. – Сухая земля.

Но Гамаш по-прежнему недоумевал:

– И что это значит?

– Это значит, что жертву убила не гроза. Она лежала на земле до начала грозы. Под ней сухо.

Гамаш переварил эту информацию:

– Вы хотите сказать, что статуя упала и убила ее до начала грозы?

– Это факт, старший инспектор. Земля сухая. Я понятия не имею, как эта статуя свалилась, но свалила ее не гроза.

Мимо них медленно, осторожно проехал грузовик со статуей: за рулем крановщик, на пассажирском месте – полицейский. Они исчезли за поворотом грунтовой дороги, в густом лесу.

– Когда началась гроза? – Гамаш адресовал этот вопрос не столько доктору Харрис, сколько себе.

Она молчала, делала вид, что вспоминает. В девять часов она уже лежала в постели, грызла печенье, попивала диетическую колу и читала «Космо», хотя предпочла бы не сообщать эту информацию. Посреди ночи она проснулась и обнаружила, что ее коттедж сотрясается, а электричество вырубилось.

– Мы позвоним в метеоцентр. Если они не знают, то метрдотель точно скажет, – сказал Гамаш, возвращаясь к яме.

Заглянув туда, он увидел то, что должен был заметить с первого раза. На Джулии Мартин была одежда, которую он помнил с предыдущего вечера.

Ни дождевика, ни шляпы. И никакого зонта.

Значит, в это время не было и дождя.

Она умерла до начала грозы.

– Еще какие-нибудь раны на теле есть?

– Вроде нет. Я сегодня сделаю вскрытие и сообщу вам. Что-нибудь еще, прежде чем мы ее увезем?

– Инспектор? – окликнул Гамаш Бовуара, и тот подошел к ним, вытирая ладони о мокрые брюки.

– Нет, мы закончили. Земля.

Он произнес это слово так, как хирург мог бы сказать «бактерии», и при этом посмотрел на свои руки. Земля, трава, грязь, насекомые – все это было абсолютно чуждо Бовуару, который не представлял себе жизнь без одеколона и шелкового белья.

– Да, кстати, – сказал Гамаш, – тут поблизости есть пчелиное или осиное гнездо. Будь поосторожнее.

– Лакост, слышала? – Бовуар дернул головой.

Но Лакост продолжала смотреть на мертвую женщину. Она представляла себя на месте жертвы. Вот Джулия поворачивается. Видит, что статуя делает невозможное, невероятное. Видит, как статуя падает на нее. И тут агент Лакост выставила перед собой руки ладонями вперед, прижав локти к телу, готовая отразить атаку. Отбросить ее в сторону.

Это были инстинктивные движения.

Но Джулия Мартин распахнула руки.

Шеф прошел мимо Лакост и остановился перед пьедесталом. Прикоснулся к влажному мрамору. Поверхность была идеально ровной. Но это было невозможно. Статуя весом в несколько тонн должна была при падении оставить сколы, царапины, выбоины. Однако поверхность осталась идеально ровной.

Статуи там словно никогда и не было. Это будоражило его воображение. И он знал, что воображение понадобится ему, если он хочет поймать убийцу. А убийца был. Сомнений у Гамаша на этот счет не оставалось. Хотя он и не был чужд магического мышления, но знал, что статуи сами по себе не сходят с пьедесталов. Если магия была здесь ни при чем, если ни при чем была гроза, то нужно было искать что-то другое. Кто-то здесь определенно был при чем.

Каким-то образом кто-то сумел столкнуть с места многотонную статую. И уронить ее на Джулию Мартин.

Она была убита. Гамаш не знал, кто это сделал. И уж совершенно точно не знал, как это было сделано.

Но он узнает.

Глава двенадцатая

Арман Гамаш никогда не бывал в кухне «Усадьбы», но не удивился, увидев, что она большая, что столы и полы здесь из полированного темного дерева, а бытовые приборы изготовлены из нержавеющей стали. Как и остальная часть старого дома, кухня представляла собой смесь очень старого и очень нового. Здесь пахло базиликом, кориандром, свежим хлебом и терпким молотым кофе.

Когда он вошел, ягодицы соскользнули со столов, шинковка прекратилась, гул разговоров смолк.

Гамаш сразу же подошел к Коллин, которая сидела рядом с хозяйкой, мадам Дюбуа.

– Вам лучше? – спросил он.

Она кивнула. Лицо у нее все еще было опухшее, заплаканное, но она взяла себя в руки.

– Это хорошо. Такое зрелище не для слабонервных. Меня оно тоже потрясло.

Коллин улыбнулась, благодарная за то, что он произнес это достаточно громко, чтобы слышали все.

Гамаш повернулся к остальным:

– Я старший инспектор Арман Гамаш, глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

– Voyons,[48] – услышал он громкий шепот. – Я же тебе говорил, что это он.

Раздалось и несколько изумленных восклицаний.

– Как вам известно, одна из гостей, мадам Мартин, была убита в саду упавшей статуей.

На него смотрели молодые лица, внимательные и возбужденные.

Он произнес с естественной властностью, стараясь приободрить их, хотя новость была пугающей:

– Мы считаем, что мадам Мартин была убита.

Наступило ошеломленное молчание. Почти каждый день своей рабочей жизни Гамаш наблюдал такие перемены. Он часто чувствовал себя кем-то вроде паромщика, который перевозит людей с одного берега на другой. Из суровой, хотя и знакомой земли скорби и потрясения в потусторонний мир, населенный лишь немногими. На берег, где люди преднамеренно убивают друг друга.

Они все видели этот берег с безопасного расстояния по телевизору или в газетах. Они все знали, что этот иной мир существует. И вот теперь они сами оказались в нем.

Гамаш смотрел на эти молодые, свежие лица, ставшие чуть менее открытыми, чем прежде, потому что страх и подозрение вошли в эту комнату, где всего несколько мгновений назад они чувствовали себя в безопасности. Эти молодые мужчины и женщины узнали что-то такое, что в полной мере не могли оценить даже их родители.

Безопасного места в этом мире не было.

– Она была убита вчера вечером перед началом грозы. Кто-нибудь из вас видел мадам Мартин после подачи кофе? Я говорю о времени около половины одиннадцатого.

Он почувствовал движение слева от себя. Повернул голову и увидел Коллин и мадам Дюбуа, сидевших за столом. Молодой официант Элиот стоял рядом с ними, а за ним маячил кто-то еще. Судя по возрасту и одежде, это могла быть только шеф-повар, знаменитая Вероника.

Один из них шевельнулся. Не преступление, конечно, но если все остальные были слишком ошарашены, чтобы двигаться, один из них не был. Кто?

– Мы, конечно, поговорим со всеми вами, и я хочу, чтобы вы понимали: нужно быть откровенным. Если вы видели что-то – что угодно, – вы должны сказать нам.

Молчание продолжалось.

– Я каждый день ищу убийц, и в большинстве случаев мы их находим. Вот чем мы занимаемся – я и моя команда. Это наша работа. А ваша обязанность – рассказать нам все, что вы знаете, даже если вам кажется, что это не важно.

– Вы ошибаетесь, – шагнул вперед Элиот.

– Элиот… – попытался задержать его метрдотель, который тоже вышел вперед, но Гамаш остановил его, подняв руку, и повернулся к молодому человеку.

– Наша обязанность – обслуживать столики, стелить постели и подавать выпивку. Улыбаться людям, которые нас оскорбляют, которые смотрят на нас как на мебель. А вот помогать вам в обнаружении преступника не входит в наши обязанности, и я абсолютно уверен, что мне платят недостаточно, чтобы я обслуживал этих людей. Я хочу сказать, – продолжил он, взывая к остальному персоналу, – ведь один из них убийца. Вы хотите остаться и обслуживать их? Это когда-нибудь входило в ваши намерения?

– Элиот, – снова сказал метрдотель, – хватит. Я знаю, сынок, ты расстроен, мы все расстроены…

– Не называйте меня сынком! – вспылил Элиот. – Вы смешны! Эти люди не будут испытывать к вам благодарности. И никогда не испытывали. Они даже не знают, кто вы такой. Они приезжают сюда много лет, а кто-нибудь из них спросил у вас вашу фамилию? Вы думаете, если бы вы ушли, кто-нибудь из них заметил бы это? Вы для них ничто. А теперь вы рискуете жизнью, подавая им сэндвичи с огурцом. И хотите, чтобы мы делали то же самое?

Его лицо пылало огнем.

– Это наша обязанность, – повторил метрдотель.

– Наша обязанность – работать и умирать, вы хотите сказать? – Элиот издевательски отдал честь.

– Пьер Патенод – замечательный человек, – сказала шеф-повар Вероника, обращаясь к Элиоту, но так, чтобы ее слышали все. – Ты мог бы многому научиться у него, Элиот. И первый урок мог бы быть таким: узнай, кто на твоей стороне, а кто на противоположной.

– Ты прав, – сказал метрдотель Элиоту. – Я останусь и буду подавать им сэндвичи с огурцом или то, что они захотят, и то, что приготовит шеф-повар Вероника. И я делаю это с удовольствием. Иногда встречаются грубые, бесчувственные, невежливые люди. Это их проблема, а не моя. Ко всем, кто приезжает сюда, персонал относится с уважением. Не потому, что они этого заслуживают, а потому, что это наша работа. И я хорошо делаю мою работу. Они гости, это верно. Но они не лучше нас. Еще одна такая вспышка с твоей стороны, и можешь собирать вещички. – Он обратился к остальным: – Если кто-то из вас хочет уехать, я отнесусь к этому с пониманием. Что касается меня, то я остаюсь.

– И я тоже, – сказала шеф-повар Вероника.

Гамаш заметил, что Коллин украдкой взглянула на Элиота, потом на метрдотеля.

– Они могут уволиться, Patron,[49] – сказал Гамаш, которому этот разговор показался любопытным, – но не могут уехать. Вам придется пробыть в «Усадьбе» еще по меньшей мере несколько дней. – Он сделал паузу, чтобы до всех дошла эта информация, и примирительно улыбнулся. – А если уж вы вынуждены остаться, то почему бы не получать жалованье?

Все согласно закивали. Шеф-повар Вероника подошла к разделочной доске и протянула пучки зелени двум кухонным работникам, и вскоре воздух наполнился запахом розмарина. Возник негромкий гул разговора. Несколько парней принялись шутливо толкать Элиота. Но молодой человек

все еще пребывал в состоянии ярости.

Старший инспектор Гамаш вышел из кухни, размышляя о том, чему сейчас стал свидетелем. Он знал, что за бешенством стоит страх. Этот молодой официант очень боялся чего-то.

* * *

– Значит, это было убийство, Арман, – сказала Рейн-Мари, в недоумении покачивая головой. Они были вдвоем в библиотеке, и он только что ввел ее в курс дела. – Но как можно столкнуть эту статую с пьедестала голыми руками?

– Этот же вопрос задает и семья, – сказал Бовуар, войдя в комнату вместе с Лакост. – Минуту назад я сообщил им, что мы считаем это убийством.

– И?.. – спросил Гамаш.

– Ну, вы же знаете, как это бывает. Сегодня они верят, на следующий день – нет, – сказал Бовуар. – Не могу их в этом винить. Я довел до их сведения, что они могут покинуть Большой зал, но не гостиницу. И конечно, доступ на место преступления закрыт. Вас хотели видеть Питер и Клара Морроу, – сказал он старшему инспектору.

– Хорошо. Я тоже хочу с ними поговорить. Расскажите мне, что вам известно.

Агент Лакост села в мягкое кресло напротив Рейн-Мари, а двое мужчин устроились на кожаном диване; их головы почти соприкасались, когда Бовуар склонился над своим блокнотом, а Гамаш наклонился к Бовуару. Рейн-Мари подумала, что они немного напоминают матрешку – один в другом. Крупный, мощный Арман чуть ли не по-отцовски склоняется над Бовуаром, размером и возрастом поменьше.

Пока Арман наблюдал за работой на месте преступления, она звонила их сыну Даниелю. Тот очень хотел обсудить с отцом имя, которое они выбрали для ребенка. Он, так же как и она, знал, что означает имя Оноре для Армана. И хотя Даниель никогда и ни в чем не обидел отца, сейчас он был исполнен решимости дать ребенку это имя. Но что Арман Гамаш скажет сыну, узнав о возможном появлении еще одного Оноре Гамаша? И о том, что это имя будет носить его внук?

– Что говорят сами Морроу о том, как они провели предыдущий вечер? – спросил Гамаш.

Бовуар заглянул в свой блокнот:

– Семья в полном составе была на обеде. За одним столом. После обеда они разошлись. Питер с Кларой пришли сюда, выпивали. Сказали, что вы были с ними.

– Бо́льшую часть времени, – подтвердила Рейн-Мари. – Мы сидели на террасе. Но мы видели их через окно.

Бовуар кивнул. Он любил ясность.

– Месье и мадам Финни остались за столом и пили кофе, – подхватила отчет Изабель Лакост. – Томас и Сандра отправились в Большой зал. Томас играл на пианино, а Мариана отвела наверх своего ребенка.

– Бин, – сказала Рейн-Мари.

– Бин? – переспросил Бовуар. – Какой такой Бин?

– Бин Морроу, я думаю.

Они в замешательстве посмотрели друг на друга, потом Рейн-Мари улыбнулась.

– Бин – это имя ребенка, – объяснила она, – если вам угодно.

Ему это не было угодно. Угодно ему было одно: чтобы все это скорее кончилось. Жан Ги Бовуар давно подозревал, что все англичане чокнутые. И такое имя лишний раз подтверждало его убеждение. Кому еще могла прийти в голову мысль назвать ребенка Бин?[50]

– А Джулия? – спросил Гамаш. – Чем она занималась вчера вечером?

– Томас и Сандра Морроу говорят, что она пошла в сад прогуляться, – сказала Лакост.

– Она прошла в библиотеку из сада через москитную дверь, – вспомнила Рейн-Мари. – Мы к тому времени все были здесь. К нам присоединились Томас и Сандра Морроу. И Мариана. Старики Финни отправились спать.

– Они отправились спать до появления Джулии или после? – спросил Гамаш у жены.

Они уставились друг на друга, потом оба отрицательно покачали головой.

– Не могу вспомнить, – сказала Рейн-Мари. – Это имеет значение?

– Действия людей перед убийством всегда имеют значение.

– Ты же не думаешь, что они убили Джулию? – спросила Рейн-Мари и тут же пожалела, что задала этот вопрос мужу перед его подчиненными.

Но он вроде бы не обратил на это внимания.

– Какое у вас сложилось впечатление о Джулии Мартин, сэр? – спросила Лакост.

– Она была элегантная, умная и образованная. Она была самокритичная и обаятельная и знала это. Ты согласна? – спросил он у

жены, и та кивнула в ответ. – Она была очень вежливая, что контрастировало с остальными членами семьи. Почти излишне вежливая. Она была очень милая, добрая, и я полагал, что именно такое впечатление она и хотела производить.

– А разве у большинства людей это не так? – спросила Лакост.

– Большинство людей хочет производить хорошее впечатление, это верно, – сказал Гамаш. – Нас учат быть вежливыми. Но у Джулии Мартин это было, на мой взгляд, чем-то большим, чем желание. Скорее, потребностью.

– У меня тоже создалось такое впечатление, – сказала Рейн-Мари. – Но мне показалось, что в ней было и желание манипулировать людьми. Помнишь, она поведала тебе историю о своей первой работе?

Гамаш пересказал Бовуару и Лакост историю о первой работе Джулии и реакции ее матери.

– Какой ужас говорить такие слова дочери, – сказала Лакост. – Внушать ей, будто она ничего не значит в этой жизни, что ее роль сводится к тому, чтобы быть кроткой и благодарной.

– Да, это ужасно, – согласилась Рейн-Мари. – Такое может искалечить человека. Но почему она сорок лет спустя рассказывает эту историю?

– И почему, как ты думаешь? – спросил Гамаш.

– Мне показалось любопытным, что она рассказала об этом тебе, а не нам. Но с другой стороны, я ведь не мужчина.

– Любопытно, – сказал Гамаш. – Что конкретно ты имеешь в виду?

– Я думаю, что она, как и многие женщины, в обществе мужчин вела себя иначе, чем в обществе женщин. А мужчины, похоже, не способны испытывать сочувствие к женщине, нуждающейся в эмоциональной поддержке. Даже ты. Джулия была уязвима. Но она, я думаю, пользовалась этим. Возможно, всю жизнь. И ее трагедия была не в низкой самооценке, хотя она и оценивала себя невысоко. Ее трагедия состояла в том, что она всегда находила мужчин, чтобы те спасали ее. Ей никогда не приходилось спасать себя самой. Она никогда не чувствовала, что способна на это.

– Насколько я понимаю, она приблизилась к тому, чтобы узнать, способна ли, – сказала агент Лакост, ни на миг не упускавшая нить разговора Рейн-Мари и Гамаша. – Она оставила мужа и начала новую жизнь.

– Да, верно, – сказал Бовуар. – С миллионами долларов. Не сказал бы, что это корректный тест на самодостаточность. Она – та самая Джулия Мартин, жена владельца страховой компании, который получил срок по приговору суда?

– Да, – ответил Гамаш.

– И что она делает в первую голову? – заметила Рейн-Мари. – Приезжает сюда. К семье. Она снова ищет помощи.

– Так ли? – спросил Гамаш чуть ли не у себя самого. – Может быть, ей нужно было от них что-то другое?

– Например? – поинтересовался Бовуар.

– Не знаю. Может быть, она ввела меня в заблуждение, но у меня возникло такое ощущение, что за ее приездом сюда стояло что-то еще. Она знала, что помощи от своей семьи она вряд ли дождется. Не думаю, что она приехала сюда за помощью.

– Месть? – спросила Рейн-Мари. – Ты помнишь прошлый вечер?

Она рассказала инспектору Бовуару и агенту Лакост о сцене между Джулией и ее родней.

– Так вы думаете, она приехала сюда, чтобы облегчить душу? – спросил Бовуар. – Она сказала преступнику-мужу, чтобы он убирался к чертовой матери, и теперь пришло время послать туда же матушку и остальных?

– Не знаю, – ответила Рейн-Мари. – Дело в том, что ее вспышка казалась такой спонтанной, такой неожиданной.

– Так ли это было на самом деле? – спросил Гамаш. Раньше ему это не приходило в голову, а теперь он вдруг задумался. – Мог ли кто-то из них спровоцировать эту вспышку? В конечном счете никто не знает тебя лучше твоей семьи.

– И о чем вы говорили? – спросила Лакост.

– О туалетах, – ответил Гамаш.

– О туалетах? – переспросил Бовуар.

Роскошь гостиницы произвела на него впечатление, но если высшие офицеры Квебекской полиции и богатеи на отдыхе говорят о таких вещах, то, черт побери, он может чувствовать себя здесь в своей тарелке.

Дверь открылась, и вошла Клементин Дюбуа, а следом за ней метрдотель и два официанта с подносами.

– Я подумала, что вам пора подкрепиться, – сказала хозяйка гостиницы. – Семье мы тоже отнесли еду и напитки.

– Как они? – спросил Гамаш.

– Расстроены. Они хотят вас видеть.

Гамаш посмотрел на поднос с холодным овощным супом, на поверхности которого плавали изящные листики мяты и завитки из лимонной корочки. На другом подносе размещались блюда с сэндвичами, ростбифом, копченым лососем, томатами и сыром бри. На последнем

подносе стояли бутылки с имбирным лимонадом, настойкой с экстрактом хвои, имбирным элем и пивом и ведерко с бутылкой белого вина на льду.

– Merci. – Гамаш взял имбирный лимонад и спросил у метрдотеля: – Вы не знаете, когда вчера началась гроза?

– Я обошел напоследок все помещения и лег в постель. Меня разбудил удар грома такой силы, что я чуть не выпрыгнул из кровати. Я посмотрел на электронные часы – они показывали час с чем-то. Не успел разглядеть: электричество выключилось.

– Перед тем как лечь, вы видели кого-нибудь? – спросил Бовуар, который взял суп и сэндвич с ростбифом и собирался усесться в мягкое кресло.

Метрдотель ответил:

– Нет, все уже легли спать.

Гамаш знал, что это не так. Кое-кто еще не спал.

– Меня тоже разбудил гром, – сказала мадам Дюбуа. – Я встала, чтобы убедиться, что все закрыто, проверила ставни. Пьер и кое-кто из персонала уже носились по дому. Вы двое были там. Вы помогали.

– Немного. Все двери и ставни были закрыты?

– Они были закрыты еще до того, как я лег спать, – сказал Пьер. – Я всегда перед сном проверяю.

– Но во время грозы некоторые открылись. – Гамаш вспомнил стук ставни. – Они были заперты?

– Нет, – признала мадам Дюбуа. – Мы их никогда не запираем. Пьер несколько лет пытался меня убедить, что нужно сделать запоры, но я до сих пор сомневаюсь.

– Упрямица, – попенял ей метрдотель.

– Наверно, так оно и есть. Но у нас никогда не было никаких проблем. К тому же мы расположены в дикой глуши. Кто может сюда вломиться? Медведь?

– Это другой мир, – сказал Пьер.

– Сегодня я тебе верю.

– Это ничего бы не изменило, – сказал Гамаш. – Джулия Мартин все равно была бы мертва, сколько бы дверей вы ни заперли.

– Потому что тот, кто это сделал, уже находился внутри, – сказала мадам Дюбуа. – То, что произошло здесь вчера вечером, не разрешается.

Это было крайне необычное заявление, и даже голодный Бовуар замер над куском ростбифа на французском батоне.

– У вас есть правило против убийства?

– Есть. Мы с мужем, купив «Охотничью», заключили договор с лесом.

Согласно этому договору насильственная смерть не допускается. Мыши ловятся живыми и отпускаются. Птицы зимой подкармливаются, в доме рады даже белкам и бурундукам. Охота и даже рыбалка не допускаются. Мы заключили договор, согласно которому все, что ступает на эту землю, находится в безопасности.

– Экстравагантное обещание.

– Возможно. – Она вымученно улыбнулась. – Но мы шли на это всерьез. Никто не погибнет от наших рук. Или от рук тех, кто здесь живет. У нас целый чердак набит напоминаниями о том, что происходит, когда существа идут друг на друга войной. Бедный ребенок испугался там до смерти. Что ж, это должно было бы напугать нас всех. Но мы привыкли к этому. Мы спокойно относимся к тому, что одно существо забирает жизнь другого. Однако здесь это не допускается. Вы должны найти того, кто это сделал. Потому что одно я знаю наверняка: если человек убил раз, он будет убивать и дальше.

Она энергично кивнула и вышла, за ней молча последовал Пьер.

Гамаш посмотрел на дверь, закрывшуюся за ними. Он, как и мадам Дюбуа, знал это.

Глава тринадцатая

– Миссис Морроу, вы будете завтракать?

– Нет, Клер, спасибо.

Пожилая женщина сидела на диване рядом с мужем, сгорбившись, словно из нее вынули позвоночник. Клара держала маленькую тарелку с куском отварного лосося, нежным майонезом и тоненькими ломтиками маринованного огурца и лука. Любимая еда матери Питера – Клара помнила об этом по тому случаю, когда мать Питера, приехав к ним в дом, попросила подать ей такое блюдо, а им нечего было ей предложить, кроме простого сэндвича. Два художника, боровшиеся с нищетой, редко ели лосося.

Обычно Клара злилась, когда миссис Морроу называла ее Клер. Первое десятилетие их брака она верила, что мать Питера просто плохо слышит и искренне считает, что невестку зовут Клер. Когда их браку пошел второй десяток, Клара поняла, что ее свекровь прекрасно знает, как зовут невестку и какая у нее профессия, хотя продолжает ее спрашивать о какой-то мифической работе в обувном магазине. Не исключалось, конечно, что Питер и в самом деле сказал матери, будто Клара работает в обувном магазине. Клара знала: с Морроу возможно все. В особенности если это помогает скрыть правду друг от друга.

– Может быть, хотите выпить? – спросила она.

– Спасибо, мой муж обо мне позаботится.

Услуги Клары не требовались. Она посмотрела на часы: уже перевалило за двенадцать. Смогут ли они вскоре уехать? Она ненавидела себя за эту мысль, но уж слишком тяжело ей было оставаться здесь. И еще одна мысль, которую она ненавидела даже больше: мысль о том, что смерть Джулии – страшное неудобство. Более того, настоящий геморрой. Ну вот. Она сказала об этом.

Ей хотелось домой. Хотелось оказаться в окружении своих вещей, своих друзей. Готовить свою персональную выставку. И чтобы был покой.

Как погано она себя чувствовала!

Она повернулась – и увидела Берта Финни с закрытыми глазами.

Он спал.

«Спит, черт его побери! Все мы пытаемся как-то совладать с этой трагедией, а он тут дремлет!» Она открыла было рот, чтобы пригласить Питера на террасу. Ей хотелось подышать свежим воздухом, может быть,

немного прогуляться в тумане. Что угодно, лишь бы покинуть эту удушливую атмосферу.

Но Питер опять ушел. В свой собственный мир. Он был целиком сосредоточен на движении карандаша. Искусство позволяло ему сохранять нормальное психическое состояние. Искусство было единственным местом, где не происходило ничего, если только он сам этого не хотел. Линии появлялись и исчезали по его собственной воле.

Когда спасательная лодка становится тюрьмой? Когда лекарство начинает работать против тебя? Неужели ее любимый, нежный, ранимый муж зашел слишком далеко?

Как это называется? Клара попыталась вспомнить разговоры с ее подругой Мирной в Трех Соснах. Мирна, по образованию психотерапевт, говорила о таких вещах. О людях, склонных к иллюзиям, замкнутости.

К безумию.

Нет, Клара прогнала это обидное слово. Питер был ранимый, обидчивый, блестящий художник, который нашел механизм психологической защиты, позволявший не только сохранять здравомыслие, но и зарабатывать на жизнь. Он был одним из наиболее уважаемых художников Канады. Его уважали все, кроме членов собственной семьи.

Миссис Морроу купалась в деньгах, но она не купила ни одной картины собственного сына, даже когда они с Кларой чуть ли не голодали. Она предлагала им деньги, но Питер обошел эту волчью яму.

Клара увидела, как Мариана Морроу подходит к пианино. Томас уже оставил инструмент и погрузился в чтение газеты. Мариана села, поправила шаль на плечах, подняла руки над клавишами.

«Отлично, – подумала Клара в ожидании лязга и стука. – Что угодно, лишь бы нарушить эту тишину». Руки Марианы замерли в воздухе, чуть подрагивая, словно она играла на неком воздушном пианино. «Бога ради! – мысленно прокричала Клара. – Хоть что-то они умеют делать по-настоящему?»

Она огляделась и увидела чадо Марианы, пребывающее в одиночестве.

– Что ты читаешь? – спросила она, подойдя к серьезному ребенку, сидевшему у окна.

Дитя показало Кларе книгу. «Мифы, которые должен знать каждый ребенок».

– Замечательно. Книга из библиотеки?

– Нет, мне ее дала мама. Это была ее книга. Вот, видите?

На первой странице Клара увидела надпись: «Мариане в день рождения от мамы и папы».

Клара почувствовала, как слезы снова начали жечь ей глаза. Ребенок уставился на нее.

– Извини, – сказала Клара, промокая глаза. – Глупо с моей стороны.

Клара знала, почему она плачет. Не о Джулии, не о миссис Морроу. Она плакала обо всех Морроу, но главным образом о родителях, которые делали подарки и писали «от». О родителях, которые никогда не теряли детей, потому что детей-то у них и не было.

– У вас все в порядке? – услышала Клара детский голос.

«Странно, – подумала она, – ведь это я подошла к ребенку, чтобы его утешить, а оказалось, что утешение требуется мне».

– Все это очень грустно, – сказала Клара. – Я жалею твою тетушку. А ты? У тебя все в порядке?

Дитя открыло рот, и в ту же секунду зазвучала музыка. По крайней мере, на одно мгновение у Клары возникло такое впечатление.

Она повернулась к пианино. Мариана опустила руки на клавиши, и ее пальцы производили нечто невероятное. Они находили ноты. В нужном порядке. Музыка была удивительная. Мелодичная, страстная и естественная.

Это было прекрасно, но в то же время и типично. Клара могла бы и раньше догадаться. Бесталанный брат был блестящим художником. Непонятно какая сестра была пианисткой-виртуозом. А Томас? Она всегда считала, что он именно то, чем кажется. Успешный менеджер из Торонто. Но его семья жила обманом. Кем он был на самом деле?

Клара оглянулась и увидела старшего инспектора Гамаша – тот стоял в дверях и смотрел на Мариану.

Музыка прекратилась.

– Я хочу попросить всех вас оставаться в «Усадьбе» по меньшей мере еще один день. Может быть, дольше.

– Нет проблем, – откликнулся Томас.

– Спасибо, – сказал старший инспектор. – Мы сейчас собираем вещественные доказательства и улики, и сегодня чуть позже один из моих помощников побеседует с вами. А пока – гуляйте, отдыхайте. Я бы хотел поговорить с вами, Питер. Не прогуляетесь со мной?

Питер поднялся.

– Мы бы хотели быть первыми, – сказала Сандра, беспокойно переводя взгляд с Питера на Гамаша и снова на Питера.

– Почему?

Она удивилась:

– Разве для этого нужны причины?

– Пожалуй. Если у вас есть какие-то неотложные проблемы, то я попрошу инспектора побеседовать с вами в первую очередь. Так есть какие-то проблемы?

Сандра, которую всю жизнь терзали всевозможные неотложные проблемы, не издала ни звука.

– Мы не хотим говорить с инспектором, – сказал Томас. – Мы хотим говорить с вами.

– Хотя мне это и льстит, но, боюсь, вами займется инспектор Бовуар. Если вы не предпочтете агента Лакост.

– Тогда почему с ним вы собираетесь говорить лично? – Томас мотнул головой в сторону Питера.

– Здесь у нас не соревнование.

Томас Морроу уставился на Гамаша испепеляющим взглядом. Взглядом, отработанным и усовершенствованным на секретаршах, которые променяли самоуважение на зарплату, и на стажерах, слишком молодых и не знающих разницы между грубияном и боссом.

Открыв сетчатую дверь, Гамаш оглянулся на Морроу, которые смотрели на него, словно с tableau vivant.[51] Гамаш знал, что настанет время – и с этой картины сойдет убийца. И Гамаш будет его ждать.

* * *

Агент Изабель Лакост собрала полицейских из местного отделения и раздала им поручения. Одна команда будет обыскивать служебные помещения и хозяйственные постройки, другая будет обыскивать «Усадьбу», а ее команда – комнаты гостей.

Она предупредила всех, что они должны проявлять осторожность. Они ищут улики, но еще и убийцу. Не исключено, что тот прячется где-то поблизости. Это маловероятно, но возможно. Агент Лакост была женщиной осторожной по своей природе и опыту. И, проводя обыск, она всегда исходила из того, что чудовище прячется под кроватью или в стенном шкафу.

* * *

– Мариана Морроу?

Инспектор Бовуар вошел в Большой зал, чувствуя себя кем-то вроде

ассистента дантиста. «Пора ставить вам пломбу». И они действительно смотрели на него так, как смотрят пациенты в приемной у зубного врача: те, кого вызвали, – со страхом, а те, кому придется еще подождать, – с раздражением.

– А мы? – спросила Сандра, вставая. – Нам сказали, что мы можем быть опрошены первыми.

– Oui? – сказал Бовуар. Никто ему об этом не говорил, и он подумал, что знает почему. – Я бы поговорил сначала с мадемуазель Морроу, чтобы она могла поскорее вернуться к ее… – Бовуар взглянул на детскую фигурку с книгой у окна. – К ее ребенку.

Он прошел с Марианой в библиотеку и предложил ей жесткий стул, который принес заранее. Пыткой это вряд ли можно было назвать, но он не любил, когда подозреваемые чувствуют себя слишком уж комфортно. И потом, он хотел оставить большое мягкое кресло для себя.

– Мадемуазель Морроу… – начал он.

– Ой, у вас тут сэндвичи. А у нас кончились.

Она встала и, не спрашивая разрешения, взяла сэндвич с помидором и толстым ломтем ветчины, приготовленной в кленовом соке.

– Примите мои соболезнования в связи со смертью вашей сестры, – сказал Бовуар, приурочив этот укол к тому моменту, когда ее жирный, жадный рот был наполнен и она не могла ответить.

«Что-то ты не очень переживаешь по этому поводу» – таков был подтекст его замечания. Но, видя, как она заталкивает еду в рот, он подумал, что его оскорбление слишком слабо. Эта женщина не нравилась ему. Из всех Морроу, даже самых нетерпеливых, эта нравилась ему меньше всего. Что касается Сандры, то ее он понимал. Он тоже ненавидел ждать. Ему не нравилось, когда других обслуживали прежде его, в особенности если он пришел раньше. Ему не нравилось, когда люди втирались в очередь или подрезали тебя на дороге.

Он ждал, что с ним будут играть по справедливости. Правила означали порядок. Без них люди будут убивать друг друга. Начинается все с того, что кто-то сует свой нос в чужие дела, занимает места для инвалидов на парковке, курит в лифте. А кончается убийством.

Да, он должен был признать, что в его рассуждениях есть некоторая натяжка, но тенденция была очевидна. Начинаешь копать поглубже – и выясняется, что убийца всегда нарушал правила, считал себя лучше других. Бовуар не любил тех, кто нарушает правила. И в особенности ему не нравилось, когда они появлялись перед ним в пурпурных, зеленых или алых шалях и с детьми по имени Бин.

– Видите ли, я ее мало знала, – сказала Мариана. Она проглотила сэндвич и взяла с подноса бутылку с хвойной настойкой. – Если вы не возражаете…

Она открыла бутылку, прежде чем он успел что-либо ответить.

– Спасибо. Ой! – Она чуть не выплюнула жидкость. – Боже мой, до меня это кто-нибудь пробовал? Кто-нибудь уже это пил? Вкус как у дерева.

Она открыла и закрыла рот, словно кот, который пытается сбросить что-то постороннее с языка.

– Это отвратительно. Хотите глотнуть?

Она протянула ему бутылку. Бовуар прищурился, с удивлением увидев улыбку на ее непривлекательном лице.

Несчастная женщина. Уродина в такой красивой семье. Хотя он и не был большим почитателем Морроу, но не мог отрицать, что они красивы. Даже покойница, раздавленная, сохранила некоторую красоту. А эта, хотя и вполне живая, не имела никакой.

– Нет? – Мариана сделала еще глоток и снова поморщилась, но бутылку не поставила.

– Насколько мало вы ее знали?

– Она была на десять лет старше меня и уехала из дома, когда мне еще и двенадцати не исполнилось. У нас было мало общего. Она увлекалась мальчиками, а я – мультиками.

– Похоже, вы не очень сожалеете о ее смерти. Вас это даже, кажется, не печалит.

– Я была воспитана в лицемерной обстановке нашей семьи, инспектор. Я сказала себе, что не буду такой, как они. Я не желаю скрывать свои чувства.

– Это нетрудно, когда и скрывать-то нечего.

На это она не нашлась что возразить. Бовуар заработал очко, хотя и проигрывал допрос в целом. Если во время допроса говорит главным образом следователь, это плохой знак.

– Зачем демонстрировать все свои чувства?

Улыбка на лице Марианы сменилась серьезным выражением. От этого женщина не стала привлекательнее. Теперь она казалась мрачной уродиной.

– Я выросла в «Дисней уорлд». Снаружи он смотрелся неплохо. Для того и строился. Но внутри все механическое. Никогда не знаешь, что там настоящее. Слишком много вежливости, слишком много улыбок. Улыбки стали меня пугать. Ни одного слова поперек. Но и ни одного слова поддержки. Ты никогда не знаешь, что люди чувствуют на самом деле. Мы

держали свои чувства при себе. И до сих пор держим. Все, кроме меня. Я почти обо всем говорю честно.

Занятно, каким важным может оказаться всего одно слово.

– Что вы имеете в виду, говоря «почти»?

– Глупо было бы сообщать моей семье все.

Она вдруг стала жеманиться, чуть ли не заигрывать с ним. У него это вызвало отвращение.

– И что вы от них утаивали?

– Всякие мелочи. Например, чем я зарабатываю на жизнь.

– Чем же?

– Я архитектор. Проектирую дома.

Бовуар подумал, что знает, какие дома она проектирует. Дома, которые призваны производить впечатление, безвкусные, претенциозные и большие. Громкие дома, в которых на самом деле никто не живет.

– Что еще вы от них скрываете?

Мариана помолчала, оглянулась, потом подалась вперед:

– Бин.

– Вашего ребенка?

Она кивнула.

– И что такое с вашим ребенком? – Перо Бовуара замерло над блокнотом.

– Я им не сказала.

– Не сказали, кто отец?

Он нарушил главные правила допроса. Ответил на собственный вопрос. Мариана отрицательно покачала головой и улыбнулась.

– Конечно, этого я им тоже не сказала. На этот вопрос нет ответа, – загадочно произнесла она. – Я не сказала им, кто Бин.

Бовуар вдруг почувствовал озноб.

– И кто же Бин?

– Вот именно. Даже вы не знаете. Но как это ни печально, Бин приближается к подростковому возрасту, и вскоре это станет очевидно.

Бовуару понадобилось несколько секунд, чтобы оценить услышанное. Он уронил авторучку, она покатилась со стола и упала на устланный ковром пол.

– Вы намекаете, что не сказали вашей семье, мальчик Бин или девочка?

Мариана Морроу кивнула и сделала большой глоток настойки.

– Вообще-то, вкус не так уж и дурен. Наверно, ко всему можно привыкнуть.

У Бовуара на сей счет были сомнения. Он вот уже пятнадцать лет работал со старшим инспектором, расследовал убийства, но так и не мог привыкнуть к невменяемости англичан. Она казалась ему бездонной и бессмысленной. Кем же это нужно быть, чтобы скрывать пол своего ребенка?

– Это моя маленькая дань моему воспитанию, инспектор. Бин – мой ребенок и моя тайна. Не могу вам передать, как это здорово – знать что-то, о чем неизвестно этой семейке, которая знает все.

Вот долбаные англичане, подумал Бовуар. Если бы он попытался выкинуть что-нибудь в этом роде, матушка огрела бы его скалкой.

– А сами они не могут спросить у вашего ребенка?

Мариана разразилась смехом. Капельки помидорного сока упали на сосновый стол перед Бовуаром.

– Вы шутите? Чтобы Морроу что-то спрашивали? И тем самым расписались в своем незнании? – Она заговорщицки подалась вперед, и Бовуар невольно тоже подался ей навстречу. – В этом-то и весь блеск. Мое лучшее оружие – их самомнение.

Бовуар с отвращением отпрянул от нее. Неужели женщина, мать может поступать так? Его мать готова была бы умереть за него, убить, если бы ему грозила опасность. Это было естественно. А то, что сидело перед ним, было неестественным.

– А что вы будете делать, когда это перестанет быть тайной, мадемуазель? Когда Бин повзрослеет? Или просто расскажет им про себя?

Будь он проклят, если спросит про пол ее чада. Он не доставит ей удовольствия, признав, что ему это интересно.

– В моем распоряжении всегда есть имя Бин, чтобы мучить ее.

– Ее?

– Мою мать.

Бовуару невыносимо было смотреть на эту женщину, которая родила биологическое оружие, нацеленное на ее мать. Он начал думать, что убили не того члена семейства Морроу.

– Кому могло понадобиться убивать вашу сестру?

– Вы имеете в виду кого-то из нас?

Это был вопрос, и на этот раз Бовуар предпочел ответить на него молчанием.

– Не смотрите на меня. Я ее слишком мало знала – зачем мне ее убивать? Она лет тридцать назад уехала. А то и больше. Но одно я вам могу сказать, инспектор. Она могла держаться от нас за тысячу миль, но она все-таки оставалась Морроу. А Морроу лгут, Морроу хранят друг от друга

тайны. Это наша валюта. Не верьте им, инспектор. Не верьте ни одному их слову.

Это было, пожалуй, первое из всего сказанного ею, чему он мог поверить.

* * *

– Джулия рассорилась с нашим отцом, – сказал Питер. – Что послужило причиной, мне неизвестно.

– И вам не было любопытно? – спросил Гамаш.

Два этих высоких человека прошли по сырому газону «Охотничьей» и остановились на берегу. Озеро было серым, а дальний берег окутан туманом. Птицы выбрались из своих гнезд и ловили насекомых; время от времени с дальнего берега доносился крик гагары.

Питер натянуто улыбнулся:

– Любопытство в нашем доме не поощряется. Оно считается грубостью. Грубо задавать вопросы, грубо слишком громко или слишком долго смеяться, грубо плакать, грубо противоречить. Так что – нет, я не проявлял любопытства.

– Значит, она ушла из дома, когда ей было немногим за двадцать. Томасу было на два года больше, а вам?

– Восемнадцать.

– Точная цифра.

– Вы же знаете, я люблю точность, – сказал Питер, на этот раз с искренней улыбкой.

Он снова начинал дышать, чувствовать себя самим собой. Он посмотрел вниз и с удивлением увидел на своей рубашке крошки. Стряхнул их. Потом подобрал горсть камешков.

– Джулии такой день понравился бы, – сказал он, кидая камешки один за другим.

– Почему вы так считаете? – спросил Гамаш.

– Сегодня День Ванкувера. Она мне говорила, что погода в этот день переменчива. Сказала, что ее это устраивает.

– А сама она была человеком переменчивых настроений?

Питер проводил взглядом камешек, который «испек» четыре «блинчика», прежде чем уйти на дно.

– Была. Но я всегда думаю о ней как о девушке двадцати одного года. После ее отъезда я Джулию почти не видел.

– Почему?

Гамаш внимательно смотрел на своего друга. Он испытывал некоторый дискомфорт, допрашивая друга как свидетеля. Но дружеские отношения давали ему и определенные преимущества. Они словно оба знали, что скрывают что-то.

– Между нами нет тесных отношений. Я иногда спрашиваю себя, что будет после смерти матери. Мы приезжаем повидаться с ней, а другие – что они есть, что их нет.

– Может быть, это сблизит вас.

– Может быть. Это было бы благодатью. Но я не думаю, что это случится. Я не стремился увидеть Джулию. Да и она не стремилась нас увидеть. Она была счастлива в Ванкувере с Дэвидом и забыла о нас. И, откровенно говоря, я не вспоминал о ней месяцами. А то и годами.

– А что бы вам напомнило?

– Простите, не понял вопроса.

– Что бы могло вам напомнить о ней? Вы говорите, что не вспоминали о ней годами, но что могло напомнить вам про нее?

– Да ничто конкретное.

– Вы же знаете, я не просто веду светский разговор. Эти вопросы важны, даже если вам так не кажется.

Гамаш говорил в несвойственном ему жестком тоне, а Питер и в самом деле забыл, что разговаривает сейчас не с приятелем, а с главой отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

– Извините. Что могло напомнить про нее? – Он задумался, и вдруг его осенило: он понял, каким будет ответ. – Знаете, она иногда звонила. Или присылала письмо. Мы получали от нее открытки со всего света. Они с Дэвидом много путешествовали.

– Ее тянуло к вам, – сказал Гамаш.

– Только когда ей что-то было нужно. Моя сестра могла казаться милой и доброй, но она была очень практичной. Почти всегда получала то, что ей было нужно.

– А что ей было нужно? Уж наверняка не деньги.

– Нет, денег у нее хватало. Я думаю, она просто хотела сделать нам больно. Чтобы мы чувствовали себя виноватыми. Присылала открытки, изредка звонила, но ни разу не забывала уколоть, что это она сделала первый шаг. Что мы перед ней в долгу. Делалось это довольно тонко, но такие уж мы, Морроу, тонкие люди.

«Не такие уж тонкие, как ты думаешь», – подумал Гамаш.

– Мы корыстные, Гамаш. Корыстные и даже жестокие. Я знаю это.

Почему, по-вашему, мы с Кларой живем в Трех Соснах? Чтобы быть подальше от всех. Я могу опознать спасение, когда вижу его. А Джулия? Хотите знать про Джулию? – Он размахнулся изо всех сил и забросил камень в стальную воду озера. – Она была самой корыстной, самой жестокой из всех нас.

* * *

Сандра погасила сигарету, улыбнулась и разгладила на себе брюки. Брюки сидели на ней в обтяжку, но Сандра знала, что на загородном воздухе материя морщится. После этого она вернулась в «Усадьбу». Столовая была пуста. В дальнем ее конце стоял поднос с десертами.

Но вдруг она краем глаза уловила какое-то движение.

Бин.

Что тут делает Бин? Вероятно, крадет самое вкусное.

Они уставились друг на друга, потом Сандра увидела в руке ребенка что-то белое и блестящее. Подошла поближе.

Это было печенье. Бисквит с пастилой в шоколаде. Шоколад был слизан, остались пастила и бисквит. И ребенок, который с виноватым видом смотрел на Сандру, держа в руке то, что осталось от печенья.

– Бин, ты что здесь делаешь?

– Ничего.

– Из такого ответа ясно, что ты что-то да делаешь. Скажи-ка мне.

В это время на пол между ними что-то упало и подпрыгнуло. Сандра подняла голову. На высоком потолке между старыми кленовыми балками, а иногда прямо на них висели печенины. Шоколад с них был слизан. Ребенок слизывал с них шоколад, а потом бросал вверх, и они прилипали к потолку.

На потолке было целое созвездие печенья. Упаковки полторы, никак не меньше.

Сандра строго взглянула на это странное дитя. Она уже открыла рот, чтобы отчитать ребенка, но получилось у нее нечто совсем иное. Хохот. Удивленный взрыв смеха. Один, за ним другой. Вместо выговора – смех. Ребенок недоуменно смотрел на Сандру. Но еще больше была удивлена сама Сандра, которая собиралась отчитывать, а на деле расхохоталась.

– Хотите?

Сандра достала печенье из протянутой ей пачки.

– Вы делаете вот так… – Сандра увидела, как Бин откусывает шоколадную верхушку, а потом облизывает то, что осталось, – и кидаете

вверх.

Сандра затаила дыхание – прилипнет или нет? Прилипло.

– Попробуйте. Я вас научу.

Терпение, четкость – да этот ребенок прирожденный учитель! Сандра быстро освоила искусство кидания облизанного печенья в потолок. Поскольку она оказалась способной ученицей, потолок столовой вскоре был весь облеплен изоляционным материалом, о котором не помышляли ни «бароны-разбойники», ни абенаки. Ни мадам Дюбуа.

Сандра вышла из комнаты с улыбкой, забыв, зачем туда приходила. Она никогда не хотела иметь детей. Слишком много хлопот. Но иногда, оказавшись в обществе необычного ребенка, доброго ребенка, она испытывала боль. Немыслимо, как эта жирная, глупая, ленивая Мариана умудрилась родить свое чадо. Сандра иногда не без злорадства думала, что ребенок у Марианы какой-то чокнутый. Но иногда она забывала о своей нелюбви. И случались поразительные вещи.

– Ты где была? – спросила Мариана, когда Сандра вернулась. – Тебя ищет полиция.

– Прогулялась. Слышала, как Питер беседует с этим старшим инспектором и как он ляпнул нечто очень странное. – Она увидела свекровь и чуть повысила голос. – Он сказал, что, если его мать умрет, это будет благодатью.

– Ты только подумай, – с явным удовольствием произнесла Мариана. – Неужели?

– Мало того. Он сказал, что Джулия была корыстной и жестокой. Представляешь? Не успела она умереть, а он уже кидает в нее комья грязи. При постороннем человеке. Но может быть, я ослышалась.

– Так что он там наплел? – спросила миссис Финни через всю комнату, повернув к ним свое розовое лицо.

– Он это наверняка сгоряча. Забудьте, что я это сказала.

– Он сказал, что Джулия была корыстной и жестокой?

Перед мысленным взглядом миссис Финни снова возникла откинутая в сторону белая рука дочери. Как это похоже на Чарльза – такая жестокость. В особенности в отношении Джулии. Но он проявил жестокость по отношению ко всем им.

И теперь Питер продолжал дело отца.

– Я этого не принимаю. Джулия была самой доброй, самой нежной из всех детей. И уж определенно самой любящей.

– Извините, – сказала Сандра, и она действительно начинала чувствовать раскаяние.

* * *

– Кто бы стал убивать свою сестру?

Против Бовуара сидел Томас Морроу, человек, который даже в этой глуши чувствовал себя важной персоной. Он разгладил на себе льняные брюки и обаятельно улыбнулся:

– Она была милой женщиной. Никто не захотел бы ее убивать.

– Почему нет?

– Не логичнее ли спросить «почему»? – Но по какой-то причине Томас Морроу смутился.

– Почему?

– Э-э… – Томас совсем растерялся. – Послушайте, это смешно. Моя сестра мертва, но ее никто не убивал.

– Почему нет?

Возвращение к пройденному. Бовуару нравилось поддразнивать свидетелей.

– Послушайте, она прожила бóльшую часть жизни в Ванкувере. Если она кого и разозлила настолько, что ее решили убить, то сделали бы это там, а не здесь. И уж конечно, не в этой глухомани.

– Вы же здесь.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я слышал о том, что случилось вчера вечером. В этой самой комнате. Тут должно быть пятно от кофе.

Бовуар прошелся по ковру, опустив голову. Пятно он нашел еще раньше, но для вящего эффекта разыграл сценку «неожиданного» обнаружения пятна.

– Она была не в себе. Расстроена.

– И что же ее расстроило?

– Она весь день была на нервах. Открытие памятника отцу. Она с ним рассорилась в свое время. Для всех нас увидеть статую было эмоциональным потрясением. Но для нее, вероятно, больше, чем для остальных. Она переживала трудные времена. Только что закончился такой публичный и грязный развод. Вы же знаете, она была замужем за Дэвидом Мартином.

Он уставился своими серо-голубыми глазами на Бовуара – понял ли тот его слова. Бовуар уже знал о Дэвиде Мартине, но его интересовали манеры Морроу. Томас говорил с саркастическим удовольствием и гордостью. Удовольствие оттого, что его младшая сестра промахнулась с

мужем – выбрала себе преступника, и гордость за то, что этот преступник, даже после выплаты всех долгов, оставался одним из богатейших людей Канады.

– Кто мог желать смерти вашей сестре?

– Никто. Это же воссоединение семьи. Счастливое время. Никто не желал ей смерти.

Бовуар медленно повернул голову к окну, за которым стоял серый, туманный день. Он не сказал ни слова, но Морроу не мог не понять смысл его жеста. Яма в земле за этим окном свидетельствовала о том, что Томас Морроу лжет.

«Не верьте ни одному их слову», – сказала Мариана Морроу. И Бовуар не верил.

* * *

– У Джулии были дети? – спросил Гамаш у Питера, когда они вышли из леса и медленно направились к «Усадьбе».

– Не было. Даже не знаю, пытались ли они. В нашей семье с детьми неважно обстоят дела, – сказал Питер. – Мы поедаем нашу молодежь.

Гамаш позволил этим словам слиться с туманом.

– Что вы скажете о статуе вашего отца?

Питера ничуть не сбил с толку этот неожиданный вопрос.

– Я и не думал об этом. Ничего не могу вам сказать на сей счет.

– Но это невозможно. У вас должно быть какое-то мнение, хотя бы как у художника.

– Да, как художник могу сказать. Я вижу достоинства этой работы. Автор, несомненно, владеет ремеслом. Неплохо сделано. Но он никогда не видел нашего отца.

Гамаш шел, сцепив за спиной большие руки, переводя взгляд с промокших туфель на приближающийся дом.

– Мой отец никогда не был таким. Он никогда не впадал в грусть, или что уж там изображено на его лице. Он только хмурился – ничего другого. И он никогда в жизни не сутулился. Он был громадный и… и… – Питер взмахнул руками, словно набрасывая это слово. – Громадный. Он убил Джулию.

– Его статуя убила Джулию.

– Нет. Я хочу сказать, он ее убил, перед тем как она уехала. Он забрал ее душу, и он раздавил ее. Он всех нас раздавил. Ведь вы именно это хотели

от меня услышать, верно? Почему, вы думаете, ни у кого из нас нет детей? Посмотрите, какие у нас модели для подражания. Вы бы стали на нашем месте заводить детей?

– Но один ребенок все же есть. Бин.

Питер фыркнул.

Гамаш молча ждал.

– Бин не прыгает.

Гамаш остановился – уж слишком неожиданной показалась ему эта цепочка слов, произнесенных его собеседником.

«Бин не прыгает».

– Что? – спросил он.

– Бин не прыгает, – повторил Питер.

С тем же успехом он мог сказать: «Тостер картина велосипед» – смысла не было ни в том, ни в другом.

– Что вы имеете в виду? – спросил Гамаш, вдруг почувствовав себя недоумком.

– Бин не может оторваться от земли.

Арман Гамаш ощутил, что сырость проникает в него до самых костей.

– Ноги этого ребенка постоянно на земле. По меньшей мере, они не отрываются от нее так, чтобы две сразу. Бин не может или не будет прыгать.

«Бин не может прыгать, – подумал Гамаш. – В какой семье рождаются такие привязанные к земле дети? Завязнувшие в трясине. Как Бин выражает возбуждение? Радость?» Но, подумав об этом ребенке и об этой семье, он нашел ответ. Пока что, за десять лет, этого вопроса не возникало.

Арман Гамаш решил, что позвонит сыну, как только придет в «Усадьбу».

Глава четырнадцатая

– Даниель?

– Привет, па, enfin.[52] А то я уж начал думать, что ты мне только кажешься.

Гамаш рассмеялся:

– Мы с мамой в «Охотничьей усадьбе», а это, сам знаешь, не узел связи.

Он посмотрел сквозь высокие, выходящие в сад двери библиотеки туда, где за свежей зеленью влажной травы лежало подернутое туманом озеро. Низкая туча висела над лесом. Гамаш слышал птиц и насекомых, а иногда всплеск – это выпрыгивали на поверхность окунь или форель. А еще он слышал, как захлебываются сирены и раздраженно гудят машины в Париже.

Париж.

Город Света сливался с канадской глухоманью. «В каком необыкновенном мире мы живем», – подумал Гамаш.

– У нас девять вечера. А сколько у вас? – спросил Даниель.

– Почти три. Флоранс уже в постели?

– Мы все в постели, хоть мне и неловко в этом признаваться. Ах, Париж! – Даниель рассмеялся своим низким, рокочущим смехом. – Но я рад, что мы наконец-то можем поговорить. Постой-ка, дай я выйду в другую комнату.

Гамаш представил сына в его крохотной квартирке на Сен-Жермен-де-Пре. Даже если он перейдет в другую комнату, это не будет гарантировать ни приватности ему, ни тишины жене и ребенку.

– Арман?

В дверях библиотеки стояла Рейн-Мари. Она собрала свои сумки, и швейцар понес их к машине. Перед этим они обговорили ситуацию, и Арман попросил ее уехать из «Охотничьей усадьбы».

– Конечно, я уеду, если ты этого хочешь, – сказала она, внимательно вглядываясь в его лицо.

Прежде она никогда не видела его в деле, хотя он все время рассказывал ей о работе и нередко спрашивал ее мнение. В отличие от большинства коллег Гамаш ничего не скрывал от жены. Он не считал, что может скрывать от нее такую огромную часть своей жизни без ущерба для их отношений. А жена была для него куда важнее, чем любая карьера.

– Я буду меньше беспокоиться, если ты уедешь, – сказал он.

– Я тебя понимаю, – без лукавства сказала Рейн-Мари. Она бы чувствовала то же самое, если бы поменялась с ним ролями. – Но ты не будешь возражать, если я уеду недалеко?

– Переселишься в походную палатку на опушке?

– Ты, как всегда, проницателен, – сказала она. – Но у меня на уме были Три Сосны.

– Прекрасная мысль. Я сейчас позвоню Габри, чтобы он приготовил тебе номер в его гостинице.

– Нет, ты лучше ищи, кто убил Джулию, а Габри я позвоню сама.

И вот она была готова к отъезду. Готова, но отнюдь не рада. Она ощущала боль в груди, видя, как следствие под руководством ее мужа делает первые шаги. Его люди уважительны, местные полицейские почтительны и даже немного испуганы, но он постарался сделать так, чтобы они чувствовали себя легко. Но не слишком легко. Она видела, как ее муж естественно взял управление ситуацией в свои руки. Они оба знали, что кому-то нужно брать ответственность на себя. А он был прирожденным лидером, скорее по характеру, чем по званию.

Она прежде никогда этого не наблюдала и теперь с удивлением видела, как человек, которого она близко знает, поворачивается к ней новой стороной. Он вел следствие с легкостью, потому что вызывал уважение. У всех, кроме Морроу, которые, кажется, считали, что он их надул. Это расстраивало их чуть ли не больше, чем смерть Джулии.

Но Арман всегда говорил, что люди по-разному реагируют на смерть и глупо судить по их реакции. И вдвойне глупо судить о том, как ведут себя люди, сталкиваясь с неожиданной насильственной смертью. Убийством. Они перестают быть собой.

Но все-таки Рейн-Мари недоумевала. У нее возникало подозрение, что люди становятся самими собой именно в минуты кризиса. Вся искусственность, вся воспитанность уходит. Легко оставаться порядочным человеком, когда вокруг тишь да гладь, и совсем другое, когда перед тобой разверзается ад.

Ее муж сознательно ежедневно входил в ад, но при этом сохранял порядочность. Она сомневалась, что это можно сказать о Морроу.

Она видела, что помешала ему, – он разговаривал по телефону – и хотела уже выйти из комнаты, но тут услышала имя Розлин.

Он разговаривал с Даниелем и спрашивал про их невестку. Рейн-Мари пыталась поговорить с Арманом о Даниеле, но никак не могла найти подходящий момент. А теперь было уже слишком поздно. Она стояла на

пороге, слушала, и сердце ее отчаянно билось.

– Я знаю, мама сказала тебе об именах, которые мы выбрали. Если девочка, то Женевьева…

– Прекрасное имя, – сказал Гамаш.

– Мы тоже так думаем. И еще мы думаем, что мужское имя тоже прекрасное. Оноре.

Гамаш обещал себе, что, когда будет названо имя, неловкого молчания не последует. Но неловкое молчание наступило.

Где тот мертвец из мертвецов,
Чей разум глух для нежных слов:
«Вот милый край, страна родная!»

Пустоту заполнили эти слова из старой поэмы, они, как всегда, прозвучали в его ушах, словно произнесенные низким, спокойным голосом. Пальцы его большой руки мягко сомкнулись, словно ухватили что-то.

В чьем сердце не забрезжит свет,
Кто не вздохнет мечте в ответ,
Вновь после странствий многих лет
На почву родины ступая?

Даниель был в Париже, очень далеко, но Гамаш чувствовал, что его сын может совершить очень серьезную ошибку, которая забросит его еще дальше.

– Я думаю, это не лучший выбор.

– Почему? – В голосе Даниеля слышалось любопытство, но не напряженность.

– Ты же знаешь историю.

– Ты мне рассказывал, па, но это же история. А Оноре Гамаш – хорошее имя для хорошего человека. Тебе это известно лучше, чем кому-либо другому.

– Это верно. – Гамаш почувствовал укол тревоги. Даниель не хотел отступать. – Но я лучше любого другого человека знаю, что может случиться в мире, который не всегда добр.

– Ты учил нас, что мы сами создаем свой мир. Как там эта цитата из Мильтона, с которой мы росли:

Он в себе
Обрел свое пространство, и создать
В себе из Рая – Ад и Рай из Ада
Он может.

Ты веришь в это, па, и я тоже. Помнишь наши прогулки в парке? Ты брал меня и Анни и все время читал стихи. Эти строки были одними из твоих любимых. И моих.

Гамаш ощутил жжение в горле, вспоминая эти прогулки, крохотные пухлые пальчики в его огромной руке. Не столько держащей, сколько удерживаемой.

– Недалек тот день, когда придет мой черед. Я буду водить Флоранс и Оноре в парк Мон-Руаяль и без умолку лепетать им стихи.

– Лепетать? Ты не хочешь сказать – декламировать сильным, но музыкальным голосом?

– Конечно. «Где тот мертвец из мертвецов». Ты это помнишь?

– Помню.

– Все те стихи, что ты читал мне, я буду читать им, включая и Мильтона, включая и строки о разуме, который в себе обрел свое пространство, и о том, что мы сами творим свою реальность. Не волнуйся, – продолжал Даниель терпеливо, взывая к отцовской логике. – Оноре будет знать, что мир начинается между его ушей и принадлежит только ему. И он, как и я, будет знать, какое это прекрасное имя.

– Нет, Даниель, ты совершаешь ошибку.

Ну вот он и сказал эти слова. Те самые слова, которые он поклялся себе не говорить. Но все же Даниель должен понять это, нельзя допустить, чтобы его сын совершил – пусть и с самыми благими намерениями – эту трагическую ошибку.

Краем глаза он отметил какое-то движение. В комнату вошла Рейн-Мари. Он взглянул на нее. Тело ее было напряжено, глаза смотрели удивленно и с тревогой. И все же сделать это было необходимо. Иногда родительский долг состоит в том, чтобы совершать поступки, которые не встретят понимания. Идти на неодобрение. Нельзя допустить, чтобы сын Даниеля носил имя Оноре.

– Я надеялся, что ты воспримешь это иначе, па.

– Почему я должен был воспринять это иначе? Ведь ничего не изменилось.

– Времена изменились. Сколько лет прошло. Десятилетия. Ты должен

забыть об этом.

– Я много чего повидал. Я знаю, что́ своевольные родители могут сделать со своим ребенком. Я видел таких затюканных детей, что…

«Что они даже прыгать не могут, – чуть было не сказал он. – Они никогда не отрываются от земли. Не подпрыгивают от радости, не скачут через веревочку, не ныряют в воду с трамплина, не виснут на плечах любящих родителей, которым доверяют».

– Ты обвиняешь меня в том, что я желаю вреда нашему ребенку? – В голосе Даниеля больше не было ни терпения, ни желания убедить. – Ты и в самом деле считаешь, что я желаю вреда моему сыну? Он даже еще не родился, а ты уже обвиняешь меня? Ты все еще считаешь меня бестолочью?

– Даниель, успокойся. Я никогда не считал тебя бестолочью, ты это знаешь.

Он услышал, как вздохнула Рейн-Мари в другом конце комнаты.

– Ты прав. Всегда прав. Ты должен побеждать, потому что знаешь о вещах, неизвестных мне. И по-твоему, я настолько своеволен, что готов дать нашему ребенку имя, которое его уничтожит.

– Жизнь и без того сложна, зачем же давать ребенку имя, которое может стать предметом издевательств, нападок?

– Да, такое может случиться. Но еще оно может стать предметом гордости, высокой самооценки…

– Его самооценка не будет зависеть от имени, которым ты его наречешь. Не создавай ему помеху при рождении.

– Ты хочешь сказать, что имя Оноре – это как родовая травма? – Голос Даниеля звучал как никогда отчужденно.

– Я этого не говорил. – Гамаш пытался дать задний ход, но понимал, что зашел слишком далеко. – Слушай, нам нужно поговорить об этом при встрече. Мне жаль, если тебе показалось, будто я считаю, что ты хочешь преднамеренно повредить своему ребенку. Я знаю, что это не так. Ты замечательный отец…

– Я рад, что ты так считаешь.

– Для любого ребенка счастье иметь такого отца, как ты. Но ты спросил, что я думаю. Вполне возможно, что я ошибаюсь, но я считаю, что было бы неверно назвать сына Оноре.

– Спасибо за звонок, – сказал Даниель и отключился.

Гамаш встал, словно оглушенный, прижимая трубку к уху. Неужели все так плохо?

– Что, дело неважное? – спросила Рейн-Мари.

– Неважное. – Гамаш повесил трубку. – Но мы договоримся.

Вообще-то, он не очень обеспокоился. Он иногда спорил с Даниелем, как спорил и с дочерью Анни. Он убеждал себя, что расхождения во мнениях – дело естественное. Только на сей раз все было иначе. Он ударил сына по самому больному месту (знал это из собственного опыта) – усомнился в его отцовских способностях.

– Хорошо, что вы вернулись.

Бовуар вошел в комнату, едва не столкнувшись с техником, который нес огромную коробку.

– Агент Лакост заканчивает обыск гостевых комнат. Они прошерстили весь дом. И ничего. Я успел допросить Томаса, Мариану и только что – Сандру. Это, я вам скажу, вовсе не Уолтоны.[53]

Привезли оборудование, и библиотека в старом бревенчатом доме стала преображаться в современный оперативный штаб. Очистили столы, подключили компьютеры, поставили информационные доски, закрепили на подставках писчую бумагу: для записей фактов (чем занимался инспектор Бовуар), составления списка свидетелей, улик и вещдоков, графика перемещений.

– У нас проблема, шеф, – сказала одна из техников, возившаяся с компьютером.

– Я сейчас. Так ты дозвонилась до Габри?

– Меня там ждут, – ответила Рейн-Мари.

– Инспектор, не хочешь присоединиться? Мы доедем до Трех Сосен с мадам Гамаш, потом – в Шербрукское отделение полиции. У нас там встреча с крановщиком, устанавливавшим статую.

– С удовольствием, – сказал Бовуар, поправляя подставку и доставая фломастер из коробки.

Гамаш подошел к технику:

– Так что за проблема?

– Этот дом… тут проводке сто лет, сэр. Не думаю, что мы сможем подключить наше оборудование. – Она держала в руке вилку компьютера.

– Я сейчас найду метрдотеля, – сказал Бовуар, направляясь в столовую.

Чертовы края. Медвежий угол. Он неплохо держался до этого момента. Пытался не обращать внимания на комаров, мошку и всяких прочих невидимых паразитов. В Монреале ты, по крайней мере, видишь, кто на тебя летит. Легковушки. Грузовики. Наркоманы. Все крупное. А здесь все прячется. Все незаметное. Крохотные жучки-кровососы, пауки, змеи, животные в лесу, сгнившая проводка в бревенчатом, черт бы его драл, доме. Это было сравнимо с проведением современного расследования в пещере

Фреда Флинстона.[54]

– Bonjour? – громко сказал он.

Никого.

– Кто-нибудь тут есть?

Он засунул голову в столовую. Пусто.

– Эй!

У них тут что, сиеста? Может, они отправились в лес настрелять дичи к обеду? Он распахнул дверь и вошел в кухню.

– Добрый день. Чем могу вам помочь?

Из холодильного помещения донесся низкий, певучий голос. Потом появилась женщина с мясом для жаркого. На ней был белый передник без всяких глупых надписей или изображений. Она подошла к Бовуару, взглянула ему в глаза пристальным, вопрошающим взглядом. Бовуар прикинул: роста в ней шесть футов, ни дюймом меньше. Далеко не юная и далеко не стройная. Вьющиеся волосы, черные с сединой, короткая стрижка явно ей не к лицу. Руки громадные, грубые.

– Чем могу вам помочь? – Голос ее звучал так, будто она его проглотила.

Бовуар уставился на женщину.

– Что-то не так? – снова зазвучал низкий голос.

Она бросила мясо на кленовую колоду для рубки.

Бовуар всем телом ощущал зуд. Он пытался оторвать от нее взгляд, но не мог. Он ждал, что сердце его забьется как сумасшедшее, но на самом деле оно замедлилось. Успокоилось. Что-то случилось, и все напряжение, вся избыточная энергия, все волнение оставили его.

Он расслабился.

– Я вас знаю? – спросила она.

– Извините. – Он подошел к ней. – Инспектор Бовуар. Жан Ги Бовуар, Квебекская полиция.

– Конечно же. Я должна была догадаться.

– Почему? Вы меня знаете? – с надеждой спросил он.

– Нет. Но я знаю, что убита мадам Мартин.

Он был разочарован. Ему хотелось, чтобы она знала его. Чтобы объяснилось это ощущение близости, которое он неожиданно испытал. Это выбивало его из колеи.

Бовуар посмотрел на женщину, ставшую причиной его тревоги. Ей было, вероятно, под шестьдесят, но выглядела она крепкой как дуб, двигалась как грузовик, говорила так, словно проглотила саксофон.

– Кто вы? – сумел выдавить он.

– Шеф-повар. Вероника Ланглуа.

Вероника Ланглуа. Имя было красивое, но ничего не говорило ему. А он был уверен, что знает ее.

– Чем могу вам помочь? – спросила она.

Чем она может помочь? Думай, старина, думай.

– Я ищу метрдотеля.

– Он, вероятно, там. – Она показала на двойную распашную дверь из кухни.

Бовуар поблагодарил ее и вышел словно в тумане.

За остекленными дверями он увидел метрдотеля – тот на террасе разговаривал с одним из официантов.

– Ты считаешь, что это слишком трудная работа? Попробуй высаживать деревья или работать в шахте. Или стричь газоны на кладбище все лето.

– Послушайте, меня не интересует, чем вы занимались в моем возрасте. Мне это безразлично. Я знаю только одно: Джулия Мартин мертва и кто-то из этих людей убил ее.

– Тебе что-то известно о ее смерти, Элиот?

Ответом было молчание.

– Не валяй дурака, парень. Если ты знаешь что-то…

– Вы думаете, я бы вам сказал? Она была достойным человеком, и кто-то ее убил. Вот все, что я знаю.

– Ты лжешь. Ты проводил с ней время, верно?

– Время? Какое время? То свободное время, что вы нам оставляете? Я работаю по двенадцать часов в день. Где у меня время, чтобы с кем-то его проводить?

– Ты что, так и собираешься всю жизнь жаловаться?

– Как сложатся обстоятельства. А вы собираетесь провести жизнь в полусогнутом состоянии?

Элиот развернулся и зашагал прочь. Бовуар остался на месте, невидимый для метрдотеля, – ему было любопытно, как тот поведет себя, считая, что его никто не видит.

Пьер Патенод смотрел в спину уходящему Элиоту, радуясь, что никто не слышал их разговора. Он понял, что совершил ошибку, сказав Элиоту о том, как подрабатывал летом в молодости. Но слово не воробей. Потом он вспомнил, что говорил его отец в зале заседаний совета директоров, в окружении серьезных стариков: «Каждый должен иметь второй шанс. Но не третий».

В тот день его отец уволил человека. Пьер видел это – ужасное

зрелище.

Элиот не воспользовался третьим шансом. Придется уволить Элиота, когда закончится расследование и уедет полиция. До этого он ничего предпринимать не будет, потому что Элиот все равно должен оставаться, как об этом просили полицейские. Метрдотелю не часто приходилось увольнять людей, но если это случалось, он вспоминал тот день в зале заседаний, вспоминал своего отца. И думал о том, что сделал его отец после.

Много лет спустя после того увольнения его отец анонимно инвестировал сотни тысяч долларов, чтобы помочь уволенному открыть собственное дело.

В конечном счете он предоставил ему третий шанс. Правда, Пьер считал, что его отец был добрее сына.

Пьер повернулся и вздрогнул, увидев, что из-за дверей за ним кто-то наблюдает. Но когда человек вышел на каменную террасу, Пьер узнал в нем инспектора и помахал ему:

– Я подготовил номера для вас и другого вашего агента. Мы разместим вас в главном здании. рядом со старшим инспектором.

Бовуар прихлопнул комара. Налетели другие – целый рой.

– Merci, Patron. Ну и парень! – Бовуар показал на удаляющуюся спину Элиота.

– Так вы слышали? Прошу прощения. Парня выбило из колеи.

Бовуар полагал, что метрдотель проявил чудеса сдержанности, не набив морду этому щенку, но теперь ему пришло в голову, что Пьер Патенод просто слабак, если позволяет другим, даже таким соплякам, вытирать о себя ноги. Бовуар не любил слабых людей. Убийцы были людьми слабыми.

* * *

Гамаш, Рейн-Мари и Бовуар отправились в Три Сосны, оставив метрдотеля и техников разбираться с электричеством. Бовуар расположился на заднем сиденье. За мамочкой и папочкой. Ему понравилась эта мысль. После встречи с шеф-поваром Вероникой он чувствовал странную расслабленность.

– Вы знаете шеф-повара в «Усадьбе»? – мимоходом спросил он.

– Кажется, я с ним не знакома, – сказала Рейн-Мари.

– С ней, – поправил ее Бовуар. – Ее зовут Вероника Ланглуа.

Стоило ему произнести ее имя, как он успокаивался. Такого странного чувства он еще никогда не испытывал.

Рейн-Мари отрицательно покачала головой:

– Арман?

– Я впервые увидел ее сегодня утром.

– Странно, что мы не сталкивались с ней прежде, – сказала Рейн-Мари. – Я считала, что шеф-повара́ любят публичность и похвалу. Может, мы ее видели и забыли.

– Забыть ее нелегко, уж ты мне поверь, – сказал Гамаш, вспоминая крупную, уверенную в себе женщину. – Агент Лакост допросит персонал к нашему возвращению. Она узнает о ней побольше. А вообще у меня такое ощущение, будто я знал ее когда-то.

– И у меня тоже. – Бовуар подался вперед между двумя передними сиденьями. – У вас когда-нибудь бывало так: вот идете вы по улице, чувствуете какой-то запах – и вдруг словно оказываетесь совсем в другом месте? Запах переносит вас туда.

Если бы Бовуар говорил такие вещи кому-то другому, то чувствовал бы себя последним идиотом.

– У меня так бывает. Но тут есть кое-что еще, – сказал Гамаш. – Этому сопутствует какое-нибудь чувство. Я неожиданно начинаю грустить либо чувствовать себя легко и спокойно. И никаких для этого оснований, кроме запаха.

– Oui, c’est ça.[55] В особенности чувство. Именно это я и ощутил, когда вошел в кухню.

– Может, дело как раз в кухонных запахах? – спросила Рейн-Мари.

Бовуар задумался.

– Нет, у меня это чувство возникло, лишь когда я ее увидел. Дело было в ней. Это так напрягает. Словно что-то за пределами моего понимания. Но я ее знаю.

– И что же вы почувствовали? – спросила мадам Гамаш.

– Защищенность.

А еще его одолевало почти неодолимое желание рассмеяться. Какая-то радость бурлила в его груди.

Он размышлял об этом, пока «вольво», разбрызгивая грязь по дороге, вез их в Три Сосны.

Глава пятнадцатая

«Вольво» притормозил на вершине холма. Все трое вышли из машины и остановились, любуясь видом на маленькую деревню, раскинувшуюся в тихой долине, окруженной лесистыми холмами и горами.

Гамаш никогда еще не видел Три Сосны летом. Листья кленов, яблонь и дубов слегка прикрывали старые дома вокруг деревенского луга. Но те от этого становились еще волшебнее, словно, наполовину пряча свою красоту, они лишь обретали дополнительную прелесть. Три Сосны раскрывали себя медленно, да и то только тем, у кого хватало терпения ждать, тихо сидеть в выцветших креслах бистро, попивая чинзано или кофе с молоком, и наблюдать, как почтенная деревня меняет свое лицо.

Справа от них высился белый шпиль часовни, а речушка Белла-Белла несла свои воды из мельничного пруда, петляла за домами и деловыми зданиями.

В дальнем конце деревенского луга полукругом маленьких кирпичных зданий расположились магазины. Магазин старой и новой книги Мирны, бистро Оливье с его темно-синими и белыми зонтиками, защищающими стулья и столы на тротуаре. Рядом – пекарня Сары. Оттуда как раз выходила пожилая прихрамывающая женщина с тяжелой сетчатой сумкой. За женщиной ковыляла утка.

– Рут, – кивнул Гамаш.

Утка Роза не оставляла сомнений относительно личности женщины. Они увидели, как озлобленная старая поэтесса вошла в магазин месье Беливо. Роза осталась ждать у дверей.

– Если поспешим, то разминемся с ней, – сказал Бовуар, поворачиваясь к машине.

– Но я-то как раз и не хочу с ней разминуться, – сказала Рейн-Мари. – Я звонила ей из «Усадьбы». Сегодня днем мы встретимся за чашкой чая.

Бовуар уставился на мадам Гамаш так, будто ему больше не суждено было ее увидеть. Ее сожрет Рут Зардо, ведь известно, что она перемалывает хороших людей и превращает их в стихи.

Жители деревеньки выгуливали собак и спешили по делам, вернее сказать, прогуливались по делам. Некоторые из них, надев широкополые шляпы и резиновые перчатки, копались на своих огородах, срезали розы на букеты. У каждого дома были клумбы многолетников. Но никакой ландшафтной планировки, никаких новых образцов, никаких

садоводческих новинок. То же самое могли видеть в своих садах солдаты, возвращавшиеся с Великой войны. Три Сосны менялись, но менялись медленно.

Они вернулись в машину, медленно поехали по рю Дю-Мулен и остановились перед гостиницей Габри. На широком крыльце стоял, словно ждал их, крупный взъерошенный человек лет тридцати пяти.

– Salut, mes amis.[56] – Он спустился по деревянным ступенькам и взял чемодан Рейн-Мари у Гамаша, но прежде по-приятельски обнял и расцеловал в обе щеки всех, включая и Бовуара. – С возвращением.

– Merci, Patron. – Гамаш улыбнулся, радуясь возвращению в эту маленькую деревеньку.

– Мы с Оливье так огорчились, узнав про сестру Питера, – сказал Габри, показывая Рейн-Мари ее комнату. Обстановка была удобная, располагающая, кровать из темного дорогого дерева, чистое белье роскошной белизны. – Как там они поживают?

– Они потрясены, но держатся, – сказал Гамаш.

А что еще он мог сказать?

– Ужасно. – Габри покачал головой. – Клара позвонила и попросила меня собрать для них кое-какие вещички. Голос у нее был расстроенный. Вы чечетку танцуете? – спросил он у Рейн-Мари, подражая движениям старинного танца, этакой сельской помеси степа и кельтского танца.

Вопрос был довольно неожиданный, и Рейн-Мари в изумлении уставилась на Габри.

– Никогда не пробовала, – ответила она после некоторой заминки.

– Что ж, Мария, царица мира,[57] вас ждет развлечение. Через несколько дней мы празднуем День Канады на деревенском лугу, и мы присовокупим к этому исполнение чечетки. Я вас записал.

– Пожалуйста, возьми меня назад, туда, где убийца, – прошептала Рейн-Мари на ухо мужу, целуясь с ним на прощание у машины несколько минут спустя.

От Армана привычно пахло розовой водой и сандаловым деревом. Машина тронулась, и Рейн-Мари помахала ему, все еще оставаясь в мире этого запаха, в мире комфорта, доброты и спокойствия, в мире, где не танцуют чечетку.

* * *

Старший инспектор Гамаш вошел в здание Квебекской полиции в Шербруке и назвал себя дежурному.

– Не могли бы вы показать, где у вас хранятся вещдоки?

Полицейский вскочил из-за стола:

– Да, сэр. К статуе – туда.

Они проследовали за ним через все помещение в большой гараж. Чарльз Морроу стоял у стены, словно заказывая громадную порцию выпивки. На стуле перед статуей сидел полицейский, назначенный для охраны.

– Я подумал, что лучше выставить охрану, чтобы никто тут ничего не подменил. Я знаю, вы отобрали образцы крови и земли. Мы отправили их курьером в лабораторию, но я на всякий случай взял еще.

– Вы очень обстоятельны, – сказал Гамаш.

Стук их каблуков по бетону гулким эхом разносился по гаражу. У Гамаша создалось впечатление, будто Чарльз Морроу ждет их.

Он кивнул полицейскому, охраняющему статую, и отпустил его, потом приложил руку к каменному туловищу, сам не зная, что он рассчитывает ощутить. Может быть, слабый пульс.

Гамаш и в самом деле почувствовал что-то неожиданное. Он переместил руку в другое место, на локоть Морроу, и потер его.

– Жан Ги, посмотри-ка.

Бовуар подошел ближе:

– Куда?

– Потрогай.

Бовуар положил пальцы туда, где только что была рука его шефа. Он предполагал ощутить холодок камня, но почувствовал тепло, словно Чарльз Морроу, этот скряга, забрал тепло Гамаша.

Но Бовуар ощутил и кое-что еще. Нахмурившись, он переместил руку на туловище Морроу и погладил его. Потом подался еще ближе к статуе, почти уткнувшись в нее носом.

– Это не камень, – таково было его заключение.

– Я тоже так думаю, – сказал Гамаш, отступив от статуи.

Статуя была серой. В одних местах темно-серой, в других – светло-серой. А поверхность была слегка неровной. Поначалу Гамаш подумал, что скульптору удалось каким-то образом добиться этого эффекта, но, потрогав статую и приглядевшись к ней внимательнее, он понял, что это свойство присуще самому материалу. Неровности, напоминающие неровности кожи, были частью того, из чего изваяли эту статую. Словно взяли человека гигантских размеров, а потом превратили его в камень.

– Что это? Из чего его высекли?

– Не знаю, – сказал Гамаш, часто повторявший эти два слова во время текущего расследования.

Он заглянул в лицо Чарльза Морроу. Потом отступил еще на шаг.

На лице все еще оставалась земля и стебли травы. Статуя напоминала выкопанного из земли покойника. Но лицо под слоем земли казалось решительным, целеустремленным. Живым. Руки свободно висели вдоль боков, ладони приподняты. Он словно потерял что-то. Следы крови, теперь высохшей, окрашивали голову и руки Чарльза Морроу. Чуть выставленная вперед нога выдавала какую-то неуверенность.

Если воспринимать его по частям, то он производил впечатление мрачного, нетерпеливого, алчного и явно нуждающегося в защите человека.

Но в целом у Гамаша создалось совершенно противоположное ощущение. Сумма отдельных частей говорила о томлении, печали, смирении вперемешку с решимостью. То же самое он испытал, когда со статуи упало покрывало и он впервые увидел ее. А сейчас Гамашу показалось, что он находится в знакомом саду в Париже.

Если большинство туристов спешили в Лувр, Тюильри, к Эйфелевой башне, то Арман Гамаш направлялся в тихий дворик за маленьким музеем.

И там он отдавал дань уважения людям, давно оставившим этот мир.

Это был музей Огюста Родена. Гамаш шел смотреть «Граждан Кале». [58]

– Эта статуя тебе ничего не напоминает?

– Ужастики. Вид у него такой, будто он вот-вот оживет, – сказал Бовуар.

Гамаш улыбнулся. В этой статуе было что-то неземное. И как ни крути, на ее счету уже была одна жизнь.

– Ты когда-нибудь слышал про «Les Bourgeois de Calais» – «Граждан Кале»?

Бовуар сделал вид, что задумался.

– Non.

У него возникло предчувствие, что сейчас ему расскажут. Что ж, это лучше, чем поэтические цитаты. По крайней мере, пока что шеф ничего не собирался цитировать.

– Эта статуя напоминает мне «Граждан Кале». – Гамаш отступил еще на шаг. – Это работа Огюста Родена. Она стоит в Музее Родена в Париже. Но копия есть у Музея изящных искусств в Монреале, если захочешь посмотреть.

Бовуар воспринял это как шутку.

– Роден жил лет сто назад, но история про граждан Кале относится к временам более далеким – к тысяча триста сорок седьмому году.

Бовуар стал внимательно слушать. Низкий, вдумчивый голос звучал так, будто Гамаш пересказывает легенду, и Бовуар живо представлял, как разворачиваются события.

Порт Кале почти семьсот лет назад. Деловой, богатый, стратегически важный город. Самый разгар Столетней войны между французами и англичанами, хотя тогда эта война так не называлась. Она была просто войной. Кале был важным французским портом, и его осадила сильная армия английского короля Эдуарда III. Горожане держали оборону, уверенные, что к ним на выручку придет Филипп VI, король Франции. Но проходили дни, недели, месяцы, и надежда на спасение таяла. К воротам осажденного города подступил голод, ворвался внутрь и проник в дома горожан. Но они продолжали сражаться, надеясь на спасение. На то, что их не забудут, не бросят в беде.

Наконец Эдуард III сделал горожанам предложение. Он пощадит Кале, если сдадутся шесть самых выдающихся его граждан. Сдадутся на казнь. Он приказал этим гражданам явиться к воротам города без верхней одежды, с веревками на шее и с ключами от города.

Жан Ги Бовуар побледнел, представляя, как бы поступил он. Вышел бы вперед? Спрятался? Отвернулся? Он представил себе, какой ужас охватил жителей города, представил себе этот выбор. Он слушал шефа, ощущая биение сердца в груди. Это было гораздо хуже любого фильма ужасов. Это было взаправду.

– И что случилось? – прошептал Бовуар.

– Один из богатейших граждан Кале, Юсташ де Сен-Пьер, сказал, что готов отдаться в руки англичан. Пять других присоединились к нему. Они сняли с себя одежду, остались в одном исподнем, надели петли на шею и вышли из ворот.

– Bon Dieu, – прошептал Бовуар.

«Боже милостивый», – согласился Гамаш, снова глядя на Чарльза Морроу.

– На скульптуре Родена эти люди запечатлены в тот момент, когда они подошли к воротам и сдаются.

Бовуар попытался представить, как это могло бы выглядеть. Он видел много официозного французского искусства, запечатлевшего штурм Бастилии, войны и победы. Там были крылатые ангелы, пышногрудые радостные женщины, сильные, решительные мужчины. Но если статуя

Чарльза Морроу напомнила шефу одного из тех людей, то, вероятно, это такая работа, каких Бовуар еще не видел.

– Это, наверно, какая-то необычная скульптура, – сказал Бовуар, подумав, что, пожалуй, стоит отыскать Музей изящных искусств в Монреале.

– Да, она не похожа на другие посвященные войне произведения искусства. У этой шестерки вовсе не героический вид. Они выглядят обреченно, даже испуганно.

Это Бовуар мог себе представить.

– Но разве это не делает их еще большими героями? – спросил он.

– Пожалуй, – ответил Гамаш и снова обратил взгляд на Чарльза Морроу.

На статуе была одежда и не было цепей, веревок или петель на шее. По крайней мере, видимых. Но Арман Гамаш знал, что Чарльз Морроу связан так же крепко, как и фигуры на скульптуре Родена. Веревками, цепями, да еще и прикреплен к чему-то.

Что видел Чарльз Морроу своими печальными глазами?

* * *

Владелец погрузочной компании ждал их у стола дежурного. Это был невысокий крепыш, своим сложением напоминавший пьедестал. Его седые волосы были коротко подстрижены и стояли торчком. Красный рубец – след жесткой шляпы, которая сидела на его голове каждый рабочий день вот уже тридцать лет, – прорезал весь его лоб по длине.

– Понимаете, я тут ни в чем не виноват, – сказал он, протягивая для пожатия мощную руку.

– Понимаю, – сказал Гамаш. Он ответил на рукопожатие, представил Бовуара и себя. – Мы думаем, это было убийство.

– Tabernacle,[59] – выдохнул человек, отирая капельки пота со лба. – Правда? Ну подождите, ребята узнают.

Они втроем двинулись по коридору в гараж.

– Ваш сотрудник не сказал вам, что случилось? – спросил Бовуар.

– Он идиот. Сказал, что пьедестал сместился и статуя упала. Ерунда это. Основание было надежно закреплено. Они залили бетонный фундамент с одноразовой опалубкой, углубленной в землю на шесть футов – ниже уровня замерзания. Поэтому пьедестал не мог сместиться. Вы меня понимаете?

– Объясните, – попросил Гамаш.

– В здешних местах при строительстве фундамент нужно углублять не меньше чем на шесть футов – там земля не промерзает. В противном случае ваше сооружение весной, когда земля оттаивает, будет смещаться. Понятно?

Гамаш понял, что имел в виду крановщик, говоря о своем боссе: тот был прирожденным лектором, но не прирожденным учителем.

– Мадам Дюбуа в «Усадьбе» если уж за что берется, то все делает как положено. Мне это нравится. Я и сам такой. Она кое-что понимает в строительстве. – В его устах это была наивысшая похвала.

– И что вы сделали? – спросил Бовуар.

– Не спешите. Я к этому и веду. Она попросила нас поставить одноразовую опалубку, чтобы статуя не упала. Мы так и поступили. Это было около месяца назад. Пьедестал даже и зимы не простоял. Не мог он сместиться.

– Значит, вы углубляетесь в землю. А что потом? – спросил Бовуар.

Расследование убийства – это по большей части поиск ответа на вопрос «А что случилось потом?». Ты задаешь его снова и снова. И конечно, слушаешь ответы.

– Залили опалубку бетоном, дали ему застыть, а через неделю установили пьедестал. А вчера я установил на него статую. Здоровенная хреновина. Работать пришлось осторожно.

В течение пятнадцати минут Бовуар и Гамаш слушали рассказ о том, как нелегка работа крановщика. Бовуар за это время успел прокрутить в памяти вчерашний бейсбольный матч, поразмыслить о том, будет ли злиться его жена из-за того, что он опять не ночует дома, и побраниться с управляющим домом, в котором он живет.

Гамаш слушал.

– В чьем присутствии вы устанавливали статую?

– Мадам Дюбуа и другого типа.

– Пьера Патенода? – спросил Гамаш. – Метрдотеля?

– Не знаю, кто он там у нее. Лет сорока пяти, темноволосый. На нем сто одежек было. Наверно, умирал от жары.

– Кто-нибудь еще?

– Много народу пришло посмотреть. В саду работали двое ребят – тоже наблюдали. Самое трудное – это правильно ее поставить. Чтобы она смотрела куда надо.

Он рассмеялся и пустился в пространные пятиминутные рассуждения о том, что нужно делать для правильной ориентации статуи. Бовуар

погрузился в фантазии, в которых он предавался безудержному шопоголизму в Париже в компании с Пьером Карденом. Но это навело его на мысли о Кале, а это в свою очередь – на размышления о Чарльзе Морроу и в конце концов вернуло его к этой занудной долгоиграющей пластинке.

– …Накинул на него полотнище, которое дала мне мадам Дюбуа, и уехал.

– Как статуя могла свалиться с пьедестала?

Гамаш задал этот вопрос самым обычным тоном, каким мог спросить о чем угодно, но все понимали, что это главный вопрос. Крановщик взглянул на статую, потом снова на Гамаша.

– Мне известен только один способ – с помощью машины. – Такой ответ не порадовал его самого, и взгляд у него стал виноватым. – Я этого не делал.

– Мы знаем, что вы этого не делали, – успокоил его Гамаш. – Но кто мог это сделать? Если это сделали не машиной, то как тогда?

– А может, и машиной, – прозвучал ответ. – Там мог находиться кран. Не мой, а чей-нибудь еще. Может быть.

– Это возможно, – сказал Гамаш, – но, я думаю, Джулия Мартин заметила бы его.

Оба кивнули.

– А что вы думаете об этой статуе? – спросил Гамаш.

Бовуар удивленно посмотрел на него. Кому интересно, что думает какой-то крановщик? С тем же успехом можно было спросить об этом у пьедестала.

– Я бы такую у себя в саду не поставил. Грустная она какая-то. Я предпочитаю вещи, которые приносят радость.

– Например, эльфов? – спросил Бовуар.

– Конечно. Эльфов или фей, – ответил крановщик. – Люди думают, что это одно и то же, но они ошибаются.

«Господи милостивый, только не лекцию о различиях между феями и эльфами!»

Гамаш стрельнул в Бовуара предостерегающим взглядом.

– Конечно, птица его немного оживляет.

Птица?

Гамаш и Бовуар переглянулись.

– Какая птица, месье? – спросил Гамаш.

– Та, что у него на плече.

На плече?

Крановщик увидел их недоумение.

– Да, вот здесь.

Он направился к статуе, гулко стуча грязными ботинками по бетонному полу. Остановился перед Чарльзом Морроу и показал пальцем.

– Я ничего не вижу, – сказал Бовуар Гамашу, который тоже отрицательно покачал головой.

– Нужно подойти ближе, чтобы ее заметить, – сказал крановщик, оглядывая гараж.

Он увидел приставную лестницу, принес ее, и Бовуар поднялся на несколько ступенек.

– Он прав. Тут высечена птица, – сказал Бовуар с лестницы.

Гамаш беззвучно вздохнул. Он-то надеялся, что у крановщика случилась галлюцинация. Однако нет. Птица должна была быть, и, уж конечно, она никак не могла усесться на ногу Морроу – обязательно на плечо. Бовуар спустился, и Гамаш посмотрел на лестницу, зная, что должен подняться и увидеть птицу своими глазами.

– Вам подать руку? – ухмыльнулся Бовуар с легкостью человека, который еще не открыл в себе свои фобии.

– Non, merci.

Гамаш попытался улыбнуться, но знал, что вид у него, вероятно, безумный: глаза горят, руки чуть трясутся, губы все еще пытаются изобразить улыбку. Он шагнул к лестнице. Две, три, четыре ступеньки. Не очень высоко, но ему и этого было достаточно. «Может, я, как и Бин, боюсь оторваться от земли», – с удивлением подумал он.

Наконец он оказался лицом к лицу с Чарльзом Морроу и посмотрел в его грустные глаза. Потом он опустил взгляд: на левом плече статуи сидела крохотная птичка. Но было в ней что-то странное. Каждый нерв в теле Гамаша умолял его спуститься. Он почувствовал, как накатывают на него волны тревоги, и подумал: вот сейчас он разожмет пальцы и рухнет с лестницы. Упадет на Бовуара. Сомнет его, как Морроу смял Джулию.

– У вас там все в порядке? – спросил Бовуар, начав тревожиться.

Гамаш заставил себя сосредоточиться на птичке. И тут он увидел.

Больше не пытаясь выглядеть сдержанным, понесся вниз по лестнице, спрыгнул с третьей ступени и совсем не изящно приземлился на ногу крановщику.

– Вы знаете, что это за птица? – спросил Гамаш.

– Конечно не знаю. Птица и птица. Знаю только, что это не сойка.

– А это имеет значение? – спросил Бовуар, которому было известно, что шеф никогда не задает пустых вопросов.

– У нее нет ног.

– Может, скульптор забыл, – предположил крановщик.

– А может, это что-то вроде подписи автора, – сказал Бовуар. – Ну, как некоторые скульпторы никогда не делают глаз.

– Типа сиротки Анни,[60] – сказал крановщик. – Может, этот скульптор никогда не делает ног.

Все трое опустили глаза. У Чарльза Морроу ноги были.

Они поставили лестницу на место и направились к двери.

– И что, по-вашему, делает там эта птичка? – спросил крановщик.

– Не знаю, – ответил Гамаш. – Нужно спросить у скульптора.

– Удачи вам, – сказал крановщик, скорчив гримасу.

– И что это должно означать? – спросил Бовуар.

Крановщик ответил ему смущенным взглядом. Интересно, что могло вызвать смущение у человека, который признался в своей любви к эльфам и феям?

Крановщик остановился и посмотрел на двоих полицейских. Тот, что моложе, глазел на него сыщицким взглядом. Того и гляди прыгнет. Но старший, который с седеющими усами, лысеющей головой и добрыми, умными глазами, был само спокойствие. Он слушал. Крановщик повел плечами и заговорил непосредственно с Гамашем:

– Мадам Дюбуа дала мне вчера утром адрес, где забрать статую. Это по дороге к озеру Сен-Фелисьен. Я приехал туда заранее. Такой уж у меня характер. Зашел в кофейню…

«Опять двадцать пять», – подумал Бовуар, переступая с ноги на ногу.

Крановщик помолчал, а потом пустился с места в карьер:

– Наконец я отправился в студию, чтобы забрать ее, то есть статую. Мадам Дюбуа сказала, что это студия скульптора, но это была никакая не студия.

Он снова замолчал.

– Продолжайте, – тихо сказал Гамаш.

– Это было кладбище.

Глава шестнадцатая

Вероника Ланглуа готовила соусы к обеду. Время приближалось к пяти, и они уже опаздывали. Но если эта девица – агент Квебекской полиции – продолжит задавать свои вопросы, то они опоздают еще больше.

Агент Изабель Лакост сидела за очищенным сосновым столом на теплой кухне и не собиралась уходить. В кухне витали замечательные ароматы, но более всего здесь пахло спокойствием. Странно, что такое ощущение возникало здесь, где кипела работа. Повара в крахмальных белых передниках шинковали травы, чистили ранние овощи с огорода или завезенные фермером, месье Паже. Они кипятили, месили, фаршировали и размешивали. Ну просто как в книге доктора Сьюза.[61]

А агент Лакост была занята своим делом. Она расследовала.

К настоящему моменту она опросила весь персонал, на попечении которого был земельный участок, и теперь эти люди работали на бескрайних газонах, пропалывали цветочные клумбы. Людей здесь было полным-полно. Все молодые, желающие заработать.

Пьер Патенод, с которым она теперь разговаривала, только что сказал, что персонал обновляется чуть ли не каждый год, так что им приходится каждый год обучать новеньких.

– Вам не удается сохранить персонал? – спросила Лакост.

– Mais, non, – возразила мадам Дюбуа. Агент Лакост уже опросила ее и отпустила, но пожилая женщина осталась сидеть, словно яблоко, оставленное на стуле. – Большинство ребят возвращаются в школы. И потом, мы сами хотим набирать новых людей.

– Почему? Ведь для вас это дополнительная работа.

– Да, – согласился метрдотель.

– Ну-ка, попробуй.

Вероника сунула ему под нос деревянную ложку, и он вытянул губы, словно для поцелуя, – чуть-чуть притронулся к ложке губами. Лакост поняла: он сделал это автоматически, как делал бессчетное количество раз прежде.

– Идеально, – сказал он.

– Voyons,[62] ты всегда так говоришь, – рассмеялась Вероника.

– Потому что у тебя всегда идеально. Ты иначе не умеешь.

– Это неправда.

Агент Лакост видела, что Веронике приятны его слова. Но кажется,

было и что-то еще? Что-то в то мгновение, когда ложка коснулась его губ? Даже она почувствовала это. Интимность.

Правда, кулинария – дело интимное. Акт творческий и художественный. Сама Лакост не питала любви к кулинарии, но знала, насколько чувственным может быть это занятие. И у нее создалось впечатление, что она присутствовала при очень интимном, очень частном мгновении.

Она посмотрела на шеф-повара новыми глазами.

Та возвышалась над своими молодыми помощниками, пряча под фартуком мощный торс, делавший ее движения неуклюжими до такой степени, словно ее тело и не принадлежало ей. На ней были скромные туфли на резиновой подошве, простая юбка и очень строгая блузка. Седые волосы были обрезаны куда менее аккуратно, чем морковка. Вероника Ланглуа не пользовалась косметикой и выглядела на шестьдесят, может, чуть больше. А ее голос напоминал сирену, подающую сигналы судам во время тумана.

Но было в ней что-то неуловимо притягательное. Изабель Лакост ощущала это. Не то чтобы у нее возникало желание лечь с шеф-поваром в постель или облизать ее ложку. Но ей не хотелось уходить с кухни, из этого маленького мирка, созданного Вероникой Ланглуа. В этой женщине было что-то освежающее, возможно, потому, что она, казалось, совершенно не замечала своего тела, лица, своей громоздкости.

Мадам Дюбуа была ее полной противоположностью. Мягкая, невозмутимая, утонченная, изысканно одетая даже в этой квебекской глуши.

Но вот что объединяло этих двух женщин, так это искренность.

А у Вероники Ланглуа имелось еще одно качество, подумала Лакост, глядя, как та вежливо, но непререкаемо поправляет одну из своих молодых помощниц. Она создавала ощущение спокойствия и порядка. Она излучала дружелюбие.

Молодых ребят тянуло к ней, как и Пьера Патенода, и даже саму хозяйку, мадам Дюбуа.

– Это обязательство моего покойного мужа, – сообщила мадам Дюбуа. – Молодым человеком он много ездил по Канаде и подрабатывал в отелях. Это единственная работа, которую может получить не имеющий профессии молодой человек. И к тому же он не говорил по-английски. Но, вернувшись в Квебек, он уже прекрасно владел этим языком. Правда, сильный акцент у него оставался до конца жизни. Он был всегда благодарен владельцам отелей за терпение, с каким они обучали его

профессии, и за язык. С тех пор он мечтал обзавестись собственной гостиницей и делать для молодых людей то, что когда-то делали для него.

«Вот и еще одна изюминка „Усадьбы“», – подумала Лакост.

Гостиница была полна подозреваемых, полна Морроу, раздраженных и хранящих молчание. Но, кроме того, она была наполнена облегчением. Словно старый дом сделал глубокий вздох. Гости расслаблялись, а молодые люди, нанимаясь на работу, которая могла оказаться мучением, неожиданно обретали дом. «Охотничья усадьба» была построена из дерева, но держалась на чувстве благодарности – этом мощном защитном материале от буйства стихий. Она была наполнена сменяющими друг друга молодыми людьми, которые обучались французскому, учились заправлять кровати, готовить соусы и ремонтировать каноэ. Они вырастали и возвращались в свои провинции – Остров принца Эдуарда, Альберту, в иные части Канады, но несли в сердце любовь к Квебеку.

– Значит, весь ваш персонал – англичане? – спросила агент Лакост.

Она обратила внимание, что те, с кем она уже успела поговорить, были англичанами, хотя некоторые из них уверенно разговаривали с ней по-французски.

– Почти все, – ответил Пьер. – Диана, та, что у раковины, с Ньюфаундленда, а Элиот, один из официантов, из Британской Колумбии. Большинство, конечно, из Онтарио – это ближе всего. У нас даже есть несколько человек из Англии и Америки. Многие из них – братья и сестры тех ребят, что работали у нас прежде.

Шеф-повар Вероника разлила холодный чай в высокие стаканы и первый дала Патеноду, чуть прикоснувшись пальцами к его руке, что было совершенно излишне и явно осталось незамеченным со стороны метрдотеля. Но не прошло мимо глаз агента Лакост.

– Теперь уже приезжают сыновья и дочери, – сказала мадам Дюбуа, умело выхватывая увядший львиный зев из букета на столе.

– Родители знают, что мы позаботимся об их детях, – подхватил метрдотель.

И замолчал, вспоминая события прошедшего дня. Он вспомнил, как Коллин из Нью-Брансуика стояла под дождем, закрыв простоватое лицо большими мокрыми руками. Пьер знал, что ее плач будет преследовать его всю жизнь. Один из его работников, один из его ребят охвачен ужасом. Он чувствовал свою ответственность, хотя предупредить случившееся никак не мог.

– Как давно вы здесь работаете? – спросила Пьера агент Лакост.

– Двадцать лет, – ответил он.

– Круглая цифра, – заметила Лакост. – Мне нужна точная.

Метрдотель задумался.

– Я приехал, когда окончил школу. Началось это как летняя работа, но она так и не закончилась.

Он улыбнулся. Лакост поняла, что за все время их общения он сделал это впервые. Он всегда выглядел таким серьезным. Правда, она знала его всего несколько часов, причем после того, как в гостинице был жестоко убит один из постояльцев. Поводов для веселья у него не было. И тем не менее вот теперь он улыбнулся.

Улыбка была обаятельная, без какой-либо искусственности. Лакост не назвала бы его привлекательным мужчиной – на такого не обратишь внимания на вечеринке, не заметишь его в дальнем конце комнаты. Он был среднего роста, стройным, приятным, даже изящным. Умел себя держать, словно родился метрдотелем или мультимиллионером.

Была в нем какая-то легкость. Она понимала, что это взрослый человек. Не ребенок во взрослых одеждах, как многие мужчины, которых она знала. Перед ней был зрелый мужчина. Рядом с ним можно было расслабиться. Он руководил «Усадьбой» так же, как старший инспектор Гамаш руководил своим отделом. В «Охотничьей усадьбе» царили порядок, спокойствие и тепло, которое излучали эти три взрослых человека, влияя на молодых взрослых, приезжавших сюда на работу. Лакост знала, что у этих людей они научаются не только другому языку. Так же, как и она черпала у старшего инспектора не только знания, необходимые сыщику.

– Так когда вы сюда приехали? – повторила она свой вопрос.

– Двадцать четыре года назад.

Эта цифра поразила ее.

– Приблизительно в это же время сюда приехала и шеф-повар.

– Неужели?

– Вы были знакомы до приезда сюда? – спросила Лакост у метрдотеля.

– С кем? С мадам Дюбуа?

– Нет, с шеф-поваром Вероникой.

– С Вероникой?

У него был озадаченный вид, и агент Лакост вдруг все поняла. Она бросила взгляд на Веронику – крупную, мощную, с быстрыми, умелыми руками.

Ее сердце сжалось от сочувствия. Давно ли шеф-повар испытывает это? Неужели она прожила почти четверть века в этом бревенчатом доме на берегу озера Массавипи рядом с человеком, который не отвечает ей взаимностью? Как это может сказаться на характере? И что случилось с

любовью, столь протяженной во времени и в такой изоляции от мира? Не преобразуется ли она в нечто иное?

В нечто способное на убийство?

* * *

– Что это ты делаешь?

Клара обняла мужа за шею. Он наклонился и поцеловал ее. Они одевались к обеду, и у них впервые выдалась возможность поговорить о случившемся.

– Это просто невероятно, – сказал Питер, в изнеможении опускаясь на стул.

Бовуар завез им чемодан с вещами, собранными Габри: нижнее белье, носки, виски и чипсы. Никакой верхней одежды.

– С тем же успехом мы могли бы обратиться с просьбой о вещах к У. К. Филдсу,[63] – сказал Питер, когда они в свежем нижнем белье попивали виски и закусывали чипсами.

По правде говоря, это было не так уж и плохо.

Клара нашла в чемодане шоколадку и набросилась на нее; оказалось, что шоколад с виски тоже совсем неплох.

– Питер, как по-твоему, на что намекала вчера Джулия, когда сказала, что раскрыла тайну отца?

– Это просто пустословие. Она пыталась поскандалить. За этими словами ничего не стоит.

– Не уверена.

– Нет, Клара, выкинь это из головы.

Питер встал и принялся рыться в другом чемодане, привезенном с собой. Вытащил рубашку и брюки, которые были на нем предыдущим вечером. К сожалению, одежда помялась: вчера они затолкали ее в чемодан, не предполагая, что она им еще понадобится.

– Слава богу, что здесь Арман Гамаш, – сказала Клара, разглядывая свое любимое светло-голубое льняное платье.

Теперь оно выглядело так, словно было сшито из сирсакера.[64]

– Да, это удача.

– Ты о чем?

Питер повернулся к ней, взъерошенный, в мятой одежде:

– Кто-то убил Джулию. И Гамаш найдет убийцу.

– Будем надеяться.

Они уставились друг на друга без какой-либо напряженности или неприязни – просто каждый ждал объяснений от другого.

– Ой, я поняла, – сказала Клара.

Она и вправду поняла. Арман Гамаш найдет убийцу сестры Питера. Как ей это не пришло в голову раньше? Она попалась на острый крючок убийства Джулии, все время возвращалась мыслями к этому трагическому событию. Но не заходила дальше вопроса «за что». Не спрашивала «кто».

– Как это горько!

Ее обычно собранный, безукоризненный муж разваливался на части. Его словно выворачивало наизнанку. Она наблюдала, как он пытается найти галстук на дне чемодана.

– Нашел! – Питер поднял руку с галстуком.

Галстук был похож на петлю.

* * *

У себя в номере Мариана Морроу разглядывала свое отражение в зеркале. Вчера она была свободным духом, творческой, блестящей, неподвластной возрасту женщиной. Амелией Эрхарт и Айседорой Дункан в одном флаконе. Конечно, до того, как эти две дамы упокоились. Мариана опутала шею еще одной петлей шарфа, чуть дернула за конец. Чтобы почувствовать, что такое удушение.

Теперь она видела в зеркале какую-то другую женщину, жалкую, загнанную. Усталую. Выбившуюся из сил. Постаревшую. Не такую старую, как Джулия, но ведь Джулия перестала стареть. Да пошла она к черту! Всегда впереди своего времени. Удачно вышла замуж. Была богатой и стройной. Уехала. А теперь еще перестала стареть.

Пошла она к черту, эта Джулия!

Нет, в одном флаконе с Амелией и Айседорой был кто-то другой. Кто-то выглядывавший из-под слоев слишком тонкой материи.

Мариана повязала шарф на голову и представила себе громадную металлическую люстру в столовой, вообразила, как она падает на всех них. Исключая, конечно, ее чадо.

* * *

– Тебе это обязательно надевать? – спросил Томас у жены.

Выглядела она великолепно, но суть была не в этом. Никогда суть не сводилась к этому.

– Почему бы и нет? – спросила Сандра, глядя на себя в зеркало. – Мрачно, но со вкусом.

– Так не годится.

Ему удалось донести до нее, что дело вовсе не в платье. И не в самой Сандре. А в ее воспитании. Это не ее вина. Нет, правда, дорогая.

Смысл прятался в паузах. Не в самих словах, а в промежутках между ними. Первые несколько лет Сандра пыталась игнорировать это, соглашаясь с Томасом в том, что она слишком уж чувствительная. Еще несколько лет она потратила на то, чтобы измениться, быть достаточно гибкой, достаточно искушенной, достаточно изящной.

Потом она занялась психотерапией и несколько лет пыталась отбиваться.

Потом она сдалась. И начала вымещать свои чувства на других.

Томас снова принялся бороться с запонкой. Его крупным пальцам никак не удавалось совладать с крохотной серебряной застежкой, которая словно уменьшилась в размерах. Он чувствовал, как нарастает его недовольство, как ярость поднимается из пальцев ног, течет по бедрам и взрывается в груди.

Почему эта запонка не продевается в петельку? Что такое случилось?

Запонки сегодня были ему необходимы, они – его крест, его талисман, его кроличья ножка, его кол, молот и чеснок.

Они защищали его и напоминали другим, кто он такой.

Старший сын. Любимый сын.

Наконец он продел запонку в петельку, посмотрел, как она сверкает близ потрепанной манжеты. Затем они пошли по коридору, Томас в раздражении, а Сандра – все более оживляясь: она вспоминала печенье, звездами приклеившееся к потолку столовой.

*** * ***

– Не думаю, что тебе следует делать это, моя дорогая, – сказал Берт Финни, остановившись рядом с женой. – Не сегодня. Все поймут.

На ней было платье свободного покроя, в ушах серьги, на шее жемчужное ожерелье. Отсутствовало только одно.

Ее лицо.

– Нет, правда.

Он протянул руку и почти коснулся ее запястья, но вовремя остановился. Их взгляды встретились в безжалостном зеркале ванной. Его нос картошкой был покрыт оспинами и прожилками, волосы редкие, нерасчесанные, рот полон зубов, словно он разжевал их, но не успел проглотить. Но на сей раз его водянистые глаза не убегали в сторону – смотрели прямо на нее.

– Я должна, – сказала она. – Ради Джулии.

Она опустила мягкую круглую подушечку в пудреницу. Подняв руку, помедлила несколько мгновений, а потом принялась накладывать свою маску.

Айрин Финни наконец-то поняла, во что верит. Она верила в то, что Джулия была самой доброй, самой любящей, самой щедрой из всех ее детей. Она верила в то, что и Джулия любила ее и приехала для того, чтобы повидаться с матерью. Она верила, что, если бы Джулия не умерла, они бы стали жить рядом. Любящая мать и любящая дочь.

Наконец-то она обрела ребенка, который не разочарует ее и не исчезнет.

С каждым яростным мазком косметики Айрин Финни заполняла эту пустоту ребенком – не тем, который сначала был нелюбим, а потом утрачен, а тем, который сначала был утрачен, а потом стал любимым.

* * *

Бин Морроу в одиночестве сидит за столом. Ждет. Но не совсем в одиночестве или наедине с собой. Тут рядом Геракл, Одиссей, Зевс и Гера. И Пегас.

В одиночестве столовой «Охотничьей усадьбы», крепко уперев обе ноги в пол, Бин карабкается на спину мощного, встающего на дыбы жеребца. И потом они скачут по лугу у «Охотничьей», а там, где берег переходит в озеро, Пегас взлетает над землей. Они делают круг над домом и направляются над озером в горы. Бин скачет, парит, закладывает виражи высоко в залитой солнцем тишине.

Глава семнадцатая

В библиотеке у окна поставили стол, и трое полицейских обедали за ним. Они не были одеты для обеда, хотя инспектор Гамаш во время следствия неизменно носил костюм с галстуком, который и сейчас был на нем.

Им подавали блюда, а они обсуждали свои находки.

– Теперь мы исходим из того, что Джулия Мартин была убита вчера перед началом грозы. То есть между полночью и часом ночи. Так? – спросил Гамаш, прихлебывая холодный огуречно-малиновый суп.

В супе чувствовался также привкус укропа, лимонный аромат и что-то сладкое.

Наконец Гамаш понял: мед.

– Oui. Пьер Патенод показал мне свою метеостанцию. Судя по его данным и той информации, что мы получили от Канадской службы по охране окружающей среды, дождь начался приблизительно в это время, – подтвердила агент Лакост, заправив в рот ложку с картофельным супом.

– Bon. Alors,[65] кто чем был занят в это время. – Он перевел взгляд своих темно-карих глаз с Лакост на Бовуара.

– Питер и Клара Морроу легли спать вскоре после того, как ушли вы, – сказал Бовуар, заглянув в лежащий рядом с ним блокнот. – Месье и мадам Финни к тому времени уже удалились к себе в номер. Их видела горничная, пожелавшая им спокойной ночи. Кстати, Питера и Клару не видел никто. Томас и Сандра оставались здесь в библиотеке с его сестрой Марианой, минут двадцать делились впечатлениями от открытия памятника, а потом тоже отправились спать.

– Все? – спросил Гамаш.

– Томас и Сандра Морроу сразу же ушли к себе, а Мариана задержалась на несколько минут. Выпила еще немного, послушала музыку. Метрдотель обслуживал ее, пока она не ушла спать. Это было в начале первого ночи.

– Хорошо, – сказал старший инспектор.

Они выстраивали каркас дела, его внешние очертания, собирали факты – кто, чем и в какое время был занят. Или, точнее, кто чем был занят, по словам самих подозреваемых. Но следствию требовалось больше информации, гораздо больше. Им требовалась самая суть.

– Мы должны выяснить насчет Джулии Мартин, – сказал Гамаш. –

Узнать о ее жизни в Ванкувере, о том, как она познакомилась с Дэвидом Мартином. Чем интересовалась. Обо всем.

– Мартин владел страховой компанией, – доложил Бовуар. – Она наверняка была застрахована со всеми потрохами.

Гамаш с интересом посмотрел на него:

– Я думаю, ты прав. Выяснить это будет нетрудно.

Бовуар поднял брови и огляделся. Большие удобные диваны и кожаные кресла были переставлены, и теперь в середине библиотеки располагалось рядом два стола, у столов стояло три жестких стула, и перед каждым стулом лежали блокнот и авторучка.

Так агент Лакост решила проблему компьютеров: никаких компьютеров. И никакого телефона. Вместо них у каждого авторучка и блокнот.

– Начну дрессировать голубей для доставки корреспонденции. Нет, послушайте, это глупо, – сказал Бовуар. – Тут где-то поблизости должно быть отделение курьерской почты.

– Когда мне было столько лет, сколько вам, молодой человек… – начал Гамаш старческим голосом.

– Только не надо снова ту историю про сигнальные костры! – взмолился Бовуар.

– Ну, ты сам это выяснишь. – Гамаш улыбнулся. – А я хочу вернуться к событиям прошлого вечера. Семья собралась здесь. – Гамаш поднялся из-за обеденного стола и подошел к печке. – До появления Джулии мы разговаривали.

Он воспроизвел перед своим мысленным взором события предыдущего вечера. Теперь он видел их всех. Видел Томаса, который сообщил своей сестре что-то внешне безобидное об их разговоре. Потом Мариана что-то спросила, и Томас ответил.

– Он сказал Джулии, что мы разговаривали о мужских туалетах, – напомнил Гамаш.

– Так оно и было? – удивилась Лакост.

– Это имеет какое-то значение? – спросил Бовуар. – Мужские, женские – какая разница?

– Тех, кто так думает, иногда арестовывают, – пошутила Лакост.

– Для них, кажется, это было важно, – сказал Гамаш. – Мы не уточняли. Просто общественные туалеты.

На несколько секунд в библиотеке воцарилось молчание.

– Мужские туалеты? – Лакост свела брови, задумавшись. – И Джулия из-за этого взорвалась? Не понимаю. Мне эта тема кажется довольно

безобидной.

Гамаш кивнул:

– Согласен, но на деле было не так. Нам нужно выяснить, почему Джулия так прореагировала.

– Я выясню, – сказала Лакост, когда они снова сели.

– Наверно, нужно высечь это на камне, чтобы ты не забыла, – заметил Бовуар. – Впрочем, я, кажется, видел где-то здесь папирус.

– Ты опрашивала персонал, – сказал Гамаш, обращаясь к Лакост. – Вечер был жаркий. Может, кто-нибудь из них убегал искупаться?

– И видел что-то? Я спрашивала – никто не признался.

Гамаш кивнул. Это беспокоило его больше всего: что кто-нибудь из молодого персонала мог видеть что-то и либо боялся, либо не хотел говорить об этом. Или собирался сделать с этой информацией какую-нибудь глупость. Гамаш предупредил их, что это опасно, но он знал: молодые мозги не воспринимают советы или предупреждения.

– Осиного гнезда около места убийства не обнаружилось?

– Ничего похожего, – ответила Лакост. – Но я всех предупредила. Пока никаких проблем. Может быть, они утонули в грозу. Зато я нашла кое-что интересное, обыскивая гостевые комнаты. В номере Джулии Мартин.

Она встала и принесла пачку писем, перевязанных потрепанной бархатной ленточкой желтого цвета.

– Отпечатки пальцев с них сняли, можете не беспокоиться, – сказала она, увидев, что шеф опасается брать пачку. – Они были в прикроватной тумбочке. А еще я нашла вот это.

Она извлекла из конверта два помятых фирменных листка «Охотничьей усадьбы».

– Грязные, – сказал Гамаш, взяв их в руки. – Они тоже были в тумбочке?

– Нет, лежали на каминной решетке. Она свернула их в комок и бросила туда.

– В жаркий вечер, когда камины не топятся? Почему просто не выбросить в мусорную корзину? В комнате была корзина?

– Да. Она выбросила туда пластиковый мешок из химчистки.

Гамаш разровнял оба листка и прочел написанное, попивая красное вино.

С удовольствием вспоминаю наш разговор. Спасибо. Это помогло.

И на другом листке:

> *Спасибо за доброту. Я знаю: то, о чем было мною сказано, никуда дальше не пойдет. Иначе мне могут грозить крупные неприятности!*

Это было написано печатными буквами.

– Я отправила копию на почерковедческий анализ, но буквы тут печатные. Это, конечно, затрудняет экспертизу, – сказала Лакост.

Когда принесли основное блюдо, старший инспектор накрыл листки льняной салфеткой. Омар для него, filet mignon[66] для Бовуара и прекрасно приготовленная камбала для Лакост.

– И что, эти два послания написаны одной рукой? – спросил Гамаш.

Бовуар и Лакост переглянулись, но ответ казался очевидным.

– Oui, – ответил Бовуар, заправляя в рот первый кусочек стейка.

Он представил, как шеф-повар Вероника обрабатывала это мясо, приправляла беарнским соусом. Знала, что это он заказал.

– Замечательная кухня, – сказал Гамаш официанту, когда тот несколько минут спустя убирал тарелки и подавал поднос с сырами. – Интересно знать, где училась шеф-повар Вероника.

Бовуар насторожился.

– Нигде она не училась. По крайней мере, формально, – сказала агент Лакост, улыбаясь официанту, которого она опрашивала в связи с убийством всего несколько часов назад. – Я говорила с ней сегодня. Ей шестьдесят один год. Формально она нигде не училась, но переняла рецепты у своей матери. И еще немного путешествовала.

– Никогда не была замужем? – спросил Гамаш.

– Угу. Приехала сюда, когда ей было под сорок. Почти полжизни здесь провела. Но это не все. Есть еще и мое ощущение.

– Какое? – спросил Гамаш.

Он доверял чувствам агента Лакост.

Бовуар ее чувствам не доверял. Он и своим-то не доверял.

– Вы знаете, что в закрытых человеческих сообществах, например в школах-интернатах, монастырях, среди военных, где люди живут и работают в замкнутом пространстве, события происходят и оцениваются не так, как в большом мире?

Гамаш откинулся на спинку стула и кивнул.

– Эти ребята приезжают сюда на несколько недель, может быть, месяцев. Но взрослые живут здесь годами, десятилетиями. Их всего трое. А

годы идут и идут.

– Ты это о чем? О человеческой совместимости? – спросил Бовуар, которому не нравилось то, к чему эти рассуждения могли привести.

Гамаш взглянул на него, но промолчал.

– Я хочу сказать, что с людьми, которые много лет живут на берегу озера, случаются странные вещи. Ведь это охотничий домик, пусть и большой, пусть и великолепный. Но он все равно изолирован от мира.

Навидались дел, кто денег хотел,
Кто золото здесь искал.[67]

Они посмотрели на Гамаша. Когда шеф начинал цитировать стихи, это редко проясняло ситуацию для Бовуара.

– «Навидались дел»? – повторила Лакост, которая обычно любила слушать стихотворные цитаты из уст шефа.

– Это я соглашался с тобой, – улыбнулся Гамаш. – Как и Роберт Сервис. Странные дела творятся на берегах озер в глуши. Странные дела творились здесь прошлой ночью.

– И творили их те, «кто золото искал»? – спросил Бовуар.

– Почти всегда это именно так, – сказал Гамаш и кивнул Лакост, приглашая ее продолжать.

– Я думаю, что у Вероники Ланглуа возникло кое к кому чувство. Сильное чувство.

Гамаш подался вперед.

Людей убивают не пули, не ножи, не удар кулаком в лицо. Их убивают чувства. Оставленные надолго без присмотра. Иногда замороженные на холоде. Иногда похороненные и разлагающиеся. А иногда скрывающиеся на берегу озера в лесной глуши. Стареющие и становящиеся все более странными.

– Правда? – встрепенулся и Бовуар.

– Не смейтесь. Тут имеет место большая разница в возрасте.

Судя по виду Гамаша и Бовуара, желания смеяться у них не возникло.

– Я думаю, она влюблена в метрдотеля.

* * *

Клара считала, что по своему умению избегать неприятностей Морроу

равны олимпийцам, при этом сами они весьма неприятны. Но она и представить себе не могла, что убийство сестры и дочери может оставить их равнодушными.

И тем не менее за первым блюдом они ни словом не обмолвились о Джулии. Хотя Клара должна была признаться, что и сама она не желала поднимать эту тему.

«Еще хлеба? Ах, какое несчастье с Джулией».

Как это можно сказать?

– Еще вина?

Томас наклонил бутылку над столом. Клара отказалась, но Питер принял предложение. Наконец Клара почувствовала, что больше не может это выносить. По другую сторону стола миссис Морроу подняла вверх вилку для рыбы. Она подключалась к разговору, но без интереса. И лишь для того, чтобы поправить неверное толкование, неверное произношение или откровенную ошибку.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Клара.

После этого вопроса разговор резко оборвался, все лица обратились к ней. Только Берт Финни и Бин смотрели в другую сторону.

– Ты спрашиваешь у меня? – произнесла свекровь.

Кларе показалось, что с нее содрали кожу. Если не этим тоном, то уж точно взглядом.

– Такой ужасный день, – сказала она, не понимая, откуда у нее этот самоубийственный инстинкт.

Может быть, Морроу правы. Может быть, от разговора об этом станет еще хуже. Внезапно Клара почувствовала себя садисткой, избивающей эту миниатюрную скорбящую старую женщину. Зачем лишний раз напоминать ей о жуткой смерти дочери? Да еще за картофельным супом.

Кто теперь потерял разум?

Но дело было сделано. Вопрос задан. Она уставилась на мать Питера, которая смотрела на нее с таким видом, будто наблюдала за убийством собственной дочери. Клара опустила глаза.

– Я вспоминала Джулию, – сказала миссис Морроу. – Какой она была красавицей. Какой доброй и любящей. Спасибо, что спросила, Клер. Жаль, что никто из моих детей не догадался спросить. Но они, кажется, предпочитают говорить об американской политике и последней выставке в Национальной галерее. Неужели эти вещи волнуют вас больше, чем судьба сестры?

Клара переживала целую гамму ощущений: сначала она чувствовала себя погано, потом как героиня, потом опять погано. Она взглянула на

Питера, сидевшего напротив. Волосы у него на висках стояли торчком, по рубашке стекала капелька супа.

– Что говорить, Джулия была самой чувствительной из вас. Насколько мне известно, ты сказал старшему инспектору, что Джулия была корыстная и жестокая.

Ее добрые фарфоровые глаза смотрели на Питера. Все замерли. Даже официанты боялись приблизиться.

– Я этого не говорил, – пробормотал Питер, покраснев. – Кто тебе сболтнул такое?

– И еще ты сказал, что моя смерть, возможно, всем пойдет на пользу.

Послышалось дружное «ох», и Клара поняла, что все, включая ее, потрясенно вздохнули. Наконец-то она оказалась в общей лодке. Очень вовремя.

Миссис Морроу гладила ножку своего винного бокала.

– Ты говорил это, Питер?

– Нет, мама. Я бы никогда такого не сказал.

– Я ведь знаю, когда вы лжете. Всегда знаю.

Клара знала, что это нетрудно, поскольку в ее обществе они лгали всегда. Она научила их этому. Их мать знала, на какие кнопки нужно нажимать, чтобы управлять ими. Почему бы и нет? Ведь она сама эти кнопки и устанавливала.

Сейчас Питер лгал. Клара это знала, его мать это знала. Метрдотель это знал. Бурундук, на которого смотрел Берт Финни, тоже, вероятно, знал это.

– Я бы никогда такого не сказал, – повторил Питер.

Его мать зло уставилась на него:

– Ты ни разу меня не разочаровал. Я всегда знала, что из тебя ничего не получится. Даже Клер успешнее тебя. Персональная выставка у Дени Фортена. У тебя когда-нибудь была персональная выставка?

– Миссис Морроу… – вмешалась Клара. Это уже был перебор. – Это несправедливо. Ваш сын превосходный человек, талантливый художник, любящий муж. У него много друзей и прекрасный дом. И жена, которая любит его. И меня зовут не Клер, а Клара.

– А меня зовут миссис Финни. И через пятнадцать лет после моего замужества ты все еще называешь меня миссис Морроу. Ты понимаешь, насколько это оскорбительно?

Клара ошарашенно молчала. Старуха была права. Ей, Кларе, даже в голову не приходило, что мать Питера теперь – миссис Финни. Для Клары она всегда была миссис Морроу.

Как же так? Она ведь хотела утешить мать Питера, а получилось, что обидела ее…

– Извините, – пробормотала Клара. – Вы правы.

И тут она увидела нечто почти столь же ужасающее, как то, чему стала свидетелем девушка-садовница в то утро. Но вместо раздавленной женщины средних лет Клара увидела раздавленную старуху. Прямо перед ней, перед всеми ими мать Питера опустила голову на руки и заплакала.

Мариана взвизгнула и вскочила на ноги – на нее обрушился потолок. Во всяком случае, что-то упало на нее сверху и отскочило.

Это было печенье.

Небо было усеяно печенинами, и они начали падать.

* * *

За кофе старший инспектор Гамаш надел свои полукруглые очки и принялся одно за другим читать письма из пачки. Прочтя очередное письмо, он передавал его Бовуару. Несколько минут спустя он снял очки и уставился в окно.

Он начинал понимать Джулию Мартин. Узнавать факты ее жизни, ее историю. Он ощущал пальцами роскошную плотную бумагу.

Было почти девять вечера, но все еще светло. Заканчивался день летнего солнцестояния. Самый длинный день в году. Туман уходил, хотя его клочья еще висели над спокойным озером. Тучи рвались, и на небе появились красные и лиловые отблески. Закат обещал быть великолепным.

– Ну, что ты думаешь? – спросил Гамаш, постукивая очками по пачке писем.

– Очень странное собрание любовных писем, я такого и представить себе не мог, – сказал Бовуар. – Почему она их хранила?

Агент Лакост взяла письма и бархатную ленточку:

– По какой-то причине они были важны для нее. Не просто важны – необходимы. Настолько необходимы, что она возила их с собой. Но…

Она не могла найти нужное слово, и Гамаш понимал, что она чувствует. Эти письма писались на протяжении более чем тридцати лет и представляли собой своеобразное собрание благодарностей за вечеринки, танцы или подарки. Различные люди благодарили Джулию Мартин за доброту.

Ни одного любовного письма. Отец благодарил ее за подаренный галстук. В старом письме ее муж еще до свадьбы приглашал ее на обед.

Письмо было любезным и комплиментарным. Как и все остальные. Они были признательными, прочувствованными, вежливыми. Но не более того.

– Почему она их хранила? – пробормотал себе под нос Гамаш. Потом взял недавние послания – те, что были смяты и брошены в камин. – И почему выбросила эти?

Он перечитал их, и тут его осенило.

– Вы не заметили ничего необычного в этом послании?

> *Спасибо за доброту. Я знаю: то, о чем было мною сказано, никуда дальше не пойдет. Иначе мне могут грозить крупные неприятности!*

Бовуар и Лакост изучили записку, но ничего не увидели.

– Не в словах – в пунктуации, – сказал Гамаш. – Восклицательный знак.

Они беспомощно посмотрели на него, и он невольно улыбнулся. Но он точно знал: в этом что-то кроется. Что-то важное. Как это нередко случалось, послание было скрыто не в словах, а в том, как они подавались.

– Я нашла еще кое-что, – сказала агент Лакост, вставая из-за стола. – Хочу вам показать, прежде чем Морроу закончат обедать.

Они втроем поднялись по лестнице к гостевым комнатам, и Изабель Лакост провела их к Садовому номеру. Она постучала, подождала несколько секунд и открыла дверь.

Гамаш и Бовуар вошли в номер и остановились.

– Вы видели что-нибудь подобное? – спросила агент Лакост.

Гамаш отрицательно покачал головой. За тридцать лет работы в полиции он повидал много чего куда более страшного, пугающего, более гротескового. Но ничего похожего он в жизни не видел.

– Зачем ребенку столько часов? – спросил Бовуар, оглядывая номер Марианы Морроу и ее чада.

– Откуда ты знаешь, что это часы ее ребенка? – спросил Гамаш.

– Потому что этот ребенок какой-то странный. А разве вы не чокнулись бы, будь у вас имя Бин и никто бы не знал, мальчик вы или девочка?

Гамаш и Лакост уставились на него. Он еще не успел им об этом сказать.

– Ты это о чем? – спросила Лакост.

– Мариана Морроу держит пол ребенка в тайне.

– Даже от собственной матери?

– В особенности от собственной матери. От всех. Это ж надо быть такой чокнутой!

Гамаш взял часы с Микки-Маусом и кивнул. «Что же это родители делают со своими детьми?» – подумал он, оглядывая комнату и слушая бесконечное тиканье. Он рассмотрел часы, потом взял другие.

Почему они все установлены на семь утра?

Глава восемнадцатая

Питер Морроу стоял в одиночестве перед желтой полицейской лентой. В земле сохранился отпечаток тела Джулии.

При жизни она разрывала семью на части. И теперь делала то же самое после смерти. Эгоистичная, корыстная и… да, жестокая. Он не отказывался ни от одного своего слова.

Мать оплакивала ее. У нее нашлись в адрес дочери только добрые слова. Она стала идеальной Джулией, прекрасной Джулией, доброй и любящей Джулией. А кто оставался с матерью, присматривал за ней? Кто приезжал к ней и приглашал на обеды? Кто ей звонил и присылал открытки и подарки?

Глядя на яму, Питер попытался почувствовать что-нибудь. Попытался вспомнить Джулию девочкой. Старшей сестрой. Родиться между двумя мальчиками – все равно что родиться между двумя войнами. Как же ей доставалось, когда мальчишки выясняли между собой отношения! Она была посередине, и ее мяли и терзали. Сдавливали.

И вот то же самое сделал отец.

Всю жизнь их было четверо. Томас, Джулия, Питер и Мариана. Четыре колеса, четыре стены, четыре сезона, четыре стихии, четыре страны света.

Теперь их осталось трое. Каким бы странным ни был их мир, но, по крайней мере, для них он имел смысл. Что случается, когда исчезает один угол?

Тогда начинается ад. И первые его трубы прозвучали сегодня. Плач его матери.

– Питер?

Он замер, не осмеливаясь повернуться, показать кому-нибудь свое лицо.

– Ничего, что я здесь? – спросил он.

– Если вы не собираетесь подходить ближе. Но вы ведь не собираетесь, – сказал Гамаш.

Они стояли и рассматривали это место, хотя оба в основном разглядывали мраморный пьедестал. Гамаш вышел в сад подышать свежим воздухом, растрястись после обеда и попытаться осмыслить ту груду улик, что они собрали. Но больше всего он хотел еще раз прийти сюда и посмотреть на эту белую глыбу, которую поначалу он принял за надгробие. А ведь именно надгробием она, в сущности, и стала.

Гамаша беспокоило, что пьедестал остался в целости и сохранности. Упавшая статуя не оставила на нем никаких следов, никаких сколов. Ни царапинки, ни пятнышка. Пьедестал был в идеальном состоянии. И это было невероятно.

– Когда мы были детьми, наша мать читала нам истории, – сказал Питер. – Отец играл на рояле, а мы забирались на диван, и мать нам читала. Нашей любимой книгой было собрание мифов. Я все еще их помню. Почти все. Про Зевса, про Одиссея. Томасу нравилось про Одиссея. Всегда просил, чтобы его прочитали. Мы снова и снова слушали про лотофагов и сирен.

– Сцилла и Харибда, – сказал Гамаш. – Мне это тоже нравилось. Ужасный выбор стоял перед Одиссеем: направить свой корабль в водоворот или на шестиголовое чудовище.

– Он выбрал чудовище и потерял шестерых своих людей. Они погибли, а он поплыл дальше.

– А что бы выбрали вы? – спросил Гамаш.

Он хорошо знал этот миф. О возвращении Одиссея с Троянской войны, о его долгом и опасном путешествии, о попытках добраться домой. О том, как он попал в эту ужасную ситуацию: с одной стороны водоворот, в который засасывало все корабли и их пассажиров, а с другой стороны – Сцилла. Шестиголовый монстр. С одной стороны – неминуемая смерть для всех, с другой – неминуемая смерть для шестерых.

Какой путь выбрать?

Питер почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Слезы скорби по маленькой Джулии, раздавленной братьями, раздавленной матерью, раздавленной мужем. И наконец, когда она вернулась домой, ее раздавил единственный человек, которому она доверяла. Ее Одиссей. Ее отец.

Но в первую очередь Питер плакал по себе. Сегодня он потерял сестру, но, что еще хуже, гораздо хуже, он чувствовал, что потерял и мать. Мать, которая решила, что умершая сестра была идеальной, а он, Питер, – чудовищем.

– Прогуляемся, – сказал Гамаш, и они повернулись спиной к углублению в земле и броскому белому кубу.

Гамаш сцепил руки за спиной, и они зашагали по лужайке к озеру. Солнце заходило за горизонт, заливая небеса поразительными полыхающими красками: багровыми, розовыми, золотыми, – все они переливались, меняясь каждую минуту.

Гамаш и Питер остановились, пораженные этим зрелищем.

– Вы нарисовали такой привлекательный образ вашей семьи: все

собрались вокруг матери, слушают, как она читает.

– Вы ошибаетесь, – сказал Питер. – Мы не сидели вокруг нее. Мы были на диване. Все четверо. А она сидела напротив нас в кресле с высокой спинкой.

Образ, казавшийся таким естественным, даже душевным, образ, который позволил Гамашу увидеть Морроу как единую семью, сразу же померк. Как и заход солнца, он перешел в иное качество. В нечто более темное.

Четыре одиноких ребенка смотрят через пролив на мать, а та сидит, чопорная и правильная, и читает им историю о страшном выборе. И смерти.

– Вы сказали, что миф про Одиссея был любимым мифом Томаса. А какой любили вы?

Перед тем как был задан этот вопрос, Питер размышлял о мраморном белом кубе, возвышающемся над тем местом, где умерла Джулия. Четыре угла, четыре стены.

– Про ящик Пандоры.

Гамаш отвернулся от заходящего солнца и посмотрел на Питера:

– Вас что-то беспокоит?

– Вы имеете в виду, кроме убийства моей сестры?

– Да, именно это я имею в виду. Мне вы можете рассказать.

– Ах так? Хорошо. Кто-то передал моей матери то, о чем я рассказывал вам сегодня утром. Да, у вас удивленный вид, а можете себе представить, что чувствовал я? Вы просите, чтобы я говорил вам правду. Я и говорю, а потом меня за это практически вышвыривают из семьи. Вы наверняка относились к этому просто. Вы так уверены в себе. Вписываетесь в любую компанию. А вот попробуйте-ка быть художником в семье интеллектуалов. Попробуйте быть человеком, глухим к музыке, в семье музыкантов. Испытайте на себе, что это такое, когда над вами всю жизнь издеваются, – и не одноклассники в школе, а ваш собственный брат дразнит вас: «Спот, Спот!»

Питер чувствовал, что его уже почти ничто не сдерживает. Он хотел предупредить Гамаша, посоветовать ему бежать отсюда, спрятаться в лесу, пока этот бунт не кончится. Пока эти извращенные, гнусные вооруженные беглецы не сожгут и не разрушат все вокруг и не перейдут на другой объект. Но было слишком поздно, и он знал, что этот человек никогда не побежит.

Морроу убегали и прятались в улыбчивом цинизме и темном сарказме.

А этот человек не сдавал своих позиций.

– А ваш отец? – спросил Гамаш, словно и не замечая, что Питер брызжет слюной. – Что говорил вам он?

– Мой отец? Но вы уже знаете, что он говорил. «Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете». Кто, черт побери, говорит такие вещи десятилетнему мальчишке? А знаете, какие еще уроки мы выучили? «Бойся третьего поколения».

– И что это значит?

– Первое поколение зарабатывает деньги, второе ценит их, поскольку знает, как нелегко они достались, а третье их проматывает. Мы – третье поколение. Все четверо. Наш отец ненавидел нас, боялся, что мы украдем его деньги и разрушим семью. А еще он боялся избаловать нас, и никогда мы не получали от него ничего, кроме советов. Слов. Ничего больше.

Не это ли бремя видел Гамаш на высеченном в камне лице? Не жертву, но страх? Боялся ли Чарльз Морроу, что дети предадут его? Не создал ли он сам то, чего боялся? Несчастливых, не питающих к нему любви, неблагодарных детей? Детей, способных ограбить отца и убивать друг друга?

– Как вы думаете, кто убил вашу сестру?

Питеру понадобилась целая минута, прежде чем он смог снова заговорить, сменить тему.

– Я думаю, это сделал Берт Финни.

– Зачем ему убивать Джулию?

Сумерки уже переходили в темноту.

– Ради денег, всегда ради денег. Моя мать наверняка является бенефициаром по страховке Джулии. Он женился на моей матери из-за денег, а теперь получит больше, чем мог когда-либо мечтать.

Они продолжили прогулку к пристани и двум креслам-лежакам, стоящим на ней. Питер чувствовал себя опустошенным. Их каблуки постукивали по доскам, и вода тихо плескалась о пристань.

Они приблизились – и один из лежаков сдвинулся с места. Питер и Гамаш остановились.

Деревянное кресло выросло на их глазах, его очертания едва просматривались на фоне уходящего света.

– Месье Гамаш? – спросило кресло.

– Oui.

Гамаш шагнул вперед, а Питер протянул руку, словно пытаясь задержать его.

– Арман Гамаш? Это ваше имя?

– Oui.

– Я знал вашего отца, – сказал Берт Финни. – Его звали Оноре. Оноре Гамаш.

Глава девятнадцатая

Выстрелив своим снарядом, Берт Финни просто удалился – прошел мимо Питера и Гамаша, не сказав больше ни слова.

– Что он этим хотел сказать? – спросил Питер. – Он знал вашего отца?

– Они должны быть одного возраста, – сказал Гамаш.

Мысли его разбегались. Он подобрал их вместе с сердцем с пристани и вернул на место.

– Ваш отец никогда не говорил о нем? О Берте Финни? – уточнил Питер, словно Гамаш не знал, кто только что сообщил ему эту новость.

– Мой отец умер, когда я был ребенком.

– Его убили? – спросил Питер.

Гамаш повернулся к нему:

– Убили? С чего вы это взяли?

Питер, который, пытаясь спрятаться от Берта, вторгся в личное пространство Гамаша, дал задний ход:

– Ну, вы расследуете убийства, и я подумал, может… – Он замолчал.

Наступила тишина, нарушаемая только плеском воды.

– Он, наверно, умер молодым, – сказал наконец Питер.

– Ему было тридцать восемь лет.

И пять месяцев и четырнадцать дней.

Питер кивнул и, хотя ему хотелось уйти, остался с Гамашем, который стоял, уставившись в озеро.

И семь часов. И двадцать три минуты.

Когда наступила полная темнота, Питер и Гамаш молча двинулись к усадьбе.

* * *

Будильник Гамаша на следующее утро зазвонил в пять тридцать. Приняв освежающий душ, он оделся, взял свой блокнот и вышел из номера. Летнее солнце только что взошло над горизонтом и пробивалось через кружевные занавески на окнах. Стояла тишина, лишь на другом берегу озера кричала гагара.

Спускаясь по лестнице, Гамаш услышал в кухне какой-то шум. Он приоткрыл дверь кухни и увидел молодую женщину и официанта Элиота,

занятых работой. Молодой человек раскладывал тарелки, а женщина ставила хлеб в духовку. В кухне стоял запах крепкого кофе.

– Bonjour, monsieur l’inspecteur, – сказала девушка с сильным английским акцентом.

«Вероятно, это новенькая», – подумал Гамаш.

– Вы так рано встали.

– И вы тоже. И сразу за работу. А кофе мне не дадите? – сказал он, медленно и четко выговаривая слова по-французски.

– Avec plaisir.[68]

Девушка подала ему стакан апельсинового сока.

– Merci, – поблагодарил Гамаш и вышел.

– Месье Гамаш, – услышал он у себя за спиной, выходя через распашную сетчатую дверь в новый день, – кажется, вы хотели это.

Гамаш остановился, и Элиот подошел к нему с кофейником, сливками, сахаром и двумя чашками на подносе. В корзиночке лежали круассаны, а рядом стояла вазочка с джемом.

– Она из Саскачевана. Только что приехала. Очень милая, но вы же понимаете…

Умудренный жизненным опытом Элиот пожал плечами. Похоже, он обрел свою невозмутимость. Или, по меньшей мере, свое обаяние и согласился продолжать работу, несмотря на распри с метрдотелем. Но Гамаш задавал себе вопрос, что тут было искренним согласием, а что – притворством.

Мимо пролетела колибри и замерла перед цветком наперстянки.

– Merci. – Старший инспектор улыбнулся и протянул руки к подносу.

– S’il vous plait, – сказал Элиот. – Я отнесу. Где вы сядете? – Он обвел взглядом пустую террасу.

– Вообще-то, я собирался на пристань.

Они прошли по лужку, оставляя следы на влажной от утренней росы траве. Мир просыпался и спешил утолить голод. Бурундуки, повизгивая, носились под деревьями, птицы перекликались и прыгали с ветки на ветку, тихо жужжали насекомые. Элиот поставил поднос на подлокотник второго кресла-лежака, налил кофе в изящную фарфоровую чашку и повернулся, собираясь уходить.

– Я хотел спросить вас кое о чем.

Гибкая спина в аккуратном белом пиджаке слегка напряглась. Элиот замер на секунду, потом повернулся, на его лице застыла выжидательная улыбка.

– Какого мнения вы были о мадам Мартин?

– Мнения? Мои обязанности здесь – обслуживать столики и убирать. А мнений я ни о ком не составляю.

Улыбка оставалась на лице, но Гамаш получил ответ на свой предыдущий вопрос. Под этой обаятельной внешностью кипела злость.

– Не надо валять со мной дурака, сынок. – Голос Гамаша звучал тихо, но предостерегающе.

– Она была гостьей, а я официантом. Она обращалась со мной вежливо.

– Вы с ней разговаривали?

Теперь Элиот по-настоящему задумался, на его лице появился легкий румянец. Гамаш знал, что скоро румянец исчезнет. Вместо наглости он обретет уверенность. Перестанет смущаться. И станет гораздо менее привлекательным внешне.

– Она обращалась со мной вежливо, – повторил он и сам услышал, как неубедительны его слова. – Она спрашивала, нравится ли мне здесь работать, что я собираюсь делать по окончании лета. Ну и всякое такое. Большинство гостей не замечают обслуживающего персонала, а нам говорят, что мы должны быть незаметными. Но мадам Мартин замечала.

Гамаш подумал: существует ли какой-то невидимый мир? Место, где встречаются униженные, где они узнают друг друга? Если он и знал что-то наверняка про Джулию Мартин, так это что она тоже была невидимой. Принадлежала к той категории люди, которых обрывают на полуслове, оттирают в очереди, не принимают на работу, хотя те машут руками.

Да, Джулия Мартин была из таких, но этот молодой человек был очень даже заметен. Нет, если у них и было что-то общее, то не это. И тут Гамаш вспомнил.

– У вас и мадам Мартин было кое-что общее, – сказал он.

Элиот молча стоял на пристани.

– Вы оба из Британской Колумбии.

– Правда? Мы об этом не говорили.

Он лгал. И делал это ловко – такое умение появляется только с практикой. Но он не отвел глаза – встретил взгляд Гамаша и выдерживал его слишком долго, слишком непримиримо.

– Спасибо за кофе, – сказал Гамаш, прерывая затянувшееся молчание.

Встревоженное выражение исчезло с лица Элиота, он улыбнулся и ушел. Гамаш смотрел ему вслед, размышляя над тем, что услышал от Элиота. Тот сказал, что мадам Мартин заметила его. И Гамаш подумал, что, вероятно, так оно и было.

Не это ли ее убило? Не что-то скрытое в прошлом, а нечто свежее и

молодое. И смертельно опасное. Что-то, что она увидела и услышала здесь, в «Усадьбе».

Устроившись в кресле на пристани, Гамаш пил кофе и созерцал озеро и лесистые горы вокруг. Он держал хрупкую чашку в своей большой руке, отпустив мысли в свободный полет. Он не заставлял себя сосредоточиться на деле, а пытался открыть свой ум, освободить его от всего лишнего. И увидеть то, что придет к нему.

К нему пришла птичка. Безногая птичка. Потом Одиссей, и водоворот, и Сцилла, чудовище. Белый пьедестал.

Он увидел ребенка Марианы, привязанного к земле и заблудившегося на чердаке, набитом головами животных. Это вполне могли быть головы Морроу, которые имели большее значение как трофеи, чем как дети. Одни головы. Глазеющие чучела.

Но главным образом он видел перед собой Морроу, возвышавшегося над всем этим делом.

– Я вас не побеспокою?

Гамаш повернулся в кресле. На берегу у пристани стоял Берт Финни. Гамаш поднялся со своего кресла и, подняв поднос, показал на соседнее. Месье Финни поковылял к нему, руки и ноги у него болтались, как у марионетки под управлением неумелого кукловода. Но спину он держал прямо. Правда, для этого ему явно приходилось прикладывать усилия.

– Прошу. – Гамаш показал на кресло.

– Я лучше постою.

Финни был ниже старшего инспектора, хотя и ненамного, и Гамаш подумал, что прежде старик был выше, пока возраст и сила тяжести не согнули его. Берт Финни расправил плечи и повернулся к Гамашу. Сегодня утром глаза его косили не так сильно, а нос был не столь красен, как прежде. «А может быть, – подумал Гамаш, – я просто привык к нему, как другие привыкают к облупившейся краске или вмятине на кузове машины». Впервые Гамаш увидел, что на костлявой шее Финни, словно якорь, висит бинокль.

– Боюсь, что шокировал вас вчера вечером. Я не хотел этого.

Финни смотрел прямо на Гамаша, по крайней мере, его блуждающие глаза остановились на старшем инспекторе.

– Да, вы меня удивили, это верно.

– Прошу прощения.

Это было сказано с таким достоинством и простотой, что Гамаш на секунду лишился дара речи.

– Я давно уже не слышал, чтобы кто-то говорил о моем отце. Вы знали

его лично?

Гамаш снова показал на кресло, и теперь Финни опустился в него.

– Кофе?

– С удовольствием. Черный.

Гамаш налил кофе месье Финни и добавил в свою чашку, затем поставил корзиночку с круассанами на широкий подлокотник кресла и предложил один круассан нежданному гостю.

– Я встретил вашего отца в конце войны.

– Вы были в плену?

Губы Финни скривились – Гамаш решил, что это улыбка. Несколько секунд Финни смотрел на воду, потом закрыл глаза. Гамаш ждал.

– Нет, старший инспектор, я никогда не был в плену. Я бы не допустил этого.

– У некоторых не остается выбора, месье.

– Вы так полагаете?

– Так ка́к вы познакомились с моим отцом?

– Я только что вернулся в Монреаль, а ваш отец произносил речи. Одну из них я слышал. Очень страстная. После его выступления я поговорил с ним, и у нас завязалось знакомство. Я так расстроился, узнав, что он погиб. Кажется, в автомобильной катастрофе.

– Он погиб вместе с моей матерью.

Арман научился говорить об этом нейтральным тоном, словно сообщал обычную новость. Голые факты. Это случилось так давно. Более сорока лет назад. Его отец был мертв уже дольше, чем прожил на этой земле. Как и его мать.

Но правая рука Гамаша чуть поднялась над нагревающимся деревом и выгнулась в запястье, словно легонько ухватив другую, более крупную руку.

– Ужасно, – сказал Финни.

Они замолчали, погруженные каждый в свои мысли. Туман над озером медленно рассеивался, и время от времени над водой проскальзывала птица, ловя насекомых. Гамаш удивлялся тому, насколько легко он чувствовал себя в обществе этого тихого человека, который знал его отца, но так пока и не сказал того, что говорили обычно другие люди. Человека, который был ровесником его отца.

– Ощущение такое, что этот мир принадлежит только нам, правда? – заговорил Финни. – Я люблю это время дня. Так приятно посидеть и подумать.

– Или не думать, – откликнулся Гамаш, и оба улыбнулись. – Вы и

вчера вечером сюда приходили. Вам, наверное, есть много о чем подумать?

– Это верно. Я прихожу сюда вести счет. Самое подходящее место для этого.

Гамашу показалось, что для подсчетов это не очень подходящее место. К тому же у Финни не было с собой ни блокнота, ни бухгалтерской книги. Что там вчера сказал Питер? Старый бухгалтер женился на его матери ради денег и Джулию убил тоже ради денег. А теперь старик сидел на берегу озера в квебекской глуши и вел какие-то подсчеты. Гамаш знал, что корысть с годами не уменьшается. Она скорее увеличивается, подогреваемая страхом, что не успеешь получить все, оставишь что-то незаконченным. Умрешь в нищете. Хотя, возможно, он считал не деньги, а, скажем, птиц.

– Вы наблюдаете за птицами?

– Да, – ответил Финни и приложил руку к биноклю. – У меня целый список. Воробьи, конечно, и кардиналы. Чернохохлый бюльбюль и белогорлая дроздовая тимелия. Прекрасные названия. Большинство этих птиц я видел здесь и раньше, но никогда не знаешь, что попадется в следующий раз.

Он пригубил кофе и принялся за круассан, отгоняя голодных мух. Над водой вокруг пристани летали стрекозы, изящные и яркие в солнечных лучах, пронзавших их крылышки и светящиеся тела.

– А вы знаете птицу без ног?

– Без ног… – Финни не рассмеялся, он задумался над вопросом Гамаша. – Почему это птица должна быть без ног?

– И в самом деле, почему? – спросил Гамаш, но предпочел не предлагать своих версий. – Как вы думаете, кто убил вашу падчерицу?

– Если не считать Чарльза?

Гамаш не ответил.

– Это тяжелая семья, старший инспектор. Трудная.

– Вы на днях сказали про них: «семь безумных Морроу в вершере».

– Правда?

– Что вы имели в виду? Или вы просто рассердились, что вам не хватило места?

Как и надеялся Гамаш, его вопрос взволновал старика, который до этого момента казался абсолютно спокойным. Он повернулся в кресле и посмотрел на Гамаша. Но без раздражения. Скорее с удивлением.

– Помнится, я сказал Кларе, что в лодке не всем хватает места, – сказал Финни. – Но я вовсе не говорил, что все хотят усесться в лодку.

– Это же семья. А вас оставили за бортом, месье Финни. Вам не

больно?

– Больно – это когда твою дочь раздавят до смерти. Больно – это когда ты теряешь отца. Больно – это много чего. Но уж не тогда, когда ты остаешься на берегу, в особенности на этом берегу.

– О красоте окрестностей мы не говорим, – тихо сказал Гамаш. – Речь о том, что внутри. Ваше тело может находиться в самом великолепном из мест, но если вы подавлены, то место не имеет значения. Если вас исключают, прогоняют, это довольно болезненное событие.

– Не могу не согласиться. – Финни откинулся на спинку кресла.

По другую сторону озера чирикали о чем-то воробьи. Шел восьмой час.

В номере Марианы уже сработали будильники.

– Вы знаете, что Генри Дэвид Торо и Ральф Уолдо Эмерсон дружили?

– Не знал, – ответил Гамаш, глядя перед собой, но внимательно слушая.

– Так вот, они дружили. Торо однажды бросили в тюрьму – он протестовал против какого-то правительственного закона, ущемляющего свободы. Эмерсон пришел к нему в тюрьму и спросил: «Генри, как ты здесь оказался?» И знаете, что ответил Торо?

– Нет, – ответил Гамаш.

– Он сказал: «Ральф, как получилось, что ты остался там?»

Секунду спустя Финни издал сдавленный звук. Гамаш посмотрел на него. Это был смех. Тихое, почти неслышное фырканье.

– Вы назвали их сумасшедшими. Что вы имели в виду?

– Ну, это мое личное мнение, но я видел, как люди сходят с ума, и немало размышлял об этом. Что мы называем безумием?

Гамаш начинал понимать, что Финни изъясняется риторическими вопросами.

– Вы не собираетесь отвечать?

Гамаш внутренне улыбнулся:

– Вы ждете от меня ответа? Сумасшествие – это отрыв от реальности, это создание собственного мира и жизнь в нем.

– Верно, хотя иногда это самое здравое поведение. Единственный способ выжить. Это делают униженные люди, особенно дети.

«Откуда ему это известно?» – подумал Гамаш.

– Они сошли с ума, – сказал Финни. – Это не всегда так уж плохо. Но есть еще одно выражение, которое мы используем для описания сумасшествия.

Какое-то движение, порхание слева привлекло внимание Гамаша. Он

повернул голову в ту сторону и увидел, как по лужку несется Бин. «Убегает?» – подумал Гамаш. Но секунду спустя он понял, что Бин не убегает и вообще не бежит.

– Говорят, что человек выжил из ума, – сказал Финни.

Ребенок галопировал, как конь, а за его спиной развевалось – порхало – купальное полотенце.

– Морроу сумасшедшие, – продолжал Финни. Он либо не замечал ребенка, либо привык видеть его в это время. – Потому что они выжили из ума. Они живут в собственном мирке и не обращают внимания ни на какую другую информацию.

– Питер Морроу талантливый художник, – сказал Гамаш. – Невозможно быть хорошим художником, если ты потерял связь с реальностью.

– Он талантливый, – согласился Финни. – Но насколько лучше он бы стал, если бы прекратил думать и начал просто жить? Начал слушать, воспринимать запахи, чувствовать?

Финни отхлебнул остывший кофе. Гамаш знал, что ему пора вставать, но медлил; ему нравилось быть в обществе этого необыкновенно уродливого человека.

– Я помню, как в первый раз я намеренно убил живое существо.

Это заявление было столь неожиданным, что Гамаш посмотрел на сморщенного старика, пытаясь понять, почему он сказал это. Берт Финни корявым пальцем указывал на мысок. Его огибала лодка с рыбаком, который в тишине раннего утра забрасывал блесну.

Уиу. Шлёп. И далекое потрескивание, как часы в номере Марианы, – рыбак крутил спиннинг.

– Мне было лет десять, и мы с братом пошли стрелять белок. Он взял ружье отца, а мне досталось его ружье. Я часто видел, как стреляет отец, но мне он никогда этого не позволял. Мы улизнули из дому и побежали в лес. Было такое же, как сегодня, утро, когда родители спят, а дети учиняют какое-нибудь озорство. Мы протиснулись между деревьями и упали на землю, делая вид, что участвуем в сражении с врагом. Окопная война.

Старик пошевелился, воспроизводя движения почти восьмидесятилетней давности.

– Потом брат шикнул на меня и показал, куда смотреть. У основания дерева играли два бурундука. Я поднял ружье, прицелился и выстрелил.

Уиу. Шлёп. Тик-тик-тик.

– Я в него попал.

Берт Финни посмотрел на Гамаша, его глаза словно взбесились –

стреляли туда-сюда. Трудно было представить, что этот человек может кого-то убить.

– Мой брат радостно вскрикнул, и я возбужденно бросился вперед. Я был очень горд. Мне не терпелось все рассказать отцу. Но я не убил бурундука. Тяжело ранил – это было понятно. Он верещал и царапал лапой воздух, потом перестал и только похныкивал. Я услышал какой-то звук и повернулся. На меня смотрел другой бурундук.

– И что вы сделали? – спросил Гамаш.

– Выстрелил еще раз. Убил его.

– И после этого вы никого не убивали?

– Да, долгое время – никого. Мой отец был расстроен, потому что после этого я уже не хотел ходить с ним на охоту. Я так и не сказал ему почему. Наверно, нужно было продолжать.

Они смотрели на человека в лодке. Гамаш догадался, что это тот самый человек, который живет в доме по другую сторону озера.

– Но в конечном счете я убил еще раз, – сказал Финни.

Потом они снова увидели, как скачет Бин – теперь уже в сторону леса.

– «Я вырвался из мрачных уз земли»,[69] – продекламировал Финни, глядя, как в последний раз вспорхнуло полотенце, прежде чем исчезнуть в лесу.

– Эти узы мрачные? – спросил Гамаш.

– Для кого как, – ответил Финни, продолжая смотреть туда, где исчезло полотенце.

Удочка рыбака внезапно выгнулась дугой, и лодка чуть накренилась, когда рыбак удивленно наклонился на своем сиденье и начал крутить ручку спиннинга. Леска протестовала, издавая визжащий звук.

Гамаш и Финни наблюдали, посылая рыбе мысленный сигнал: дерни головой в нужную сторону, сорвись с крюка, вонзившегося в твой рот.

– Вы хорошо знали Чарльза Морроу?

– Он был моим лучшим другом, – сообщил Финни, неохотно отрывая взгляд от рыбака, боровшегося с рыбой. – Мы вместе учились в школе. Есть люди, с которыми теряешь связь, но у меня с Чарльзом сохранилась. Он был хорошим другом. Дружба для него имела значение.

– Каким он был?

– Сильный человек. Знал, чего хочет, и обычно добивался этого.

– А чего он хотел?

– Денег, власти, престижа. Ничего необычного. – Финни снова повернулся к рыбаку и его выгнутому удилищу. – Он много работал и создал сильную компанию. Вообще-то, если быть точным, возглавил

семейную компанию. Это была небольшая, но уважаемая инвестиционная фирма. Но Чарльз сделал из нее нечто иное. Пооткрывал отделения по всей Канаде. Он был одержимым.

– Как она называлась, его фирма?

– «Морроу секьюритиз». Я помню, как-то раз он пришел на работу, смеясь, потому что маленький Питер спросил у него, где его пистолет. Он думал, что его отец работает охранником. И был очень разочарован, когда узнал, что это не так.

– И вы работали на него?

– Всю жизнь. В конечном счете он продал компанию.

– Почему не передал ее детям?

Впервые Берт Финни слегка поежился.

Рыбак перевешивался через борт лодки с сачком в руке, чтобы подхватить им рыбу.

– Полагаю, он хотел оставить им фирму, но не думал, что кто-то из них годится для роли управляющего. У Питера слишком сильное воображение, это убило бы его – так говорил Чарльз, хотя и считал, что Питер не прочь попробовать. Ему нравилась преданность этого сына, его готовность помогать. Он был очень добрым мальчиком, Чарльз это всегда говорил. Джулия уже уехала в Британскую Колумбию и собиралась выйти за Мартина. У Чарльза почти не было времени на мужа несчастной Джулии. И какой же оставался выбор? Мариана? Да, он думал, что со временем ей это будет по силам. Он всегда говорил, что из всех детей у нее лучший ум. Возможно, не лучшие мозги. Но ум – лучший. Однако она была занята – развлекалась.

– А Томас?

– Да, Томас. Чарльз считал, что он умный и осторожный. Оба этих качества важны.

– Но?..

– Но он считал, что парню чего-то не хватает.

– Чего?

– Сострадания.

Гамаш удивился:

– Сострадание, мне кажется, не самое важное качество, какое требуется от управленца.

– От управленца – да, но от сына – дело другое. Чарльз не хотел такой близости с Томасом.

Гамаш кивнул. Наконец-то ему удалось выудить это из Финни, но, может быть, старик этого и хотел от Гамаша – чтобы тот задал ему такие

вопросы? Не по этой ли причине Финни и пришел сюда? Чтобы навести мысли старшего инспектора на Томаса?

– Когда умер Чарльз Морроу?

– Восемнадцать лет назад. Я был при нем. Когда мы доставили его в больницу, он был уже мертв. Инфаркт.

– И вы женились на его жене.

Гамаш хотел, чтобы это прозвучало нейтрально. Не как обвинение. Это и не было обвинением – обычной констатацией. Но еще он знал, что виноватый ум – плохой фильтр, он слышит и то, что не было сказано.

– Да. Я любил ее всю жизнь.

Они оба смотрели на рыбака, у которого в сачке что-то извивалось. Оно было увесистым и поблескивало. Наконец рыбак осторожно вытащил крючок изо рта рыбы и поднял ее за хвост.

Гамаш улыбнулся. Человек, живущий по другую сторону озера, собирался отпустить рыбу. Блеснула серебристая чешуя, и голова рыбы с силой ударилась о борт лодки.

Рыбак убил ее.

Глава двадцатая

Арман Гамаш оставил Берта Финни на пристани в кресле-лежаке. Выйдя на лужок, старший инспектор оглянулся – не появится ли скачущий ребенок. Но вокруг царили тишина и спокойствие.

Его часы показывали половину восьмого. Возможно, Бин уже в «Усадьбе»?

Гамаш и поднялся в такую рань: чтобы выяснить, почему Бин поднимается так рано. Но он потерял ребенка из виду, предпочтя разговор с Финни. Правильное ли это было решение?

Гамаш повернулся спиной к гостинице и пошел по тропинке, которая петляла, то уходя в лес, то снова появляясь на полосе вдоль берега озера. Было тепло, и Гамаш даже без прогнозов метрдотеля знал, что будет жарко. Не удушающе жарко и влажно, как до грозы, но все-таки жарко. Озеро сверкало на солнце, ослепляя Гамаша, если он слишком долго вглядывался в воду.

– Мечтай, мечтай, – пропел тоненький голос в лесу.

Гамаш посмотрел в ту сторону пристальнее, приспосабливая взгляд к относительным сумеркам лиственного леса.

– Мечтай, мечтай…

Ломкий голос достиг высоты, на которой почти срывался на визг. Гамаш сошел с тропинки, ступая по корням и неустойчивым камням. Несколько раз он чуть не подвернул ногу. Но продолжал идти в направлении голоса, обходя живые деревья, перебираясь через упавшие. Вскоре он оказался на полянке. Его взгляду предстало поразительное зрелище.

В гуще леса оказалась расчищенная круглая площадка, засаженная жимолостью и клевером. Гамаш удивился, как это он не обнаружил полянку раньше, – один запах должен был привлечь его сюда. Здесь стоял сладкий, почти приторный аромат. Вывести сюда старшего инспектора могло и другое чувство – слух.

Над полянкой стоял гул. Гамаш пригляделся и увидел, что крохотные, яркие, изящные цветочки покачиваются. Полянка кишела пчелами. Пчелы залетали в бутоны, вылетали из них, описывали круги вокруг ароматных цветов.

– Мечтай, – пропел голос с другой стороны поляны.

Гамаш решил не выдавать своего присутствия и пошел по краю

полянки. Тут он увидел, что в ее центре стоят с полдюжины деревянных ящиков.

Ульи. Пчелы вылетели на завтрак. У «Охотничьей усадьбы» была собственная пасека.

Пройдя половину круга, он повернулся спиной к тысячам пчел и еще раз вгляделся в лесную чащу. Там, среди стволов, он увидел мелькание чего-то цветастого. Потом мелькание прекратилось.

Гамаш напрямую ринулся через лес и вскоре оказался в нескольких ярдах от ребенка, который стоял расставив ноги, словно врос в землю: колени чуть согнуты, голова откинута назад, руки сцеплены впереди, словно держат что-то.

По его лицу гуляла улыбка. Точнее, на лице сияла улыбка.

– Мечтай, мечтай, – немелодично пропел голос.

Но в этом голосе слышалось нечто более важное, чем мелодичность. Благодать.

Гамаш впервые увидел Морроу, на лице которого было выражение радости, удовольствия, восторга.

Он распознал эти чувства, потому что сам каждый день испытывал их. Но он никак не ожидал столкнуться с радостью, удовольствием, восторгом здесь, в лесу, не ожидал увидеть, что один из Морроу вовсе их не чужд. И уж конечно, неожиданностью для Гамаша было то, что такие чувства проявлял ребенок, которого игнорировали, исключали из общего круга, над которым насмехались. Бобовое имечко, неопределенный пол и приземленность. Этот ребенок, казалось, был обречен на то, что жизнь его станет катастрофой. Щенок рядом с шоссе. Пусть чадо Марианы и не умело прыгать, но у него имелась гораздо более важная способность – приходить в восторженное состояние.

Гамаш долго сидел, словно загипнотизированный, и смотрел на ребенка. Он заметил тонкие белые проводки, выходящие из ушей и исчезающие в кармане. Вероятно, айпод? У концерта, который он слышал, был некий приводной ремень. До него донеслись звуки «Блюза больницы Святого Якова» Луи Армстронга, потом «Битлз» – «Пусть остается как было»,[70] хотя Гамашу слышалось скорее «Пусть остается кобыла». Затем зазвучала какая-то мелодия без слов, и ребенок запрыгал и принялся напевать себе под нос, то резко выгибаясь назад, то распрямляясь.

Наконец Гамаш незаметно ушел, удостоверившись, что Бин в безопасности. Как ни невероятно, но этот маленький Морроу оказался вполне нормальным.

* * *

Агент Изабель Лакост стояла у желтой полицейской ленты, глядя на то место, где закончилась жизнь Джулии Мартин. Примятые еще вчера стебельки травы снова приняли вертикальное положение. Жаль, что люди не столь живучи, не могут распрямиться после дождя и солнышка. Вернуться к жизни. Некоторые раны были слишком тяжелы.

Лакост не могла прогнать видение тела, возникавшее перед ее мысленным взором. Она уже много лет работала в отделе по расследованию убийств и видела трупы в гораздо худшем состоянии. Но тревогу у нее вызывало не выражение на лице убитой и даже не статуя, смявшая ее грудь. Ее тревожили руки Джулии Мартин. Раскинутые в стороны.

Она знала эту позу. Видела ее каждый раз, посещая мать. Мать встречала ее на крыльце скромного домика на восточной окраине Монреаля. Надлежаще одетая, неизменно свежая и аккуратная. Когда они подъезжали, она открывала дверь, потому что стояла за ней в ожидании. Она выходила на крыльцо, следила, как они припарковываются, потом Изабель выходила из машины, и лицо ее матери преображалось в улыбке. Она широко раскидывала руки в приглашающем жесте, который казался непроизвольным, – ее мать словно открывала дочери свое сердце. И Изабель Лакост шла по дорожке, все ускоряя шаг, пока наконец не оказывалась в объятиях этих старых рук. В безопасности. Дома.

То же самое делала и сама Лакост, когда ее дети мчались по дорожке к ней, в ее распростертые объятия.

Именно так и стояла Джулия Мартин за мгновение до смерти. Неужели она была готова заключить в объятия неминуемую смерть? Зачем она раскинула руки, когда тяжелая статуя падала на нее?

Агент Лакост закрыла глаза и попыталась представить, что чувствовала эта женщина. Не ужас ее последнего мгновения, но ее дух, настроение. Во время каждого расследования Лакост потихоньку приходила на место убийства и стояла там в одиночестве. Она хотела сказать что-то жертве. И теперь она молча заверяла Джулию Мартин в том, что они найдут того, кто забрал ее жизнь. Арман Гамаш и его команда не успокоятся, пока она не упокоится в мире.

До сего дня у них была почти безупречная репутация, и лишь перед несколькими покойниками Изабель Лакост чувствовала себя виноватой. Не станет ли это дело одним из таких немногих? Она ненавидела, когда в

подобные минуты ее посещали негативные мысли, но это дело и впрямь тревожило агента Лакост. Ее тревожили Морроу. Но более всего ее тревожила эта ходячая статуя.

Открыв глаза, она увидела шефа, который шел по лужку и, перекрывая жужжание насекомых и птичий щебет, напевал приятным баритоном:

– «Пусть остается кобыла. Пусть остается кобыла».

* * *

Жан Ги Бовуар спал урывками. Позвонив по двум-трем номерам в Британскую Колумбию и получив несколько любопытных ответов, он поступил так, как не следовало бы. Он не лег спать, не пошел в библиотеку, чтобы сделать запись в блокноте, – нет, он отправился в кухню, черт его раздери.

Часть молодого персонала как раз усаживалась, чтобы поесть, остальные занимались уборкой. Бовуар появился в кухне, а следом за ним влетел Пьер Патенод. Объект внимания шеф-повара Вероники моментально изменился – с Бовуара она переключилась на Пьера. Тут же упало и настроение Бовуара. Перед этим он был жизнерадостен, снова чувствовал странное желание смеяться или, по меньшей мере, улыбаться в ее обществе. Он редко ощущал такую радость в сердце. Но она прошла, стоило Веронике перевести взгляд с него на метрдотеля. Инспектор совершенно неожиданно обнаружил в своей душе злость. Обиду. Она вроде была рада видеть его, но все же предпочитала метрдотеля.

«А почему бы и нет? – подумал Бовуар. – Это вполне естественно».

Но эта рациональная мысль споткнулась о недобрые чувства, бурлившие в нем, когда он увидел, как Вероника улыбается Патеноду.

«Каким нужно быть человеком, чтобы всю жизнь прислуживать другим? – спрашивал он себя. – Слабаком». Бовуар ненавидел слабость. Не доверял ей. Он знал, что убийцы – слабаки. И теперь посмотрел на метрдотеля новым взглядом.

– Bonjour, инспектор, – сказал метрдотель, вытирая руки о чайное полотенце. – Чем могу быть вам полезен?

– Я рассчитывал на чашечку кофе и какой-нибудь десерт, – обратился Бовуар к Веронике, чувствуя, что его щеки чуть зарделись.

– Bon, parfait,[71] – сказала она. – Я как раз отрезала кусочек грушевого десерта для месье Патенода. Хотите ломтик?

Сердце Бовуара колотилось и сжималось одновременно, отчего он

почувствовал такую острую боль, что чуть было не прижал ладонь к груди.

– Могу я помочь?

– Никогда не помогайте шеф-повару на его кухне, – сказал Пьер, хохотнув. – Вот ваш кофе.

Бовуар неохотно взял чашку. Он совсем не так представлял себе эту встречу. Он ожидал, что в кухне, кроме шеф-повара Вероники, никого не будет, что он застанет ее за мытьем посуды, что он возьмет полотенце и начнет протирать тарелки, как он тысячу раз видел это в доме старшего инспектора. В его доме это не было заведено. Он с женой ел перед телевизором, потом она собирала посуду и укладывала ее в посудомойку.

Он бы вытер посуду, а потом Вероника пригласила бы его присесть. Налила бы им обоим кофе, они бы ели шоколадный мусс и говорили о житье-бытье.

Бовуар никак не предполагал, что при этом будут присутствовать пять прыщавых англичан и метрдотель.

Шеф-повар Вероника отрезала им двоим по кусочку грушевого десерта. Бовуар смотрел, как она кладет почти алую малину и поливает все это фруктовым соусом. Одна тарелка была больше другой. И ягод там было больше, и сладкого соуса. И грушевое пирожное на темной шоколадной основе толще.

Она поставила перед ними тарелки. Бо́льшую – перед метрдотелем.

Жан Ги Бовуар почувствовал, как у него холодеет тело. В жаркой кухне в жаркий летний вечер его обдало волной холода.

И теперь, ярким, свежим, теплым утром, он испытывал похмелье, словно вчера опьянел от эмоций. Опьянел до тошноты. Но все же, спускаясь по широкой лестнице, он почувствовал, как его будто магнитом тянет к двери в кухню. Он постоял несколько секунд перед дверью, заставляя себя развернуться и идти в столовую, или в библиотеку, или в свою машину и отправиться домой, чтобы заняться любовью с женой.

И тут дверь неожиданно распахнулась и ударила Бовуара прямо в лицо.

Он упал, с трудом сдержав готовое сорваться с губ ругательство, – он ведь не знал, кто распахнул дверь, это вполне могла быть и Вероника. По какой-то причине в ее присутствии он не мог браниться. Бовуар закрыл глаза от боли и схватился за нос, чувствуя струйку крови между пальцами.

– О боже, извините!

Оказалось, что это метрдотель.

Бовуар одновременно открыл рот и глаза:

– Тысяча чертей, вы только посмотрите!

Он уставился на свою руку – она была покрыта кровью. У него внезапно закружилась голова.

– Дайте я вам помогу.

Метрдотель взял его под руку, но Бовуар оттолкнул его.

– Tabernac! Оставьте меня в покое! – выкрикнул он гнусавым голосом, обильно поливая кровью произнесенные слова.

– Он ни в чем не виноват.

Бовуар замер – меньше всего ему хотелось именно этого.

– Во время подачи блюд нельзя стоять у кухонной двери. Месье Патенод просто исполнял свои обязанности.

Ошибиться в принадлежности этого низкого, трубного голоса и его тона было невозможно. Женщина защищала того, кто был ей небезразличен. Ее больше заботила несправедливость по отношению к метрдотелю, чем истекающий кровью полицейский. Это было больнее, гораздо больнее, чем удар твердой дверью по мягкому носу. Бовуар повернулся и увидел возвышающуюся над ним Веронику с бумажными салфетками в мясистой руке. Говорила она жестким, осуждающим тоном, как учителя в католической школе, когда Бовуар совершал какую-нибудь выдающуюся глупость.

Что он там наговорил – «тысяча чертей»? И еще «tabernac»? Теперь его и в самом деле одолевала тошнота.

– Désolé, – сказал он, собирая в ладонь кровь с подбородка. – Извините.

– Что случилось?

Бовуар повернулся и увидел Гамаша, входящего в дверь. Он испытал облегчение, как и всегда в присутствии Гамаша.

– Это моя вина, – сказал Пьер. – Распахнул дверь и ударил его.

– Что тут происходит? – К ним вразвалочку, по-утиному, подошла мадам Дюбуа с озабоченным выражением на лице.

– Как ты? – спросил Гамаш, заглянув в глаза Бовуару, и тот кивнул в ответ.

Гамаш дал инспектору свой платок и попросил принести полотенца. Потом он исследовал повреждения, прощупав большими уверенными пальцами нос Бовуара, его лоб, подбородок.

– Ничего страшного. Нос не сломан, но синяк будет.

Бовуар бросил ненавидящий взгляд на метрдотеля. Почему-то он знал, что тот сделал это специально. Почему-то.

Он пошел привести себя в порядок, надеясь увидеть в зеркале героического хоккеиста или боксера, получившего травму на ринге. Ну

какой же он идиот! Чертов идиот! Он переоделся и присоединился к остальным – они завтракали в столовой. Морроу сидели в одном углу, полицейские – в другом.

– Лучше? – спросил Гамаш.

– Ерунда, – сказал Бовуар, перехватывая веселый взгляд Лакост.

«Неужели они все знают?» – подумал Бовуар. Принесли кофе с молоком, и они сделали заказ.

– Ну, что тебе удалось узнать? – первым делом спросил Гамаш у Лакост.

– Вы, шеф, не могли понять, с чего это Джулия взорвалась, когда услышала про общественные туалеты. Вчера вечером я спросила об этом Мариану Морроу. Кажется, у Джулии была серьезная ссора с отцом из-за этого.

– Из-за туалетов?

– Угу. По этой причине она и уехала в Британскую Колумбию. Кажется, кто-то написал на стене туалета в отеле «Риц», что Джулия Морроу хорошо делает минет. Там и номер телефона был. Семейного телефона.

Бовуар поморщился. Он мог себе представить, как на это прореагировали мама и папа Морроу. Мужчины звонят в любое время и спрашивают, сколько Джулия берет за минет.

– Судя по всему, Чарльз Морроу сам увидел эту надпись. Автор точно знал, где нужно написать подобную гадость. Вы знаете Устричный бар?

Гамаш кивнул. Теперь он был закрыт, но прежде туда любила захаживать англоязычная монреальская молодежь – целые поколения прошли через этот бар в подвале «Рица».

– Так вот, «Джулия Морроу хорошо делает минет» было написано в мужском туалете Устричного бара. Как говорит Мариана, ее отец увидел эту надпись, а потом услышал, как его приятели смеются, обсуждая эту новость. Он был в бешенстве.

– И кто же это написал? – спросил Гамаш.

– Не знаю, – сказала Лакост.

Ей не пришло в голову спросить об этом Мариану.

Принесли завтрак. Яичница со шпинатом и сыр бри для старшего инспектора. На яйцах лежали тонко нарезанные ломтики бекона, пропитанного кленовым соусом, а тарелку украшал фруктовый салат. Лакост заказала яйца бенедикт, а Бовуар выбрал из меню самое большое блюдо: на тарелке лежала целая гора блинчиков, яиц, колбасы, черного бекона.

Официант оставил корзиночку с круассанами и вазочки с домашним конфитюром из дикой земляники и голубики и с медом.

– У кого-то был зуб на нее, – сказала Лакост, размахивая вилкой, с которой капал голландский соус. – Девушки строгого поведения часто становятся объектом подобной травли со стороны отвергнутых ухажеров.

– Какая же это подлость по отношению к девушке! – сказал Гамаш, представляя себе худенькую, стройную Джулию. – Сколько ей тогда было? Двадцать?

– Двадцать два, – ответила Лакост.

– Я подумал: а Томас не мог это написать? – спросил Гамаш.

– А почему он? – спросил Бовуар.

– Написать это мог человек, который знал номер телефона, знал привычки Чарльза Морроу и знал Джулию. И это мог сделать только жестокий человек.

– Томас вполне подходит, – сказала Лакост. Она взяла еще теплый круассан, разломила и намазала золотистым медом. – Но это случилось тридцать пять лет назад. Мы не можем судить мужчину за то, что сделал мальчик.

– Верно. Однако Томас солгал – сказал Джулии, что мы разговаривали о мужских туалетах, тогда как на самом деле этого не было, – возразил Гамаш. – Мы говорили о туалетах вообще. Он хотел, чтобы она прореагировала. Он хотел сделать ей больно, теперь я это понимаю. И он добился своего. Он по-прежнему жестокий человек.

– Может, он считал, что это шутка. Во многих семьях есть свои шутки, – заметил Бовуар.

– Шутки должны быть смешными, – ответил Гамаш. – А эта была рассчитана, чтобы сделать человеку больно.

– Это форма насилия, – заметила Лакост, и Бовуар, сидевший рядом с ней, застонал. – Ты думаешь, что насилие – это только удар кулаком по лицу женщины?

– Слушай, я знаю все о словесном и эмоциональном насилии, и я тебя понимаю, – искренне сказал Бовуар. – Но что это нам дает? Этот тип решил поддразнить сестру, напомнив о событии, случившемся сто лет назад. И мы будем считать это насилием?

– В некоторых семьях долгая память, – сказал Гамаш. – В особенности на оскорбления.

Он зачерпнул мед ложкой и размазал его по теплому круассану. Попробовал и улыбнулся.

Вкус был как у пахучих летних цветов.

– По словам Марианы, их отца беспокоило не столько то, что Джулия делает хороший минет, сколько то, что все в это поверили, – сказала Лакост.

– И Джулия из-за этого уехала? – спросил Гамаш. – Случай, конечно, не очень безобидный, но достаточно ли этого, чтобы бежать на другой конец страны?

– Оскорбленные чувства, – сказала Лакост. – Я бы предпочла каждый день получать синяки.

Бовуар ощутил, как пульсирует его нос, и понял, что она права.

Гамаш кивнул, пытаясь представить случившееся. Джулия, которая всю жизнь была примерной девочкой, вдруг оказалась униженной перед всем англоязычным Монреалем. Пусть этот Монреаль был невелик, пусть не столь влиятелен, каким он притворялся, но Морроу жили в нем. И вдруг на Джулии появилось клеймо шлюхи. Унизительно.

Но худшее было впереди. Вместо того чтобы защитить ее, Чарльз Морроу, косный, бессердечный и такой же бесстрастный, как теперь, тоже напустился на нее. Или, по меньшей мере, не пожелал защитить. Она любила отца, а он отошел в сторону, и эти шакалы набросились на нее.

Джулия Морроу уехала. Выбрала такое место, чтобы быть как можно дальше от семьи. Британскую Колумбию. Вышла за Дэвида Мартина, человека, к которому ее отец относился неодобрительно. Развелась. Потом вернулась домой. И была убита.

– Вчера вечером я говорил с Питером, – сообщил Гамаш и пересказал их вчерашний разговор.

– Так он считает, что Джулию убил Берт Финни? Из-за страховки? – переспросила Лакост.

– Ну хорошо, предположим, что так, – сказал Бовуар, проглотив кусочек аппетитной колбаски, с которой стекал кленовый сок. – Сколько ему лет – сто сорок или больше? Он старше своего веса. Как он мог сдвинуть эту громадную статую с пьедестала? С тем же успехом можно обвинять и ребенка Марианы.

Гамаш отправил в рот кусок яичницы с сыром и уставился в окно. Бовуар был прав. Но вероятность того, что это сделали Питер или Томас, была не больше. Полиция расследовала убийство, совершить которое было невозможно. Никто не смог бы подвинуть Чарльза Морроу и на дюйм, а уж о том, чтобы скинуть его с пьедестала, и речи не могло идти. А если бы кто и попытался, то на это ушло бы немало времени. Да и грохот от падения был бы слышен. И Джулия не стояла бы на месте, дожидаясь, когда статуя упадет и раздавит ее. Но Чарльз Морроу, как и остальное семейство, не издал ни звука.

И потом, падающая статуя не только произвела бы шум, но и оставила бы царапины и сколы на пьедестале, однако его поверхность осталась безукоризненной.

Невероятно. Вся эта история была невероятной. И тем не менее это случилось.

Тут Гамаша посетила еще одна мысль, и он принялся перебирать членов семейства. Ребенка Марианы из числа подозреваемых следовало исключить. Не мог совершить это и Финни. Как не могли мадам Финни, Мариана или даже мужчины. Никто не мог совершить это в одиночестве.

А вместе?

– Питер ошибается относительно страховки Джулии, – сказал Бовуар. Он ждал конца завтрака, чтобы сообщить коллегам эту новость. Последним кусочком блинчика он подобрал с тарелки остатки кленового сиропа. – Мадам Финни не получает выплат по страховке дочери.

– А кто получает? – спросила Лакост.

– Никто. Она не была застрахована.

«Ха-ха!» – торжествовал Бовуар. Ему понравилось выражение их лиц. Он целую ночь осмысливал эту неожиданную новость. Жена богатейшего страховщика Канады не была застрахована?

После нескольких секунд размышления Гамаш сказал:

– Ты должен поговорить с Дэвидом Мартином.

– Я заказал разговор с его адвокатом в Ванкувере. Надеюсь переговорить с ним до полудня.

– Оноре Гамаш?

Эти слова пролетели по комнате и плюхнулись на их стол. Бовуар и Лакост повернули голову туда, где сидели Морроу. На них смотрела мадам Финни, на ее мягком, привлекательном лице гуляла улыбка.

– Так Оноре Гамаш был его отцом? Мне сразу показалась знакомой эта фамилия.

– Мама, тише, – сказал Питер, наклоняясь к ней через стол.

– А что? Я ничего не говорю. – Ее голос продолжал витать по столовой. – И потом, мне тут смущаться нечего.

Бовуар взглянул на шефа.

На лице Армана Гамаша появилась загадочная улыбка. И что-то похожее на облегчение.

Глава двадцать первая

Клара вышла из-за стола. Хватит, наслушалась. Она пыталась сочувствовать матери Питера, пыталась быть сострадательной и терпеливой. «Да ну ее к черту, ну их всех к черту!» – думала Клара, шагая по лужайке.

У нее колотилось сердце и дрожали руки – у Клары всегда дрожали руки, когда она приходила в бешенство. И конечно, мозг у нее не работал. Он убежал вместе с сердцем – эти два труса оставили ее беззащитным дебилом. А Морроу получили дополнительное подтверждение тому, что она – невоспитанная идиотка. Потому что выходить из-за стола, когда завтрак еще не закончился, – это моветон. А вот неприкрытое оскорбление других людей – вещь вполне допустимая.

Морроу, похоже, верили в существование некоего правила, которое позволяло им говорить о других людях все, что заблагорассудится. Причем делать это в их присутствии, и такое поведение не выходило за рамки благовоспитанности.

«Ты когда-нибудь видела ребенка уродливее?»

«Ну, если ты такая жирная, то зачем же надевать белое».

«Она была бы даже хорошенькой, если бы не скалилась все время».

Последнее было сказано про нее в день их свадьбы с Питером, когда она шла по проходу, улыбающаяся и радостная, держа под руку отца.

Имея дело с Морроу, можно было не сомневаться: они выберут правильную вилку и неправильное слово. Их замечания всегда отличались высокомерием. А получив отпор, они напускали на себя обиженный, расстроенный, ошеломленный вид.

Как часто Клара извинялась за то, что подвергалась оскорблениям?

А то, что миссис Морроу только что ляпнула про отца Гамаша, было чуть ли не самым оскорбительным из всего, что доводилось слышать Кларе.

* * *

– Все в порядке, Жан Ги, – сказал Гамаш несколько минут спустя, когда они ехали по ухабистой грунтовой дороге на местное кладбище, к человеку, который изготовил статую Чарльза Морроу. – Я привык к этому.

Берт Финни сказал мне, что познакомился с моим отцом в конце войны. Наверно, он что-то сказал и своей жене.

– Это было не обязательно.

– Мой отец ни для кого не тайна. – Старший инспектор посмотрел на Бовуара, который уставился на дорогу, не осмеливаясь повернуть голову в сторону шефа.

– Прошу прощения. Просто я знаю, что на уме у людей.

– Это было так давно. И потом, я знаю правду.

Но Бовуар по-прежнему таращился на дорогу, слыша слова Гамаша, но также и хорошо поставленный, четкий голос мадам Финни и слово, которое застряло у него в голове, застряло в голове у всех. Казалось, оно навсегда прилипло к имени Оноре Гамаша.

Трус.

* * *

– Клара, ты как?

Питер быстро шел по лужайке.

– Я надеюсь, ты научил свою мать правилам хорошего тона? – спросила Клара, уставившись на него.

Волосы у него торчали во все стороны, словно он разворошил их руками. Рубашка была не заправлена, к брюкам прилипли крошки круассана. Он стоял, не говоря ни слова.

– Питер, бога ради, когда ты наконец дашь ей отпор?

– Что? Она ни слова о тебе не сказала.

– Нет, она всего лишь облила грязью твоего друга. Гамаш слышал каждое ее слово. Для того это и говорилось.

– Но ты тоже ничего не сказала.

– Ты прав.

Клара вспомнила, что засунула кончик скатерти себе за пояс, а когда вскочила на ноги, фарфор на столе подпрыгнул вместе с нею.

Все глаза были устремлены на нее. Они словно говорили: «Сделай это. Опозорься еще раз».

И она, конечно, сделала это. Как всегда. Она успокаивала себя мантрами: «Еще один день, всего один день» и «Это не имеет значения, не имеет значения». Она медитировала и окружала себя белым защитным светом. Но ничто не помогло против натиска Морроу, и она стояла перед ними, дрожа как осиновый лист. Возмущенная, шокированная и

потерявшая дар речи.

И это случилось опять сегодня утром, когда миссис Морроу занимала свое семейство рассказом.

– Вы слышали эту историю?

– Какую историю? – спросил заинтригованный Томас.

Даже Питеру было любопытно услышать. Это отвлекало внимание от него.

– Расскажи, – сказал Питер, кидая в огонь Гамаша и спасая себя.

– Айрин! – предостерегающим тоном произнес Берт Финни. – Это было очень давно. Древняя история.

– Это важно, Берт. Дети должны знать.

Она снова обращалась к ним, да и самой Кларе – Господи, прости ее – было любопытно.

Айрин Финни окинула взглядом сидящих за столом. Она бо́льшую часть ночи молилась, просила, торговалась о сне. Хотела отключиться. На несколько часов забыть об утрате.

А утром, проснувшись, лежа мягкой розовой морщинистой щекой на подушке, она снова потеряла дочь. Джулию. Теперь ее не было, но она унесла с собой и все те претензии, что были к ней у матери. Она больше не забудет поздравить мать с днем рождения, остались в прошлым пустые воскресенья, когда мать тщетно ждала звонка дочери. По крайней мере, Джулия больше не сделает ей больно. От Джулии больше не стоило ждать неприятностей. Ее можно было любить без опаски. Вот о чем твердила ей пустота. Мертвая дочь. Но любимая. Наконец-то у нее появился кто-то, кого можно было любить без боязни. Правда, этот кто-то был мертв. Но нельзя же иметь все.

Потом с утренней прогулки вернулся Берт и принес свой замечательный подарок. Пищу для размышлений.

Оноре Гамаш. Пустота каким-то образом произвела на свет божий и его. И его сына.

– Это было перед самым началом войны. Мы все понимали, что Гитлера нужно остановить. Канада должна присоединиться к Англии – это была данность. Но тут Гамаш начал произносить речи против войны. Он говорил, что Канада не должна вмешиваться. Что из насилия никогда ничего хорошего не выходило. Он был очень убедителен. Образованный человек.

Она говорила удивленным голосом, словно услышала про белугу, которая окончила Университет Лаваля.

– Это опасно, – воззвала она к мужу. – Или я ошибаюсь?

– Он верил в то, что говорил, – возразил мистер Финни.

– А это делало его еще более опасным. Он убедил многих других. На улицах начались протестные демонстрации против участия в войне.

– И что случилось? – спросила Сандра.

Она подняла взгляд. Потолок был чист. Персонал «Усадьбы» очистил его, не сказав ни слова. Ни одного печенья там не осталось. Сандра ничего не могла с собой поделать – Бин и весь этот труд вызывали у нее сочувствие. Но ребенок ничуть не беспокоился об этом. Ребенок с интересом слушал рассказ.

– Канада вступила в войну с опозданием.

– Всего на одну неделю, – сказал Финни.

– Это немало. Позорище. Британия сражалась против Германии, которая завоевала почти всю Европу. Это было неправильно.

– Это было неправильно, – печально согласился Финни.

– И это вина Гамаша. И даже когда вина была объявлена, он убедил многих квебекцев отказываться от военной службы по нравственным соображениям. Нравственным. – Она произнесла это слово с отвращением. – Не было тут никакой нравственности. Одна трусость.

Голос ее зазвучал громче, превращая ее сентенцию в оружие, а последнее слово – в штык.

– Он все-таки поехал в Европу, – сказал Финни.

– С Красным Крестом. Никогда не был на передовой. Никогда не рисковал собственной жизнью.

– В медицинской службе тоже было немало героев, – возразил Финни. – Храбрых людей.

– Но не Оноре Гамаш, – отрезала Айрин Финни.

Клара ждала, что Финни возразит жене. Она взглянула на Питера: на его плохо выбритой щеке краснела капелька джема, глаза были опущены. У Томаса, Сандры и Марианы глаза горели в ожидании. Как у гиен, готовых наброситься на добычу. А Бин? Ребенок сидел на маленьком стуле, уперев ноги в пол и крепко держа в руках «Мифы, которые должен знать каждый ребенок».

Клара встала, потащив за собой скатерть. Питер посмотрел на нее смущенным взглядом. Устроить сцену гораздо хуже, чем причинить боль. Руки Клары дрожали, когда она ухватилась за скатерть и вытащила ее из-за пояска. В глазах стояли слезы ярости. Но она видела удовлетворение на лице миссис Морроу.

Спотыкаясь, Клара бросилась вон из столовой, мимо Гамаша и дальше через скрипнувшую москитную дверь. Но слова все же догнали ее под

открытым небом:

– Оноре Гамаш был трусом.

* * *

– Месье Пелетье?

– Oui, – послышался ответ с лесов.

– Меня зовут Арман Гамаш, я работаю в отделе по расследованию убийств Квебекской полиции.

Бовуару хотелось бы видеть сейчас лицо скульптора. Это была его любимая часть любого расследования, если не считать ареста. Ему нравилось видеть лица людей, когда те узнавали, что к ним заявились двое офицеров, разыскивающих убийц. Офицеров из прославленной Квебекской полиции.

Но на сей раз он не получил этого удовольствия. Пелетье был невидим – один только голос, доносившийся до них сверху.

– Это, наверно, по поводу той статуи, – раздался бестелесный голос.

Еще одно разочарование. Бовуар любил сообщать мрачные подробности и видеть, как бледнеет слушающий его человек.

– Совершенно верно. Не могли бы вы спуститься?

– Я очень занят. Новый заказ.

– Там, наверху? – спросил Гамаш, вытянув шею, чтобы увидеть человека на лесах.

– Нет, конечно. Я закрепляю канаты, чтобы эта хреновина не упала.

Гамаш и Бовуар переглянулись. Значит, статуи все-таки падают. Неужели все так просто?

Бовуар, вздрогнув, увидел жилистого человека, который, словно паук, спустился по дальней стене старого сарая. Только после того как человек мягко приземлился, Бовуар понял, что у стены висит самодельный веревочный трап. Он повернулся к Гамашу, который тоже наблюдал за всем этим; глаза старшего инспектора расширились при мысли о том, что кто-то ползает тут вниз-вверх.

Ив Пелетье выглядел чуть ли не изможденным. На нем были свободные белые шорты и грязная майка, почти не скрывающая костлявую грудь с выпирающими ребрами. А вот руки у него были огромные. Он был похож на моряка Попая.[72]

– Ив Петелье, – сказал он с акцентом Восточных кантонов и протянул руку.

Это напоминало пожатие кувалды. Этот человек, казалось, был сделан из металла. Худой, жесткий и отливающий по́том. В сарае было душно и жарко. Воздух стоял неподвижно, лишь густая пыль плыла в солнечных лучах, проникающих сквозь щели в дощатых стенах.

Здесь пахло лежалым сеном, бетоном и потом.

Бовуар расправил плечи и попытался принять более мужественный вид в своих кожаных туфлях и аккуратной льняной рубашке.

«У меня есть пистолет, – сказал он себе. – У меня есть пистолет, а у него нет».

Угрозы имели разные формы. Бовуар посмотрел на старшего инспектора – тот казался совершенно спокойным.

– Что с вами случилось? – спросил скульптор, показывая на лицо Бовуара.

Если бы здесь не было Гамаша, Бовуар рассказал бы о горящем здании, наполненном сиротами. Или об угнанной машине, которую он остановил за секунду до того, как она врезалась бы в беременную женщину. Или об убийце, которого он разоружил голыми руками.

Он решил сохранять молчание – пусть человек думает о чем-нибудь героическом.

– Вроде как тебя шарахнуло дверью, сынок, – сказал Пелетье, потом повернулся и провел их по своему сараю во двор.

Это было еще не кладбище, хотя и совсем рядом.

– Клиенты, – рассмеялся Пелетье, показывая на надгробия по другую сторону деревянной ограды. Скрутив сигарету, он облизнул ее и сунул в свой желтозубый рот. – Не могу заработать на жизнь на этом говне. Хотелось бы, но платить по счетам, будучи художником, не получается.

Он глубоко затянулся, закашлялся и сплюнул.

Бовуар подумал, что трудно было бы найти человека, меньше похожего на художника.

– Люди дают мне заказы на эти штуки. – Пелетье махнул в сторону надгробий.

Они вошли в калитку. Там и тут виднелись крылатые ангелы, спустившиеся на землю. Они были старыми, с изношенными крыльями.

Гамаш остановился, оглядел надгробия.

На кладбище было тихо, спокойно. Но там царило и какое-то оживление. Время от времени за деревьями мелькали мужчины и женщины. Только они не двигались. Они были закреплены на месте, но каким-то образом проявляли признаки жизни. Они были статуями.

Гамаш повернулся и посмотрел на их гида. Маленький человек снимал

с языка табачную крошку.

– Это все ваша работа?

– Кроме ангелов. Ангелов я не делаю. Пытался, но ничего не вышло. Крылья получались слишком большими. Люди жаловались, что стукаются о них головой.

Это показалось Бовуару забавным, и он засмеялся. К нему присоединился скульптор. Улыбнулся и Гамаш.

Статуи были разных размеров, все они передавали разные настроения. Некоторые казались исполненными спокойствия и радости, у некоторых был игривый вид, у других на лице застыло мучительное и горькое выражение. Не явное, а лишь угадываемое выражение строгости.

– Из чего они сделаны? – спросил Бовуар.

Большинство статуй были черными, гладкими и сверкающими.

– Мрамор. Тут неподалеку есть карьер.

– Но статую Чарльза Морроу вы изготовили не из мрамора, – сказал Гамаш.

– Нет, эту статую я делал из другого материала. Собирался использовать мрамор, но передумал, когда услышал, что люди говорят про него.

– А с кем вы говорили?

– С вдовой и его детьми, но больше всего я говорил с таким уродливым стариком – он-то и приходил ко мне. Если бы я сделал его статую, то от жалоб не было бы отбою. – Пелетье рассмеялся. – А знаете, я все равно, наверно, сделаю его статую – для себя.

– Берта Финни? – спросил Гамаш, чтобы убедиться.

Пелетье кивнул и швырнул окурок в траву. Бовуар затоптал его.

– Я предполагал, что вы придете, так что перечитал мои записи. Хотите посмотреть?

– S’il vous plait, – сказал Бовуар, любивший записи в блокнотах.

Они вернулись в сарай, который по сравнению с оживленным кладбищем казался мрачным. Бовуар принялся читать, а Гамаш и скульптор завели разговор, усевшись на низкую деревянную колоду.

– Как вы делаете скульптуру?

– Это трудно, если я не видел человека своими глазами. Многих из этих людей я знал лично. – Он небрежно махнул в сторону кладбища. – Городок-то у нас маленький. Но с Морроу я не был знаком. А потому, как я уже сказал, я беседовал с членами семьи, рассматривал фотографии. Этот уродливый старик принес целую пачку. Довольно интересно. А потом я дал всем своим впечатлениям как бы перебродить, пока передо мной не

возникнет образ. И вот в один прекрасный день я проснулся и увидел его. И тогда я приступил к работе.

– И что же вы узнали про Чарльза Морроу?

Пелетье почесал свои мозолистые пальцы и задумался.

– Вы видели эти статуи на кладбище?

Гамаш кивнул.

– Они все разного размера. Кто-то покупает большие, кто-то – поменьше. Иногда это зависит от бюджета, но по большей части это зависит от их вины.

Он улыбнулся. Размеры статуи Чарльза Морроу были громадные.

– У меня создалось впечатление, что по нему не очень-то и тосковали. А эта статуя была заказана не в его память, а для них. Этакая компенсация за отсутствие скорби.

Вот оно что. Так просто. Слова витали в воздухе, прилипали к пыли, дрейфующей в солнечных лучах.

Что может быть хуже: ты умер, но ни у кого это не вызывает скорби.

Неужели так и обстояло дело после смерти Чарльза Морроу?

– Семья использовала такие слова, как «выдающийся» и «уважаемый», они даже прислали мне список советов директоров, в которых он заседал. Я уж ждал, что мне пришлют и выписку с его банковского счета. Но любви не было. Я сочувствовал покойнику. Понимаете, я спрашивал, каким он был. Отцом, мужем и всякое такое.

– И что они отвечали?

– Их эти вопросы вроде как обижали. Я уже говорил, что очень трудно делать скульптуру человека, которого ты не знал. Я чуть было не отказался от этой работы, хотя деньги предлагали такие, что меня бы потом жаба задушила. Но вот появился этот уродливый старик. Он почти не говорил по-французски, а я по-английски тоже кое-как. «Он стрелять, он забивать голы». Как-то так. Это было почти два года назад. Я подумал и решил взяться за работу.

– Но кого вы изображали в скульптуре, месье? Чарльза Морроу или Берта Финни?

Ив Пелетье рассмеялся:

– А может, и себя самого.

Гамаш улыбнулся:

– Вы, я думаю, отчасти присутствуете во всех своих работах.

– Вы правы, но больше всего, пожалуй, в этой. Она была такая сложная, тревожила меня. Чарльз Морроу был чужим в собственной семье. Они знали его снаружи, но не изнутри. Изнутри его знал этот уродливый

старик. По крайней мере, так мне кажется. Он рассказал мне о человеке, который любил музыку, хотел стать хоккеистом, играл в школьной команде, но в конечном счете согласился возглавить семейный бизнес. Его соблазнили деньги и положение в обществе. Это слова того старика, не мои. «Эго». «Какой тиран». Это опять его слова, не мои. – Он улыбнулся Гамашу. – К счастью, я скульптор, и мне приходится сдерживать собственное эго.

– Вы можете попытаться стать полицейским.

– А вашу скульптуру когда-нибудь делали?

Гамаш рассмеялся:

– Никогда.

– Если надумаете – приходите ко мне.

– Сомневаюсь, что в том карьере хватит мрамора, – сказал Гамаш. – Так из чего вы изготовили статую Чарльза Морроу?

– Да, это хороший вопрос. Мне нужно было что-нибудь особенное, а в деньгах меня не ограничивали. Я начал искать и наконец нашел то, о существовании чего слышал, но своими глазами никогда не видел.

В другом углу сарая инспектор Бовуар опустил блокнот и прислушался.

– Это было дерево, – сказал тощий скульптор.

В тех гипотезах, что имелись у Гамаша, дерева не было.

– Дерево?

Пелетье кивнул. Гамаш вспомнил, как притронулся к статуе, погладил ее, пытаясь не прикасаться к крови, грязи и траве. Он снова ощутил жесткую серую поверхность, словно колеблющуюся. На ощупь как старческая кожа. Но твердая как камень.

– Дерево, – повторил он, глядя на скульптора. – Окаменевшее дерево.

– Привезли аж из Британской Колумбии. Древесная окаменелость.

* * *

Агент Лакост закончила разговор с коронером, сделала записи в блокноте и открыла сейф с вещдоками. Сейф был почти пуст. Она вытащила из него пачку писем, перевязанную желтой ленточкой, и две смятые записки на фирменной бумаге «Охотничьей усадьбы». Разгладив их, она решила начать отсюда.

Сначала она нашла мадам Дюбуа, которая сидела за регистрационной стойкой, – хозяйка обзванивала тех, кто забронировал номера, и сообщала,

что гостиница не сможет их принять в заявленное время. Минуты через две миниатюрная рука повесила трубку.

– Я стараюсь не говорить им правду, – сказала мадам Дюбуа.

– И что вы им говорите?

– Что случился пожар.

Видя удивление агента Лакост, она кивнула:

– Да, пожалуй, можно было придумать и что-нибудь получше. К счастью, пожар был маленький, хотя и доставил нам массу неудобств.

– Слава богу. – Агент Лакост скользнула взглядом по тарифной карточке, лежащей на столе, и вскинула брови. – Я бы с удовольствием вернулась к вам вместе с мужем. Может быть, на нашу золотую свадьбу.

– Я буду ждать.

Агент Лакост подумала, что мадам Дюбуа, вероятно, не обманет.

– Мы нашли эти записки на каминной решетке в номере Джулии Мартин. – Она передала бумаги мадам Дюбуа. – Кто, по-вашему, мог их написать?

Две бумажки легли на стол между двумя женщинами.

> *С удовольствием вспоминаю наш разговор. Спасибо. Это помогло.*
>
> *Спасибо за доброту. Я знаю: то, о чем было мною сказано, никуда дальше не пойдет. Иначе мне могут грозить крупные неприятности!*

– Может, это кто-то из семьи?

– Возможно, – сказала Лакост.

Она подумала о том, что говорил Гамаш. О восклицательном знаке. Немалую часть утра она провела в этих размышлениях. И наконец поняла.

– Эти слова, конечно, мог написать практически кто угодно, – согласилась она с мадам Дюбуа. – Но поставить вот это – далеко не каждый.

Она показала на восклицательный знак. Старуха посмотрела, куда указывает палец, потом подняла взгляд, вежливый, но не убежденный.

– Вы можете себе представить, чтобы кто-нибудь из Морроу поставил восклицательный знак?

Этот вопрос удивил мадам Дюбуа, она задумалась, потом отрицательно покачала головой. Оставалась единственная возможность.

– Кто-то из персонала, – неохотно сказала она.

– Возможно. Но кто?

– Я вызову горничную, убиравшую ее номер.

Мадам Дюбуа заговорила по портативной рации, и молодая женщина по имени Бет заверила ее, что сейчас будет.

– Понимаете, это молодые ребята, и большинство из них никогда не работали в гостиницах. Им нужно какое-то время, чтобы понять, что допускается, а что нет. В особенности если сами гости не очень это понимают. Мы говорим этим ребятам, что панибратство с гостями недопустимо, даже если сами гости его поощряют. В особенности если поощряют.

После довольно продолжительного ожидания появилась блондинка, энергичная и уверенная, хотя и слегка взволнованная.

– Désolée, – сказала она с небольшим акцентом, – но меня задержала мадам Морроу из Озерного номера. Кажется, она хочет поговорить с вами.

Хозяйка посмотрела усталым взглядом:

– Еще одна жалоба?

Бет кивнула:

– Номер ее невестки убрали прежде ее номера, и она хочет знать почему. Я сказала ей, что это зависит от того, с какой стороны коридора мы начинаем уборку. И еще она считает, что в номере слишком жарко.

– Я надеюсь, ты сказала ей, что это зона ответственности месье Патенода?

Бет улыбнулась:

– В следующий раз скажу.

– Bon. Бет, это агент Лакост, она расследует убийство Джулии Мартин. Она хочет задать тебе несколько вопросов.

На лице девушке появилось озабоченное выражение.

– Я ничего не сделала.

«Это не моя вина», – подумала Лакост. Крик молодых. И незрелых. Но при этом она сочувствовала девушке. На вид ей было не больше двадцати – боязно в таком возрасте оказаться среди подозреваемых в убийстве. Когда-нибудь она будет рассказывать об этом как о необыкновенном приключении, но не сегодня.

– Я и не думаю, что вы что-то сделали, – сказала Лакост на хорошем английском, и девушка немного расслабилась: ее успокоили как слова, так и язык. – Но я бы хотела, чтобы вы посмотрели вот на это.

Бет посмотрела и подняла недоуменный взгляд:

– Я не очень понимаю, чего вы от меня хотите.

– Это не вы писали?

Девушка удивилась еще больше:

– Нет. С чего бы это я стала писать такое?

– Вы проверяли каминную решетку в номере миссис Мартин?

– Не очень внимательно. Некоторые гости даже летом растапливают камин. Это романтично. Поэтому у меня вошло в привычку мельком осматривать камин, чтобы убедиться, что там не нужно убирать. Она камин не растапливала. Никто не растапливал.

– Вы бы заметили, если бы там что-нибудь было?

– Все зависит от того, что там могло быть. Если бы «фольксваген» или диван…

Лакост улыбнулась этой неожиданной шутке. Девушка неожиданно напомнила Лакост ее саму двадцатилетней девчонкой, когда она искала свой путь в жизни. Она тогда делала выбор между дерзостью и смирением.

– А это вы бы заметили, если бы они были скомканы? – Лакост показала на бумаги, лежащие на столе.

Бен посмотрела на них, задумалась.

– Возможно.

– И что бы вы сделали, если бы увидели их?

– Убрала бы.

Лакост решила, что Бет говорит правду. Она знала, что в «Усадьбе» не держат ленивых. Вопрос был в том, могла ли Бет заметить эти бумаги, или они пролежали там несколько дней, а то и недель, оставленные давно уехавшими гостями.

Нет, скорее всего, эти записки были адресованы Джулии.

Почему Джулия кидала мусор в корзинку, а это швырнула в камин? Агент Лакост подозревала, что Морроу не из тех людей, которые оставляют после себя мусор. Они могут пойти на убийство, но мусорить – нет, они выше этого. А Джулия Мартин была исключительно воспитанной, подчас сверх меры.

Значит, если их бросила туда не она, то это сделал кто-то другой. Но кто?

И почему?

*** * ***

Гамаш, Бовуар и скульптор Пелетье сидели в тени огромного дерева, благодарные за два-три градуса послабления, которые давала тенистая крона на этой невыносимой жаре. Бовуар хлопнул себя по шее и, посмотрев на руку, увидел кровавое пятно и маленькую черную ножку

насекомого. Он знал, что насекомые обсели его с ног до головы. Может быть, судьба убитого послужит уроком для остальных и они уберутся? Но вероятно, мошка небеспричинно не правила миром. Мучить они могли, но этим их таланты исчерпывались.

Он хлопнул себя по руке.

Судя по всему, розовый куст рядом с надгробием никто не поливал: листья пожелтели, пожухли. Пелетье проследил за взглядом Гамаша.

– Я знал, что так оно и случится. Предупреждал семью, когда они его сажали.

– Что, розы здесь плохо растут? – спросил Гамаш.

– Сейчас плохо. Сейчас вообще ничего не растет. Двадцать пять лет, понимаете.

Бовуар подумал, что несколько десятилетий работы в цементной пыли нанесли мозгу скульптора непоправимый ущерб.

– А в чем дело? – спросил Гамаш.

– В этом дереве. Это черный орех. – Скульптор провел мозолистой рукой по бороздчатой поверхности коры. – Дереву двадцать пять лет.

– И что? – спросил Гамаш, надеясь докопаться до сути.

– Понимаете, ничто не растет рядом с черным орехом, когда это дерево постареет.

Гамаш тоже прикоснулся к стволу.

– Почему?

– Не знаю. С листьев, коры или еще чего-то капает какой-то яд. Пока дерево молодое, ничего не происходит. Но после двадцатипятилетия оно убивает все живое вокруг.

Гамаш убрал руку с сероватого ствола и перевел взгляд на кладбище; солнечные лучи проникали сквозь крону дерева-убийцы.

– Вы высекли птичку на плече статуи.

– Да.

– Pourquoi?[73]

– Вам не понравилось?

– Птичка очаровательная и очень незаметная. Словно специально, чтобы никто не увидел.

– Зачем бы я стал это делать, старший инспектор?

– Не могу себе представить, месье Пелетье. Если только вас кто-то не попросил об этом.

Они уставились друг на друга, между ними словно сверкнула молния, разыгралась миниатюрная гроза.

– Никто меня не просил, – сказал наконец скульптор. – Я

просматривал это, – он показал на помятые бумаги в руках Бовуара, – и нашел там рисунок птички. Очень простой и очень красивый. Я высек ее на плече Морроу, незаметно, как вы сказали. Маленький подарок.

Он посмотрел на свои руки, потер их.

– Постепенно я проникся симпатией к Чарльзу Морроу. Я хотел, чтобы рядом с ним был кто-то для компании, чтобы он не страдал от одиночества. Кто-то, кто был близок ему при жизни.

– Безногая птичка? – спросил Бовуар.

– Рисунок там, среди бумаг. – Он снова показал на картонную папку.

Бовуар протянул папку Гамашу, сказав при этом:

– Ничего такого я там не увидел.

Гамаш закрыл папку. Он доверял Бовуару.

Такова жизнь: больше всего мы хотим заполучить то, что нам недоступно. Старший инспектор Гамаш вдруг очень захотел увидеть рисунок той птички.

Бовуар посмотрел на часы. Почти полдень. Ему нужно возвращаться – вскоре должен был состояться разговор с Дэвидом Мартином. И ланч.

Он осторожно потрогал лицо. В нем теплилась надежда, что шеф-повар Вероника простит ему брань. У нее был такой ошарашенный вид. Разве люди в кухнях не бранятся? Его жена бранилась.

– Глядя на вашу скульптуру, я вспоминал Родена, – сказал Гамаш. – Догадаетесь, какая его работа пришла мне на ум?

– Наверняка не «Виктор Гюго». Может быть, «Врата ада»?

Но скульптор явно говорил это не всерьез. Он задумался и через несколько секунд спросил:

– «Граждане»?

Гамаш кивнул.

– Merci, Patron. – Обвязанный ремнями невысокий скульптор чуть поклонился. – Но если бы его высекал Роден, то остальную семью – Джакометти.

Гамаш знал этого швейцарского художника с длинными, гибкими, чуть ли не пружинистыми пальцами, но не мог понять, что имел в виду Пелетье.

– Джакометти всегда начинал работать с огромным камнем, – объяснил Пелетье. – Он работал и работал. Выравнивал, очищал, отсекал все ненужное, все лишнее. Иногда он отсекал столько, что ничего и не оставалось. Скульптура исчезала полностью. Оставалась одна пыль.

Гамаш улыбнулся, поняв мысль скульптора.

Внешне Морроу были здоровыми, даже привлекательными. Но невозможно столько унижать других людей, не унижая себя. И внутри от

Морроу ничего не осталось. Одна пустота.

Однако Гамаш сомневался, что скульптор прав. Он считал, что во всех них есть какая-то частичка «Граждан». Он представил себе всех Морроу: вот они бредут по улице, связанные одной цепью, утяжеленной ожиданиями, неодобрением, тайнами. Нуждами. Корыстью. И ненавистью. Арман Гамаш, долгие годы расследовавший убийства, кое-что знал о ненависти. Она навсегда привязывает тебя к человеку, которого ты ненавидишь. Убийства не совершаются из ненависти, убийство – это кровавый шаг к свободе, избавляющий человека от бремени ненависти.

Морроу несли тяжелое бремя.

И один из них попытался сбросить его. Прибегнув к убийству.

Но как убийце удалось его совершить?

– Как статуя могла свалиться с пьедестала? – спросил он у Пелетье.

– А я все ждал, когда вы спросите. Идемте со мной.

Они углубились на территорию кладбища, подошли к скульптуре ребенка.

– Я сделал этот памятник десять лет назад. Антуанетта Ганьон. Была сбита машиной.

Они посмотрели на сияющую девочку, занятую игрой. Она навсегда останется юной, вечно счастливой. Приходят ли на могилу ее родители? Останавливаются ли их сердца, когда они выходят из-за угла и видят это?

– Попытайтесь ее свалить, – предложил Пелетье Бовуару.

Инспектор неуверенно взглянул на него. Мысль о том, чтобы перевернуть кладбищенский памятник, вызывала у него отвращение. В особенности если это памятник ребенку.

– Давайте-давайте, – сказал Пелетье.

Но Бовуар не проявлял такого желания.

– Я попробую.

Гамаш подошел к маленькой статуе и уперся в нее – он предполагал, что почувствует, как статуя покачнется, наклонится.

Памятник не шелохнулся.

Он поднажал сильнее. Потом встал спиной к памятнику, уперся ногами в землю, поднажал, чувствуя, как пот струится по его телу. По-прежнему ничего. Наконец он отказался от этой затеи, отер лоб платком и повернулся к Пелетье:

– Она зафиксирована? Стержень из пьедестала входит глубоко в статую?

– Нет. Просто она тяжелая. Гораздо тяжелее, чем кажется. Мрамор – тяжелый камень. А окаменевшее дерево еще тяжелее.

Гамаш уставился на статую в четверть размера и веса Чарльза Морроу.

– Если один человек не мог сдвинуть статую Морроу с места, то несколько могли это сделать?

– Вам для этого понадобилось бы не меньше двадцати дюжих футболистов.

На футболистов Морроу были мало похожи.

– Есть еще один вопрос, – сказал Гамаш, когда они двинулись назад. – На мраморном пьедестале нет ни малейшей царапинки.

Пелетье замер:

– Не понимаю.

– Я говорю, на нем нет никаких отметин, – сказал Гамаш, глядя в лицо скульптора. Тот впервые за время их разговора выглядел искренне озадаченным. – Поверхность пьедестала идеальна, даже отполирована.

– Вы имеете в виду боковины?

– Нет, я говорю о верхушке, на которой стояла статуя.

– Но это невозможно. Даже когда статую водружали на место, наверняка наделали царапин.

Пелетье хотел было сказать, что Гамаш не слишком внимательно осмотрел пьедестал, но потом решил, что этот властный, спокойный человек не мог допустить такой промашки. Он просто покачал головой.

– Так как же могла упасть статуя? – повторил Бовуар.

Пелетье поднял ладони к голубому небу.

– Это что должно означать? – с внезапным раздражением спросил Бовуар. – Джулию Мартин убил Господь Бог?

– Он серийный убийца, – серьезным тоном ответил Пелетье. И немного погодя продолжил: – Когда я узнал о том, что случилось, я сам задал себе этот вопрос. Единственный известный мне способ свернуть такую статую с пьедестала – с помощью троса и лебедки. Даже во времена Родена именно так и делали. Вы уверены, что ее свернули не таким способом?

Гамаш отрицательно покачал головой. Пелетье кивнул:

– Тогда остается только Господь Бог.

Когда они сели в машину, Бовуар прошептал Гамашу:

– Арестовывать его будете вы.

Пелетье вернулся в сарай, и Бовуар включил передачу.

– Стойте, стойте!

Они посмотрели в зеркала заднего вида. Скульптор бежал за ними, размахивая листком бумаги.

– Я нашел вот это. – Он сунул лист через окно Гамашу. – Он был

пришпилен к моей столешнице. Я забыл, что оставил его там.

Гамаш и Бовуар уставились на пожелтевший, смятый лист бумаги. На нем был простой карандашный рисунок птицы без ног.

Внизу стояла подпись: «Питер Морроу».

Глава двадцать вторая

– Хорошо, что я тебя нашла. – Мариана, спотыкаясь, догнала брата. – Я хотела поговорить. Это не я сказала матери, о чем ты разговаривал с полицейским. Это Сандра.

Питер посмотрел на нее. Она всегда была нюней и ябедой.

– Эта долбаная Сандра, – сказала Мариана, которая теперь шла с ним бок о бок. – Всегда действует за спиной у других. А Томас – ты посмотри, во что он превратился. Этакий надутый тип. Что мы будем делать? – спросила она шепотом, остановившись.

– Ты это о чем?

– Кто-то убил Джулию. Не я. И думаю, не ты. Если они убили Джулию, то убьют и нас.

– Не говори глупостей.

– Это не глупости. – В ее голосе прозвучало раздражение. – Я устала от всего этого дерьма. Устала от этих семейных сборищ. Каждое последующее хуже предыдущего. А нынешнее хуже всех.

– Будем надеяться.

– Я больше не приеду сюда, – сказала Мариана, срывая цветок с куста. – Никакая сила на земле не заставит меня приехать сюда еще раз. Я устала от всего этого. От всего этого притворства: да, мама, нет, мама, тебе что-нибудь дать, мама? Всем наплевать, что думает эта старая сучка, разве нет? Возможно, она уже давным-давно лишила нас наследства. Томас считает, что это Финни ее заставил. Так зачем нам вообще беспокоиться?

– Затем, что она наша мать.

Мариана посмотрела на него, терзая цветок.

– Я-то думал, что, имея собственного ребенка, ты станешь более сострадательной к собственной матери.

– Так оно и случилось. Собственный ребенок показал мне, насколько ужасна была наша жизнь дома.

– Ну, мать была лучше отца.

– Ты так думаешь? – спросила Марианна. – Он, по крайней мере, нас слушал.

– Да. И при этом в гробу нас всех видал. Он знал, чего мы хотим, и игнорировал нас. Помнишь тот год, когда мы все попросили его подарить нам новые лыжи на Рождество? А он купил нам варежки. Он мог купить целую гору лыж, а подарил варежки. Почему он так сделал?

Мариана кивнула. Она помнила.

– Но отец хотя бы проверял, не прокисло ли молоко, прежде чем дать нам. Мать этого никогда не делала.

Он проверял молоко, проверял воду в ванне, дул на горячую пищу. Они все считали это отвратительным. Но в какой-то части мозга Марианы впервые за несколько десятилетий стала формироваться странная новая мысль.

– Ты знал, что, уйдя из дома, я у себя в чемодане нашла записку от него? – сказала она, вспомнив еще одно давнее происшествие.

Питер посмотрел на нее с удивлением и испугом. Он испугался того, что вот-вот может потерять тот единственный лоскуток воспоминаний, который, как он думал, принадлежит ему одному. Шифр, загадку, особый код, полученный им от отца.

«Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете».

– Бин – мальчик или девочка? – спросил он, зная, что этот вопрос собьет Мариану с толку.

Она помедлила несколько секунд и клюнула на наживку:

– С чего это я буду тебе говорить? Чтобы потом ты все рассказал матери?

Мать прекратила приставать к Мариане с этим вопросом уже несколько лет. Теперь вопросов больше не было, словно ей стало безразлично, кто у нее – внук или внучка. Но Мариана знала свою мать, и еще она знала, что неведение убивает ее. И если это дело можно ускорить, то ради бога.

– Да не скажу я матери. Давай говори.

Мариана прекрасно понимала, что Питеру – Споту – ничего такого говорить нельзя.

Питер видел, что Мариана колеблется. Откровенно говоря, ему было все равно – да будь Бин хоть фруктом, хоть овощем, хоть минералом. Он просто хотел, чтобы его сестра заткнулась, не украла единственную вещь, которую отец подарил ему одному.

Но Питер чувствовал, что опоздал. Чувствовал, что отец, вероятно, оставил такие же записки всем своим детям, и Питер снова понял, что его одурачили. В течение сорока лет хранил он тайну этого наставления, думал, что в нем есть что-то особенное. Что он был тайно выбран отцом, потому что тот любил Питера больше всех других своих детей, доверял ему больше других. «Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете». Теперь вся магия этих слов испарилась. Они казались ему просто глупыми. Что ж, он мог наконец расстаться с ними.

Он развернулся и отправился на поиски Клары.
– Питер, – окликнула его сестра.
Он неохотно повернулся.
– У тебя джем на лице, – сказала она, показывая пальцем, где именно.
Он пошел прочь.
Мариана смотрела ему в спину и вспоминала записку, которую оставил ей отец. Записку, которую она выучила наизусть и о которой хотела сказать Питеру в качестве демонстрации доброй воли и предложения мира. А он отказался от этого, как отказывался от любой другой помощи.
«В скобяной лавке не купишь молока».
Странно, когда отец оставляет дочери такое завещание. Это кажется очевидным. К тому же сейчас столько всяких супермаркетов, где в одном отделе продаются гвозди, а в другом – молоко. Но потом Мариана разгадала шифр и поняла, что хотел сказать ей отец. То же самое, что она сейчас пыталась донести до Питера.
«В скобяной лавке не купишь молока».
«Перестань просить то, что тебе все равно не дадут. И посмотри, что тебе предлагают». Она видела вилку с едой и дующие на нее тонкие губы, которые редко им улыбались.

* * *

Агент Лакост шла вдоль берега Массавипи. Стояла жара, усугублявшаяся отраженными от воды лучами солнца. Она огляделась. Никого. Она представила себе, как снимает свое легкое летнее платье, скидывает сандалии и ныряет в воду. Как освежится ее потное тело, когда кожа соприкоснется с водой.
От этих мыслей ей стало только хуже, и она пошла на компромисс: сняла сандалии и пошла по воде, ощущая ногами ее прохладу.
Потом она увидела Клару Морроу, которая сидела на камне в воде рядом с берегом. Агент Лакост остановилась и стала смотреть. Волосы Клары Морроу были убраны под широкополую строгую шляпку. На ней были аккуратные шорты и рубашка, на лице никаких пятен или крошек. Она была безукоризненна. Лакост едва узнавала ее.
Лакост вышла из воды, вытерла ноги о траву и надела сандалии. Она откашлялась, Клара вздрогнула и повернулась в ее сторону.
– Bonjour. – Клара улыбнулась и помахала ей. – Идите сюда.
Она похлопала по плоскому камню рядом с ней, и Изабель двинулась

вдоль берега, а потом – к камню. Ощутила ягодицами его тепло.

– Извините, что помешала.

– Да что вы! Я творила мою следующую работу.

Лакост огляделась, но не увидела никакого альбома для рисования. Ничего такого. Даже карандаша.

– Правда? Мне показалось… – Она замолчала, но поздно.

Клара рассмеялась:

– Показалось, что я просто прохлаждаюсь? Ничего страшного. Большинство людей тоже так считает. Жаль, что творческая работа и безделье выглядят подчас совершенно одинаково.

– Вы собираетесь нарисовать это? – Лакост повела рукой вокруг себя.

– Не думаю. Я хотела нарисовать портрет миссис Морроу… Финни. Не знаю. – Клара рассмеялась. – Может быть, это станет моей специализацией – озлобленные женщины. Сначала Рут, теперь мать Питера.

Но она всегда рисовала по три портрета. Кто станет третьей, последней озлобленной женщиной? Клара надеялась, что не она сама, но временами чувствовала, что движется в этом направлении. Может быть, потому, что она была очарована ими? Может быть, она знала, что под цивилизованной оболочкой и благосклонной внешностью обитает высохшее, нетерпимое, недоброжелательное старое существо, ждет своего часа?

– У вас есть серия под названием «Воинственные матки», – сказала Лакост. – Посвященная молодым женщинам. Может быть, это их иная ипостась, так сказать?

– Я могу назвать эту серию «Гистерэктомия», – сказала Клара.

У нее еще была серия «Три грации» – «Вера», «Надежда» и «Милосердие». Как назвать картины этой серии? «Гордыня», «Отчаяние» и «Корысть»? То, что разбивает сердца.

– Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов? – спросила агент Лакост.

– Валяйте.

– Что вы подумали, когда узнали, что Джулия Мартин убита?

– Я была ошарашена, как и все остальные. Я думала, это несчастный случай. И в некотором смысле продолжаю так думать. Просто не могу понять, как могла рухнуть эта статуя.

– И мы тоже, – признала Лакост. – В ночь ее смерти в библиотеке случилось скандальное происшествие.

– Вот уж точно.

– Как вы считаете, это каким-то образом предопределило ее смерть?

– Мне это представляется совпадением, – неохотно сказала Клара. – Я наблюдаю за семейством Морроу вот уже двадцать пять лет. Чем они злее, тем спокойнее. Они десятилетиями не разговаривают друг с другом.

В это Лакост могла поверить.

– Но Джулия была еще более отчужденной, чем все. Она была другой. Нет, не то чтобы другой, а отдаленной. Она и жила далеко. Я всегда думаю, что Морроу покрыты слоем полиэтилена. Их окунали в него еще детьми, как Ахилла. Чтобы защитить. Чтобы они могли выдерживать высокое давление и падение на голову. А раз в год им необходимо быть рядом с мамочкой, чтобы, так сказать, завершить программу. Мамочка их помоет, отполирует и снова закалит. Но Джулия отсутствовала так долго, что ее оболочка сносилась. И через несколько дней она треснула. Фактически взорвалась. И сказала кое-что, чего не должна была говорить.

– У старшего инспектора создалось впечатление, что каждое ее слово было продумано.

Клару это удивило, и она задумалась.

– Может быть, и продумано, но это не значит, что все ее слова – абсолютная истина.

Лакост кивнула и посмотрела в свои записи. Ей предстояло перейти к самой деликатной части разговора с Кларой.

– Вашего мужа она обвинила в том, что он хуже всех. Что он, – она прочла запись, – жестокий, корыстный и пустой.

Клара начала было говорить, но Лакост остановила ее движением руки:

– Это еще не все. Она сказала, что он уничтожит что угодно, лишь бы добиться желаемого. – Лакост подняла глаза. – Это совсем не похоже на Питера Морроу, которого мы знаем. Что она имела в виду?

– Она просто пыталась его обидеть, только и всего.

– И ей это удалось?

– Питер не был близок с ней. Не думаю, что его очень волновало ее мнение.

– Неужели такое возможно? – спросила Лакост. – Я знаю, мы говорим, что нас что-то не волнует, но они же одна семья. Вы не думаете, что его это все же волновало?

– Настолько, что он решил ее убить?

Лакост ничего не ответила.

– Обижать друг друга для Морроу дело привычное. Обычно они делают это тоньше. Камень в снежке, булавка в перчатке. Ты ничего и не подозреваешь. Думаешь, что в безопасности.

– Джулия приехала домой в трудное для нее время, хотела побыть с семьей, – сказала Лакост. – Вероятно, она чувствовала себя в безопасности. Но кто-то из членов семьи ее убил.

– И кто, по-вашему, сделал это? – спросила Лакост.

– Не Питер, – ответила Клара.

Лакост посмотрела на нее, кивнула и закрыла блокнот.

– Джулия Мартин поведала кое-что еще, – сказала она, вставая. – Что наконец-то разгадала тайну отца. Что она имела в виду?

Клара пожала плечами:

– Такой же вопрос я задала Питеру. Он считает, что она просто бредила, пыталась уколоть побольнее. Такое случается, вы же знаете. Вот как миссис Морроу сегодня утром с ее отвратительной ложью про старшего инспектора.

– Она говорила о его отце, а не о нем.

– Но уязвить хотела именно его.

– Возможно. Только старшего инспектора не так-то легко уязвить. И потом, вы ошибаетесь. Все, что она сказала про Оноре Гамаша, – правда. Он был трусом.

* * *

Гамаш и Бовуар вернулись в «Охотничью усадьбу» ровно к звонку из Исправительного центра Нанаймо в Британской Колумбии.

– Вам придется говорить оттуда, – сказала мадам Дюбуа, показывая на маленький кабинет.

Бовуар поблагодарил ее и сел за стол, который, похоже, никогда не использовался. Хозяйка явно предпочитала находиться в центре событий.

– Месье Дэвид Мартин?

– Oui.

– Я звоню в связи со смертью вашей бывшей жены.

– Не бывшей. Мы так и не развелись. Пока просто расстались.

Бовуар подумал, что его собеседник прекрасно вписался в семью Морроу. И вполне закономерно оказался в исправительном учреждении.

– Сочувствую в связи с вашей утратой.

Он произнес эти слова автоматически, но реакция Мартина удивила его.

– Спасибо. Все не могу поверить, что ее нет. – Голос его звучал искренне и скорбно. Первый человек из близких реагировал на смерть

Джулии таким образом. – Чем могу вам помочь?

– Мне необходимо все знать про нее. Как вы познакомились, когда, хорошо ли вы знаете семью Морроу. Все, что вам придет в голову.

– Я почти не знал Морроу. Встречался с ними, когда приезжал в Монреаль, но потом эти приезды сошли на нет. Я знаю, Джулию очень расстроило то, что случилось.

– А что случилось?

– Отец выкинул ее из дома.

– Насколько нам известно, она сама уехала.

На другом конце наступила пауза.

– Да, пожалуй, это верно, но иногда люди превращают вашу жизнь в такой ад, что у вас не остается выбора.

– Чарльз Морроу превратил жизнь дочери в ад? Каким образом?

– Он поверил в один злобный слух. Впрочем, я даже не могу сказать, что поверил. – Голос Дэвида Мартина вдруг наполнился отчаянием. – Кто-то написал гадость про Джулию, ее отец увидел это и очень рассердился.

– А эта надпись была правдой?

Он знал историю, но хотел выслушать версию Мартина.

– Кто-то написал на стене, что Джулия хорошо делает минет. – В голосе Дэвида Мартина явно слышалось отвращение. – Если бы вы хоть раз видели Джулию, то знали бы, что это гнусная ложь. Она была снисходительной и доброй. Настоящая леди. Слово старомодное, но оно точно к ней подходило. В ее присутствии вы чувствовали себя легко. И она обожала отца. Вот почему его реакция так ее обидела.

– А ее мать? Какие отношения были между ними?

Дэвид Мартин рассмеялся:

– Чем дальше уезжала Джулия и чем дольше продолжалось ее отсутствие, тем лучше были отношения. Расстояние и время. Вот теория относительности по Морроу.

Но Дэвиду Мартину, кажется, было вовсе не смешно.

– У вас нет детей?

– Нет. Мы пытались, но Джулии вроде не очень хотелось. Она делала это ради меня, и когда я понял, что она на самом деле не хочет детей, то перестал настаивать. Она была очень обижена, инспектор. Я думал, что смогу избавить ее от этой боли, и смотрите, чем это для меня кончилось.

– Вы хотите сказать, что похитили все эти деньги и погубили столько жизней ради вашей жены?

– Нет, я действовал из корыстных побуждений, – признал тот.

– Если вы такой корыстный человек, то почему ваша жена не была

застрахована?
Последовала еще одна пауза.
– Потому что я и вообразить не мог, что она может умереть раньше меня. Я старше, я должен был умереть первым. Я хотел умереть первым. Я не мог себе представить, что получу прибыль от ее смерти.
– Вы знаете завещание вашей жены?
– Вероятно, она написала новое. – Мартин откашлялся, и голос его стал сильнее. – Но согласно последнему она все оставляла мне, за исключением небольших благотворительных пожертвований.
– Например?
– На детскую больницу, на приют для животных, на местную библиотеку. По мелочам.
– И ничего семье?
– Ничего. Не думаю, что они на что-то рассчитывали, но кто может знать наверняка.
– И много у нее было денег?
– Могло быть и больше, но ее отец оставил бóльшую часть денег жене. Дети получили ровно столько, сколько было нужно, чтобы их уничтожить.
Это было сказано с нескрываемой неприязнью.
– Что вы имеете в виду?
– Чарльз Морроу жил в ужасе – боялся, что дети промотают семейное состояние.
– Бойтесь третьего поколения, oui, я слышал об этом, – сказал Бовуар.
– Так говорил ему отец, и он уверовал в это. Каждый из детей унаследовал от отца около миллиона. Кроме Питера, – уточнил Мартин. – Тот отказался от наследства.
– Quoi?[74]
– Я знаю, это глупо. Он вернул эти деньги, и их разделили между остальными детьми и матерью.
Бовуара это так удивило, что его мозг отказывался верить. Как можно отказаться от миллиона долларов? Ему и думать не хотелось, на что он пошел бы ради таких денег. А что могло бы заставить его отказаться от такой суммы, он и представить себе не мог.
– Почему же он это сделал? – вот и все, что он сумел выдавить из себя.
К счастью, этого оказалось достаточно. С другого конца континента до него донесся смешок:
– Я у него не спрашивал, так что могу только догадываться. Месть. Я думаю, он хотел доказать отцу, что тот ошибался. Что Питер единственный из всех детей не заинтересован в этом наследстве.

Бовуар никак не мог взять в толк, о чем ему говорит Мартин.
– Но его отец был уже мертв!
– В семьях бывают такие сложные отношения, – сказал Дэвид.
– У меня в семье сложные отношения, месье. Это ненормально.
Бовуар не любил все ненормальное.
– Как вы познакомились с женой?
– На танцах. Она там была самой красивой девушкой, да и по сию пору в любом обществе оставалась самой красивой. Я в нее влюбился и приехал в Монреаль просить у отца Джулии ее руки. Он сказал, мы вольны делать что хотим. Это был не очень радушный прием. После этого нам почти нечего было сказать друг другу. Правда, я пытался их помирить, но после знакомства с семьей энтузиазма у меня поубавилось.
– Как вы думаете, кто убил вашу жену? – Уж спрашивать так спрашивать, решил Бовуар.
– Даже и представить себе не могу. Но я, кажется, знаю, кто написал ту гадость про нее в мужском туалете «Рица».
Бовуар уже знал, что сделал это, вероятно, Томас Морроу, так что ответ не очень его интересовал.
– Это сделал ее брат Питер.
А вот это было интересно.

* * *

Питер вошел в номер брата, даже не постучав. Лучше выглядеть брутальным, уверенным.
– Ты опоздал. Господи, ну у тебя и видок. Что, эта твоя жена совсем за тобой не смотрит? Или она так занята – все рисует и рисует? Как ты себя чувствуешь при жене, которая успешнее тебя?
Бла-бла-бла. Питер стоял как оглушенный. Придя в себя, он понял, что у него есть шанс вступиться за Клару, сказать этому кичливому, льстивому, улыбающемуся мерзавцу, как жена спасла ему жизнь, подарила ему любовь. Какой она блестящий художник, какая она добрая. Он сейчас скажет Томасу…
– Я так и думал, – сказал Томас, жестом приглашая его войти.
Питер молча сделал то, что ему велели, – вошел и огляделся. Номер был гораздо шикарнее, чем тот, в котором остановились они с Кларой. Кровать с балдахином, диван перед балконом, озеро за окном. Громадный гардероб казался малюткой на фоне вида, открывающегося из окна. Но

глаза Питера обнаружили самую крохотную вещицу, какая здесь была. На прикроватной тумбочке.

Запонки. Он знал, что их оставили там специально, чтобы они были замечены.

– Мы должны сделать кое-что, Спот.

– Ты это о чем?

Питер в смятении заметил крошки у себя на рубашке и поспешил их стряхнуть.

– Кто-то убил Джулию, а этот идиот-детектив думает, что это сделал кто-то из нас.

Теперь у него появился шанс заступиться за Гамаша, сказать Томасу, какой это замечательный человек, проницательный, смелый, добрый.

– Мать думает, что он пытается замолить грехи отца, – сказал Томас. – Наверно, нелегко иметь отцом труса и предателя. Что бы мы там ни говорили о нашем отце, но трусом он не был. Громила – может быть, но никак не трус.

– Громилы всегда трусы, – сказал Питер.

– Тогда получается, что отец твоего дружка громила и трус. Это не очень приятный ярлык, Питер. И вообще, я диву даюсь, откуда у тебя могут взяться друзья. Но я позвал тебя не для того, чтобы говорить о тебе. Речь пойдет о Джулии, так что сосредоточься. Кто ее убил, не вызывает сомнений.

– Финни, – сказал Питер, обретя голос.

– Молодец. – Томас повернулся спиной к Питеру и посмотрел в окно. – Впрочем, он оказал нам услугу.

– Что-что?

– Да брось ты! Только не рассказывай мне, что ты уже не посидел с калькулятором. Четыре минус один?

Голос его звучал вкрадчиво, вынуждая Питера ответить на этот риторический вопрос.

– Что ты хочешь сказать?

– Только не прикидывайся таким дурачком.

– Мать может оставить все деньги Финни, – сказал Питер. – Смерть Джулии не означает, что наши доли увеличатся. И потом, меня это не интересует. Ты же помнишь, что я отказался от отцовского наследства? Деньги для меня ничего не значат.

И он знал, что Томасу на это нечего возразить. Это был неопровержимый факт, купленный за миллион долларов. Это сделало его не таким, как они, выделило из всех сестер и братьев. Они знали, что он

отказался от наследства, но на манер, присущий семейству Морроу, ничего не сказали. И он тоже ничего не сказал, придерживая слова вот для этого мгновения.

– Да брось ты, – сказал Томас, отказываясь от всякой логики. – Если наследство для тебя ничего не значило, ты должен был его принять.

– Ошибаешься, – возразил Питер.

Но твердая почва начала ускользать у него из-под ног. То, что он приобрел в обмен на наследство, в обмен на обеспеченность для себя и Клары, как оказалось, не стоило и выеденного яйца. Он шел на дно.

– Спот утверждает, будто ему все равно, что смерть Джулии делает нас богаче? – сказала Мариана, войдя без стука. – Три наследника, – пропела она.

– Ты опоздала, Маджилла, – сказал Томас.

– Ведь правда приятно знать, что в один прекрасный день ты станешь богачом? – проворковала Мариана.

Питер ощущал запах ее застоялой парфюмерии, пудры и пота. От нее несло разложением.

– Мне эти вещи безразличны. Всегда так было.

– Я знаю, что это было бы безразлично Гамашу. Даже Кларе, – сказал Томас. – Но мы тебя знаем, Спот. Мы любим хорошие вещи. – Он оглядел комнату. – А твоя комната в сравнении с этой наверняка выглядит спартанской.

Так оно и было.

– Но ты по-прежнему самый жадный из нас, – закончила Мариана мысль брата.

– Это неправда! – возвысил голос Питер.

– Ага. – Томас погрозил брату, потом поднес палец к губам.

– Конечно это правда, – сказала Мариана. – Почему, ты думаешь, мы называем тебя Спотом?

Питер удивленно посмотрел на нее и поднял руки, показывая пятна от краски, въевшиеся в кожу.

– Из-за моего творчества, – сказал он.

Но по их лицам он видел, что ошибается. Он всю жизнь ошибался. А может, не так? Может, он всю жизнь знал правду, но отворачивался от нее?

– Мы называем тебя Спотом из-за того, что ты повсюду волочился за отцом, – сказал Томас спокойным голосом, по-братски доводя до него этот катастрофический факт. – Как щенок.

– А чего хотят щенки? – спросила Мариана.

– Любви, – сказал Томас. – И чтобы их гладили. Они хотят, чтобы их

брали на руки и говорили, какие они хорошенькие. Но когда отец говорил тебе это, ты хотел большего. Ты хотел всего. Хотел всю любовь, какая была у него. Когда он уделял внимание Джулии, ты просто из себя выходил. Ты и тогда был жадным, Питер, и по сей день таким остался. Любовь, внимание, похвала, Спот. До свидания, Спот. И после смерти отца ты перешел на мать. Люби меня, люби меня, люби меня, пожа-а-а-алуйста.

– И тебе наплевать на нас, потому что нам от матери нужны только деньги. Мы хотя бы просим то, что она может дать, – сказала Мариана.

– Ты ошибаешься! – взорвался Питер. Злость выплеснулась из него с такой силой, что он испугался: вот сейчас комната задрожит, затрясется и потолок обрушится. – Я никогда от них ничего не хотел. Ничего!

Он кричал так громко, что последнее слово было почти не слышно. Питер подумал, что сорвал голосовые связки. Он огляделся – нет ли под рукой чего-нибудь, чтобы швырнуть о стену. Мариана испуганно смотрела на него. Ему это понравилось. А Томас? Томас улыбался.

Питер шагнул к нему. Наконец-то он понял, как прогнать улыбку с этого лица.

– Ты хочешь меня убить? – спросил Томас, поднимаясь навстречу Питеру. – Я это знал. Я всегда знал, что ты неуравновешенный. Все думали, что неуравновешенные Джулия или Мариана…

– Эй…

– …но неуравновешенные всегда тихони. Не это ли будут говорить завтра на камеры Си-би-си[75] твои соседи в унылой деревеньке? «Он всегда казался таким милым, таким нормальным. Ни одного грубого слова, ни одной жалобы». Ты собираешься выкинуть меня с балкона, Питер? Тогда наследников останется всего двое. Тебе этого хватит? Или Мариане пора начать беспокоиться? Вся любовь и все деньги. Золотая жила.

Питер представил, как откидывает назад голову, открывает рот и оттуда, словно рвота, вырывается пламя. Злость обуяла все клеточки его тела и прорывалась наружу, уничтожая все вокруг. Он был Нагасаки и Хиросима, он был атолл Бикини и Чернобыль. Сейчас он уничтожит все вокруг.

Но вместо этого он закрыл рот, чувствуя, как горечь и желчь жгут его горло и грудь. Он пытался подавить бушующую в нем ярость, спрятать ее вместе с гневом, ревностью, страхом и ненавистью, ненавистью, ненавистью.

Но ящик Пандоры уже нельзя было закрыть. Теперь уже нельзя. Демоны вырвались на свободу и закрутили хоровод вокруг «Охотничьей усадьбы», они наливались, росли на глазах. И убивали.

Питер повернул перекошенное мучительной гримасой лицо к Мариане:

– Может, я и вел себя как щенок, но ты, Маджилла, была кое-чем похуже.

Он бросил это прозвище в ее испуганное лицо. Ему нравилось, что она боится. Потом он повернулся к Томасу.

– Маджилла и Спот, – сказал он в это самоуверенное лицо. – А знаешь, как мы называли тебя?

Томас ждал.

– Никак. Ты был для нас ничто и таким и остался. Ничем.

Питер вышел, чувствуя себя спокойно, как никогда за последние дни. Но он знал: это оттого, что он едет, свернувшись на заднем сиденье, а за рулем сидит что-то другое. Что-то тошнотворное, вонючее и ужасное. И он прятал это что-то всю свою жизнь. Но вот оно взяло верх над ним.

Глава двадцать третья

Арман Гамаш стоял в той малой тени, которую давал клен в лунном свете, и снова смотрел на белый мраморный куб. Трепыхалась желтая полицейская лента, и та жуткая яма оставалась на своем месте.

Почему убили Джулию Мартин? Кто выигрывал от ее смерти?

Она была мертва вот уже почти два дня, а он все еще не знал, почему ее убили. Не говоря уже о том – как. Он сцепил руки за спиной и замер, чувствуя: что-то сейчас случится.

– Ой, bonjour.

Случилось то, что перед старшим инспектором появилась садовница Коллин.

– Вы тут, кажется, думаете. Я могу уйти.

Но уходить ей, видимо, не хотелось. Он улыбнулся и пошел к ней по лужайке. Несколько секунд они оба смотрели на яму, в которой умерла Джулия Мартин. Гамаш молчал – ему было любопытно, что еще скажет Коллин. Примерно через минуту она показала на мраморный куб:

– Муравьи уползли. Я рада. Меня из-за них мучили кошмары.

– С каждым прожитым днем ваши сны будут становиться спокойнее.

Коллин кивнула, потом печально взглянула на цветы:

– Я пришла посмотреть, как они поживают. Нужно было пересадить их раньше.

Гамаш тоже взглянул на цветы. Большинство из них завяли, и спасти их было уже невозможно.

Тут ему в голову пришла одна мысль. Мысль, которая должна была бы прийти гораздо раньше.

– А почему вы были здесь в то утро?

– Ухаживала за садом, – ответила она.

Гамаш внимательно посмотрел на нее:

– Но шел дождь. Ливень. Больше никто в саду не работал. Почему работали вы?

Кажется, ее глаза чуть-чуть расширились? А щеки неожиданно зарделись? Он знал, что Коллин краснеет и без всякого повода. Любого внимания, проявленного к ней, было достаточно, чтобы на ее щеках появился румянец. Лучше не придавать этому особого значения. Но вдруг выражение у нее стало смущенным и вороватым.

– Я работала в саду, – гнула она свое. – Растения лучше всего

пересаживать, когда влажно и холодно. Так они легче приживаются. А они казались такими хилыми – им нужно было помочь.

Они оба снова посмотрели на увядшие цветы.

– Большинство других работников были в доме, отдыхали, – настаивал Гамаш. – Не могу поверить, что вы по собственной воле вышли работать под дождем.

– А вот вышла.

– Почему, Коллин? Скажите мне.

Он говорил так убедительно, так терпеливо, что она готова была сказать. Но в последний момент закрыла рот. А этот большой человек не отчитывал ее, не требовал – просто ждал.

Губы Коллин чуть затрепетали, дрогнул подбородок, прищурились глаза. Она опустила голову, и ее прямые волосы упали занавесом, пряча лицо. Наружу прорвалось только всхлипывание.

– Никто… меня… здесь… не любит, – проговорила она, с трудом произнося каждое слово.

И заплакала, сотрясаясь всем телом, закрыв лицо руками, чтобы скрыть слезы, которые все равно скрыть было невозможно. Гамаш понял, что вид у нее сейчас точно такой же, как и двумя днями ранее. На этом самом месте. Наконец рыдания смолкли, и Гамаш осторожно протянул ей платок.

– Merci, – проговорила она между двумя прерывистыми вздохами.

– Вы нравитесь людям, Коллин.

Она подняла на него глаза.

– Я смотрю и слушаю, – продолжил он. – Читаю чужие мысли. Я так зарабатываю себе на жизнь. Вы меня слушаете?

Она кивнула.

– Вы нравитесь этим девушкам. Если из этой трагедии и родилось что-то хорошее, так это ваша дружба с ребятами, которые здесь работают.

– Может быть, – сказала Коллин, опустив глаза в землю.

И тут Гамаша осенило.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать.

– Знаете, у меня есть дочь, Анни. Ей двадцать шесть. Она уже замужем. Она очень любит своего мужа, но он не первая ее любовь. Они познакомились как-то летом, когда она работала в гольф-клубе. Они оба подрабатывали там – возили за игроками тележки с клюшками.

Коллин стояла, опустив глаза и ковыряя землю носком кроссовки.

– Анни старалась работать в паре с Джонатаном, но тот относился к

этому без энтузиазма. У него были собственные друзья, с которыми он общался, и Анни каждый вечер приходила домой в слезах. Даже спрашивала, не могу ли я поговорить с ним, может, попугать его пистолетом.

Она улыбнулась.

А с лица Гамаша улыбка сошла.

– Это было самое трудное время в ее жизни, и, кажется, она говорила то же самое. Ужасно, когда любишь кого-то так беззаветно и знаешь, что тебе не отвечают взаимностью. Человек чувствует себя очень одиноко.

Коллин кивнула и снова опустила голову, беззвучно плача в комок платка. Гамаш дождался, пока она не успокоится. Она попыталась вернуть ему пропитанный слезами лоскут материи, но он отрицательно покачал головой.

– Он любит другую. Вечно ошивается рядом с ней. Хочет все про нее знать. Откуда она, какой у нее дом. Все то, о чем я хотела, чтобы он спросил у меня, он спрашивает у нее.

– Лучше не мучайте себя, – сказал Гамаш мягко, но требовательно.

Он знал, как ему самому повезло в жизни. Он женился на своей первой любви. Но понимал, что может сделать с человеком любовь безответная.

Коллин вздохнула так тяжело, что Гамаш подумал: вот сейчас отпадут лепестки с умирающих цветов.

Девушка ушла, а Гамаш направился к террасе, намереваясь перекусить в библиотеке и пообщаться со своей командой. Но на полпути он увидел Питера Морроу – тот стоял на пристани, глядя в озеро.

У Гамаша был вопрос к Питеру. Вопрос, который он хотел задать приватно.

Изменив направление, он двинулся к пристани и тут увидел, как Питер завел назад руку и что-то кинул в озеро. Мгновение спустя он услышал шлепки, и по ровной поверхности воды стали расходиться два круга. Питер резко повернулся и зашагал по пристани, громыхая туфлями по доскам. Он шел опустив голову и даже не видел Гамаша, пока чуть не наткнулся на него.

– Ой, это вы, – сказал Питер испуганно и не очень довольно.

Гамаш обратил внимание на плохо выбритое лицо, помятую и кое-как заправленную рубашку, пятна на брюках. Вежливость и одежда Питера были в равной мере повержены.

– С вами все в порядке?

– В полном.

Не заметить сарказма его интонации было невозможно.

– У вас измученный вид.

– Я только что потерял сестру – чего бы вы еще хотели?

– Вы правы, – сказал Гамаш, – это было необдуманное замечание.

Питер расслабился:

– Нет, это вы меня извините. – Он провел ладонью по наждаку щеки и вроде бы удивился, не почувствовав обычно выбритой кожи. – Трудные времена.

– А что вы бросили в озеро?

Гамаш спросил это в расчете сломать напряженность, но его слова произвели противоположный эффект. Питер опять выпустил все иголки и настороженно посмотрел на Гамаша:

– Вы что, должны все знать? Неужели рядом с вами не может быть ничего приватного? Или ваш отец плохо вас воспитывал?

Он зашагал к «Усадьбе», потом резко изменил направление. И Гамаш увидел почему. Из дома с шумом выскочил Томас Морроу, пересек каменную террасу и побежал по лужку.

– Что ты с ними сделал? Питер, я тебя убью!

Питер бросился наутек, и началась погоня. Было ясно, что бегуны из Морроу никакие, и вид двух мужчин более чем среднего возраста, бегущих по стриженому лужку на этом семейном собрании без правил, мог бы показаться забавным, если бы на уме у одного из них явно не было насилия, а другой не был обуян ужасом. Гамаш, ветеран бега трусцой, перехватил Томаса в тот момент, когда тот был готов схватить Питера.

Томас попытался вывернуться из рук Гамаша, но тут откуда ни возьмись появился Бовуар, тоже схватил Томаса и в конце концов свалил его на землю. Томас вырвался из его рук, поднялся и бросился на Питера, который прятался за старшим инспектором.

– А ну, прекратите! – приказал Гамаш, крепко хватая Томаса за плечо.

Голос его прозвучал так властно, что остановил Томаса вернее удара в челюсть.

– Отдай их мне, Питер! – прорычал Томас, пытаясь перехватить взгляд брата, прятавшегося за спиной Гамаша. – Клянусь, я тебя прикончу!

– Хватит! – сказал старший инспектор. – Прекратите, мистер Морроу!

Его низкий голос звучал жестко и ровно – не подчиниться ему было невозможно.

И Томас Морроу сдался.

– В чем дело? – спросил Гамаш, переводя взгляд с одного брата на другого.

Краем глаза он увидел подошедшую Лакост. Они с Бовуаром встали за

спиной у братьев, готовые при необходимости схватить любого. Еще он увидел Берта Финни, который шел на негнущихся ногах по лужайке рядом с матерью братьев. Они остановились неподалеку от Питера, но вне поля его зрения.

– Он взял мои запонки. – Томас показал дрожащим пальцем на Питера, но глаза его были устремлены за спину брата. На мать.

– Это смешно! Зачем мне его запонки?

– Ты ведь на самом деле вовсе не хочешь, чтобы я ответил на этот вопрос, Спот? Ты их украл. Когда ты пришел, они были у меня в номере. А теперь исчезли.

– Это верно? – раздался голос за спиной Питера.

Выражение лица Питера изменилось: вместо ярости появилось смирение. Он повернулся и посмотрел на мать:

– У меня их нет.

Миссис Финни покачала головой:

– Зачем? Зачем ты так поступаешь с нами, Питер? Не знаю, сколько я еще смогу вынести. Я только что потеряла дочь, а тебе в голову не приходит ничего лучше, чем драться с Томасом.

– Мама… – Питер сделал шаг вперед, но тут же остановился.

– Я молюсь за тебя.

Это оскорбление она берегла для совсем уж безнадежных людей, и Питер знал это.

– Брось это, Томас. Если запонки для него важнее семьи, пусть оставит их себе. Я куплю тебе новые.

– Дело было не в этом, мама, – сказал Томас, подходя к ней.

– Да, для тебя не в этом.

Миссис Финни направилась к «Усадьбе», с одной стороны от нее шел муж, с другой – сын. Питер остался на лужайке.

Он попытался поправить на себе одежду, но потом оставил это занятие и совсем перестал двигаться. Словно впал в ступор.

– Нам нужно поговорить, – сказал Гамаш. Он взял Питера под локоть и повел к леску, в прохладную благодатную тень, где усадил Питера на скамью и сел рядом. – Вы зашвырнули их в озеро.

Это был не вопрос, а утверждение, и Питер испытал чуть ли не облегчение, оттого что больше не надо лгать.

– Зачем?

Питер отрицательно покачал головой и пожал плечами. Произносить какие-то слова казалось ему слишком тяжким бременем. Но Гамаш ждал. Он был терпеливым человеком. Терпению его научил отец. Терпению и

любви к поэзии. И много еще чему.

– Томас их всегда носил, – сказал наконец Питер, обращаясь к своим рукам, безжизненно повисшим между колен. – Клара как-то сказала, что они как браслеты Чудо-женщины[76] – вы ее знаете?

Гамаш знал. Еще один аргумент в пользу того, чтобы обзавестись дочерью. Он поднял руки и скрестил их в запястьях. На губах Питера мелькнула улыбка.

– В них сила и защита – так говорит Клара. Она утверждает, что такие есть у каждого, но у Морроу они выражены ярче, чем у других. У Марианы это ее шали, у Томаса – запонки, Клара все время повторяет свои мантры, мама злоупотребляет косметикой – «маска», так она это называет.

– А что у вас?

Питер поднял руки:

– Вам не казалось странным, что эта краска у меня не смывается?

Гамаш даже не задумывался над этим, но теперь он вдруг понял, что это действительно странно. Любая краска смывается с кожи, если постараться. Ни одна не остается навечно.

– Ко времени этих семейных сборищ я перестаю пользоваться скипидаром – перехожу на обычное мыло. И пятна масляной краски остаются. Когда я вернусь в Три Сосны, то смою их.

«Три Сосны, – подумал Гамаш, представляя себе эту уютную деревню. – Мир и покой».

– Сила и защита?

Питер кивнул:

– Когда Томас, или Мариана, или мама, или кто угодно начинают меня доставать, я смотрю на свои руки. – Он сделал это и теперь. – И вспоминаю, что я умею делать кое-что. Умею лучше, чем кто-либо другой в семье.

«Кроме Клары, – прошептал его внутренний голос. – Клара умеет рисовать лучше тебя».

– Может быть, мой талисман перестал действовать.

– И вы решили, что нужно и Томаса лишить его оберега?

Питер ничего не ответил. Слова Гамаша были близки к истине.

Гамаш вытащил из внутреннего кармана пиджака листок бумаги и осторожно развернул его. Питер протянул было руку, но Гамаш отвел свою в сторону, боясь доверить Питеру эту драгоценность.

Рука Питера замерла в воздухе.

– Где вы это взяли?

Голос его звучал не рассерженно или обвиняющее, а удивленно. Как

голос мальчика, которому показали пиратскую карту с обозначением, где зарыт клад. Карту, которую искали долгие недели и месяцы. А если ты уже повзрослел, то и годы.

– У скульптора, ваявшего статую вашего отца.

Внимание Питера, который почти не слышал Гамаша, было приковано к рисунку, изображавшему благородную веселую птичку. Головка ее была наклонена под невероятным углом, глазки сверкали. Она вот-вот готова была вспорхнуть с пожелтевшего листа. Но, несмотря на всю свою правдоподобность, рисунок не был завершен. У птички не было ног.

– Это нарисовали вы, – тихо сказал Гамаш, не желая грубо вторгаться в воспоминания Питера.

Питер, казалось, вошел в рисунок и растворился в нем. Куда бы ни унесли его воспоминания, место, где он оказался, было привлекательным. Питер улыбался, мускулы его лица расслабились впервые за несколько дней.

– Вы, наверно, были молоды, когда нарисовали это, – заметил Гамаш.

– Да, – откликнулся Питер. – Мне было лет восемь. Я нарисовал это ко дню рождения отца.

– Вам было восемь лет, когда вы это нарисовали?

Пришла очередь Гамаша удивленно рассматривать рисунок. Он был простым, изящным, чем-то сродни культовому голубю Пикассо. Все сделано чуть ли не одной линией. Но художнику удалось передать ощущение полета, достоверность и любопытство.

– «Я вырвался из мрачных уз земли», – прошептал Гамаш.

Свобода.

Питер знал, что когда-то он мог летать. А теперь земля слишком крепко держала его в своих объятиях. Теперь его искусство не устремлялось в небеса. Оно делало нечто противоположное.

Он снова посмотрел на птичку. Самый первый его рисунок – не обводка по кальке. Он подарил рисунок отцу, и тот поднял сына, прижал к себе, пронес по ресторану, в котором они ели, показывая рисунок совершенно незнакомым людям. Мать остановила его, но у Питера за эти минуты успели развиться две страсти: любовь к искусству и к похвале. А в особенности к похвале и одобрению со стороны отца.

– Когда отец умер, я попросил у матери вернуть мне этот рисунок, – сказал Питер. – Она сказала, что отец выкинул его. Где, вы говорите, это нашлось?

– У скульптора, который делал статую вашего отца. Ваш отец сохранил рисунок. Что вы хотели изобразить?

– Просто птичку. Ничего особенного.

– У нее нет ног.

– Мне было восемь лет – что вы хотите?

– Я хочу правду. Я думаю, вы мне лжете.

Гамаш редко выходил из себя, он и сейчас сдерживался, но в голосе его слышалась сталь и предупреждение, которых не мог не заметить даже член семейства Морроу.

– Зачем мне лгать? Этому рисунку сорок лет.

– Я не знаю зачем, но знаю, что вы лжете. Что это за птица?

– Воробей, малиновка – не знаю.

Голос Питера звучал раздраженно. Гамаш резко встал, сложил лист с рисунком и аккуратно убрал его в карман.

– Вы же знаете, я все равно выясню правду. Почему вы пытаетесь мне препятствовать?

Питер отрицательно покачал головой и остался сидеть. Гамаш пошел было прочь, но тут вспомнил вопрос, который хотел задать.

– Вы говорите, у вас у всех есть талисманы или мантры. То, что Клара называет вашей силой и защитой. Вы мне не сказали, какой талисман был у Джулии.

Питер пожал плечами:

– Не знаю.

– Питер, побойтесь Бога.

– Правда. – Питер встал и посмотрел в глаза Гамашу. – Я ее мало знал. Она так редко приезжала на семейные сборища. Этот ее приезд – дело необычное.

Гамаш некоторое время продолжал смотреть на Питера Морроу, потом развернулся и пошел прочь из благодатной тени леса.

– Постойте! – окликнул его Питер.

Гамаш остановился, позволяя Питеру догнать его.

– Слушайте, вот что я должен вам сказать. Я украл эти запонки и выкинул их в озеро, потому что их подарил Томасу отец. Они переходили от старшего сына к старшему сыну. Я всегда думал – может, он подарит их мне. Я знаю, это было глупо, но я надеялся. Он не подарил. Я знал, как важны для Томаса эти запонки.

Питер помолчал, но потом все же продолжил, словно прыгнул в бездну:

– Эти запонки – самое важное, что у него было. Я хотел сделать ему больно.

– Так же, как хотели сделать больно мне, когда говорили о моем отце?

– Простите меня.

Гамаш посмотрел на этого растрепанного человека:

– Будьте осторожнее, Питер. У вас добрая душа, но бывает, что и добрые души идут по дурной дорожке. А иногда оступаются и падают. И больше не могут подняться.

Глава двадцать четвертая

КОМУ ВЫГОДНО?

Бовуар написал эти слова на листе бумаги очень большими, очень четкими, очень красными прописными буквами. Обозревая написанное, он инстинктивно помахал кончиком фломастера у себя перед носом и втянул воздух.

Вот оно, искусство. Ну хорошо, пусть не искусство, но все равно красиво. Это было воплощением системности и порядка, а инспектор приходил в восторг и от того и от другого. Вскоре у них появится список имен, мотивов, улик и перемещений. Они сведут все это воедино. Некоторые ходы будут тупиковыми, другие выведут их на темные улочки, но третьи – на самые современные хайвеи, и они помчатся по ним, собирая важные улики.

Инспектор Бовуар взглянул на старшего инспектора, который сидел, уперев локти в темную деревянную столешницу и переплетя свои большие пальцы. Глаза его смотрели вдумчиво и внимательно.

А что потом?

Но Бовуар знал ответ на этот вопрос. Когда они дойдут до конца, когда он, Лакост и другие сыщики упрутся в стену, в дело вступит старший инспектор Гамаш. Он ориентируется в неизвестности, потому что именно там и прячутся преступники. Может показаться, что они гуляют под тем же солнцем или дождем, по той же траве или бетону, даже говорят на том же языке. Но это обман. Старший инспектор был готов идти туда, куда могли проникнуть лишь немногие. И он никогда, ни разу не звал никого из своей команды последовать за ним – только помочь ему найти дорогу.

Оба они знали, что настанет день – и Бовуар примет от него эстафету. И оба они знали, что на той выжженной и пустынной земле, которую ищет Гамаш, обитают не только преступники. Арман Гамаш мог заходить туда, потому что был знаком с такими местами. Знал их, потому что видел и собственную выжженную землю. Он покидал нахоженные и удобные тропинки своих мыслей и души и видел то, что разлагается в темноте.

Когда-нибудь Жан Ги Бовуар посмотрит на собственных монстров и тогда научится распознавать чужих. И возможно, это и происходило сейчас, во время нынешнего расследования.

Гамаш надеялся на это.

Бовуар засунул фломастер с надетым колпачком себе в рот и пошевелил им, как красной сигарой, разглядывая лист, на котором пока не было ничего, кроме обещающего заголовка.

КОМУ ВЫГОДНО?

– Пожалуй, Дэвиду Мартину, – сказала агент Лакост. – Ему не нужно будет платить алименты.

Бовуар записал имя и обоснование. Еще он записал: «Устранение свидетеля».

– Что ты имеешь в виду? – спросил старший инспектор.

– Она давала показания на его процессе, но главным образом говорила, что ничего не знает о его делах. Что, если это не так? У меня такое чувство, что эти Морроу не очень умны, наоборот, они настолько глупы, что считают себя умными. Но они коварны. К тому же она выросла в доме, где постоянно говорили о бизнесе, она обожала отца, так что, вероятно, была и в курсе мужниных дел.

Бовуар замолчал, собираясь с мыслями. Он был уверен, что это перспективное направление. Его коллеги ждали. Раздался стук в дверь, и он пошел открыть ее.

Ланч.

– Привет, Элиот, – сказал Гамаш.

Стройный молодой официант подал ему приготовленный на углях сэндвич со стейком, жареными грибами и карамелизированным луком сверху.

– Bonjour, Patron.

Молодой человек слегка улыбнулся, потом подарил лучезарную улыбку агенту Лакост, которая не без удовольствия посмотрела на него. Он поставил перед ней салат с омарами. Бовуар получил свой гамбургер и картошку фри. Последние двадцать минут они вдыхали запах углей, разогревающихся в огромном мангале в саду, и хорошо узнаваемый запах розжига. У Бовуара слюнки текли. А кроме того, он обильно потел, отчего у него возникла мысль заказать холодного пивка. Чтобы предотвратить обезвоживание организма. Шеф решил, что это разумно. Лакост тоже не возражала. И вскоре перед ними появились высокие запотевшие стаканы.

Бовуар посмотрел через балконную дверь и увидел метрдотеля, который шел от мангала с блюдом стейков и креветок, предположительно для семейства Морроу.

– Так что ты говорил? – спросил старший инспектор.

Бовуар вместе с бургером отправился к листу бумаги на подставке:

– Что я говорил? Я говорил о муже. У вас нет такого ощущения, словно он все это время присутствовал здесь? Я вот о чем: ведь еще до убийства, по вашим словам, тут говорили про него, рассказывали вам и мадам Гамаш про мужа Джулии. Морроу словно не могли решить, то ли они любят, то ли ненавидят его.

– Ты прав, – сказал Гамаш. – Он был незваным гостем.

Бовуар никак на это не отреагировал, подозревая, что это может быть цитатой. И все же сказано было неплохо. Не тот, кого хотят видеть, не тот, кого ждут, не тот, к встрече с которым готовятся, не тот, кого высматривают в окошке. А значит, тот, кто имеет некую фору.

– На него столько всего завязано. – Бовуар обвел имя Мартина кружочком. Это не составило труда, потому что других имен в списке не было. – И приехала-то она сюда только из-за развода.

– А его приговор? – сказала Лакост. – Как там сформулировано?

Оба они посмотрели на Гамаша.

– Нужно перепроверить это, потому что газеты писали о деле Мартина несколько месяцев назад. Но я знаю, что Дэвид Мартин возглавлял «Королевскую страховую компанию», очень старую, имеющую прекрасную репутацию канадскую компанию, которая специализировалась на страховании морских перевозок. Основана она была, кажется, в Новой Шотландии более ста лет назад, но потом переехала в Ванкувер – морские грузоперевозки на тихоокеанском побережье тогда резко возросли.

– Только грузоперевозки?

– При Мартине многое изменилось. Если я не ошибаюсь, он сделал две вещи. Он стал заниматься страхованием недвижимости и инфраструктуры. Мостов, дамб, дорог. Но самое блестящее, что он сделал, – что и предопределило его падение, – это его решение понизить риски. Он создал нечто под названием «Партнеры».

– Ну, он явно не первый, у кого были партнеры, – сказала Лакост, улыбаясь.

– Ты очень смышленая девочка, – улыбнулся ей в ответ Гамаш. – Только он писал это слово с прописной буквы. Это было что-то вроде пирамиды, хотя на первый взгляд все совершенно законно. Он страховал, скажем, строительство моста и распределял риски по нескольким компаниям. Они в свою очередь продавали проценты еще более мелким компаниям, а те продавали их физическим лицам. Все они назывались «Королевские партнеры».

– И какая от этого была выгода? – спросила Лакост, забыв на минуту о

салате с омарами.

Такие византийские хитрости очаровывали ее.

– Они не выплачивали страховых премий, – сказал Гамаш, наклоняясь к ней и вспоминая по ходу рассказа. – И при этом получали долю в прибылях компании. А прибыли были громадные. Большинство «партнеров» стали миллионерами.

– Но?.. – сказал Бовуар.

– Но они должны были гарантировать выплаты по страховым случаям.

Бовуар потерял нить. Но Лакост внимательно слушала.

– Понятно, – сказала она. – Он продавал часть прибыли и все риски. Зарабатывал сотни миллионов долларов и не опасался, что придется выплачивать громадные страховые премии.

– Именно. Так оно и работало многие годы, Все, включая самых малых «партнеров», заработали кучу денег. Люди из кожи вон лезли, лишь бы инвестировать.

– И вы? – спросил Бовуар.

– Нам предлагали, но мы отказались.

– Умно, – сказала Лакост.

– Мне тоже так хотелось думать. Но на самом деле нами руководил страх. Я могу рассказывать об этом, думаю, что на каком-то уровне понимаю, как оно устроено, но если откровенно – это выше моего разумения. Вот единственное, что я понял: если что-то пойдет не так, то мы будем банкротами.

– И что-то действительно пошло не так? – спросила Лакост.

– Сигареты, – ответил Гамаш. – При Мартине «Королевская страховая компания» для начала распространила свою деятельность на табачные компании. На этих сделках они заработали огромные деньги. Целые состояния. Но десять лет назад одна женщина из Орегона подала в суд на «Джубили тобакко», обвинив компанию в том, что та стала причиной появления у нее эмфиземы. Ей было шестьдесят. От такого же диагноза умерла и ее мать. Табачная компания выиграла первый раунд. Потом женщина умерла, и ее муж подал на пересмотр дела, в конечном счете это переросло в коллективный иск, и два года назад Верховный суд постановил, что «Джубили тобакко» несет ответственность.

Дверь в библиотеку открылась, и вошла Сандра Морроу. Бовуар быстро загородил собой листы с записями, а Гамаш поднялся и направился навстречу женщине.

– Чем могу служить? – спросил он.

– Спасибо, мне ничего не надо. Я хочу взять какую-нибудь книгу и

посидеть почитать.

Она попыталась обойти старшего инспектора, но он сделал шаг в сторону и встал перед ней.

– Позвольте пройти, – произнесла она ледяным голосом.

– Прошу прощения, мадам, но это помещение теперь закрыто для гостей. Я думал, это всем ясно. Если нет, то прошу прощения за то, что не донес это до вас, но библиотека необходима нам в качестве оперативного штаба.

– Штаба? Звучит как-то слишком напыщенно. Мы заплатили за наше пребывание здесь. И плата предусматривает пользование этим помещением.

– Это невозможно, – сказал Гамаш твердым, но дружеским голосом. – Я понимаю ваше разочарование, и я знаю: время для вас трудное. Но вам придется выбрать какое-нибудь другое место.

Она смерила его таким ненавидящим взглядом, что удивила даже Бовуара, который за свою жизнь и сам не раз был объектом и субъектом подобных взглядов.

– Я понимаю, вы расследуете смерть моей невестки, но для этого не требуется именно эта комната. Тут должны быть свободные номера. Да хоть ее номер. Вам хватит и помещения поменьше. В «Усадьбе» наверняка есть какой-нибудь кабинет, которым вы могли бы воспользоваться. А здесь общественное пространство. Для гостей.

– До свидания, мадам Морроу, – сказал Гамаш и показал ей на дверь.

Она пристально посмотрела на него:

– Я знаю таких, как вы. Всегда хватаете лучший кусок. Вы маленький человечек, наделенный ничтожной властью, от этого вы и стали нахалом. Любопытно, откуда вы набрались этой наглости?

С этими словами она вышла.

Бовуар тряхнул головой. Он уже было думал, что эта чокнутая англичанка дошла до крайней степени очумения, но Сандра Морроу превзошла саму себя.

– Так о чем мы говорили? – спросил Гамаш, садясь на свое место и делая глоток пива.

– О сигаретах, – сказала Лакост, глядя на шефа, словно проверяя, не оставили ли на нем оскорбления Сандры Морроу хоть малую ранку.

Но Гамаш был абсолютно спокоен.

– Дело «Джубили тобакко». Я помню, – сказал Бовуар. – Всплыло все о том дерьме, которым в компании начиняли сигареты. Моя мать прочла тот отчет и бросила курить.

– Умная женщина, – похвалил Гамаш. – Многие тогда бросили курить.

– И это стало причиной кризиса? – спросил Бовуар, который снова потерял нить.

– Нет, они стали сбывать свою продукцию в развивающихся странах. Падение Мартина произошло, когда выяснилось, что они, компенсируя свои потери с табачными компаниями, продолжали продавать партнерства, хотя уже несколько лет знали о неминуемом крахе. Тысячи людей были разорены. Малые инвесторы.

Бовуар и Лакост молчали – обдумывали услышанное. Бовуар, звонивший Мартину в тюрьму, был удивлен. Мартин не показался ему человеком, способным намеренно облапошить столько людей, малых инвесторов. Мамочек и папочек. Но он сделал это. Корысть. Вот кто был настоящим тюремщиком.

– Мог ли кто-нибудь из Морроу, возможно даже Чарльз Морроу, быть одним из «партнеров»? – спросила Лакост. – Может быть, они на этом потеряли состояние.

– Дэвид Мартин утверждал, что Морроу стоили до этого около двадцати миллионов, – сказал Гамаш. – Не могла бы ты проверить? – спросил он у Лакост.

Вскоре они внесли в список подозреваемых всех остальных постояльцев гостиницы.

– Да, это никак нельзя назвать сужением круга подозреваемых. – Бовуар печально улыбнулся. – У них у всех была возможность, и у всех, кажется, есть мотив перебить друг друга.

– Джулия сказала, что раскрыла тайну отца, – сказала Лакост. – Я думаю, это важно, Я спросила об этом Клару.

– И?.. – поинтересовался Гамаш.

– Она была не очень-то расположена помогать. Я бы даже сказала, что совсем не расположена.

– Правда?

Бовуар посмотрел на свой список. Потом на другой лист. На тот, где были зафиксированы улики, факты, утверждения. Надпись на стене мужского туалета. Две записки, что были найдены на каминной решетке, и птичка без ног.

И еще ряд вопросов.

Сыграла ли какую-то роль гроза?

Что Джулия узнала об отце?

Кто написал послания, найденные в камине?

Почему Джулия хранила благодарственные письма, полученные ею

много лет назад?

Кто сделал надпись на стене мужского туалета? Имеет ли это значение?

У них был длинный список вопросов, начинающихся с «кто». И с «почему». Но одно слово стояло на листе в одиночестве.

Как.

Как упала статуя? Под этим словом ничего не было написано, даже самых смутных догадок.

– Да, у меня есть еще одно имя к списку, – сказал Бовуар и написал это имя буквами чуть крупнее, чем остальные.

– Пьер Патенод? Метрдотель? – спросила Лакост.

– Он самый, – ответил Бовуар.

– А он-то с какой стати? – спросил Гамаш.

– Около полуночи он был на террасе. Помогал устанавливать статую, так что, возможно, сделал что-то такое, чтобы ее потом уронить. Мальчишкой он подрабатывал на кладбище и кое-что знает про статуи.

– Возможно, он знает, как их устанавливать, но вот как их ронять… – резонно возразил Гамаш. – И в любом случае он научился разве что стричь траву вокруг них.

– Он имеет доступ во все номера, – сказал Бовуар, стараясь говорить так, чтобы его слова звучали не слишком склочно. – Он мог написать эти записки. Ему даже не нужно было передавать их ей. Он мог их просто написать, смять и бросить на решетку, зная, что мы их найдем.

Два безмолвных, недоуменных лица внимали этим откровениям гения.

– Он делал это с целью запутать нас, – подчеркнул Бовуар.

Они продолжали недоуменно смотреть на него.

– Да бросьте, он один из первых подозреваемых. Он присутствует повсюду, и его никто не замечает.

– Ты хочешь сказать, что это сделал метрдотель? – спросил Гамаш.

– Это сделал либо он, либо бакалейщик со своей женой-уборщицей, – сказал Бовуар и выдавил улыбку.

Дверь открылась, и все трое посмотрели в ту сторону. Появился Элиот. Он держал поднос со свежей клубникой.

– Мы ее только что собрали. И здесь еще creme fraiche.[77] – Он улыбнулся Изабель Лакост, умудрившись произнести это с заискивающей интонацией. – Из монастыря, что неподалеку.

Даже это прозвучало сексуально.

Они ели, разглядывая список. Наконец, выбрав последнюю ложку густой сметаны из вазочки, Бовуар встал и снова подошел к списку.

Показал пальцем на одну из записей:
– Это важно?
«Кто сделал надпись на стене мужского туалета? Имеет ли это значение?»
– Не исключено. А что? – спросил Гамаш.
– Понимаете, в конце нашего разговора с Дэвидом Мартином он сказал, что, кажется, знает, кто это сделал.
– Мы знаем, – сказала Лакост. – Томас Морроу.
– Нет. Муж Джулии считает, что это сделал Питер.

* * *

Остальную часть дня Бовуар и Лакост проверяли биографии и перемещения. Арман Гамаш отправился на поиски мадам Дюбуа; впрочем, поиски эти не были долгими и трудными. Она, как всегда, находилась в вестибюле за своим столиком, и вид у нее был такой, будто температура не достигала двадцати семи градусов в тени.
Гамаш сел в удобное кресло напротив нее. Она сняла очки и улыбнулась ему:
– Чем могу быть полезна, старший инспектор?
– Я тут размышлял кое над чем.
– Я знаю. Кто убил нашу гостью.
– И над этим тоже. Но я вот что хотел понять: почему вы установили статую именно в этом месте?
– Да, это очень хороший вопрос, и мой ответ будет увлекательным. – Она улыбнулась и встала. – Suivez-moi,[78] – сказала она так, будто он собирался остаться, а не следовать за ней.
Они прошли через сетчатую дверь, та со щелчком захлопнулась за ними. На веранде, хотя и защищенной от солнца, было удушающе жарко. Направляясь к выходу с веранды, мадам Дюбуа начала говорить, а Гамаш, наклонив голову, слушал, боясь пропустить хоть одно увлекательное слово.
– Когда мадам Финни впервые обратилась ко мне с просьбой об установке этой статуи, я ей отказала. Это было вскоре после смерти Чарльза Морроу. Тогда она все еще была, конечно, мадам Морроу. Они часто приезжали сюда, и я их неплохо знала.
– И что вы о нем думали?
– Он принадлежал к известному мне типу людей. Я бы за такого никогда не вышла замуж. Слишком уж одержим своей работой, обществом.

Для таких, как он, что правильно, а что неправильно – вопрос первостепенной важности. Я говорю не о нравственности, конечно, а о таких вещах, как десертные вилки, благодарственные записки, надлежащая одежда.

– Прошу прощения, мадам Дюбуа, но все эти вещи важны и для вас.

– Они важны, потому что это мой выбор, старший инспектор. Но если бы вы приехали в полосатой рубашке и при галстуке в горошек, я бы не стала вас просить переодеться. А месье Морроу попросил бы. Или дал бы вам понять, что это неприемлемо. Он легко оскорблялся. Он очень точно знал свое место. И ваше. – Она улыбнулась ему.

– Но любой человек – это не только то, о чем вы сказали. А по вашим словам, вы его хорошо знали.

– Вы очень умны. Наверное, поэтому вас и назначили главой Квебекской полиции.

– К сожалению, всего лишь отдела по расследованию убийств.

– Непременно назначат. Я обязательно приеду на церемонию принесения вами присяги.

– Боюсь, что такое назначение кончится для меня нахлобучкой от мадам Гамаш, – сказал он.

Мадам Дюбуа остановилась посреди веранды, где в вырезе древесного настила торчал ствол громадного клена. Она повернулась и посмотрела на Гамаша:

– Мне нравился Чарльз Морроу. Да, он был человеком напыщенным, но обладал чувством юмора и имел немало хороших друзей. О человеке можно судить по его друзьям. Или по их отсутствию. Пробуждают ли они друг в друге лучшие чувства или же постоянно сплетничают, стремясь уничтожить других? Посыпают ли раны солью? Чарльз Морроу ненавидел сплетни. А его лучшим другом был Берт Финни. Уже одно это говорит о многом, a mon avis.[79] Если бы месье Финни был свободен, я бы сама взяла его в мужья.

Мадам Дюбуа не отвернулась, не опустила глаза, и голос ее не прозвучал вызывающе, когда она сделала это примечательное заявление. Она просто говорила правду, о чем и свидетельствовал ее вид.

– Почему?

– Мне нравятся мужчины, которые умеют считать, – сказала она.

– Этим он занимался сегодня утром на пристани.

– Возможно, он и сейчас этим занят. Ему считать не пересчитать.

– Вообще-то, двадцать миллионов.

– Правда? Так много? Ничего, у него острый глаз, – сказала она и

рассмеялась.

Гамаш посмотрел ей через плечо, где даже в сумерках светился белый мрамор. Она проследила за его взглядом.

– Возвращаясь к статуе… Вы все же согласились ее поставить, – сказал Гамаш. – Нужны были деньги.

– Поначалу Морроу настаивали на том, чтобы поставить статую на месте одной из этих клумб. – Она показала на клумбы роз и лилий между домом и озером. – Но я сказала «нет». Даже если скульптор сделает какой-нибудь шедевр, он здесь будет не на месте. И, откровенно говоря, я не думала, что Морроу способны создать шедевр. Как вы уже, вероятно, заметили, их вряд ли можно назвать минималистами.

– Да, скорее максималистами, это верно.

– И вот после долгих обсуждений мы остановились на этом месте. Там статуя смотрелась бы ненавязчиво.

– Была бы незаметна, вы хотите сказать?

– И это тоже. А если повезет, то вокруг Чарльза Морроу вырастет лес и лет через двадцать поглотит его.

– Не думаю, что вы допустили бы это, мадам.

Она немного грустно удивилась ему:

– Да, вы правы. Бедняге Чарльзу доставалось в жизни. Здесь бы у него был хороший дом. Если бы он не убил свою дочь.

Неподалеку они видели Пьера – он разговаривал с кем-то из молодых. Вроде бы с Элиотом; впрочем, парень стоял к ним спиной и сказать наверняка было трудно. Но Пьер увидел их и помахал.

– Вы говорили о друзьях, – сказал Гамаш. – Наверно, иногда их не хватает в этой глуши.

– Вы думаете о Пьере Патеноде?

– И о вас. И о шеф-поваре Веронике. Остальные, насколько я понимаю, приезжают и уезжают, ваш молодой персонал вроде Элиота.

Парень повернулся, и теперь Гамаш убедился, что это Элиот. Он вроде бы спорил с метрдотелем.

– У некоторых есть основания, чтобы оставаться, но по существу вы правы. Большинство не задерживается больше чем на год. И наши отношения с ними не похожи на дружбу. Это скорее отношения ученика и учителя или тюремщика и заключенного.

Она улыбнулась. Конечно, она ни в коей мере не считала «Усадьбу» тюрьмой, но Гамаш легко мог себе представить, что некоторые из ребят именно так и воспринимают это место. Коллин, например. И ждут не дождутся окончания срока.

– А здесь не бывает одиноко?

– Мне? Никогда. У меня есть муж. Он здесь во всех этих стенах, коврах и цветах. Он в этом клене. – Она положила маленькую розовую ладонь на громадный ствол. – Мы посадили его шестьдесят лет назад. Я все время говорю с ним, прижимаюсь к нему по вечерам. Нет, мне никогда не бывает одиноко.

– А ему? – Гамаш показал на Патенода.

– Должна признаться, когда он только приехал сюда, я думала, он надолго не задержится. Непривычен к тяжелой работе. Но ему понравилось. Наверно, в нем течет кровь coureur du bois. Он полюбил эту глушь. И у него такие замечательные манеры – наш прежний метрдотель сразу же назвал его своим преемником. Потом появилась Вероника, и она дополнила нашу маленькую семью.

– Кажется, у Пьера трудности с Элиотом, – заметил Гамаш.

– Бедняга Пьер. Боюсь, что этот молодой человек с первых дней стал задирать нос. Он приехал в апреле и с тех пор только и создает здесь проблемы.

– Почему же вы его держите?

– Потому что мы нужны ему. Он неплохо работает, быстро освоил французский. Но ему нужно научиться самодисциплине и самоуважению. Он завоевывает внимание либо ссорами, либо флиртом.

– Мне кажется, он и со мной флиртовал.

– Ну, может, вы дали ему повод, – сказала она, и Гамаш рассмеялся. – Он поймет, что ему не обязательно это делать, что он и без того хорош. И поймет это благодаря Пьеру. Хотя, вероятно, и не сегодня.

Они увидели, как Элиот, явно взволнованный, зашагал по грунтовой дороге. Метрдотель какое-то время глядел ему вслед, потом медленно повернулся и, задумавшись, направился назад. Будучи начальником над людьми, которые нередко оказывались трудными подчиненными, Гамаш сочувствовал Пьеру. И Элиоту.

– У агента Лакост прекрасная интуиция, и она очень наблюдательна. – Гамаш снова посмотрел на мадам Дюбуа. – Она уверена, что Вероника влюблена в Пьера.

– Думаю, чтобы заметить это, не нужно быть семи пядей во лбу, старший инспектор. Впрочем, я не сомневаюсь, что она наделена и тем и другим. Вероника много лет влюблена в Пьера. А он, бедняга, не замечает этого.

– Вы не боитесь, что из-за этого возникнут трудности?

– Поначалу побаивалась, – призналась она. – Но по прошествии

первых десяти лет расслабилась. Откровенно говоря, это чувство удерживает здесь Веронику, а она превосходный повар. И никогда не поддается эмоциям. Я это знаю. Она принадлежит к тем замечательным женщинам, которым сама любовь приносит удовлетворение. Ей не требуется ответного чувства.

– Или, может быть, она просто боится, – предположил Гамаш.

Клементин Дюбуа пожала плечами:

– C'est possible.[80]

– А если Пьер уедет?

– Не уедет.

– Почему вы так уверены?

– Некуда ему ехать. Вы знаете, почему мы все так счастливы здесь? Потому что наш дом последний на дороге. Мы пробовали другие места, но всюду чувствовали себя не в своей тарелке. А здесь мы у себя дома. Нам здесь хорошо. Даже ребята, которые к нам приезжают, они особенные. Они ищущие люди. И они остаются столько, сколько хотят. Настанет день, и кто-нибудь из них решит остаться навсегда. Как я. Как Пьер и Вероника. И тогда я смогу уйти.

Арман Гамаш посмотрел на маленькую, сморщенную женщину, прикасающуюся рукой к мужу. Потом перевел взгляд на сверкающее озеро. Краем глаза уловил какое-то движение вдали: по лужайке шла Айрин Финни, а рядом с ней Берт. За ними – Томас, Мариана, и последним – Питер.

– Знаете, Чарльз Морроу был великолепным пианистом, – сказала мадам Дюбуа. – Он не просто играл – он вкладывал в это душу. В дождливый день мы могли часами сидеть и слушать его. Он всегда говорил, что Айрин – это солист, а его дети – хор.

Гамаш смотрел на детей, шествующих за матерью. Он подумал, что мать-солистка, может быть, немного потеряла слух, а хор только подчеркивал этот факт.

На несколько мгновений появилась другая фигура и тут же исчезла в лесу. Громадная, громоздкая в комбинезоне, перчатках, сапогах и капюшоне. Она напоминала монстра, созданного Франкенштейном, плоскоголового, неловкого.

– Не поминай всуе дьявола, – сказала мадам Дюбуа, и Гамаш почувствовал, как кожа его покрылась мурашками.

– Что-что?

– Да вон там – то, что исчезло в лесу.

– Дьявол? – Это показалось мадам Дюбуа весьма забавным. – Мне это

нравится. Но нет. На самом деле нечто совершенно противоположное. Это была шеф-повар Вероника.

– Ну и защита от солнца у нее!

– Это защита от пчел. Она у нас пасечник. Пошла собирать мед к чаю.

– И пчелиный воск для мебели, – с улыбкой сказал Гамаш.

Вот почему «Охотничья усадьба» пахла десятилетиями кофе, дымка и жимолости.

Глава двадцать пятая

Мариана Морроу стучала по клавишам пианино в Большом зале, радуясь, что никого поблизости нет.

Недалек тот день, когда она будет богатой. Если только мать не оставит все этому Финни, а он не завещает все кошачьему приюту. Что ж, она старалась как могла. У нее, по крайней мере, есть ребенок. Она взглянула на свое чадо.

Теперь она жалела, что выбрала это имя – Бин. О чем она только думала? Ривер было бы лучше. Или Салмон. Или Салмон Ривер.[81] Нет же, выбрала слишком нормальное.

Бин – явная ошибка. Мать Марианы поначалу пребывала в прострации. Единственное чадо от всего ее приплода, да и то названо именем овоща. А Мариана крестила своего ребенка лишь для того, чтобы ее мать услышала, как священник перед всем приходом, не говоря уже о Боге, произносит имя Бин Морроу.

Какой это был великолепный миг!

Но мать оказалась более живучей, чем предполагала Мариана, как некая новая разновидность супербактерий. Она обрела иммунитет против этого имени.

Может быть, Аорта. Аорта Морроу. Или Берп.

Черт, вот было бы идеальное имечко.

«И теперь в присутствии этих прихожан и перед Господом нарекается Берп Морроу».

Еще одна великолепная возможность упущена. Может быть, еще не поздно.

– Бин, детка, подойди к мамочке.

Мариана похлопала ладонью по стулу у пианино, и ребенок подошел и оперся о стул. Мариана еще сильнее постучала по стулу, но ребенок не шелохнулся.

– Прекрати, Бин. Давай-ка. Сядь рядом с мамочкой.

Но ребенок игнорировал мать – смотрел в неизменную книгу.

– Мамочка, ты видела когда-нибудь летающую лошадь?

– Только раз, детка. В Марокко, после особенно веселой вечеринки. Еще я видела несколько эльфов.

– Ты говоришь про дядюшку Скотта и дядюшку Дерека?

– Да. Они иногда летают, но не думаю, что кого-то из них можно

назвать жеребцом.

Ребенок кивнул.

– Бин, тебе нравится твое имя? Ты не хочешь, чтобы мамочка назвала тебя по-другому? – Она посмотрела на серьезного ребенка. – Почему ты не прыгаешь?

Чадо Марианы было привычно к таким неожиданным поворотам и потому не затруднилось с ответом:

– С какой стати?

– Понимаешь, люди прыгают. Поэтому у нас есть колени и ступни. А еще щиколотки. Щиколотки – это маленькие крылышки.

Она принялась шевелить пальцами, но вид у ребенка оставался скептический.

– Они не похожи на крылья. Они похожи на кости.

– Может быть, твои просто отвалились. По ненадобности. Такое случается.

– Я думаю, ты одна прыгаешь достаточно за нас двоих. А мне нравится здесь. На земле.

– Знаешь, чему была бы рада мамочка? Если бы я смогла изменить твое имя. Что ты на это скажешь?

Ребенок пожал плечами:

– Может быть. Но ты же не собираешься придумывать что-то еще более необычное, чем Бин?

Маленькие глаза прищурились.

Хламидио Морроу.

Как мило. Возможно, чересчур мило. Но не годится. Вскоре все будут знать, мальчик Бин или девочка, и эта маленькая тайна перестанет существовать. Привести мать по-настоящему в ярость можно, придумав ребенку действительно нелепое имя.

Мариана посмотрела на ребенка, который был странным даже по стандартам семьи Морроу.

Сифилис.

Мариана улыбнулась. Идеально.

Сифилис Морроу. На грани безумия.

*** * ***

В библиотеке Жан Ги Бовуар откинулся на спинку стула и огляделся. Он не то чтобы запоминал обстановку, просто расслаблялся. В обычной

ситуации он бы делал записи в компьютере, просматривал почту, отправлял послания, лазил по Интернету. Гуглил.

Но здесь не было компьютера. Только блокнот и авторучка. Он пожевал ручку, глядя перед собой и работая мозгами.

Бо́льшую часть дня он провел, разглядывая записки и пытаясь понять, кто их написал Джулии. Кто-то хотел пообщаться с ней, и, судя по тем крохам, что они узнали о жизни этой одинокой женщины, она практически не имела возможности не ответить.

Неужели это и убило ее? Неужели ее нужды убили ее?

У Бовуара была и своя нужда. В течение первых полутора часов он целиком сосредоточился на одном подозреваемом. Бовуар знал, кто это сделал: Пьер Патенод. Образцы его почерка тут были повсюду. Записи в меню, расписания ротации персонала, бланки успеваемости обучаемых, даже тесты французского, которые он устраивал для ребят, пытаясь научить их правильному произношению. Пожалуй, единственное, чего здесь не написал метрдотель, так это послания, найденные в камине у Джулии Мартин.

Но, проведя еще час в поисках и сравнениях, разглядывании всевозможных документов через старомодную лупу, взятую с выставочного стенда бабочек, Бовуар нашел ответ. Он теперь точно знал, кто автор записок, обращенных к Джулии.

***

Берт Финни задернул занавески, чтобы не ослепляло солнце, и уставился на жену, которая раздевалась, чтобы прилечь. Ни одной минуты ни одного дня не проходило, чтобы он не удивлялся своему везению. Он был богат так, как ему не снилось в самых его корыстолюбивых снах.

Он был терпелив, причем научился этому много лет назад. И это принесло свои плоды. Он был даже готов прислуживать ей, поскольку это служило его целям. Поднимая ее одежду с пола, куда она ее бросила, он старался не обращать внимания на тихие мучительные стоны, что издавала эта крохотная женщина с обостренной чувствительностью. Но прежде всего она чувствовала, что не должна показывать свою боль. Разногласия у них были только в одном, да и то поспорили они всего раз: он пытался убедить ее объяснить все это детям. Она отказалась.

И теперь Айрин Финни стояла голая в середине погруженной в сумерки комнаты, и по ее щекам текли слезы. Он знал, что скоро они

прекратятся. Но в последнее время ее рыдания продолжались дольше.

– Что случилось? – спросил он и тут же понял, насколько нелеп его вопрос.

– Ничего.

– Скажи мне. – Он поднял ее комбинацию, бюстгальтер, трусы и заглянул ей в лицо.

– Запах.

Возможно, так оно и было, но он думал, что дело не только в этом.

Айрин Морроу стояла у раковины в «Охотничьей усадьбе», ее молодые розовые руки плескали теплую воду в Джулию. Крохотную Джулию, куда как мельче, чем Томас, которого она уже помыла, и теперь он, завернутый в громадное белое полотенце, сидел на руках у Чарльза. Настала очередь мыться его маленькой сестре. Их номер в «Усадьбе» не менялся с тех пор, как она сама приезжала сюда еще девочкой. Те же краны, те же резиновые пробки, то же плавучее мыло «Айвори».

Ее руки держали дочку в раковине, не давали удариться о кран, не давали упасть. Эти руки не позволяли даже самой малой мыльной капельке попасть дочке в доверчивые глаза.

Все было бы идеально, если бы не боль. Позднее ей поставили диагноз: невралгия, а тогда доктора говорили Чарльзу, что у нее проблемы по женской части. Он им поверил. И она поверила. После рождения Томаса. Но боль усилилась после рождения Джулии, любое прикосновение стало мучительным, хотя она ни разу не сказала об этом Чарльзу. От родителей-викторианцев она усвоила две вещи: во-первых, ты должна подчиняться мужу, а во-вторых, ты никогда не должна демонстрировать слабость, в особенности перед мужем.

И потому она мыла свою красавицу-дочку и плакала. А Чарльз ошибочно думал, что это слезы радости. И она не разубеждала его.

И вот не стало ни Чарльза, ни Джулии, и даже та обманная радость ушла – она уже больше не притворялась.

Осталась только боль, раковина, старые краны и запах мыла «Айвори».

* * *

– Bonjour, могу я поговорить с королевой чечетки?

– Oui, c’est la reine du clogging,[82] – пропел веселый голос в трубке.

Он доносился из далекого далека, хотя их разделял всего лишь горный хребет по другую сторону озера.

– А это помощник конюха? – спросила Рейн-Мари.

– Oui, mademoiselle. – Гамаш предчувствовал приближающийся приступ смеха. – Насколько я понимаю, ваш красавец-муж отсутствует – занят важнейшим государственным делом.

– Вообще-то, он сейчас лечится от алкоголизма. В очередной раз. Так что препятствий нет.

Ей это удавалось гораздо лучше, чем ему. Гамаш всегда начинал смеяться первым, так это случилось и на сей раз.

– Я скучаю. – Он даже не понизил голоса – ему было не важно, слышит его кто-нибудь или нет. – Приедешь сегодня на обед? Я смогу заехать за тобой через час.

Они договорились, но перед отъездом он встретился со своей командой. Им подали чай, и они сидели с чашками и блюдцами из тончайшего фарфора и маленькими тарелочками с пирожными. На столе перед ними лежали блокноты с записями и огуречные сэндвичи без корочки. Списки подозреваемых и эклеры. Свидетельские показания и птифуры.

– Позвольте, я буду мамочкой? – спросил Гамаш.

Бовуар слышал и более странные вещи из уст шефа, поэтому он просто кивнул. Изабель Лакост улыбнулась и сказала:

– S’il vous plait.

Он налил чая, они принялись есть, и Бовуар поглядывал, кто сколько взял, чтобы получить свою справедливую долю.

За едой они разговаривали.

– У меня есть кое-какая биографическая информация. Во-первых, Сандра Морроу, урожденная Кент. Богатая биография. Отец – банкир, мать участвовала в волонтерской деятельности. Родилась и выросла в Монреале. Оба родителя умерли. Деньги разделили между несколькими наследниками, а после уплаты налогов ей вообще достались какие-то крохи. Она консультант по менеджменту в фирме Бодмина Дэвиса в Торонто. Младший вице-президент.

Брови Гамаша взметнулись.

– Не так впечатляюще, как можно подумать, сэр. Почти все называются младшими вице-президентами, кроме старших. Она, похоже, уже давно достигла своего потолка. Муж – Томас Морроу. Учился в частной школе в Монреале, потом в Университете Макгилла. Еле-еле получил степень по гуманитарным наукам, хотя и был членом нескольких спортивных команд. Поступил работать в инвестиционную фирму в Торонто и до сих пор там работает.

– Настоящая история успеха, – сказал Бовуар.

– Вообще-то, нет, – возразила Лакост. – Но если судить по его рассказам, то можно так подумать.

– Да вся семья об этом говорит, – сказал Бовуар. – Они все говорят о Томасе как об успешном человеке. Не скрывает ли он чего-нибудь?

– Похоже, это не такой уж большой секрет. Его кабинет – стеклянная кабинка, он руководит бизнесом в несколько миллионов долларов, но, насколько я понимаю, в мире инвестиций это считается мелочью.

– Так он зарабатывает эти деньги?

– И близко не зарабатывает. Это деньги его клиентов. Судя по его последней налоговой декларации, в прошлом году он заработал семьдесят шесть тысяч долларов.

– И он живет в Торонто? – спросил Бовуар.

Торонто был исключительно дорогим городом. Лакост кивнула.

– Он в долгах?

– Мне об этом неизвестно. Сандра Морроу зарабатывает больше мужа – в прошлом году около ста двадцати тысяч. Так что на двоих у них получается почти двести тысяч долларов. И как вы выяснили, они унаследовали больше миллиона от Чарльза Морроу. Это было несколько лет назад, и я уверена, что от этих денег почти ничего не осталось. Буду искать дальше. Про Питера и Клару Морроу мы знаем. Им принадлежит коттедж в Трех Соснах. Он член Королевской академии искусств Канады. Это очень престижно, но престижем в магазине не расплатишься. Они едва сводили концы с концами, пока Клара не получила наследство от соседки несколько лет назад. Теперь они вполне состоятельны, хотя далеко не богаты. Живут скромно. У него вот уже много лет не было персональных выставок, но его картины всегда продаются. Его полотна уходят в среднем по десять тысяч долларов.

– А ее? – спросил Бовуар.

– Тут сказать труднее. До недавнего времени она продавала свои работы за купоны «Канэдиан тайр».

Гамаш улыбнулся, представляя себе купоны этой компании, которые выдавались в магазинах «Канэдиан тайр» при совершении покупки. Что-то вроде денег из игры «Монополия». Пачка таких денег лежала у него в бардачке. Пожалуй, стоит приобрести на них оригинальную работу Клары Морроу, пока ему это по средствам.

– Но в последнее время ее искусство стало привлекать все больше внимания, – продолжила Лакост. – Как вам известно, у нее вскоре будет грандиозная персональная выставка.

– И таким образом, у нас остается Мариана Морроу, – сказал Бовуар, пригубив чай.

Он представил себе, как Вероника черпает ложечкой сухие листья и опускает их в хорошенький чайник с цветочным рисунком, потом берет большой металлический чайник и заливает листья кипятком. Для него. Она знала, что чай будет пить и он, а потому, вероятно, добавила лишнюю ложечку. И еще срезала корочку с огуречных сэндвичей.

– Да, Мариана Морроу, – сказала Лакост, переворачивая страницу в блокноте. – Живет в Торонто. В районе, который называется Роуздейл. Наверно, это что-то вроде Вестмаунта. Очень шикарный район.

– Разведена? – спросил Бовуар.

– Она не была замужем. Это занятно. Она всего в жизни добилась сама. У нее своя компания. Она архитектор. Получила громадный заказ сразу по окончании архитектурной школы. Диссертацию защитила, представив проект небольшого, энергоэкономичного дома низкой стоимости. Не похожего на эти уродливые бетонные кубики, а довольно красивого. В таком доме людям с низким доходом жить вовсе не стыдно. Она заработала на этом целое состояние.

Бовуар фыркнул. Допустить Морроу до карманов бедняков!

– Она много путешествует, – продолжила Лакост. – Знает французский, итальянский, испанский и китайский. Зарабатывает кучу денег. Судя по последней налоговой декларации, ее заработки в прошлом году составили более двух миллионов долларов. И это только задекларированные деньги.

– Постой-ка, – сказал Бовуар, чуть не поперхнувшись эклером. – Ты хочешь сказать, что эта женщина, замотанная с ног до головы в шарфы, слоняющаяся без дела и вечно опаздывающая, сама заработала миллионы?

– Она успешнее отца, – кивнула Лакост.

Втайне ей доставляло удовольствие думать, что эта, самая маргинализированная из всех Морроу на самом деле и самая успешная из них.

– Мы знаем, кто отец ее ребенка? – спросил Бовуар.

Лакост отрицательно покачала головой:

– Может, никакого отца и не было. Может, это случай непорочного зачатия.

Ей нравилось пудрить мозги Бовуару.

– Я гарантирую, что это невозможно, – сказал Бовуар, но под взглядом Гамаша улыбка исчезла с его лица. – Вы что, хотите сказать, будто верите в это, шеф? Я не буду вносить это в официальный отчет. Подозреваемые: Томас, Питер, Мариана. Ах да, и еще второе пришествие.

– Но ты ведь веришь в первое? Почему же не во второе? – спросила агент Лакост.

– Да брось ты, – пробормотал он. – Ты что, хочешь, чтобы я поверил, что во втором пришествии мы получили дитя по имени Бин?

– Бин – это семя, – сказал Гамаш. – Старинная аллегория веры. У меня такое чувство, что Бин – необыкновенный ребенок, тут все возможно.

– Вот только никто не знает, мальчик это или девочка, – пробормотал разозленный Бовуар.

– А это имеет значение? – спросил Гамаш.

– Имеет. Любые тайны при расследовании убийства вызывают подозрение.

Гамаш задумчиво кивнул:

– Это правда. Нередко через день-другой становится ясно, кто искренен, а кто нет. В этом деле тумана с каждым днем все больше. Томас рассказывал нам о растении в пустыне. Если оно проявляет себя в истинном свете, хищники его поедают. Поэтому оно научается скрывать свое истинное «я». Вот и Морроу такие же. Они каким-то образом в какой-то момент научились прятать свою истинную природу, скрывать, что они думают и чувствуют на самом деле. Когда с ними имеешь дело, ничто нельзя принимать на веру.

– Кроме Питера и Клары, – сказала агент Лакост. – Я полагаю, их нет среди подозреваемых.

Гамаш задумчиво посмотрел на нее:

– Вы помните первое дело в Трех Соснах? Убийство мисс Джейн Нил?

Они кивнули. Тогда-то они и познакомились с Морроу.

– Мы тогда арестовали подозреваемого, но мне было не по себе.

– Вы думаете, мы арестовали не того? – в ужасе спросил Бовуар.

– Нет, мы арестовали убийцу, тут нет сомнений. Но я знал, что в Трех Соснах есть и кое-кто еще, способный на убийство. Кое-кто, за кем нужно наблюдать.

– Клара, – сказала Лакост.

Эмоциональная, темпераментная, страстная Клара. Такой характер способен на что угодно.

– Нет, Питер. Закрытый, закомплексованный, внешне такой спокойный и расслабленный, но один Господь знает, что происходит у него внутри.

– Ну, по крайней мере, у меня есть хорошие новости, – сказал Бовуар. – Я знаю, кто автор этих записок. – Он приподнял смятые бумажки из камина Джулии. – Элиот.

– Официант? – спросила удивленная Лакост.

Бовуар кивнул и показал им найденные образцы почерка Элиота. Гамаш надел свои полукруглые очки и склонился над столом. Потом откинулся на спинку стула:

– Прекрасная работа.

– Поговорить с ним?

Гамаш подумал несколько секунд и отрицательно покачал головой:

– Нет, сначала я хочу выяснить кое-что. Но это любопытно.

– Это еще не все, – сказал Бовуар. – Парень не только из Ванкувера, но еще и жил в том же квартале, что Джулия и Дэвид Мартин. Его родители, возможно, знали эту семейную пару.

– Выясни, – сказал Гамаш, встал и направился к машине: пора было ехать за женой.

Элиот Бирн, похоже, вышел за рамки, установленные мадам Дюбуа. Неужели Элиот завоевал одинокую и беззащитную Джулию Мартин? Что ему было нужно? Немолодую любовницу? Внимание? Может быть, он хотел окончательно и бесповоротно привести в ярость своего босса – метрдотеля Пьера?

А может, все, как и всегда, было проще? Может, он хотел денег? Устал обслуживать столики за гроши, а когда получил деньги от Джулии – убил ее?

У дверей библиотеки Гамаш остановился и посмотрел на лист чертежной бумаги с большими красными буквами наверху.

КОМУ ВЫГОДНО?

Но он начал спрашивать себя: а кому смерть Джулии была невыгодна?

Глава двадцать шестая

Рейн-Мари положила вилку и откинулась на спинку удобного стула. Пьер убрал тарелку, на которой оставались лишь маленькие крошки земляничного пирожного, и спросил, не нужно ли чего еще.

– Пожалуй, чашечку чая, – сказала она и, когда Пьер ушел, сжала руку мужа.

Редко ей случалось видеть его в самый разгар следствия. Когда Гамаш привез ее, она поздоровалась с инспектором Бовуаром и агентом Лакост – они оба ели и работали в библиотеке. Потом они перешли в столовую, сияющую крахмальными белыми скатертями, свежими букетами и сверкающим хрусталем и серебром.

Официант поставил перед Гамашем чашку эспрессо, а перед Рейн-Мари – чайник.

– Ты знала, что «Усадьба» делает собственный мед? – спросил Арман, заметив янтарное вещество в вазочке рядом с чайником.

– Правда? Это такая редкость.

Обычно Рейн-Мари не ела меда, но тут решила попробовать с элитным индийским чаем. Прежде чем размешать мед в чае, она обмакнула в него мизинец.

– C’est beau.[83] У него знакомый вкус. Попробуй-ка.

Он тоже окунул мизинец в мед.

Рейн-Мари прищурилась, пытаясь припомнить, что же ей напоминает этот вкус. Конечно, Гамаш знал, что она чувствует, но ему хотелось, чтобы она сама догадалась.

– Сдаешься? – спросил он.

Она кивнула, и Гамаш ей сказал.

– Жимолость? – Рейн-Мари улыбнулась. – Замечательно. Ты мне покажешь как-нибудь эту поляну.

– С удовольствием. Они даже мебель натирают пчелиным воском.

Гамаш, хотя и увлеченный разговором с женой, отметил, что за своим столом расселись Морроу. Питер и Клара со своего обычного места были сосланы в дальний угол и теперь сидели рядом с чадом Марианы.

– Привет, – сказала Рейн-Мари, когда они с Гамашем покидали столовую, собираясь прогуляться. – Как вы оба поживаете?

Вопрос этот можно было и не задавать. Питер осунулся и побледнел, одежда на нем была помята, волосы стояли торчком. Клара выглядела

безукоризненно, вид невозмутимый, придраться не к чему. Рейн-Мари не знала, что ее встревожило больше.

– Ну, сами знаете, – пожала плечами Клара. – Как дела в Трех Соснах? – Голос ее зазвучал мечтательно, словно она спрашивала о каком-то мифическом королевстве. – Все готово ко Дню Канады?

– Да, праздновать будут уже завтра.

– Неужели? – поднял на нее взгляд Питер.

Они здесь потеряли чувство времени.

– Я завтра поеду туда, – сказал Гамаш. – Хотите присоединиться? Будете моими поднадзорными.

Ему показалось, что Питер вот-вот зальется слезами, такое выражение благодарности и облегчения появилось на его лице.

– Верно, это же ваш юбилей, – вспомнила Клара. – И насколько мне известно, на соревнованиях по чечетке перед всеми предстанет крупнейший новый талант.

Гамаш повернулся к жене:

– Значит, Габри не шутил?

– К сожалению, нет.

Они договорились о завтрашней поездке, и Гамаши направились в сад.

– Постой, Арман. – Рейн-Мари прикоснулась пальцами к его руке. – А мы не могли бы заглянуть в кухню и поблагодарить шеф-повара? Очень хочу с ней познакомиться. Она не будет возражать?

Гамаш задумался.

– Пожалуй, нужно спросить Пьера. Не думаю, что он будет против, но кто знает. Не хотелось бы мне потом плясать, как уж на сковороде.

– И тут тоже танцы. Кстати, чечетке меня обучает Рут, – добавила она.

Гамаш попытался перехватить взгляд Пьера, но тот был занят – что-то объяснял Морроу или приносил извинения.

– Ладно, давай заглянем без спроса. – Он взял жену за руку, и они толкнули распашную дверь.

Кухня вся пребывала в хаотическом движении. Впрочем, через несколько секунд Гамаш, который вместе с Рейн-Мари прижался к стене, чтобы пропустить официантов, несущихся мимо с подносами, уставленными бокалами и тарелками, начал улавливать порядок в этом кажущемся хаотическим танце. Нет, это был не хаос, скорее река в половодье. В этом потоке чувствовалась какая-то исступленность, но в то же время и естественность.

– Это она? – спросила Рейн-Мари, кивком указывая в дальний угол кухни. Показать рукой она не решилась.

– Она самая.

На Веронике были поварской колпак и фартук, а в руках она держала огромный нож. Она повернулась в их сторону и увидела. Замерла.

– Похоже, она не рада нашему появлению, – прошептала Рейн-Мари, улыбаясь и пытаясь донести до Вероники, что это все вина ее мужа.

– Давай-ка отсюда. Я первый, – сказал Гамаш, и они пустились наутек.

– Да, неловко получилось, – рассмеялась Рейн-Мари, когда они оказались за пределами кухни. – С этого момента я бы на твоем месте проверяла, что тебе подают.

– Я сначала буду давать инспектору Бовуару на пробу, – улыбнулся он.

Реакция Вероники удивила его. Раньше она умела владеть собой и не была особо подвержена стрессу. Сегодня что-то в ней изменилось.

– А знаешь, я думаю, что видела ее прежде, – сказала Рейн-Мари, беря мужа под руку и чувствуя его успокоительную силу. – Наверное, где-то здесь.

– Она тут и пасечник, так что, может, она и попадалась тебе на глаза.

– И все же, – сказала Рейн-Мари, вдыхая сладкий аромат пиона, – в ней есть что-то необыкновенное. Такую женщину трудно забыть.

В саду пахло свежевскопанной землей и розами. Время от времени сюда доносился слабый запах трав из огорода. Но, прислонясь к мужу, она ощутила другой запах – сандалового дерева. Это было нечто большее, чем его одеколон, – казалось, он сам излучал этот аромат. Так пахли все времена года. Так пахла любовь, стабильность и дом. Это был запах дружбы, спокойствия и мира.

– Смотри. – Гамаш показал на ночное небо. – Это Бабар.

Он очертил пальцами круг, показывая очертания слона в звездном небе.

– Ты уверен? Это больше похоже на Тинтина.[84]

– С хоботом?

– Вы на что показываете? – раздался из темноты голос.

Гамаши прищурились, и через секунду появилось чадо Марианы с книгой в руках.

– Привет, Бин. – Рейн-Мари наклонилась и обняла ребенка. – Мы просто смотрели на звезды – воображали себе разные формы.

– Ах так, – разочарованно произнес ребенок.

– И что, по-твоему, мы видели? – Гамаш тоже наклонился.

– Ничего.

Гамаши помолчали, потом Рейн-Мари показала на книгу:

– А что ты читаешь?

– Ничего.

– Я в детстве любил книги про пиратов, – сказал Гамаш. – Повязывал на глаз косынку, сажал на плечо плюшевого медвежонка…

На лице ребенка заиграла улыбка.

– …брал палку вместо пиратской сабли. Мог играть часами.

Большой, властный человек принялся размахивать рукой, изображая сабельный бой.

– Мальчишки, – усмехнулась Рейн-Мари. – А я была Национальной Вельвет – выигрывала на моей лошади Большие национальные скачки.[85]

Она ухватилась за воображаемые вожжи, опустила голову, подалась вперед и пришпорила своего скакуна, направляя его к самому высокому препятствию. Гамаш улыбнулся в темноте, потом кивнул.

Он видел точно такую позу и раньше. Совсем недавно.

– Ты не покажешь мне свою книгу? – Он не протянул руку, а просто спросил.

Ребенок, поколебавшись, дал ему книгу. Она была теплая в том месте, где ее держала детская рука, и у Гамаша создалось ощущение небольших вмятин, словно оставленных маленькими пальцами на твердой обложке.

– «Мифы, которые должен знать каждый ребенок», – прочел он и раскрыл книгу. – Это книга твоей матери?

Кивок.

Гамаш начал листать страницы. Взглянул в детское лицо.

– История про Пегаса, – сказал он. – Хочешь, я покажу тебе Пегаса на ночном небе?

Внимательные глаза расширились.

– Он что, там, наверху?

– Да. – Гамаш снова наклонился и показал пальцем на небо. – Видишь те четыре ярких звезды?

Он прижался щекой к щеке ребенка, чувствуя мягкость и тепло кожи, потом поднял напрягшуюся детскую руку, дождался, когда она расслабится, и обвел ею участок на небе. Ребенок кивнул.

– Это его тело. А ниже – его ноги.

– Он не летит. – В детском голосе слышалось разочарование.

– Он пасется. Отдыхает, – сказал Гамаш. – Даже самым совершенным существам требуется отдых. Пегас прекрасно умеет парить, скакать, скользить. Но еще он умеет отдыхать.

Они втроем несколько минут смотрели на небо, затем прошли по тихому саду, вспоминая детство. Наконец чадо Марианы решило, что ему пора идти попросить горячего шоколада перед сном.

Рейн-Мари снова взяла Гамаша под руку, и они прошли еще немного, потом развернулись и двинулись назад.

– Ты уже знаешь, кто убил Джулию Морроу? – спросила она, когда они подошли к старому дому.

– Нет еще, – тихо ответил Гамаш. – Но мы сужаем круг. Мы уже знаем, кто автор тех записок, и у нас есть еще куча всяких улик и фактов.

– Жан Ги, наверно, очень счастлив.

– Ты и представить себе не можешь.

Перед его мысленным взором предстали листы чертежной бумаги, испещренные колонками записей. Но одна колонка по-прежнему не имела ни фактов, ни улик; даже гипотез или предположений в ней не было.

Как.

Они зашли за угол дома, и оба инстинктивно посмотрели на белый мраморный куб. От угла дома отделилась фигура. Словно одно из бревен встало вертикально и решило прогуляться по лесу. В лунном свете они видели тень, движущуюся по лужайке. Но тень не свернула в мрачный лес, она свернула к озеру.

Звук шагов Берта Финни доносился до них с дощатой пристани, потом смолк. Арман Гамаш поведал Рейн-Мари о Финни и своем отце.

– И он рассказал остальным? – спросила она.

Гамаш кивнул. Она подняла голову к небу.

– С Даниелем ты больше не говорил?

– Позвоню ему завтра. Я хотел дать ему время успокоиться.

– Ему – время?

– Нам обоим. Но я позвоню.

Прежде чем ехать назад, они заглянули в библиотеку пожелать спокойной ночи.

– И не позволяйте старшему инспектору уезжать завтра, не взяв горшочек меда от шеф-повара Вероники, – проинструктировала она Бовуара.

– Ее меда?

– Она еще и пасечник. Удивительная женщина!

Бовуар согласился.

По пути назад Рейн-Мари вспоминала, где она видела Веронику прежде. Ответ оказался необычайным и неожиданным. Она улыбнулась и открыла было рот, собираясь заговорить, но тут Гамаш спросил о том, что хотят устроить в Трех Соснах на День Канады, и она принялась рассказывать о придумках жителей деревни.

Он высадил ее и уехал, и тут она вспомнила, что забыла ему сказать, и

исполнилась решимости не упустить это из виду завтра.

* * *

Гамаш вернулся в «Охотничью усадьбу» и обнаружил, что агент Лакост разговаривает по телефону с детьми, а Жан Ги Бовуар сидит на диване и попивает эспрессо, обложившись книгами. Книгами по пчеловодству.

Гамаш обошел несколько полок и вскоре и сам уселся с эспрессо, коньяком и кипой книг.

– Вы знаете, что в улье есть только одна матка? – спросил Бовуар.

Несколько минут спустя он прервал чтение шефа еще одним заявлением:

– А вы знали, что осы, шершни или пчелиная матка могут жалить сколько угодно раз, а рабочая пчела – всего один раз? Только у пчел, производящих мед, есть мешочки с ядом. Ну разве это не удивительно? Ужалив, они оставляют жало в жертве. И это убивает пчелу. Они отдают свою жизнь ради матки и улья. Интересно, знают ли они, что погибнут, когда жалят?

– Интересно, – сказал Гамаш, которому на самом деле было все равно.

Он, как и Бовуар, вернулся к чтению.

– А вы знали, что рабочие пчелы – самые главные опылители в мире?

«Ну чисто шестилетний ребенок», – подумал Гамаш.

Бовуар опустил книгу и посмотрел на шефа, который сидел на диване напротив него и читал поэтический сборник.

– Без рабочих пчел мы все умерли бы от голода. Разве это не удивительно?

Несколько секунд Бовуар воображал себе, что он переехал в «Усадьбу» и помогает Веронике расширять пчелиную империю. Вместе они спасут мир. Они получат Legion d’honneur.[86] О них напишут песни.

Гамаш опустил свою книгу и уставился в окно. Он видел там только отражения – свое и Бовуара. Два призрака, читающие в летний вечер.

– Пчелы образуют шар из своих тел и защищают матку, если улью грозит опасность. Разве это не прекрасно?

– Прекрасно, – кивнул Гамаш и продолжил чтение.

Время от времени до Бовуара доносилось бормотание шефа:

Я вырвался из мрачных уз земли,

Пустился в пляс на крыльях серебра.
Здесь ни одна хандра
Мне не страшна, в отличье от тебя…

Бовуар посмотрел на шефа: тот запрокинул голову и закрыл глаза, а его губы двигались, повторяя фразу за фразой.

До головокруженья синевы
Взлетал я ввысь,
Куда ни ласточки и даже ни орлы
Не поднимались.

– Это откуда? – спросил Бовуар.

– Стихотворение называется «Высокий полет». Его написал молодой канадский летчик, участник Второй мировой войны.

– Правда? Он, наверно, любил летать. Пчелы любят летать. Могут пролетать большие расстояния в поисках еды, но они предпочитают собирать нектар поближе к улью.

– Он погиб, – сказал Гамаш.

– Что?

– Здесь написано, что этот поэт был убит. Его самолет сбили.[87] Это стихотворение цитировал Рейган после катастрофы с «Челленджером».

Но Бовуар уже снова ушел в своих пчел.

Спустя какое-то время Гамаш положил тоненькую книжицу в кожаном переплете и взял следующую. Полевой каталог североамериканских птиц.

Следующий час они сидели рядом, тишину нарушал лишь Бовуар, листая страницы книг по пчеловодству.

Наконец настало время ложиться спать. Бовуар пожелал шефу спокойной ночи, а Гамаш напоследок, поглядывая на звезды, еще прогулялся по тихому саду.

В безвидную бескрайность я проник,
Нарушив непорочность пустоты,
И руку протянул, и тронул Бога лик.

Глава двадцать седьмая

Рассвет первого июля, Дня Канады, был туманным и прохладным. Утро обещало дождь. Арман Гамаш посмотрел на сидящую напротив него за столом Айрин Финни. Между ними стояли ее чайник и его кофе с молоком. Официанты беззвучно приносили утренние блюда шведского стола.

– Когда я смогу похоронить дочь, старший инспектор?

– Я позвоню коронеру и сообщу вам, мадам. Я полагаю, она разрешит похороны через день-два. Где вы хотите ее похоронить?

Она не ожидала этого вопроса. Чтобы ее спрашивали о семье – да. О ней самой – почти наверняка. Об их истории, их финансах, их жизни. Она была готова к допросу, но не к разговору.

– Разве вас это касается?

– Касается. Наш выбор говорит о том, какие мы. Я смогу найти убийцу вашей дочери, только если он разоблачит себя.

– Какой вы странный человек. – Было ясно, что мадам Финни не любит никаких странностей. – Вы и в самом деле думаете, что место захоронения жертвы может дать вам ключ к раскрытию преступления?

– Ключ может дать что угодно. В особенности место захоронения жертвы.

– Но вы же спрашиваете меня. Означает ли это, что вы и меня подозреваете?

Женщина, сидящая напротив него, была неустрашима, она почти бросала ему вызов: ну-ка, попробуй обвинить меня.

– Подозреваю.

Она чуть прищурилась.

– Вы лжете, – сказала она. – Вы не можете подозревать восьмидесятипятилетнюю женщину в том, что она уронила многотонную статую на свою дочь. Но возможно, вы потеряли связь с реальностью. Видимо, это семейное.

– Не исключено. Откровенно говоря, мадам, вероятность того, что это сделали вы, ничуть не меньше вероятности того, что это сделал кто-то другой. Никто из вас не мог столкнуть Чарльза Морроу с пьедестала, и тем не менее это случилось. К несчастью.

Чем менее снисходительной становилась она, тем снисходительнее становился он. А ее раздражительность быстро набирала силу. Это не

удивляло старшего инспектора: он понимал, что она принадлежит к тому типу людей, которые могут быть чрезвычайно вежливы и крайне оскорбительны.

– Спасибо. – Она улыбнулась молодому официанту, потом обратила водянистые глаза на Гамаша. – Продолжайте. Вы обвиняете меня в убийстве дочери.

– Это неправда. – Он подался вперед, стараясь не нарушать ее личного пространства, но все же угрожать ему. – Почему вы это говорите? Мне трудно представить, что вы не хотите найти убийцу. Почему же вы отказываете мне в помощи?

В его спокойном, рассудительном голосе звучало любопытство.

Миссис Финни излучала ярость. Гамаш почувствовал, что его лицо от этих лучей готово покрыться пузырями, обуглиться. Теперь он понимал, почему ни у кого из детей никогда не было тесных отношений с матерью. И у него промелькнула мысль о Берте Финни, который был близок к ней.

– Я пытаюсь вам помочь. Если вы будете задавать разумные вопросы, я отвечу.

Гамаш неторопливо откинулся на спинку стула и посмотрел на миссис Финни. Ее лицо бороздили крохотные морщины, словно стекло, которое растрескалось, но еще не распалось. Щеки горели румянцем, делая ее еще красивее, еще уязвимее. Сколько несчастных душ попалось на это?

– Что такое «разумные вопросы»? – поинтересовался Гамаш.

Это ее удивило.

– Спрашивайте про мою семью, спрашивайте про воспитание. Им ни в чем не было отказа. Образование, спорт. Лыжные путешествия зимой, теннис и яхтенный спорт летом. И я знаю, вы думаете, что мы их наказывали. – Она схватила сахарницу и стукнула ею о стол, так что струйка песка хлынула на столешницу. – Да, наказывали. Я сама наказывала. Но еще мы любили их. Они знали, что их любят.

– Откуда они это знали?

– Еще один глупый вопрос. Они знали, потому что знали. Им об этом говорили. Им это демонстрировали. Если они не чувствовали любви, то это уже их проблема. Что они вам наговорили?

– О любви они не говорили ничего, но я и не спрашивал.

– Вы спрашиваете у меня, но не у них? Обвиняете мать, да?

– Вы меня неправильно поняли, мадам. Когда дойдет время до обвинений, вы это будете знать. Я просто задаю вопросы. И о любви начали говорить вы, а не я. Но вопрос интересный. Как вы думаете, ваши дети любят друг друга?

– Конечно любят.

– И в то же время они друг для друга чужие. Не нужно быть детективом, чтобы увидеть: они едва выносят друг друга. Они когда-нибудь дружили между собой?

– До отъезда Джулии – да. Мы играли в разные игры. В слова. В аллитерации. И я читала детям.

– Питер рассказывал мне об этом. Он все еще помнит то время.

– Питер неблагодарный человек. Я знаю, что́ он вам говорил. Что было бы лучше, если бы я умерла.

– Он этого не говорил. Мы рассуждали об отношениях в семье: станут ли дети встречаться, когда вас не будет. Он сказал, что они, возможно, станут дружнее.

– Правда? Это почему?

Она задала этот вопрос небрежным тоном, но Гамаш почувствовал искренний интерес.

– Потому что сейчас они приезжают, чтобы увидеть вас. И только вас. А друг в друге они видят конкурента. Когда вы уйдете…

– Умру, старший инспектор. Ведь вы имеете в виду «умру»?

– Когда вы умрете, им придется найти повод, чтобы встречаться. Или не встречаться. Семья либо исчезнет, либо сплотится. Вот о чем говорил Питер.

– Знаете, Джулия была лучшей из них. – Не глядя на Гамаша, миссис Финни двигала сахарницу туда-сюда по просыпанному песку. – Добрая и отзывчивая. Она почти ни о чем не просила. И всегда была настоящей леди. Мы с ее отцом пытались всех научить этому – быть маленькими леди и джентльменами. Но только Джулия поняла нас. У нее были такие прекрасные манеры.

– Я тоже обратил на это внимание. Мой отец всегда говорил: в присутствии джентльмена чувствуешь себя легко.

– Забавно, что такие слова говорил человек, который стольким людям нанес вред. Уж ему-то, конечно, было легко, пока другие воевали. Что чувствует человек, имея отца, которого все клеймят?

Гамаш выдержал ее взгляд, потом перевел глаза на лужок, спускающийся к золотистому озеру и пристани, на которой сидел и вел свои подсчеты старый уродец. Человек, который знал его отца. Ему хотелось расспросить Финни об отце. Гамашу было одиннадцать, когда к их дому подъехала полицейская машина. Он смотрел в окно, прижавшись мягкой щекой к колючей спинке дивана. Ждал родителей. Они уже давно должны были приехать. Но сегодня задерживались.

Он увидел машину и сразу же понял, что это не они. В чем было дело – немного иначе работал двигатель? Под иным углом светили фары? Или что-то другое сказало ему: нет, это не они? Он увидел полицейских, вышедших из машины. Они надели фуражки, немного потоптались на месте, потом пошли.

Шли они очень медленно.

Его бабушка тоже видела машину, свет фар которой пробивался в окно. Она пошла встречать его родителей.

Он видел, как она медленно идет, медленно протягивает пальцы к дверной ручке. Он пытался пошевелиться, сказать что-то, остановить ее. Но если весь мир только замедлился, то маленький Арман вообще замер.

Он просто смотрел с открытым ртом.

Потом раздался стук. Не резкий, а гораздо более зловещий. Кто-то словно поскребся в дверь, тихонько потер ее. Гамаш увидел, как изменилось лицо его бабушки за мгновение до того, как она открыла дверь. Но ведь его родители наверняка не стали бы стучать? И тогда он побежал к ней. Хотел остановить, чтобы она не впустила в дом то, что скреблось за дверью. Но остановить это было невозможно.

Полицейский еще не сказал ни слова, а она уже прижала лицо Армана к своему платью, и он по сей день задыхается от запаха нафталина. И до сих пор чувствует у себя на спине ее большую руку. Она словно поддерживала его, чтобы он не упал.

Все оставшееся детство и юность вплоть до двадцати лет Арман Гамаш не мог понять, почему Господь забрал их обоих. Неужели он не мог оставить ему хотя бы одного? Он ничего не требовал, ни в чем не обвинял неуклюжего и бездумного Бога, просто недоумевал.

Ответ он нашел, когда встретил Рейн-Мари, полюбил ее и женился на ней, а потом с каждым днем любил все сильнее. Тогда ему стало понятно, насколько добр был Господь: он не забрал одного из них, оставив другого в бесконечном отчаянии. Даже для него, Гамаша, не оставил.

Старший инспектор перевел глаза с озера на сидящую перед ним старуху, которая излила на него всю свою горечь.

Он смотрел на нее добрым взглядом. Не потому, что знал: это смутит и озлобит ее еще сильнее. Просто у него было достаточно времени, чтобы пережить утрату, а ее рана была так свежа.

Скорбь – это остро заточенный кинжал, которым человек терзает себя. Кинжал этот сделан из недавних утрат и старых печалей. Он выкован, закален и иногда отполирован. Айрин Финни была убита смертью дочери, и к этой ее скорби добавились долгие годы горечи и разочарования,

богатства и гордыни. Но выкованный ею кинжал на какое-то время прекратил терзать ее и теперь был направлен вовне. На Армана Гамаша.

– Я любил моего отца тогда и люблю сейчас. Все очень просто, – сказал он.

– Он этого не заслуживает. Мне очень жаль, но так оно и есть, и я не могу об этом молчать. Правда лишь освободит вас от иллюзий. – Она почти сочувствовала ему.

– Я согласен, – сказал Гамаш. – Но еще я верю в то, что человека освобождает не правда о других, а правда о нем самом.

Миссис Финни ощетинилась:

– Мне не требуется освобождения, мистер Гамаш. Вы смотрите на своего отца сквозь розовые очки. Живете с ложью. Я его знала. Он был трусом и предателем. Чем скорее вы примете это, тем скорее сможете перейти к нормальной жизни. То, что он сделал, отвратительно. Он не заслуживает вашей любви.

– Мы все заслуживаем любви. А иногда и прощения.

– Что-что? Вы имеете в виду милосердие, снисхождение? – В ее устах это прозвучало как обвинение, как проклятие. – Я никогда не прощу человека, который убил Джулию…

Ее дрожащие руки отпустили сахарницу. Через несколько секунд голос мадам Финни снова зазвучал ровно:

– Видите ли, мы уже и без того потеряли кучу времени. Оно было украдено Дэвидом Мартином. Она даже не пожелала вернуться домой на свадьбу. Вместо этого они поженились в Ванкувере. И он не выпускал ее оттуда.

– Удерживал против ее воли?

Она задумалась.

– Он не пускал ее к нам. Он ненавидел нас, а особенно Чарльза.

– Почему?

– Чарльз был слишком умен для него, знал, что представляет собой этот Мартин. Уж на джентльмена он никак не был похож. – Она почти улыбнулась. – Он всегда строил хитроумные проекты. Всегда искал какой-то обходной маневр, быструю сделку. Джулия и Чарльз рассорились. Вы, наверно, знаете.

Она подняла голову и уставилась на него хитрыми голубыми глазами. Гамаш кивнул.

– Тогда вы знаете, какой чувствительной была Джулия. Чересчур чувствительной в те времена. Она уехала и сразу же познакомилась с Дэвидом Мартином. Когда Мартин узнал, что она дочь финансиста Чарльза

Морроу, ну, тут он стал лихорадочно искать способы, как их помирить. Чарльз поначалу был им очарован, но потом стало ясно, что Мартин ищет инвестора для одной из своих хитроумных схем. Чарльз в тот же миг его и отвадил.

– То есть ни сделка, ни примирение не состоялись?

– Нет, сделка состоялась, только с другими, более доверчивыми инвесторами. Но в конечном счете он потерял все, и ему пришлось начинать заново. Он никогда не уставал поливать нас грязью перед Джулией. Настроил ее против нас окончательно. В особенности против отца.

– Но началось это не с Дэвида Мартина, а гораздо раньше. С той гадости, что была написана на стене мужского туалета в «Рице».

– Вы и об этом знаете? Так вот, это была ложь. Грязная ложь. И имела она одну цель: напакостить Чарльзу и вбить клин между ним и Джулией.

– Но кому это могло понадобиться?

– Мы так и не узнали.

– А подозрения у вас на этот счет есть?

Она ответила не сразу:

– Если и есть, то я сохраню их при себе. Вы думаете, я люблю сплетничать?

– Я думаю, что если ваша семья подвергалась нападкам, то вы и ваш муж должны были нанести ответный удар. И сделать все, чтобы найти того, кто это сделал.

– Чарльз пытался, – призналась она. – Подозрения у нас были, но мы не могли действовать, основываясь на подозрениях.

– Кто-то близкий к вашей семье?

– Этот разговор закончен.

Миссис Финни поднялась, но Гамашу показалось, что перед этим она стрельнула взглядом в сторону лужка. Озера. И старого уродца на пристани, почти окутанной туманом.

* * *

В тот момент, когда Гамаш зашел на пристань, по лужайке галопом проскакала крохотная фигурка. Бин в полете, полотенце Человека-паука развевается следом, руки сжимают вожжи, доносится шепоток песни: «Пусть остается кобыла, пусть остается кобыла». Почти и не песня, почти и не слышная. Чадо Марианы радостно проскакало по травке, а потом

исчезло в лесу.

– Видите что-нибудь? – спросил Гамаш, кивая на бинокль Финни.

– Да я больше и не смотрю, – признался Финни. – Ношу его скорее по привычке. На случай если вдруг произойдет что-то необычное. Бин вот просит, чтобы я посматривал, не появится ли Пегас. И кажется, я сейчас его видел.

Финни кивнул в сторону опустевшей лужайки, и Гамаш улыбнулся.

– Но за птицами я больше не слежу. Память плохая стала.

– Вот взять мартлета,[88] – сказал Гамаш, сцепляя за спиной пальцы и глядя на озеро и бегущие по нему небольшие волны. По небу ползли облака. – Какая интересная птица! Ее часто используют в геральдике. Считается, что она символизирует предприимчивость и настойчивость. А еще мартлет обозначал четвертого ребенка.

– Правда?

Финни продолжал сидеть лицом к озеру, но его ленивые глаза ожили – стреляли из стороны в сторону.

– Да, я вчера вечером нашел книгу о Столетней войне. В те времена семейное состояние наследовал старший сын, второй делал карьеру в церкви, третий мог удачно жениться. А вот четвертый… Четвертому самому приходилось искать счастья.

– Трудные времена были.

– Для мартлетов. И я помню, чего Чарльз Морроу боялся больше всего. Что его дети растранжирят наследство. Их, кстати, тоже четверо.

– Глупо с его стороны, – сказал Финни. – Он был таким добрым и щедрым ко всем другим, но только не к своим детям.

– Вы так думаете? А я вам скажу, что думаю я. Да, отец сказал Чарльзу Морроу, что нужно опасаться следующего поколения, и Чарльз в это поверил. Его собственное глупое решение. Но сыновья склонны верить отцам. И потому Чарльз принял еще одно решение. На сей раз мудрое. Я думаю, он решил дать детям нечто иное, другое богатство, не деньги. Что-то такое, что они не смогут растранжирить. В то же время на жену и друзей он денег не жалел, осыпал их подарками.

Гамаш слегка поклонился Финни, который кивком подтвердил, что этот жест не остался незамеченным.

– Он решил не подпускать детей к деньгам. Вместо этого он одарил их любовью.

На плохо выбритом лице Финни дернулись жилистые мускулы.

– Вы знаете, он много думал о богатстве, – сказал Финни. – Был в некотором роде одержим этим. Он пытался понять, что дают ему деньги.

Но так по-настоящему и не понял. Для него только стало ясно, что без денег он был бы несчастен. Но хотите честно? – Финни повернул свое опустошенное лицо к Гамашу. – Он был несчастен и с деньгами. К концу он ни о чем другом и думать не мог. Достаточно ли у него денег, не пытается ли кто-то украсть их у него, не промотают ли их дети? Разговоры с ним стали скучнее некуда.

– И тем не менее вы сидите здесь и ведете подсчеты.

– Это верно. Но я делаю это частным образом и не ущемляю ничьих прав.

Гамаш задумался, так ли оно на самом деле. Теперь, когда Джулия мертва, арифметика этого человека стала куда занятнее. Убийство Джулии вполне можно рассматривать как ущемление чьих-то прав.

– Итак, из собственного ли несчастья или из мудрости, Чарльз Морроу решил, что на его детей прольется не золотой дождь, а дождь его любви, – продолжил старший инспектор.

– Вы знаете, Чарльз учился в Университете Макгилла. Играл в их хоккейной команде «Мартлеты Макгилла». – Финни помолчал, чтобы придать этим словам больший вес. – Он рассказывал детям об этих играх, но говорил им о тех случаях, когда упал на льду, или не сумел принять пас, или был впечатан в бортик. Обо всех тех случаях, когда он оказывался не на высоте. Он хотел внушить детям, что в ошибках нет ничего ужасного, ничего страшного.

– А они не любили ошибаться? – спросил Гамаш.

– Большинство людей не любит ошибаться, но дети Морроу – как никто другой. А потому они никогда не рисковали. Рисковать была склонна только одна из них – Мариана.

– Четвертый ребенок, – сказал Гамаш.

– Вообще-то, да. Но из всех них Питер был самым чувствительным. У него душа художника и темперамент банкира. Когда человек в таком конфликте с самим собой, жизнь у него нелегкая.

– Вечером перед своей смертью Джулия обвинила его в лицемерии, – вспомнил Гамаш.

– Боюсь, что они все такие. Томас – полная противоположность Питера. Душа банкира, но темперамент художника. Эмоции придавлены. Вот почему его музыка такая педантичная.

– И безрадостная, – подхватил Гамаш. – В отличие от игры Марианы.

Финни ничего не сказал на это.

– Но я вам не сообщил самое интересное про мартлета, – сказал Гамаш. – Его всегда изображают без ног.

Старик невнятно замычал, и Гамаш подумал, уж не мучает ли его боль.

– Скульптор Пелетье присовокупил к статуе Чарльза Морроу мартлета, – продолжил Гамаш. – Такую же птичку нарисовал для отца и Питер.

Финни кивнул, вздыхая:

– Я помню этот рисунок. Чарльз очень дорожил им. Всегда держал при себе.

– Этому же научилась у него Джулия, – сказал Гамаш. – Чарльз держал при себе то, что ему дорого, то же самое делала и его дочь. Она всюду возила с собой пачку писем. Они кажутся безобидными, даже приземленными, но для нее они служили защитой, доказательством того, что ее любят. Она доставала их, перечитывала, когда чувствовала себя покинутой всеми, а это, мне кажется, случалось нередко.

Питер сказал, что у них у всех была своя броня, и эти письма были броней Джулии. Стопка благодарственных записок.

– Я знаю, что Чарльз был вашим лучшим другом, но вы меня извините за то, что я скажу. – Гамаш сел так, чтобы видеть лицо старика, хотя разгадать его выражение было почти невозможно. – Хотя вы и говорите, что он любил своих детей, непохоже, чтобы они питали к нему ответное чувство. У месье Пелетье создалось впечатление, что никто особо не скорбел по Чарльзу Морроу.

– Вы все еще плохо знаете Морроу, да? Вы думаете, что знаете, но это не так. Иначе вы бы никогда этого не сказали. – Финни произнес это тихим голосом, без озлобления, но упрек был очевиден.

– Я лишь цитировал скульптора.

Над пристанью с жужжанием носились стрекозы.

– У мартлета есть одно свойство, – сказал Гамаш.

– Какое?

– Знаете, почему его всегда изображают без ног?

Финни хранил молчание.

– Потому что он летит на небеса. Легенда гласит, что мартлет никогда не касается земли, он все время в полете. Я думаю, Чарльз Морроу именно это и хотел дать своим детям. Он хотел, чтобы они умели летать. Чтобы они обрели если не небо, то хотя бы счастье. «Я вырвался из мрачных уз земли», – продекламировал Гамаш. – Вы цитировали стихотворение «Высокий полет» при нашем первом разговоре.

– Любимые стихи Чарльза. Во время войны он служил в морской авиации. «Пустился в пляс на крыльях серебра». Прекрасно.

Финни оглядел озеро, лес, горы. Открыл рот, потом закрыл. Гамаш

ждал. Наконец Финни заговорил:

– Знаете, вы очень похожи на отца.

Эти слова прозвучали – пролились в мир, соединились с золотистым рассветом, посылающим свои лучи через собирающиеся облака на воду и на пристань, согрели их лица. Эти слова слились со сверкающей водой, прыгающими насекомыми, бабочками, птицами, шелестящими листьями.

Арман Гамаш закрыл глаза и вошел вглубь тени, в длинный дом, где обитали все его воспоминания, весь его жизненный опыт, где ждали его все, кого он когда-либо знал, все, что он когда-либо делал, думал или говорил. Он дошел до самого конца, до одной комнаты. Дверь в нее была закрыта, но не заперта. В эту комнату он никогда не осмеливался войти. За дверью чувствовалось не зловоние, не темнота, не стоны ужасной угрозы. А что-то гораздо более пугающее.

Из-под двери пробивалась полоска света.

Он знал, что внутри находятся его родители. Туда их поместил молодой Арман. Чтобы они оставались там в безопасности. В идеальных условиях. Защищенные от обвинений, ядовитых насмешек, хитрых улыбок.

Сколько себя помнил Арман, Оноре жил в этом свете. Принимаемый безоговорочно.

Весь мир мог шептать «трус», «предатель», а его сын только улыбался. Его отец оставался в безопасности за этой дверью.

Арман прикоснулся пальцами к дверной ручке.

Последняя комната, последняя дверь. На этой последней неразведанной земле не было чудовищной ненависти, или горечи, или язвительного негодования. Здесь царила любовь. Ослепительная, прекрасная любовь.

Арман Гамаш чуть-чуть толкнул дверь – и она распахнулась.

– Каким был мой отец?

Финни заговорил не сразу:

– Он был трусом, но вы это знаете. Настоящим трусом, вам это хорошо известно. Это не просто бред сумасшедших англоязычных граждан.

– Я знаю, что он был трусом, – сказал Гамаш более уверенно, чем чувствовал.

– И вы знаете, что случилось?

Гамаш кивнул:

– Мне известны факты.

Он снова метнулся в длинный дом, мимо глазеющих на него недоуменных воспоминаний, стремясь поскорее добежать к двери и комнате, в которую он по глупости заглянул. Но было уже слишком поздно.

Дверь была открыта, свет проливался наружу.

Он увидел самое отвратительное лицо в мире.

– Мы с Оноре Гамашем жили разной жизнью. Мы очень часто занимали противоположные позиции. Но он сделал совершенно необычную вещь. Я об этом никогда не забывал – я даже сегодня ношу это в себе. Знаете, что сделал ваш отец?

Задавая этот вопрос, Берт Финни не смотрел на старшего инспектора, но у Гамаша создалось впечатление, что его разглядывают под микроскопом.

– Он поменял свое мнение, – ответил Финни самому себе.

Он с трудом поднялся на ноги, протер лысую голову платком и надел широкополую шляпу, которую два дня назад дал ему Гамаш. Он выпрямился как только мог, потом повернулся и посмотрел на Гамаша, который тоже поднялся и теперь возвышался над ним. Финни ничего не говорил, просто смотрел. Потом его уродливое, опустошенное лицо расплылось в улыбке, и он прикоснулся пальцами к руке Гамаша. Этот контакт, как и многие другие в жизни Гамаша, был не только дан, но и принят. Но было в нем что-то столь личное, что почти вызывало ассоциации с насилием. Финни поймал взгляд Гамаша, отвернулся и медленно пошел по пристани к берегу.

– Вы солгали мне, месье, – сказал ему вслед Гамаш.

Старик остановился, замер, потом повернулся, прищурился в лучах солнца, тем более ярких оттого, что пробивались сквозь просветы в облаках. Он поднес дрожащую руку ко лбу, чтобы видеть Гамаша.

– Вы, кажется, удивлены, старший инспектор. А ведь люди постоянно врут вам.

– Это верно. Меня удивила не ложь, а ее предмет.

– Правда? И что же это за предмет?

– Вчера я попросил мою команду собрать биографические данные обо всех подозреваемых…

– Очень мудро.

– Merci. Они обнаружили, что вы – точно тот, за кого себя выдаете. Скромная семья из Нотр-Дам-де-Грас в Монреале. Бухгалтер. После войны работали в разных местах, но работу трудно было найти – освободилось сразу столько человек. Ваш старый приятель Чарльз взял вас к себе, и вы там и остались. Были очень ему преданы.

– Это была хорошая работа у хорошего друга.

– Но вы сказали мне, что никогда не были в плену.

– Я и не был.

– Были, месье. По архивным данным, во время японского вторжения в Бирму вы были там. И попали в плен.

Он говорил с человеком, оставшимся в живых после Бирманской кампании, жестокого сражения и варварского, нечеловеческого плена. Не выжил почти никто. А этот человек был из тех, кому повезло. Он дожил почти до девяноста лет, словно взял эти годы у тех, кто остался в бирманской земле. Он женился, у него приемные дети, и он может спокойно стоять на пристани этим летним утром и обсуждать подробности убийства.

– Очень тепло, старший инспектор. Занятно, понимаете ли вы, насколько тепло. Но вам еще придется восполнить кое-какие пробелы.

С этими словами Берт Финни развернулся и пошел по траве, медленно направляясь туда, куда собирался.

Арман Гамаш смотрел ему вслед, все еще ощущая прикосновение высохших старческих пальцев к его руке. Потом он закрыл глаза и поднял лицо к небу, его правая рука оставалась чуть приподнятой навстречу руке Финни.

– «Я вырвался из мрачных уз земли», – прошептал он озеру.

Глава двадцать восьмая

Гамаш съел легкий завтрак из мюслей домашнего приготовления, поглядывая на Бовуара, который проглотил чуть ли не целый улей меда.

– Вы знаете, что рабочие пчелы повисают над сотами и машут крылышками, чтобы оттуда испарилась вода? – спросил Бовуар, набив рот сотами и пытаясь делать вид, что они не имеют вкуса воска. – Вот почему мед такой сладкий и густой.

Изабель Лакост, намазывая свежий земляничный джем на слой сливочного масла на круассане, посмотрела на Бовуара, словно тот был дебильным медведем.

– Моя дочь писала реферат по меду в первом классе, – сказала она. – Вы знаете, что пчелы едят мед, а потом отрыгивают его? И делают это многократно. Так и получается мед. Пчелиная отрыжка – так она это назвала.

Ложка, в которой был кусочек сот и стекающая через край золотистая тягучая жидкость, замерла в воздухе. Но восторг победил, и ложка отправилась в рот Бовуару. Его устраивало все, к чему прикасалась рука шеф-повара Вероники. Даже пчелиная отрыжка. Это вязкое вещество цвета янтаря доставляло ему удовольствие. Рядом с этой большой, несуразной женщиной он чувствовал, что о нем заботятся, чувствовал себя в безопасности. Он спрашивал себя, не любовь ли это. И недоумевал, почему он не испытывает таких же чувств к жене, Энид. Но он прогнал эту мысль, прежде чем она завладела им.

– Я вернусь к середине дня, – несколько минут спустя сказал Гамаш, стоя в дверях. – Не сожгите дом.

– Передайте от нас привет мадам Гамаш, – попросила Лакост.

– Поздравляю с круглой датой, – сказал Бовуар, пожимая руку шефу.

Гамаш задержал руку подчиненного в своей чуть дольше обычного. К губе Бовуара прилипла капелька воска.

Гамаш отпустил влажную руку.

– Выйди со мной, – сказал он, и они вдвоем направились по грунтовой дороге к машине.

В какой-то момент Гамаш посмотрел на Бовуара:

– Ты тут поосторожнее.

– Что вы хотите сказать? – Бовуар почувствовал, как включились его защитные рефлексы.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Дело довольно трудное, опасное. Вдвойне опасно, если у тебя появляется слепота.

– Ничего такого у меня не появляется.

– Появляется, и ты это знаешь. Ты одержим Вероникой Ланглуа. Что это за история, Жан Ги?

– Ничего я не одержим. Я восхищаюсь ею, это есть, но больше ничего. – В его голосе слышалась напряженность и предупреждение.

Гамаш не шелохнулся. Он продолжал смотреть на инспектора, такого аккуратного, такого простодушного и пребывающего в таком смятении. С другой стороны, насколько понимал Гамаш, именно смятение и делало его талантливым следователем. Да, он собирал факты и делал это блестяще. Но именно беспокойство Бовуара позволяло ему видеть такое же состояние у других.

– А что насчет Энид?

– А при чем тут моя жена? Вы это к чему?

– Не лги мне, – сказал Гамаш.

Ложь можно было ожидать от подозреваемых, да, но от людей из своей команды – никогда. Бовуар знал это, а потому задумался.

– Поначалу у меня было какое-то чувство к Веронике, но это же смешно. Нет, вы посмотрите на нее. Почти в два раза старше меня. Нет, она просто зачаровала меня, вот и все.

Произнеся всего несколько слов, он предал свои чувства и солгал шефу.

Гамаш глубоко вздохнул, продолжая смотреть на Бовуара. Потом прикоснулся к его руке:

– Тебе нечего стыдиться, но есть много чего опасаться. Будь осторожен. Вероника Ланглуа входит в число подозреваемых, и я боюсь, что твои чувства к ней ослепляют тебя.

Гамаш опустил руку, и Бовуару в это же мгновение захотелось, чтобы шеф обнял, успокоил его, как ребенка. Он был крайне удивлен и пристыжен, испытав это почти непреодолимое желание. Словно какая-то рука подталкивала его сзади к этому сильному, властному человеку.

– Я ничего к ней не чувствую, – сказал он упрямо.

– Лгать мне – это одно, Жан Ги, но я надеюсь, ты не лжешь самому себе. – Гамаш пристально посмотрел на него.

– Привет, – послышался веселый голос от подъездной дорожки.

Они повернулись и увидели Клару и Питера, которые шли к ним. Клара остановилась, заметив выражение их лиц.

– Мы вам помешали?

– Вовсе нет. Я уже собирался уходить. – Бовуар повернулся и быстро зашагал в сторону дома.

– Вы уверены, что мы не помешали? – спросила Клара, когда они, усевшись в «вольво» Гамаша, направились в Три Сосны.

– Нет, мы закончили разговор, merci. Не терпится скорее домой?

В течение всей этой приятной поездки они говорили о погоде, о деревне, о ее жителях. О чем угодно, только не о деле и не о тех Морроу, которые остались в «Усадьбе». Наконец машина въехала на холм, и они увидели внизу Три Сосны и деревенский луг в центре с небольшими дорогами, отходящими от него, словно лучи от солнца.

Они медленно, осторожно съехали вниз, поглядывая на жителей, которые выходили из домов, и на загорелых детишек в купальных костюмах, без присмотра перебегавших через дорогу со своими собаками. С одной стороны деревенского луга была воздвигнута сцена, а из ямы для барбекю шел дымок.

– Высадите нас здесь, – попросила Клара, когда Гамаш проезжал мимо выходящей на луг гостиницы Габри и Оливье. – Дальше мы пешком.

Она показала на свой дом, хотя в этом не было нужды: Гамаш прекрасно знал этот маленький кирпичный коттедж по другую сторону луга. Над невысоким каменным забором нависали розовые кусты, а яблони вдоль тропинки в саду были готовы плодоносить. Со стороны дома виднелась решетка для вьюнковых, увитая душистым горошком. Он еще не вышел из машины, как уже увидел Рейн-Мари, которая вышла из гостиницы. Она помахала Питеру и Кларе, а потом поспешила по ступенькам крылечка в его объятия.

Они были дома. Гамаш всегда чувствовал себя немного улиткой, но свой дом нес не на спине, а на руках.

– Поздравляю с юбилеем, – сказала Рейн-Мари.

– Joyeux anniversaire, – сказал он и сунул открытку ей в руку.

Она повела его к качелям на широкой открытой веранде и села. Гамаш оглядел качели, потом кинул взгляд на крюк в дощатом потолке, на котором были закреплены веревки.

– Габри и Оливье все время сидят здесь, смотрят, что происходит в деревне. Откуда, ты думаешь, они столько всего знают? – Она похлопала по соседнему сиденью. – Тебя выдержат.

«Ну, если они выдерживают толстого и экспрессивного хозяина гостиницы, – подумал Гамаш, – то выдержит и меня». И качели выдержали.

Рейн-Мари подержала в руках лист плотной сложенной бумаги, потом открыла его.

«Я тебя люблю», – прочла она. Рядом было нарисовано счастливое лицо.

– Сам рисовал? – спросила она.

– Да.

Он не сказал ей, что трудился почти всю ночь. Писал четверостишие за четверостишием, а потом отверг их все. И решил выразить свои чувства в этих трех словах. И в этом глупом рисунке.

На лучшее он был не способен.

– Спасибо, Арман.

Она поцеловала его и сунула открытку в карман. (Когда она вернется домой, эта открытка присоединится к тридцати четырем другим с точно такими же словами. Ее сокровище.)

Вскоре они рука в руке вышли на луг и приветственно помахали тем, кто присматривал за углями вокруг фаршированного ягненка au jus,[89] завернутого в траву и фольгу и закопанного еще до рассвета. Meshoui, традиционная квебекская еда к празднику. На День Канады.

– Bonjour, Patron. – Габри похлопал Гамаша по спине и поцеловал в обе щеки. – Говорят, сегодня двойной праздник – День Канады и ваш юбилей.

К ним присоединился Оливье, партнер Габри и владелец местного бистро.

– Felicitations, – улыбнулся Оливье.

Если Габри был крупным, эмоциональным, неухоженным, то Оливье – безукоризненным и сдержанным. Обоим было лет по тридцать пять, они переехали в Три Сосны в поисках спокойной жизни.

– Не может быть! – прозвучал пронзительный старческий голос, перекрывая шум праздника. – Неужели это сам Клузо?[90]

– К вашим услюгам, мадам. – Гамаш поклонился Рут, произнося слова с самым густым своим парижским акцентом. – У вас есть лисенси на содержание этой дичь? – Он показал на утку, которая вразвалочку шла за старой поэтессой.

Рут смерила его испепеляющим взглядом, но подергивание уголков губ выдало ее.

– Идем, Роза, – сказала она покрякивающей утке. – Ты же знаешь, он выпивает.

– Хорошо возвращаться? – Оливье передал Гамашу и Рейн-Мари охлажденный чай.

Гамаш улыбнулся:

– Всегда.

Они прошлись по деревне и наконец сели за один из выставленных на тротуар столиков бистро, чтобы посмотреть детские гонки. К ним присоединились Питер и Клара, заказали выпивку.

– Поздравляем с юбилеем, – сказала Клара, поднимая стакан с имбирным пивом.

Они чокнулись.

– Давно хочу попросить вас кое о чем, – сказала Рейн-Мари, наклоняясь над столом и кладя теплую ладонь на руку Клары. – Можно увидеть вашу последнюю работу? Я имею в виду портрет Рут.

– С удовольствием вам покажу. Когда?

– А почему бы не сейчас, ma belle?[91]

Две женщины допили пиво и удалились, провожаемые взглядом своих мужчин. Они открыли калитку и прошли по петляющей тропинке к дверям коттеджа.

– У меня к вам вопрос, Питер, – сказал Гамаш. – Прогуляемся?

Питер кивнул; у него вдруг возникло такое чувство, будто его вызвали в кабинет начальника. Они вместе пересекли деревенский луг, потом по молчаливому согласию поднялись по рю Дю-Мулен и зашагали по тихой грунтовой дороге под шатром зеленых листьев.

– Вы не знаете, в какой кабинке была сделана та надпись о вашей сестре?

Этот вопрос мог бы прозвучать как гром среди ясного неба, но Питер ждал его. Предполагал его услышать многие годы. Он знал, что в конечном счете кто-нибудь да задаст его.

Он прошел молча несколько шагов, пока звук смеха из деревни не перестал быть слышен.

– По-моему, это была вторая кабинка от входа, – сказал наконец Питер, глядя на свои сандалии.

Гамаш помолчал несколько секунд, потом спросил:

– И кто это написал?

Эту яму Питер обходил всю жизнь. Она превратилась в пропасть, а он все продолжал огибать ее, заранее сворачивая в сторону, чтобы не оказаться у края, не свалиться. И вот теперь она оказалась прямо перед ним. Зияющая и темная. И обойти ее было невозможно. Она никуда не делась с годами, она лишь увеличилась.

Он знал, что мог бы солгать. Но он устал от лжи.

– Это я написал.

Бо́льшую часть жизни он пытался представить себе, что будет

чувствовать в этот момент. Облегчение? Или признание убьет его? Возможно, не в физическом смысле, но не исчезнет ли тот Питер, которого он с таким тщанием конструировал? Порядочный, добрый, мягкий Питер. Не заменит ли его то отвратительное, злобное существо, которое так поступило со своей сестрой?

– Зачем?

Питер не отваживался остановиться, не отваживался посмотреть на Гамаша.

Зачем? Зачем он это сделал? Это было так давно. Он помнил, как пробрался в эту кабинку, помнил запах хлорки, от которого его мутит до сих пор. Он вытащил фломастер из кармана и написал те слова, которые вынудили его сестру исчезнуть. Он навсегда изменил их жизнь этими пятью простыми словами:

«Джулия Морроу хорошо делает минет».

– Я был зол на Джулию – она подлизывалась к отцу.

– Вы ревновали отца к ней. Это естественно. Такие вещи проходят с годами.

Но почему-то Питеру от этих успокоительных слов стало только хуже. Почему никто лет тридцать назад не сказал ему, что ненависть к брату или сестре – дело естественное? Что это проходит с возрастом?

Но она оставалась. И усиливалась. Чувство вины росло, гноилось, оно поедало его изнутри, и наконец он дошел до края.

– Джулия поняла, что это сделали вы, Питер? Она об этом собиралась сказать всем?

Питер остановился и посмотрел на старшего инспектора:

– Вы хотите сказать, что я убил свою сестру, чтобы это осталось в тайне? – Он постарался принять недоуменный вид.

– Я думаю, вы были готовы на что угодно, лишь бы это не всплыло. Если бы ваша мать узнала, что вы виновник осмеяния и разрушения семьи… один Господь знает, что бы она сделала. Вполне могла бы оставить вас без наследства. Да что говорить, я почти не сомневаюсь в этом. Ошибка тридцатилетней давности могла обойтись вам в миллионы долларов.

– И вы думаете, меня это волнует? Моя мать на протяжении многих лет пыталась всучить мне деньги, а я отправлял их назад – все до последнего цента. Даже наследство по завещанию отца вернул. Мне не нужны эти деньги.

– Почему? – спросил Гамаш.

– Что значит «почему»? Стали бы вы получать деньги от родителей, достигнув зрелых лет? Впрочем, нет, я забыл. У вас не было родителей.

Гамаш уставился на него, и Питер на мгновение опустил глаза.

– Осторожнее, – прошептал Гамаш. – У вас входит в привычку причинять боль другим людям. Ваша собственная боль от этого не уменьшится. Наоборот.

Питер с вызовом поднял на Гамаша взгляд.

– Мой вопрос остается, Питер. Это не самый приятный разговор между друзьями. Но я расследую убийство и должен знать все. Почему вы отказывались от денег, что присылала вам мать?

– Потому что я взрослый человек и хочу быть независимым. Я видел, как Томас и Мариана рвут на себе волосы, ползают на коленях, выпрашивая деньги. Мама купила дом Томасу и дала Мариане начальный капитал, чтобы та могла основать свое дело.

– А почему бы и нет? Она богата. Я не вижу тут проблемы.

– Томас и Мариана рабы денег, рабы матери. Они любят роскошь и удобства. Мы с Кларой перебиваемся кое-как. Долгие годы у нас и на отопление денег не хватало. Но по крайней мере, мы были свободны.

– Свободны ли вы? Не одержимы ли деньгами так же, как они? – Он поднял руку, предвосхищая сердитое возражение Питера. – Иначе вы иногда могли бы принимать деньги от матери. Томас и Мариана любят деньги. Вы – нет. Но все же деньги определяют вашу жизнь. Как и ваша мать.

– Уж не вам об этом говорить. Почему бы вам не посмотреть на себя? Разве не нелепо – быть полицейским и носить пистолет, когда именно это отказывался делать ваш собственный отец? Разве это не психологическая компенсация? Ваш отец был трусом, знаменитым трусом. И его сын тоже знаменит. Прославился своим мужеством. Моя мать хотя бы жива. А ваш отец давно мертв, но продолжает определять ваше поведение.

Гамаш улыбнулся, и это еще больше разозлило Питера. Это был coup de grâce,[92] который он придерживал напоследок и собирался использовать, только если дела примут отчаянный оборот.

И вот он сбросил свою бомбу, но Хиросима осталась целой и невредимой, она даже улыбалась.

– Я люблю моего отца, Питер. Даже если он был трусом, он все равно в моих глазах оставался замечательным отцом, замечательным человеком, пусть никто другой и не считал его таковым. Вы знаете его историю?

– Мать нам рассказала, – мрачно проговорил Питер.

– Что же она вам рассказала?

– Что Оноре Гамаш мутил воду, агитировал франкоязычных канадцев против участия в войне, он вынудил канадское правительство отсрочить

вступление Канады в войну и убедил тысячи молодых квебекцев не идти на военную службу. Сам он поступил в Красный Крест, чтобы ему не нужно было сражаться.

Гамаш кивнул:

– Все верно. Она не сказала вам, что случилось потом?

– Нет. Вы рассказали об этом: ваши отец и мать погибли в автокатастрофе.

– Но между этими событиями прошло немало лет. Перед самым концом войны британская армия заняла местечко, которое называется Берген-Бельзен.[93] Вы наверняка слышали это название. Вы наверняка знаете это название.

Они шли все дальше по тенистой дороге, вдыхая ароматный летний воздух.

Питер ничего не сказал.

– Мой отец состоял в подразделении Красного Креста, которому поручили заняться освобожденными пленными. Никто не был готов к тому, что предстало их глазам. В Берген-Бельзене мой отец увидел, на какие преступления способен человек. И понял свою ошибку. Он смотрел в глаза людей, которые ждали спасения, а он способствовал тому, чтобы оно задержалось. Мир знал о том, что происходит, но все же не спешил. Мне было восемь, когда он начал мне рассказывать про войну. Стоило ему войти в Берген-Бельзен, как он понял, что был не прав. Он не должен был выступать против войны. Да, он был пацифистом, это правда. Но еще он не мог не признаться, что боялся. Когда он заглянул в глаза узникам лагеря, то назвал себя трусом. И он вернулся домой и попросил прощения.

На лице Питера застыла самоуверенная улыбка. Он старался удержать ее, чтобы скрыть потрясение. Никто не говорил ему об этом. Его мать не сказала ему, что Оноре Гамаш переменил свое отношение к войне.

– Мой отец приходил в церкви, синагоги, на митинги, выступал на ступеньках Национальной ассамблеи, извинялся перед людьми. Он потратил многие годы на сбор средств и координацию усилий по организации помощи отказникам, которым трудно было наладить жизнь. Он помог женщине, которую встретил в Берген-Бельзене, переехать в Канаду. Она жила в нашей семье. Ее звали Зора. Она стала моей бабушкой и воспитывала меня после смерти моих родителей. Она объяснила мне, что жизнь продолжается, что у меня есть выбор. Оплакивать то, чего не вернуть, или быть благодарным за то, что у меня есть. Мне повезло: у меня был пример для подражания и я не мог пойти по кривой дорожке. Ведь невозможно спорить с человеком, который живым вышел из

концентрационного лагеря.

Гамаш усмехнулся, и Питер проникся еще большим уважением к этому человеку, который пережил все вообразимые ужасы, но был счастлив, тогда как у Питера с самого детства были все возможности, но он так и не обрел душевного спокойствия.

Они вышли из лесного туннеля, образованного кленовым лесом, на свет, затененный собирающимися тучами, и остановились. До них доносился звук скрипки.

– Не хочу пропустить Рейн-Мари, – сказал Гамаш.

Они двинулись в обратную сторону.

– Вы были правы. Я знал: мой отец увидит то, что я написал на стене в кабинке. Я знал, что первой кабинкой он никогда не пользуется, а потому написал это во второй. Эту надпись увидел не только мой отец, но и его друзья.

Они замедлили шаг.

– Разразился ужасный скандал, и Джулия уехала. Вы, наверно, знаете, что она любила отца и не могла ему простить, что он не любит ее в ответ. Но он, конечно, любил ее. В этом-то и была проблема. Он так сильно ее любил, что случившееся рассматривал как предательство. Не семьи, а лично его. Его маленькая девочка предала его.

Они остановились. Гамаш ждал. Наконец Питер продолжил:

– Я сделал это специально. Чтобы отец возненавидел ее. Я не желал никакой конкуренции, хотел, чтобы отец полностью принадлежал мне. А она надо мной издевалась. Я был младше Джулии, но ненамного. Трудный возраст. Восемнадцать. Весь такой нескладный, неуклюжий.

– Прыщавый.

Питер с удивлением посмотрел на Гамаша:

– Откуда вы знаете? Томас сказал?

Гамаш отрицательно покачал головой:

– Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся.

Питер резко вздохнул. Даже по прошествии стольких лет он чувствовал, как мороз подирает его по коже от этих слов.

– От кого вы это слышали?

– От Джулии, – сказал Гамаш, внимательно глядя на Питера. – Как-то вечером после обеда я вышел в сад и услышал, что кто-то снова и снова повторяет эти слова. Противные прыщи Питера…

– Я понял, – оборвал его Питер. – Вы знаете, что это было?

– Ваша сестра сказала, что это игра из вашего детства, но я только сегодня утром понял суть этого словесного упражнения, когда ваша мать

сказала, что вы играли в словесные игры с отцом. Аллитерация.

Питер кивнул:

– Наверно, так он пытался сплотить нас как семью, но это имело противоположный эффект. Между нами стало развиваться соперничество. Мы считали, что приз победителю – его любовь. Это было мучительно. И, помимо всего прочего, меня замучили угри. Я просил Джулию порекомендовать мне какой-нибудь крем. Она дала мне крем, а вечером мы играли в слова. Противные прыщи постоянно… «Прыщавятся», – сказал я, полагая, что одержал победу. Но Джулия вставила слово «Питера». «Противные прыщи Питера постоянно прыщавятся». Отец захохотал и обнял ее. Принялся нахваливать. Он одержала победу.

Гамаш мог это представить. Молодой, неловкий, полный честолюбивых устремлений Питер. Преданный сестрой, осмеянный отцом.

– И тогда вы замыслили месть, – сказал Гамаш.

– Я написал эти слова на стене кабинки. Боже мой, не могу поверить, что сделал это из-за какой-то дурацкой игры. Из-за слова, которое вырвалось у Джулии. Возможно, она и не имела в виду ничего дурного. Это было дурачество. Чистой воды.

– Почти всегда так и случается, – сказал Гамаш. – Такая ерунда, что ее никто и не замечает. Такая мелочь, что никто и не видит, как она возвращается, пока она не сокрушает тебя.

Питер вздохнул.

Они стояли на вершине рю Дю-Мулен. Издалека до них доносился мягкий, мелодичный поначалу звук скрипок. Рядом со сценой Рут размахивала своей корявой клюкой, неожиданно делая это в такт музыке. На сцене стояли танцоры. Впереди дети, женщины во втором ряду, мужчины в третьем. Музыка набирала темп и энергетику, и ноги танцоров работали со все большей исступленностью. Еще через минуту-другую смычки пилили струны чуть не с маниакальной скоростью, руки скрипачей мелькали как заведенные, и танцоры в унисон ударяли ногами по полу. Но это был не традиционный ирландский танец, когда верхняя часть тела остается неподвижной, а руки висят как плети вдоль боков. Эти танцоры под клюкой Рут Зардо скорее напоминали дервишей, которые танцевали, кружились, гикали и смеялись. Но неизменно подчинялись ритму. Их ноги сотрясали сцену, вибрация проникала в землю и через нее передавалась всем жителям деревни, достигала вершины Дю-Мулен, и Гамаш с Питером ощущали ее своим телом.

Потом все прекратилось. И наступила тишина. Но сразу за этим последовал смех и аплодисменты, заполнившие тишину.

Питер и Гамаш спустились к сцене как раз к началу финального выступления чечеточников. Выступал класс восьмилетних ребятишек. И Рейн-Мари. Скрипачи наигрывали медленный ирландский танец, а ноги у танцоров заплетались одна за другую. Один маленький мальчик подобрался к краю сцены, вытанцовывая в одиночестве. Рут пыталась руководить его движениями с помощью своей клюки, но он не обращал на нее внимания.

В конце Гамаш устроил им долгую овацию, и к нему присоединились Клара, Габри и – последним – Питер.

– Ну так что скажете? – спросила Рейн-Мари, когда нашла их за столом на улице. – Только честно.

– Это было блестяще. – Гамаш обнял ее.

– Я чуть не плакал, – признался Габри.

– У меня получилось бы и лучше, если бы пятый номер не захватил всю сцену, – прошептала Рейн-Мари и показала на сияющего мальчика.

– Отшлепать его? – спросил Гамаш.

– Ты уж лучше подожди, когда этого никто не будет видеть, – посоветовала ему жена.

Мальчик под номером пять, сидевший за соседним столом, тут же опрокинул бутылку колы в одну сторону, солонку в другую. Его мать заставила его взять щепоть соли и бросить через плечо. Гамаш наблюдал с любопытством. Питер принес тарелку гамбургеров с тонко нарезанной ягнятиной и початки кукурузы, а Оливье поставил на стол поднос с пивом и ярко-розовым лимонадом.

– Бога ради, qu’est-ce que tu fais? Тут повсюду муравьи, а подожди еще немного – прилетят осы и ужалят тебя.

Мама взяла номер пять за руку и потащила за другой столик, оставив загаженный стол – пусть кто-нибудь другой убирает.

– На эту неделю все возвращаются, – сказал Оливье, сделав большой глоток холодного пива и оглядывая собравшихся. – Они приезжают перед Днем Иоанна Крестителя и остаются до Дня Канады.

– А как вы отмечали День Иоанна Крестителя на прошлой неделе? – спросил Гамаш.

– Скрипачи, чечеточники и барбекю, – ответил Габри.

– А номер пять не местный? Что-то я не видела его раньше.

– Это кто? – спросил Оливье.

Рейн-Мари кивнула в сторону своего маленького коллеги, и Оливье рассмеялся:

– Ах этот! Он из Виннипега. Вы его называете номер пять? Мы его называем Болван.

– Для простоты, – сказал Габри. – Это как Шер или Мадонна.

– Или Габри, – подхватила Рейн-Мари. – А знаете, я никогда прежде не слышала имени Габри. Это сокращенное от Габриэль?

– Да.

– Но разве большинство Габриэлей не зовутся Габи?

– Я не принадлежу к большинству Габриэлей, – сказал Габри.

– Извините, mon beau. – Рейн-Мари погладила его по руке, чтобы успокоить обиженного Габри. – Мне бы и в голову такое не пришло. Мне всегда нравилось имя Габриэль. Архангел.

Это до некоторой степени утешило Габри. Несколько мгновений Рейн-Мари представляла себе, как мощные крылья спускаются с небес и закрепляются на спине Габри.

– Знаете, у нас есть сын Даниель и дочь Анни. Мы выбирали имена, которые есть в английском и французском. Габриэль тоже из таких имен.

– C’est vrai, – сказал Габри. – Мне нравится Габриэль, но в школе меня все называли Габи. Мне это ужасно не нравилось. Так что я сам выдумал себе имя. Габри. Voilà.

– Трудно представить, что тебя называли Габи, – заметил Оливье с улыбкой.

– Я знаю, – сказал Габри, не обратив внимания на этот сарказм.

Но мгновение спустя он весело подмигнул Рейн-Мари, подтверждая тем самым, что его забывчивость или поглощенность собой напускные.

Они все посмотрели на Болвана, который облизнул свое мороженое, опять рассыпал соль и опять толкнул жестяную банку с колой по столу. Она проскользила по соли, но, дойдя до чистой поверхности, резко остановилась и опрокинулась. Мальчик начал плакать. Мать, успокоив его, взяла горсть соли и кинула через его плечо. На удачу. Гамаш подумал, что номеру пять могло бы повезти, если бы мать заставила его убрать за собой, а не перемещаться каждый раз на новое место, оставляя прежнее загаженным.

Гамаш взглянул на столик, оставленный ими ранее. И конечно, муравьи и осы роились у сладких лужиц колы.

– Гамбургер, Арман?

Рейн-Мари протянула еду мужу, но, увидев выражение его лица, опустила руку. Он что-то увидел. Она повернулась, однако ее взгляду предстал лишь пустой столик и несколько ос.

Но Гамаш видел убийство.

Он видел муравьев, ос, статую, черный орех, День Канады и его соседа в череде праздников – День Иоанна Крестителя. Он видел летние

приработки, корысть и коварство, которое десятилетиями выжидало, чтобы нанести Джулии Морроу смертельный удар.

У него наконец появилось что написать в пустой колонке.

Как.

Как отец сошел с пьедестала и раздавил дочь.

Глава двадцать девятая

Арман Гамаш поцеловал жену на прощание в тот момент, когда с небес начали падать первые громадные капли. На этот День Канады не случилось ни тумана, ни мороси – настоящий, зрелый, сочный ливень.

– Ты уже знаешь, да? – прошептала она ему в ухо, когда он обнял ее.

Гамаш чуть подался назад, посмотрел ей в глаза и кивнул.

Питер и Клара забрались в «вольво», как контуженые ветераны, возвращающиеся на передовую. Волосы у Питера стояли дыбом.

– Постой, – сказала Рейн-Мари, когда Арман открыл водительскую дверцу. Она отвела мужа в сторону, не обращая внимания на капли, падающие на землю вокруг них. – Забыла тебе сказать. Я вспомнила, где видела Веронику Ланглуа прежде. И ты ее тоже видел, я уверена.

Она сказала ему, и его глаза удивленно расширились. Да, конечно, она права. И внезапно несколько вопросов, которые так тревожили его, отпали. Первоклассный шеф-повар, прозябающий в глуши. Целая армия молодых англоязычных сотрудников. Никогда возрастных, никогда франкоязычных. Почему она никогда не выходит к гостям. И почему она круглый год живет на берегу озера в лесной глуши.

– Merci, ma belle.

Он поцеловал ее еще раз и вернулся в машину, а потом выехал на дорогу, ведущую в «Охотничью усадьбу».

Грунтовая дорога сделала последний поворот, и они увидели за мелькающими дворниками старый бревенчатый дом и автомобиль Квебекской полиции, припаркованный на петляющей подъездной дорожке. Подъехав ближе, они увидели другие полицейские автомобили – некоторые Квебекской полиции, некоторые муниципальной. Увидели они даже пикап Королевской канадской конной полиции. Подъездная дорожка была забита этими машинами, стоявшими вперемешку.

Разговор в машине Гамаша смолк, там воцарилась полная тишина, только клацали мелькающие туда-сюда дворники. Лицо Гамаша посуровело, насторожилось. Они втроем бросились под дождем в вестибюль «Усадьбы».

– Bon Dieu, слава богу, вы вернулись, – сказала миниатюрная мадам Дюбуа. – Они в Большом зале.

Гамаш поспешил туда.

Он открыл дверь, и все глаза уставились на него. В центре стоял Жан

Ги Бовуар в окружении Морроу и полного штата сотрудников «Усадьбы», а также людей в полицейской форме. С каминной полки свисала огромная крупномасштабная карта.

– Bon, – сказал Бовуар. – Вы, вероятно, знаете старшего инспектора Армана Гамаша из Квебекской полиции, главу отдела по расследованию убийств.

По комнате прошел шумок, кто-то закивал. Некоторые полицейские отдали честь. Гамаш приветственно кивнул всем.

– Что случилось? – спросил он.

– Элиот Бирн исчез, – сказал Бовуар. – Это заметили между завтраком и ланчем.

– Кто сообщил об исчезновении?

– Я, – вышла вперед Вероника Ланглуа.

Гамаш взглянул на нее, недоумевая, как это он не увидел раньше. Рейн-Мари была права.

– Его не было на завтраке, – говорила Вероника. – Это необычно, но не неслыханно. Накануне он работал в обеденной смене, и иногда после этого им дают отдых на следующее утро. Поэтому я промолчала. Но уж на ланч-то он точно должен был появиться.

– И что вы сделали? – спросил Гамаш.

– Сказала Пьеру, метрдотелю, – сообщила Вероника.

Вперед вышел Пьер Патенод, вид у него был потрясенный, взволнованный.

– Разве мы не должны были начать его поиски? – спросил он.

– Должны, месье, – сказал Бовуар. – Мы позвонили в полицию, в прессу, на автобусные станции, вокзалы.

– Но он может быть где-то здесь. – Пьер повел рукой, показывая на лес.

Ливень лупил по окнам, отчего мир снаружи казался искаженным, гротескным.

– Мы организуем поисковые партии, но сначала мы должны собрать информацию и составить план. Продолжайте, – предложил Гамаш Бовуару.

– Месье Патенод сумел оперативно организовать осмотр всех домиков для персонала и ближайших окрестностей, чтобы убедиться, что Элиот не заболел, не получил травму и не сачкует, – сказал Бовуар. – Ничего такого обнаружено не было.

– А его одежда на месте? – спросил Гамаш.

– На месте, – ответил Бовуар, и их глаза на мгновение встретились. – Мы собирались организовать поисковые партии и отправить их в лес. –

Бовуар обратился к людям, собравшимся в комнате: – Кто хочет принять участие в поисках, прошу остаться. Остальных прошу выйти.

– Позвольте мне помочь? – Вперед вышла мадам Дюбуа, которая выглядела карлицей рядом с сотрудником Королевской канадской конной полиции.

– Пожалуйста, мадам, – сказал Гамаш. – Мы вас выслушаем.

Он кивнул Бовуару, и, к всеобщему удивлению, старший инспектор предложил мадам Дюбуа руку и они вышли из большого зала.

– Трус.

Это слово, которое прошептал кто-то из Морроу, ударилось о спину Гамаша и упало на пол, а потом испарилось.

– Что я могу сделать, месье? – спросила мадам Дюбуа, когда они вышли в вестибюль.

– Найдите, пожалуйста, заявление Элиота о приеме на работу и вообще любую информацию, которая у вас есть о нем. И сделайте несколько телефонных звонков.

Он набросал номера телефонов.

– Вы уверены? – спросила она, встревоженно глядя на длинный список, но, посмотрев на его лицо, не стала ждать ответа.

Гамаш вошел в библиотеку и закрыл дверь. Он слышал тяжелый стук ботинок в холле: поисковый отряд отправлялся в лес, под дождь. Грозы не было, но дождя и ветра хватало, чтобы земля напиталась влагой, стала скользкой. Поиск не сулил ничего хорошего его участникам.

Сделав еще несколько записей, Гамаш выглянул в окно. Потом он быстро вышел через остекленную дверь и прошел по лужайке к группе людей, отправлявшихся на поиски и как раз входивших в лес. На них были яркие оранжевые плащи, предоставленные местным охотничьим обществом, члены которого тоже вызвались участвовать в поисках. В каждой группе было по охотнику и полицейскому. Меньше всего хотели они заблудиться и потерять в лесу кого-нибудь из волонтеров. Такое тоже случалось. Как часто потерянный находился, а те, кто отправился его искать, терялись, и их находили спустя несколько лет в виде костных останков. Канадская глушь не желала легко отдавать свою территорию и своих мертвецов.

Дождь лил как из ведра, хлестал их сбоку. Никого нельзя было узнать в этих оранжевых плащах, мокрых от дождя.

– Коллин? – прокричал Гамаш, хотя и знал, что в своих капюшонах они слышат лишь стук дождевых капель. – Коллин!

Он ухватился за плечо, показавшееся ему девичьим. В молодом

человеке. повернувшемся к нему, Гамаш узнал швейцара. Тот казался испуганным и неуверенным. Вода стекала по лицу Гамаша, попадала в глаза, капала с подбородка. Он одобрительно улыбнулся молодому человеку.

– Все будет в порядке! – прокричал он. – Не отставай от них! – Гамаш показал на два крупных оранжевых плаща с толстой лентой, приклеенной к спине в виде буквы X. – Если устанешь, скажи им. Ничего с тобой не случится – все будет хорошо, d'accord?

Молодой человек кивнул:

– Вы идете с нами, сэр?

– Не могу. Я нужен в другом месте.

– Понятно.

Но на его лице проступило разочарование. Гамаш увидел, что паренька гложет страх, и почувствовал себя ужасно. Но он был нужен в другом месте, хотя сначала должен был найти садовницу.

– Коллин в вашей группе?

Молодой человек отрицательно покачал головой и побежал догонять свою группу.

– Sacré,[94] – прошептал Гамаш, стоя в одиночестве на мокрой лужайке; сам он был без плаща и промок до нитки. – Идиот.

Следующие несколько минут он бегал по лесу и спрашивал у найденных им людей, нет ли в их группе Коллин. Он знал стандартные приемы, не раз сам координировал поиски, принимая все меры, чтобы не было потерявшихся. Беспокоило его и кое-что еще в связи с исчезновением Элиота. И сам Элиот вызывал у него беспокойство, поскольку вся его одежда осталась в скромном шкафу в маленькой комнатке.

– Коллин?

Он ухватился еще за одно оранжевое плечо и увидел еще один маленький прыжок: киношный ночной кошмар несчастного подростка в один миг воплощался в жизнь. Он понимал, что когда они поворачивались, то ожидали увидеть Фредди Крюгера, или Ганнибала Лектера, или ведьму из Блэр.[95] На него уставились огромные испуганные глаза.

– Коллин?

Она с облегчением кивнула.

– Идем со мной.

Он прокричал руководителю группы, что забирает садовницу, и, в то время как остальные пошли дальше в лес, Гамаш и Коллин вышли на лужайку и поспешили под крышу дома.

Войдя в дверь и раздобыв полотенца, чтобы вытереться, Гамаш заговорил:

– Мне необходимо знать кое-что, и ты должна честно мне ответить.

Судя по виду Коллин, лгать она сейчас была не в состоянии.

– В кого ты влюбилась?

– В Элиота.

– А к кому, по-твоему, он питал чувство?

– К ней. К убитой женщине.

– К Джулии Мартин? Почему ты так думаешь?

– Потому что он постоянно крутился вокруг нее, задавал вопросы.

Она взяла мягкое полотенце и принялась энергично тереть лицо.

– Какие вопросы, Коллин? Что он хотел знать?

– Да глупости всякие. Например, чем занимался ее муж, где они жили, что она предпочитала – яхтенный спорт или туризм. Бывала ли она в Стенли-парке и яхтенном клубе. Он там работал когда-то.

– Как по-твоему, он знал ее еще в Ванкувере?

– Я слышала, они смеялись как-то раз – говорили, что он мог подавать ей там мартини, как теперь подает в Квебеке.

Коллин явно не видела в этом ничего смешного.

– Ты говорила о муравьях, – сказал Гамаш мягче. – Будто у тебя от них кошмары. Где были эти муравьи?

– Повсюду.

Она вздрогнула при этом воспоминании – муравьи будто снова ползли по всему ее телу.

– Нет, я имею в виду в реальной жизни, не в твоем сне. Где ты видела муравьев? – Гамаш старался скрыть возбуждение и заставлял себя говорить тихим, спокойным голосом.

– Они были на статуе. Я пыталась пересадить больные цветы, подняла глаза – и увидела, что статуя вся усеяна муравьями.

– А теперь подумай-ка хорошенько. – Он улыбнулся и сделал паузу, хотя и знал, что время у него в дефиците, минуты проносятся безвозвратно. – Где они были на самом деле – на всей ли статуе?

Коллин задумалась.

Прошел, наверное, целый час.

– Нет, они были снизу, на ногах и на белом кубе. Точно на уровне моей головы.

И он представил себе садовницу, пытающуюся спасти умирающие растения, которая вдруг видит целую армию бегающих туда-сюда, взбесившихся муравьев.

– А еще что-нибудь ты видела?

– Что?

– Ты подумай, Коллин, просто подумай.

Ему хотелось подсказать ей, навести на мысль, но он знал, что не должен этого делать. И он просто ждал.

– Осы, – сказала наконец Коллин, и Гамаш выдохнул, только теперь поняв, что задерживал дыхание. – Это было странно, потому что гнезда их я не видела. Одни только осы. Вот Бин говорит, что это было пчелиное жало, но я уверена, что видела осу.

– Вообще-то, это была пчела. Медоносная домашняя пчела.

– Но это смешно. Что там делать медоносной пчеле? Их ульи в другой стороне. И потом, все цветы там вокруг были больные. Пчелы на такие не садятся.

– И последний вопрос. По словам агента Лакост, ты все время повторяла, что ни в чем не виновата. – Он тут же поднял руку, чтобы успокоить ее. – Мы знаем, что ты ни в чем не виновата. Но мне нужно знать, почему ты это сказала.

– Элиот и миссис Мартин говорили по другую сторону статуи. Смеялись и типа флиртовали. Я так разозлилась. Для меня было ужас что такое видеть их каждый день. Я там работала, а они меня явно не видели. Или не замечали. Ну так вот, я выпрямилась и положила руку на статую. И она сдвинулась.

Она опустила глаза в ожидании неизбежного смеха. Он ей ни за что не поверит. Никто ей не поверит. Над тем, что она сказала, можно только смеяться, поэтому она и помалкивала об этом прежде. Как могла сдвинуться эта статуя? И тем не менее она сдвинулась. Даже теперь Коллин чувствовала, как та поехала. Она ждала, что старший инспектор рассмеется, скажет, что все это глупости. Она подняла глаза и увидела, что он кивает.

– Спасибо, – тихо сказал он, хотя девушке показалось, что он говорит не с ней. – Догонять твою поисковую группу уже слишком поздно. Давай-ка лучше помоги мне.

Она с облегчением улыбнулась.

Гамаш попросил Коллин позвонить в исправительный центр в Нанаймо в Британской Колумбии.

– Скажи им, что старшему инспектору Гамашу необходимо срочно поговорить с Дэвидом Мартином.

А мадам Дюбуа тем временем набрала для него несколько других номеров по другому телефону.

Гамаш поговорил с Музеем Родена в Париже, Королевской академией в Лондоне и администрацией кладбища Кот-де-Неж в Монреале. Как только он закончил, Коллин протянула ему трубку:

– Мистер Мартин на линии.

– Дэвид Мартин? – спросил Гамаш.

– Да. Со мной говорит старший инспектор Гамаш?

– Oui, c’est moi-même.[96]

Он продолжил разговор на беглом французском. На таком же беглом французском отвечал ему Мартин. Гамаш за одну-две минуты расспросил Мартина о начале его взрослой жизни и карьеры, его первых банкротствах, его инвесторах.

– Мне нужны имена ваших первых инвесторов.

– Ну, это просто. Их было не очень много.

Мартин продиктовал имена, а Гамаш записал их.

– И они потеряли все, что инвестировали?

– Мы все потеряли, старший инспектор. Не стоит ронять по ним слезы. Не заблуждайтесь на сей счет, они знали, на что идут: большие возможности – большие риски. Это не было благотворительностью. Если бы игра удалась, они заработали бы состояние. Бизнес. Я обанкротился. Некоторые из них тоже. Но я сумел выкарабкаться.

– Вы были молоды и безответственны. Некоторые из них были в возрасте и обременены семьями. У них не оставалось ни времени, ни энергии, чтобы начать заново.

– Тогда они не должны были рисковать.

Гамаш повесил трубку и поднял глаза. В комнате бок о бок стояли с одинаковым выражением на лице Айрин Финни и мадам Дюбуа. За ними виднелась фигурка Коллин, словно ранняя ипостась этих пожилых женщин, свежая и сочная, но с таким же выражением.

Это был страх.

– Что случилось? – спросил Гамаш, вставая.

– Бин, – выдавила из себя миссис Финни. – У меня нет других внуков. Ребенок пропал.

Гамаш побледнел.

– Когда его видели в последний раз?

– За ланчем, – сказала миссис Финни, и они все посмотрели на часы. Прошло три часа. – Где Бин?

Она посмотрела на Гамаша так, будто он нес ответственность за ребенка. И он знал, что так и есть. Он промедлил, позволил собственным заблуждениям увести себя в сторону. Он обвинял Бовуара в том, что того

ослепляют эмоции, но то же самое случилось и с ним самим.

– Вы сидите здесь в тепле и безопасности со старухами и детьми, – прошипела миссис Финни. – Прячетесь, пока другие делают трудную работу.

Ее трясло от ярости, словно случившийся тектонический разлом стал слишком велик и она сама провалилась в бездну.

– Почему? – прошептал Гамаш. – При чем тут Бин?

– Да сделайте уже что-нибудь! – прокричала миссис Финни.

– Мне нужно подумать, – сказал Гамаш.

Он сцепил руки за спиной и принялся размеренным шагом расхаживать по библиотеке. Они недоуменно смотрели на него. Наконец он остановился, повернулся к Коллин и достал что-то из кармана.

– Возьми ключи и поставь мой «вольво» так, чтобы никто не мог выехать. Другие выезды отсюда есть?

Он дал ключи от машины Коллин и быстро направился к двери. Мадам Дюбуа и Финни последовали за ним, а Коллин выбежала под дождь.

– Есть служебный подъезд сзади, – сказала мадам Дюбуа. – Его и дорогой-то не назовешь. Мы пользуемся им для подвоза всякого тяжелого оборудования.

– Но этот подъезд выходит на главную дорогу? – спросил Гамаш.

Мадам Дюбуа кивнула.

– Где он?

Она показала, и он бросился под дождь и сел в громадный пикап, на котором приехали агенты Королевской конной полиции. Как он и предполагал, ключи зажигания были в замке. Вскоре он уже ехал по служебному подъезду в сторону от дома. Ему нужно было найти сужение в лесу и поставить там машину, чтобы заблокировать выезд.

Он знал, что убийца, как и Бин, все еще находится в «Усадьбе», и хотел удержать их там.

Припарковав пикап поперек дороги, он выпрыгнул из него и в этот момент увидел другую машину – она выехала из-за поворота и остановилась. Лица водителя Гамаш не видел – его закрывал ярко-оранжевый капюшон плаща. За рулем словно сидел призрак. Но Гамаш знал: это не призрак, а живая плоть и кровь.

Колеса принялись вращаться с безумной скоростью, разбрасывая грязь и засохшие листья. Но машина завязла в грязи. Гамаш бросился к ней, и в этот момент с водительского сиденья выпрыгнул убийца и бросился прочь. Оранжевый плащ бешено трепыхался на бегу.

Гамаш остановился и заглянул в машину.

– Бин? – прокричал он.

Машина была пуста. У Гамаша бешено колотилось сердце, но на этот миг оно дало сбой. Он развернулся и бросился за оранжевой фигурой, которая только что исчезла в доме.

Несколько секунд – и Гамаш тоже вбежал в дом, остановился на мгновение, чтобы сказать женщинам, что они должны запереться в кабинете и по рации передать всем поисковым группам приказ возвращаться.

– А что Элиот? – прокричала ему вслед Коллин.

– Его нет в лесу, – сказал Гамаш, не оглядываясь.

Он уставился на пол, следуя по каплям дождя, похожим на прозрачную кровь. Они вели вверх по старой полированной лестнице, затем по коридору и собрались в лужицу перед одним из книжных шкафов.

Возле двери, ведущей на чердак.

Гамаш распахнул ее и побежал наверх через две ступеньки. В сумеречном свете он следовал по каплям до арки. Он знал, что найдет там.

– Бин? – прошептал он. – Ты здесь? – Он старался скрыть тревогу в голосе.

Чучела пантер, изведенных почти полностью, разглядывали его стеклянными глазами. Маленькие кролики, лоси, изящные олени и другие, все убитые ради развлечения, – все они смотрели на него.

Но не Бин.

Снизу до него донесся звук шагов и громких мужских голосов. Но в этой комнате царила тишина, словно она на сотни лет затаила дыхание. Ждала.

А потом он услышал тихие шлепки. Он знал, что это такое.

Перед ним на пол проливался квадрат света и воды. Световой люк в потолке был открыт. Гамаш подошел к нему, высунул голову и увидел их.

Бин и убийца – оба были на крыше.

Гамаш много раз глядел в глаза ужасу. Он видел его на лицах только что умерших мужчин и женщин, на лицах тех, кто стоял на пороге смерти или думал, что стоит. Именно такое выражение видел он сейчас на лице ребенка. Рот был заклеен лентой, в связанных руках зажата книга, ноги болтались. Гамаш видел ужас, но никогда – такой. Ребенок в буквальном смысле оказался в руках убийцы, который стоял на коньке мокрой от дождя металлической крыши.

Гамаш автоматически ухватился за кромки светового люка и подтянулся на руках. Он едва видел – дождь и безумная паника слепили его. Паника требовала, чтобы он сейчас же убрался с этой высоты. Либо

обратно на чердак. Либо скатился через край.

«Скорее уноси отсюда ноги! – раздавался визг в его голове. – Скорее!»

Внизу стояли люди, они кричали и махали, и он поднял глаза.

Посмотрел на ребенка.

И ребенок тоже увидел глаза, полные ужаса. Они смотрели друг на друга, потом Гамаш медленно, помогая себе дрожащими руками, поднялся на ноги. Он сделал осторожный шаг по верху крутой крыши, ставя ноги на жалкий фут по обе стороны от конька. Голова у него кружилась, он сутулился, чтобы при падении успеть ухватиться. Потом перевел взгляд с ребенка на убийцу.

– Уйдите отсюда, месье Гамаш. Уйдите, или я сброшу ребенка вниз.

– Вы этого не сделаете.

– Хотите рискнуть? Я уже убивал Мне нечего терять. Зачем вы заблокировали дороги? Я мог бы уехать. К тому времени, когда вы нашли бы ребенка, я был бы уже на полпути к…

Голос смолк.

– На полпути куда? – спросил Гамаш, перекрикивая порыв ветра. – Бежать вам некуда, верно? Не делайте этого. Все кончено. Отдайте мне ребенка.

Он протянул слегка дрожащие руки. Но убийца не шелохнулся.

– Я никому не хочу вреда. Я приехал сюда, чтобы все забыть, оставить позади. Я думал, мне это удалось. Но когда я увидел ее снова…

– Я понимаю, правда понимаю. – Гамаш пытался говорить успокаивающим, убедительным тоном. Стараясь, чтобы голос не дрожал. – Вы не станете ничего делать с ребенком. Я вас знаю. Я знаю…

– Ничего вы не знаете.

Убийца ничуть не был испуган, напротив, он казался почти спокойным. Впавший в панику, загнанный в угол убийца может натворить ужасные вещи. Но спокойный убийца еще хуже.

– Бин, – твердо произнес Гамаш, – Бин, посмотри на меня.

Он перехватил испуганный взгляд ребенка, но сразу же понял, что Бин практически ничего не видит.

– Что вы делаете? Не сметь! Вниз! – Убийца вдруг заволновался, глядя куда-то за спину Гамаша.

Старший инспектор осторожно повернулся и увидел, как на крышу вылезает Бовуар. Его колотящееся сердце чуть успокоилось. Теперь он был не один.

– Скажите ему, пусть не суется сюда!

Бовуар увидел жуткую сцену. Убийца стоял, как громоотвод в грозу,

держа перепуганного насмерть ребенка. Но больше всего напугал его Гамаш, смотревший на него скорбными глазами. Испуганный, обреченный. «Гражданин Кале».

Гамаш поднял руку и подал Бовуару знак спуститься.

– Нет, пожалуйста, – прохрипел Бовуар. – Позвольте и мне.

– Не на этот раз, Жан Ги, – сказал Гамаш.

– Уходите. Или я сброшу ребенка.

Они увидели, что Бин висит в воздухе, почти не удерживаемый убийцей. Даже сквозь ленту на рту ребенка Гамаш слышал визг.

Бросив последний взгляд на крышу, Бовуар исчез, и Гамаш снова остался один с болтающимся в воздухе ребенком, убийцей, ветром и дождем, который их всех испытывал на прочность.

Бин трепыхался в руках убийцы, пытался вырваться, издавая высокие сдавленные крики, приглушенные наклеенной на рот лентой.

– Бин, посмотри на меня. – Гамаш уставился на ребенка, заставляя себя забыть о том, что находится на большой высоте, пытаясь обмануть свой предательский мозг, заставить его поверить, что он стоит на твердой земле. – Посмотри на меня.

– Что вы делаете? – повторил убийца, подозрительно глядя на Гамаша и крепко прижимая к себе изворачивающегося ребенка.

– Я хочу успокоить ребенка. Иначе вы оба можете потерять равновесие.

– Это не имеет значения.

Убийца поднял ребенка еще выше. Гамаш понял, что негодяй сделает это – сбросит ребенка вниз.

– Бога ради! – взмолился Гамаш. – Не делайте этого.

Но никакие доводы разума на убийцу уже не действовали. Потому что разум не имел никакого отношения к тому, что происходило. Убийца слышал теперь только очень старый вой.

– Бин, посмотри на меня, – попросил Гамаш. – Помнишь Пегаса?

Ребенок немного успокоился и посмотрел на Гамаша более осмысленным взглядом, хотя продолжал визжать.

– Ты помнишь скачки на Пегасе по небу? Именно это ты теперь и делаешь. Ты на его спине. Чувствуешь его крылья, слышишь, как он машет ими?

Воющий ветер превратился в распахнутые крылья Пегаса, вот он мощно взмахнул ими – и Бин уже в небе, далеко от этого ужаса. А Гамаш смотрит, как Бин вырывается из мрачных уз земли и расслабляется в руках убийцы.

Большая книга выскользнула из маленьких мокрых пальцев, ударилась о крышу и заскользила вниз, а потом слетела с кромки, раскрылась, ее страницы зашелестели, словно крылья, и она устремилась вниз.

Гамаш повернул голову и увидел внизу бешеную активность: люди махали руками, показывали. Но кто-то вытянул руки, чтобы поймать кого-то, падающего с небес.

Финни.

Гамаш глубоко вздохнул и на секунду кинул взгляд вдаль – мимо ребенка, мимо убийцы, мимо дымовых труб. На вершины деревьев, на озеро, на горы.

Вот милый край, страна родная!

И он почувствовал, что немного расслабился. Потом посмотрел еще дальше. По другую сторону гор, туда, где Три Сосны. Туда, где Рейн-Мари.

«Вот я здесь – ты видишь меня?»

Он распрямился и почувствовал, как твердая рука уперлась ему в спину, поддерживая его.

– А теперь еще выше, Бин. Я видел, ты можешь поднимать Пегаса еще выше.

Снизу люди видели три фигуры: старшего инспектора, который стоял выпрямившись под хлещущим дождем, и две другие, соединенные в одно, словно из груди убийцы выросли маленькие руки и ноги.

Рядом с Финни на землю упала книга, приплюснув распахнутые страницы. И за рыдающими звуками ветра они услышали песню, исполняемую низким баритоном.

«Пусть будет кобыла, пусть будет кобыла», – пел голос на мелодию битловской песни.

– Боже мой, – прошептала Лакост и тоже подняла руки.

Рядом с ней стояла, глядя вверх, онемевшая, одуревшая и ничего не понимающая Мариана. Все остальное могло падать, она видела это целыми днями, каждый день. Все, но не Бин. Она шагнула вперед и подняла руки. Она не видела, как Сандра, стоящая рядом с ней, тоже подняла руки к ребенку. К драгоценности, застрявшей на крыше.

Все увидели, как Бин вытягивает перед собой руки, освободившиеся от книги, и хватает поводья, устремив глаза на этого крупного человека.

– Выше, Бин! – скомандовал Гамаш.

«Скачет, парит, закладывает виражи», – произнес голос в его голове, и правая рука Гамаша чуть приоткрылась, чтобы ухватиться за более крупную, более сильную.

Ребенок рванулся изо всех сил, пришпорив Пегаса.

Потрясенный Пьер Патенод отпустил жертву, и та полетела вниз.

Арман Гамаш нырнул вниз. Он прыгнул, вкладывая в прыжок все свои силы и как будто повис в воздухе, словно предполагая перелететь на другую сторону. Он напрягся, протянул руку и коснулся лика Господня.

Глава тридцатая

Глаза Гамаша впились в летящего ребенка. Они оба зависли в воздухе, но наконец он почувствовал в руке ткань рубашки, надетой на маленькое тело, и сжал пальцы.

Ударившись о крышу, он принялся искать точку опоры, но их обоих влекло вниз по крутому и скользкому металлическому скату. Гамаш успел вскинуть вверх левую руку и ухватиться за вершину, где умелые руки много-много лет назад соединили потускневшие теперь листы меди. И сделали конек. Просто для красоты.

И вот Гамаш повис на скате металлической крыши, одной рукой держась за металлический конек, а другой вцепившись в рубашку ребенка. Они посмотрели друг на друга, и Гамаш почувствовал, что одна его рука крепко держит ребенка, но вторая скользит по крыше. Краем глаза он видел внизу безумную активность – крики, оклики, вопли, и все это происходило где-то далеко, в другом мире. Он видел людей, бегущих с приставной лестницей, но понимал, что они не успеют. Его пальцы соскальзывали с конька крыши, и он понимал, что еще несколько секунд – и они полетят вниз. И еще он знал, что, если они упадут, он окажется на ребенке и раздавит его, как Чарльз Морроу свою дочь. Эта мысль была для него невыносима.

Его пальцы потеряли контакт с коньком, и одно счастливое и удивительное мгновение ничего не происходило, но потом они оба начали соскальзывать.

Гамаш извернулся в последнем усилии, чтобы оттолкнуть ребенка в сторону, к открытым рукам внизу. И в этот момент сверху его ухватила чья-то рука. Он не отважился посмотреть туда – вдруг это ему снится. Но секунду спустя поднял глаза. Дождь ослеплял его, но он все равно знал, чья рука держит его уже много лет, хотя много лет назад он потерял ее навсегда.

Приставные лестницы были мигом установлены, и Бовуар быстро поднялся наверх, взял ребенка и передал его вниз, потом пробрался по крыше и поддержал шефа своим молодым телом.

– Можете теперь отпустить, – сказал Бовуар Пьеру Патеноду, державшему Гамаша за руку.

Патенод помедлил секунду, словно не хотел пока отпускать этого человека, но все-таки отпустил, и Гамаш легко соскользнул в руки своего

подчиненного.

– Все в порядке? – прошептал Бовуар.

– Merci, – прошептал в ответ Гамаш.

Первые слова в его новой жизни, на земле, которую он не ожидал увидеть, но которая невероятным образом распростерлась перед ним.

– Спасибо, – повторил Гамаш.

Он позволил Бовуару помочь ему, потому что ноги у него дрожали, а руки были как резина. Почувствовав ногами приставную лестницу, он поднял голову и посмотрел на человека, который спас его.

Пьер Патенод тоже смотрел на него, он стоял на крыше выпрямившись, словно это было его привычное место, словно coureurs du bois и абенаки оставили его там, а сами ушли.

– Пьер, – произнес тихий, но твердый голос так, словно ничего и не случилось, – пора спускаться.

Голова мадам Дюбуа высунулась из светового люка. Патенод посмотрел на нее, и его спина стала еще прямее. Он раскинул руки и запрокинул голову.

– Non, Pierre, – сказала мадам Дюбуа. – Ты не должен этого делать. Вероника приготовила чай, и мы растопили камин, чтобы ты не простудился. Идем со мной.

Она протянула руку, и Патенод посмотрел на нее. Потом ухватился за нее и исчез в «Охотничьей усадьбе».

* * *

Они впятером сидели в кухне. Патенод и Гамаш переоделись в сухое, завернулись в одеяла и расположились поближе к огню, а шеф-повар Вероника и мадам Дюбуа разливали чай. Бовуар сел рядом с Патенодом на тот случай, если тот надумает дать деру, хотя никто больше не ожидал от него никаких кульбитов.

– Вот. – Вероника помедлила несколько мгновений, держа в большой руке кружку чая.

Она не могла выбрать между Гамашем и Патенодом, но все же поставила ее перед метрдотелем. Следующую кружку она поставила перед Гамашем, и на ее лице при этом появилась едва заметная извиняющаяся улыбка.

– Merci, – сказал он и взял кружку правой рукой.

Левую он держал под столом, сгибал и разгибал, пытаясь вернуть в нее

чувствительность. Он продрог скорее от пережитого, чем от дождя. Бовуар, сидевший рядом с ним, положил две полные ложки меда в его кружку и принялся размешивать.

– Сегодня я буду мамочкой, – тихо сказал Бовуар, и от этой мысли что-то зашевелилось в нем. Что-то связанное с кухней.

Бовуар положил ложку и взглянул на Веронику Ланглуа, которая села по другую сторону Патенода. Бовуар ждал, что вот сейчас его ужалит гнев. Но чувствовал только легкое головокружение оттого, что они вместе сидят в этой теплой кухне и он не стоит на коленях в грязи, пытаясь вернуть жизнь в переломанное и такое дорогое ему тело. Он снова кинул взгляд на Гамаша. Чтобы убедиться. Потом посмотрел на Веронику и почувствовал что-то. Он почувствовал сострадание к ней.

Что бы он ни испытывал к ней прежде, это не шло ни в какое сравнение с тем, что чувствовала она по отношению к этому человеку, этому убийце.

Вероника взяла дрожащую руку Патенода в свою. Притворяться и дальше не имело смысла. Не имело смысла прятать свои чувства.

– Ça va?[97] – спросила она.

Вопрос мог бы показаться нелепым с учетом того, что случилось. Конечно, ему было плохо. Но Патенод с удивлением посмотрел на нее и кивнул.

Мадам Дюбуа принесла Бовуару чашку крепкого горячего чая, потом налила себе. Но она не присоединилась к ним – пожилая женщина отошла от стола. Она старалась не смотреть на двоих других и видела перед собой только Веронику и Пьера. Тех двоих, что делили с ней долгие годы уединения в этой глуши. Они выросли и состарились здесь. Одна влюбилась, другой пал.

Клементин Дюбуа знала, что Пьер Патенод пребывал в бешенстве, когда приехал сюда молодым человеком более двадцати лет назад. Он казался таким сдержанным, двигался с удивительной точностью, был идеально обходителен. Он умел прекрасно скрывать чувства, обуревавшие его. Но по иронии судьбы именно его решение остаться подтвердило ее подозрения. Ни один нормальный человек не стал бы жить в такой глуши, если бы на то не имелись веские основания. Она знала, какие основания есть у Вероники. Знала про свои. И вот теперь наконец узнала и его.

Она знала, что Вероника и Пьер впервые держатся за руки. И возможно, в последний раз. И уж конечно, в последний раз сидят они за этим старым сосновым столом. И говорят о прожитом.

Она знала, что его преступление ужасно и она так и будет относиться к

этому через несколько минут. Но пока она чувствовала только злость. Не по отношению к Пьеру, а к Морроу, которые собрали здесь свою семейку, и к Джулии Мартин – за то, что приехала. И была убита. И уничтожила жизнь их небольшого, но идеального кружка у озера.

Мадам Дюбуа понимала, что это нелогично и жестоко. И определенно очень эгоистично. Но несколько долгих минут она потворствовала себе и своей печали.

– Почему вы убили Джулию Мартин? – спросил Гамаш.

Он слышал движение людей в столовой. У распашных дверей стоял агент Квебекской полиции с приказом не препятствовать выходу людей из кухни, но внутрь никого не впускать. Гамашу нужны были несколько минут с Патенодом и остальными.

– Я думаю, вы знаете почему, – сказал Патенод, избегая встречаться с ним взглядом.

Несколько минут назад он заглянул в глаза Вероники и с тех пор не мог поднять свои – они были опущены, отягощены тем, что он увидел в ее взгляде.

Нежность.

А теперь она держала его за руку. Сколько лет прошло с тех пор, как кто-то держал его за руку? Он держался за чьи-то руки на праздниках, когда все пели «Gens Du Pays».[98] Он утешал испуганных и тоскующих по дому детей. Или уязвленных, вроде Коллин, которую он взял за руку, чтобы утешить, когда она обнаружила труп. Труп женщины, убитой им.

Но когда в последний раз кто-то держал его за руку?

Он устремился мыслями в прошлое, пока не уткнулся в стену, за которую не смел заглядывать. Где-то по ту сторону и был ответ.

Но теперь Вероника держала его холодную руку в своей теплой. Постепенно дрожь прекратила бить его.

– Я не понимаю, Пьер, почему, – сказала Вероника. – Скажи мне.

Клементин Дюбуа села напротив него, и втроем они в последний раз погрузились в мир, который принадлежал им одним.

Пьер Патенод с трудом открыл рот, доставая слова из самых своих глубин.

– Мне было восемнадцать, когда умер отец. Инфаркт. Но на самом деле причина была иная, и я это знал. У нашей семьи прежде были деньги. Он владел компанией. Большой дом, большие машины. Частные школы. Но он совершил одну ошибку. Вложил деньги в предприятие одного молодого человека. Своего бывшего служащего. Которого он уволил когда-то. Я присутствовал при этом увольнении. Был тогда мальчишкой. Отец говорил

мне, что каждый человек заслуживает второго шанса в жизни. Но не третьего. Он дал этому человеку второй шанс, но, когда тот не оправдал его надежд, уволил его. Однако тот молодой человек нравился ему. И они поддерживали контакт. Отец даже приглашал его на обед после увольнения. Может быть, чувствовал себя виноватым. Не знаю.

– Кажется, он был добрым человеком, – сказала мадам Дюбуа.

– Да, он был добрым.

Патенод встретился с ней взглядом и снова удивился нежности, которую увидел в ее глазах. Неужели он всегда был окружен этой нежностью? Неужели она всегда присутствовала в этих глазах? А он видел только темные леса и глубокие воды.

– Он инвестировал в этого человека собственные деньги. Это была глупость, что-то вроде безумия. Позднее этот человек заявил, что мой отец и другие были такими же корыстными, как и он сам. Может быть, это и верно. Но я так не думаю. Я думаю, он всего лишь хотел помочь.

Он взглянул на Веронику, чье лицо было таким сильным, а глаза такими ясными.

– Я верю, что ты прав, – сказала она, слегка сжимая его руку.

Патенод моргнул, не понимая этого внезапно явившегося ему мира.

– Этого человека звали Дэвид Мартин, верно? – спросила Вероника. – Муж Джулии?

Патенод кивнул:

– Мой отец, конечно, обанкротился. Он потерял все. Моей матери было все равно. Мне было все равно. Мы любили его. Но он так и не оправился. Не думаю, что дело было в деньгах. Скорее, свою роль сыграли стыд и предательство. Мы никогда не ждали, что Мартин вернет деньги. Это было инвестирование. К тому же плохое. Так случается. Отец оценивал риски. И Мартин ведь не украл эти деньги. Но он ни разу не сказал, что сожалеет о случившемся. И когда он заново сколотил состояние в сотни миллионов долларов, он ни разу не позвонил отцу, не предложил ему компенсировать потери. Или инвестировать в отцовскую компанию. Я видел, как разбогател Мартин. И как упорно трудился отец, пытаясь восстановить утраченное.

Он замолчал. Добавить к этому, казалось, было нечего. Не мог он объяснять здесь, что чувствовал, когда видел, как отец, которым он восторгался, стал испытывать трудности и в конце концов полностью разорился, а совершивший все это человек опять поднялся наверх.

Что-то новое родилось в его душе и стало расти. Ожесточение. Шли годы, и это чувство сожрало его сердце, и на этом месте образовалась

пустота. А потом оно сожрало все его внутренности, оставив там одну темноту. А еще вой, старое эхо, циркулирующее по замкнутому кругу. И с каждым кругом усиливающееся.

– Знаете, я был счастлив здесь.

Мадам Дюбуа своими старыми пальцами прикоснулась к его руке.

– Я рада, – сказала она. – И я была счастлива иметь здесь такого человека. Это казалось чудом. – Она посмотрела на Веронику. – Двойная благодать. Ты был так добр с молодыми. Они тебя боготворили.

– С ними я чувствовал себя так, будто отец вернулся ко мне. Мне почти что слышалось, как он нашептывает мне, говорит, что я должен быть терпелив с ними. Что им нужна крепкая, но любящая рука. Вы нашли Элиота?

Этот вопрос был обращен к сидящему рядом с ним Бовуару, и тот кивнул в ответ:

– Только что позвонили. Он находился на автобусной станции в Норт-Хэтли.

– Недалеко добрался, – сказал Патенод и невольно улыбнулся. – Всегда было нелегко направлять его на верную дорогу.

– Вы порекомендовали ему бежать, месье. Пытались подставить его, месье, – заметил Бовуар. – Пытались выставить дело так, будто это он убил Джулию. Нашли записки, которые он ей писал, подбросили их в камин, зная, что мы их там найдем.

– Он тосковал по дому. Я знаю признаки, – сказал Патенод. – Часто видел это. И чем дольше он здесь оставался, тем злее и разочарованнее становился. Но когда он узнал, что Джулия Мартин из Ванкувера, то так и прилип к ней. Поначалу мне это было некстати. Я боялся, он сообразит, что я делаю. А потом я понял, как этим можно воспользоваться.

– И ты бы допустил, чтобы невиновного человека арестовали за твое преступление? – спросила Вероника.

Бовуар отметил, что она не обвиняет, не осуждает. Просто спрашивает.

– Нет, – устало ответил Патенод. Он потер лицо и вздохнул. Энергия в нем иссякала. – Я лишь хотел запутать дело, только и всего.

Бовуар не поверил ему, но Вероника, кажется, поверила. А может, и не поверила, но не отреклась от своей любви.

– И поэтому ты захватил в заложники ребенка? – спросила мадам Дюбуа.

Теперь они оказались на опасной территории. Одно дело – убить Джулию Мартин, ведь если говорить откровенно, то время от времени желание убить кого-нибудь из Морроу одолевало всех и каждого. Она даже

могла понять желание свалить вину на Элиота. Но угроза сбросить ребенка с крыши?

– Бин – это только гарантия, не больше, – сказал Патенод. – Чтобы усилить всеобщее смятение. И на тот случай, если Элиот вернется. Я не хотел, чтобы ребенок пострадал. Я просто хотел убежать. Ничего этого не случилось бы, если бы вы не пытались меня остановить, – сказал он Гамашу.

И все в этой удобной, теплой комнате представили себе маленький мирок Пьера Патенода, в котором оправдывается насилие, а в качестве виноватых выставляют невиновных.

– Почему все-таки вы убили Джулию Мартин? – снова спросил Гамаш. Он бесконечно устал, но должен был пройти весь путь до конца. – Она не несла ответственности за то, что сделал ее муж. Они тогда даже женаты не были.

– Да. – Патенод перевел взгляд на Гамаша.

Они оба теперь были не похожи на тех людей, что противостояли друг другу на крыше меньше часа назад. Из темно-карих глаз Гамаша исчез страх, а из глаз Патенода – ярость. В кухне сидели два усталых человека, которые пытались понять случившееся.

– Когда я понял, кто она такая, у меня будто все чувства притупились, но шли дни, и во мне стала расти злость. Ее идеальные ногти, прическа по последней моде, ее зубы…

«Зубы?» – подумал Бовуар. Он знал много мотивов убийства, но про зубы слышал впервые.

– Все абсолютно идеально, – продолжал метрдотель. Голос его становился все резче, мягкий человек на глазах у присутствующих преображался в нечто совсем иное. – Ее одежда, ее драгоценности, ее манеры. Дружеские, но слегка снисходительные. Деньги. Все в ней кричало о деньгах. О деньгах, которые должны были принадлежать моему отцу. Моей матери.

– И вам? – спросил Бовуар.

– Да, даже мне. Я злился все сильнее. Я не мог сравняться с Мартин, но я мог сровнять ее с землей.

– И вы ее убили.

Патенод кивнул.

– Вы не знали, кто такой месье Гамаш? – спросил Бовуар. – Убили человека чуть ли не на глазах главы отдела по расследованию убийств.

– Я не мог ждать, – сказал Патенод, и все поняли, что так оно для него и было. Ожидание слишком затянулось. – А потом, я знал, что полиция так

или иначе нагрянет сюда. И для меня не имело значения, что она уже здесь.

Он посмотрел на старшего инспектора:

– Знаете, Дэвиду Мартину всего-то и нужно было сказать, что он сожалеет о случившемся. Только и всего. Мой отец простил бы его.

Гамаш поднялся. Пора было объясниться с семьей. Объяснить им все это. У дверей столовой он оглянулся и увидел, как Пьера Патенода уводят через заднюю дверь в стоящий рядом автомобиль Квебекской полиции. Шеф-повар и мадам Дюбуа смотрели на сетчатую дверь, которая захлопнулась за ним.

– Вы думаете, он и в самом деле сбросил бы ребенка с крыши? – спросил Бовуар.

– Там, наверху, я не сомневался в этом. Теперь не знаю. Может, и не сбросил бы.

Но Гамаш знал, что выдает желаемое за действительное. Он мог радоваться лишь тому, что все еще способен на это. Бовуар посмотрел на своего высокого спокойного шефа. Сказать ему? Он вздохнул и бросился с головой в неизвестность.

– Странное чувство одолело меня, когда я увидел вас на крыше, – сказал он. – Вы были похожи на одного из граждан Кале. Вы были испуганы.

– Очень.

– И я тоже.

– И тем не менее ты собирался подняться на крышу. – Гамаш чуть наклонил голову. – Я помню. И надеюсь, ты тоже всегда помнишь.

– Но граждане Кале умерли, а вы, слава богу, живы. – Бовуар рассмеялся, пытаясь преодолеть возникшую неловкость.

– Нет-нет, граждане Кале не умерли, – сказал Гамаш. – Их пощадили.

Он снова повернулся к двери в столовую. И сказал что-то – Бовуар не сумел толком разобрать что. То ли merci, то ли что-то похожее. Потом он скрылся за дверью.

Бовуар поднял было руку, чтобы толкнуть дверь и последовать за шефом, но остановился. Подумав, он вернулся к столу, у которого неподвижно стояли две женщины, продолжая смотреть через заднюю дверь в лес.

Он услышал доносящиеся из столовой громкие голоса. Голоса Морроу. Они требовали ответа, требовали внимания. Он должен был присоединиться к старшему инспектору. Но сначала нужно было кое-что сделать.

– Если бы не он, они бы погибли.

Две женщины медленно повернули к нему голову.

– Я говорю о Патеноде, – продолжил Бовуар. – Если бы не он, старший инспектор Гамаш и Бин погибли бы. Но Патенод не остался в стороне. Он спас их жизнь.

Вероника посмотрела на него с выражением, которое он так хотел увидеть еще недавно, но которое было ему больше не нужно. И он ощутил в глубине души спокойствие, словно отдал старый долг.

Глава тридцать первая

– Потерянный рай, – сказал старший инспектор Гамаш, занимая свое естественное место в центре собрания и жестом призывая всех Морроу к тишине. – Иметь все и потерять. Вот что лежит в основе этого дела.

В комнату набился персонал «Охотничьей усадьбы», полицейские, волонтеры. И Морроу. Из Трех Сосен, узнав о том, что случилось, поспешила приехать Рейн-Мария и теперь тихонько сидела в стороне.

– Что это он несет? – громко прошептала Сандра.

– Поэма Джона Мильтона, – сказала миссис Финни, которая сидела с прямой спиной рядом с мужем. – О том, как дьявола вышвырнули из рая.

– Верно, – сказал Гамаш. – Лишили благосклонности. Трагедия поэмы Мильтона в том, что у Сатаны было все, но он не понимал этого.

– Он был падшим ангелом, – сказала миссис Финни. – Он верил, что лучше заправлять в аду, чем прислуживать на небесах. Он был корыстным. – Она посмотрела на своих детей.

– Но что такое рай и что такое ад? – спросил Гамаш. – Все зависит от точки зрения. Мне нравится это место. – Он оглядел комнату, посмотрел в окно – дождь уже прекратился. – Для меня это рай. Я вижу здесь покой, мир и красоту. Но вот для инспектора Бовуара это ад. Он видит здесь хаос, неудобства и насекомых. И то и другое верно. Все зависит от восприятия.

> Он в себе
> Обрел свое пространство, и создать
> В себе из Рая – Ад и Рай из Ада
> Он может, —

процитировал Гамаш. – Я еще до смерти Джулии Мартин чувствовал: что-то здесь не так. Спот и Клер – два отсутствующих одиозных члена семейства – превратились в Питера и Клару, двух моих милых, хороших друзей. Не лишенных своих недостатков, – Гамаш поднял руку, останавливая Томаса, готового пуститься в долгое перечисление недостатков Питера, – но добрых в душе. И тем не менее о них говорили как о средоточии зла. Я знал, что эта семья не в ладах с реальным миром, что воспринимает его через кривое зеркало. Какой цели это служило?

– Разве наличие цели обязательно? – спросила Клара.

– Цель есть во всем. – Гамаш посмотрел на Клару, сидящую рядом с Питером. – Томас считался в семье блестящим пианистом, лингвистом, предпринимателем. Но его игра на фортепиано лишена души, карьеру он сделал посредственную, французского не знает. Бизнес Марианы процветает, она играет на фортепиано со страстью и мастерством, у нее необыкновенный ребенок, но все относятся к ней как к эгоистичной младшей сестре, которая ничего толком не умеет. Питер талантливый и успешный художник, – Гамаш прошел через комнату к Питеру, растрепанному и осоловелому. – У него любимая жена, много друзей. Но при этом его считают корыстным и жестоким. И Джулия, – продолжил он. – Сестра, которая уехала и была за это наказана.

– Она не была наказана, – возразила миссис Финни. – Она решила уехать по собственному разумению.

– Но вы выдавили ее из дома. А в чем была ее вина?

– Она опозорила семью, – сказал Томас. – Мы стали посмешищем. «Джулия Морроу хорошо делает минет».

– Томас! – осадила его мать.

Они стали изгоями в обществе. Над ними смеялись, издевались.

Потерянный рай.

И потому они отомстили своему ни в чем не повинному ребенку.

– Джулии, наверно, было непросто приехать на это семейное собрание, – сказала Мариана.

Гамаш обратил внимание, что Бин сидит у нее на коленях и чуть покачивает ногами, висящими в нескольких дюймах от пола.

– Бога ради, – сказал Томас. – Только не делай вид, что тебя это волнует, Маджилла.

– Прекрати меня так называть!

– Это еще почему? Его ты могла провести, – он посмотрел на Гамаша, – он тебя не знает. Но мы-то знаем. Ты была эгоисткой тогда, эгоисткой осталась и по сей день. Поэтому мы и называем тебя Маджиллой. Чтобы ты не забыла, что сделала с отцом. Он просил тебя об одном – целовать его, когда мы возвращаемся домой. И что делала ты? Ты оставалась в подвале и смотрела свой дурацкий телевизор. Предпочитала отцу мультяшную гориллу. И он знал это. А когда ты все же приходила поцеловать его, то плакала. Тебе было мучительно делать то, чего ты не хотела делать. Ты разбила его сердце, Маджилла. Каждый раз, когда я тебя так называю, я хочу, чтобы ты вспоминала боль, которую причиняла ему.

– Прекрати! – Мариана встала. – Это не имело никакого отношения к мультику. – Слова вырывались из ее рта с трудом, против их отчаянного

желания, состоявшего в том, чтобы остаться внутри. – Дело было в клетке.

Она замолчала.

Вот она стоит, не произнося ни звука, с открытым ртом, из уголка, словно прозрачный мед, сочится тонкая ниточка слюны. Бин сжимает ее руку, и Мариана снова начинает дышать, рыдая и подвывая, как новорожденный младенец, получивший шлепок акушера.

– Все дело было в клетке. Я каждый день неслась домой из школы, чтобы увидеть гориллу Маджиллу в клетке. Я молилась о том, чтобы обезьяна сегодня обрела дом. Чтобы ее кто-то взял к себе. Полюбил.

Наклонив голову, она уставилась на балку над головой. Она увидела, как балка вздрогнула, с нее полетел мелкий порошок пыли и штукатурки. Мариана взяла себя в руки. И все прекратилось. Балка устояла. Не упала.

– Поэтому вы и строите хорошие дома для бедняков, – сказал Гамаш.

– Мариана, – мягко произнес Питер, направляясь к ней.

– А ты… – начал Томас, и его слова преградили Питеру путь к сестре, остановили его. – Ты из всех самый лицемерный. У тебя было все, но тебе этого не хватало. Если в семье и есть сатана, то это ты.

– Я? – удивился Питер, ошарашенный этой агрессией, жестокой даже по стандартам семьи Морроу. – Ты говоришь, у меня было все? Ты в какой семье жил? Это тебя любили мама и папа. Ты получил все, даже его… – Он замолчал, вспомнив два расходящихся круга на спокойной воде озера.

– Его что? Запонки?

Томаса трясло от ярости, руки его дрожали, когда он думал о потрепанной белой рубашке, висящей в шкафу наверху. Старая рубашка отца – Томас взял ее в день смерти Чарльза Морроу. Единственное, что он хотел. Рубашку, которую носил отец. Она все еще сохраняла отцовский запах. Запах дорогих сигар и терпкого одеколона.

Но теперь запонки исчезли – их украл Питер.

– Ты и понятия не имеешь, да? – кипел Томас. – Ты и понятия не имеешь, что это такое – все время быть преемником. Этого ждал отец, этого ждала мать. Я не имел права на ошибку.

– Ты только и делал, что ошибался, – сказала успевшая оправиться Мариана. – Но они не хотели этого видеть. Ты лодырь, ты лжец, а они думали, что от тебя можно не ждать ничего плохого.

– Они знали, что, кроме меня, им надеяться не на кого, – возразил Томас, который так ни на миг и не отвел взгляда от Питера. – А от тебя они видели одно разочарование.

– Питер ни разу не разочаровал отца.

Морроу редко слышали этот голос. Они посмотрели на мать, потом на

место рядом с ней.

– Он никогда не ждал, что ты чего-то добьешься в жизни, Томас, – продолжил Берт Финни. – И он никогда не желал тебе, Мариана, ничего, кроме счастья. И он ни на минуту не верил тому, что было написано на стене в туалете про Джулию.

Старик с трудом поднялся на ноги.

– Он любил твое искусство, – сказал он Питеру. – Он любил твою музыку, Томас. Он любил твой характер, Мариана, и всегда говорил, какая ты сильная и добрая. Он всех вас любил.

Эти слова, опаснее любой гранаты, взорвались в тесном кругу собравшихся Морроу.

– Джулия поняла это, – сказал Финни. – Она поняла, что именно это он и имел в виду, когда не спешил раздавать деньги и подарки. Она, которая имела все, знала, что это пустышки, и ценила то, что уже получила от отца. Любовь, поддержку. Именно это она и хотела сказать вам.

– Ерунда, – возразил Томас, вернувшийся на свое место рядом с Сандрой. – Он вышвырнул ее из дома. Это у вас называется любовью?

– Он сожалел об этом, – признал Финни. – Всегда жалел, что не смог защитить Джулию. Но он был упрямый человек. И гордый. Он не любил признавать свою неправоту. Он пытался извиниться таким вот образом. Узнав, что она обручена, он нашел ее в Ванкувере. Но его неприязнь к Мартину все погубила. Чарльзу необходимо было ощущение собственной правоты. Он был хороший человек, но страдал от собственного эго. Он заплатил за это высокую цену. Но это не значит, что он не любил вас всех. Включая и Джулию. Это просто означало, что он не может показывать свою любовь. Во всяком случае, так, как вам этого хотелось.

«Может быть, именно этому и требуется расшифровка? – спросил себя Питер. – Не слова странного послания, но сам факт послания?»

«Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете».

Питер почти что улыбнулся. Он вынужден был признать, что это очень в духе Морроу. Они были людьми в высшей степени одержимыми.

– Он был жестоким человеком, – сказал Томас, не желавший сдаваться.

– Твой отец всю оставшуюся жизнь искал человека, который сделал это. Он думал, что так сможет продемонстрировать Джулии свою любовь. И в конечном счете он нашел его.

Наступила тишина. Прошло несколько секунд, и ее нарушил осторожный кашель.

– Это невозможно, – сказал Питер. Он встал, провел пятерней по волосам. – Отец ничего такого мне не говорил.

– А с чего это он должен был тебе говорить? – спросил Томас.

– Потому что это написал я. – Он не отваживался посмотреть на мать.

– Да, – подтвердил Финни. – Именно так и сказал мне твой отец.

Морроу, потеряв дар речи, уставились на Питера.

– Как он узнал? – спросил Питер, чувствуя, что у него кружится голова и к горлу подступает тошнота.

– Это было написано во второй кабинке. Про вторую кабинку знали только вы двое. Это был его персональный дар тебе.

Питер резко вдохнул:

– Я написал это, потому что она обидела меня. И потому что хотел, чтобы отец целиком принадлежал мне. Я ни с кем не хотел его делить. Мне была невыносима мысль о том, что отец любит Джулию. Я хотел уничтожить эту любовь. И добился своего.

– Разве ты не слышал того, что я сказал?

Теперь вниманием всех собравшихся владел Берт Финни, и Гамаш охотно уступил ему свое место.

– Ты был не в силах уничтожить его любовь Ты слишком много на себя берешь, Питер. Твой отец до конца жизни любил Джулию. Ты не мог это уничтожить. Он знал, что та надпись твоих рук дело.

Финни смотрел на Питера, и Питер взглядом умолял его остановиться на этом. Не говорить последнего.

– И все равно он тебя любил. Он любил тебя всегда.

Потерянный рай.

Это было самое ужасное, что мог сказать Финни. О том, что отец не ненавидел Питера. А напротив, всю жизнь любил его. И Питер принимал доброту за жестокость, щедрость за низость, поддержку за путы. Как это ужасно, когда тебе предлагают любовь, а ты выбираешь ненависть. Он рай превратил в ад.

– Семя убийства всходит годами, – сказал Гамаш. – Оно как дерево черного ореха, ему требуется много лет, чтобы вырасти и стать ядовитым. Именно это и произошло в данном случае. В самом начале я совершил громадную ошибку. Я решил, что убийца – один из членов семьи. И это чуть не стоило жизни ребенку Марианы. Я прошу прощения.

– Вы спасли мне жизнь.

– Очень мило с твоей стороны смотреть на это так. Но я совершил ошибку. Громадную. Искал не в том направлении.

– А когда вы стали подозревать Патенода? – спросила Клара.

– Это было очень необычное дело, – ответил Гамаш. – В первую очередь решался вопрос не «кто» и даже не «почему». Главным был вопрос

«как». Как убили Джулию Мартин? Как могла упасть эта статуя, не поцарапав пьедестала? Помните, в день открытия памятника вы отправились прокатиться на лодке? – спросил Гамаш Питера. – Мы стояли на пристани и увидели, как Бин несется по лужку.

– После укуса осы, – сказал Питер.

– Не осы, а пчелы, – поправил его Гамаш. – Медоносной пчелы.

– Я не понимаю, – сказала Клара. – Какая разница, оса или пчела?

– Тот факт, что это была медоносная пчела, выдавал Патенода. Это была неопровержимая улика, которую он не мог контролировать. Позвольте мне объяснить.

– Прошу вас, – кивнула миссис Финни.

– У «Охотничьей усадьбы» есть собственная пасека. – Гамаш показал в сторону леса. – Шеф-повар Вероника посадила целую рощу жимолости и клевера, а в середине поставила ульи. Медоносные пчелы в поисках пищи могут пролетать большие расстояния, но если пищу можно найти поблизости, они там ее и берут. Она посадила жимолость, чтобы пчелы никуда не улетали и не тревожили гостей. И много лет эта придумка прекрасно действовала, мы даже не подозревали о существовании пасеки.

– Пока вы не увидели, как после укуса пчелы Бин бежит по лужайке, – возбужденно сказал Питер.

– Откровенно говоря, я не знаю разницы между укусом пчелы и укусом осы, – признал Гамаш. – Но вот инспектора Бовуара заинтересовали медоносные пчелы. – Почему у Бовуара появился этот интерес, Гамаш не сказал. – Он утверждает, что оса никогда не оставляет жала, как и некоторые другие пчелы. Они могут жалить сколько угодно. Но рабочая медоносная пчела может ужалить только раз. Ужалив, она оставляет в коже жало и крохотный мешочек с ядом. И это убивает пчелу. И вот вам Бин. Я видел ранку, а в ней жало и мешочек с ядом. Но случилось это не на пасеке, а совсем в другой стороне. – Он показал рукой в сторону леса, противоположную пасеке. – Это случилось у пьедестала под статую. А что там делать рабочей медоносной пчеле вдали от жимолости? В особенности еще и потому, что все цветы близ пьедестала умирали – их убивал черный клен.

– Тогда что делала там пчела? – недоуменно спросила мадам Дюбуа.

– В этом-то и состояла одна из тех маленьких загадок – несообразность, которая не дает покоя. В любом расследовании убийства полно таких несообразностей. Некоторые имеют значение, другие являются ничего не значащими сопутствующими обстоятельствами. Эта несообразность имела критическое значение. Понял я это только вчера, на

пикнике в День Канады.

– Неужели? – удивилась Клара, вспоминая ланч, деревенских жителей, высыпавших на луг, детишек, переевших мороженого и зефира и перепивших колы.

– Что же ты увидел такого, чего не заметили мы? – спросила Рейн-Мари.

– Я увидел, как лужицы колы привлекают муравьев и пчел, и увидел просыпанную соль, – ответил Гамаш.

– Я тоже видел, – заметил Питер. – Но меня это не навело ни на какие мысли.

– Вы помните, как пролилась кола?

– Мальчик толкнул бутылку по столу, – сказал Питер, припоминая.

– Он толкнул ее на просыпанную соль, – уточнил Гамаш. – Ваша мать сделала почти то же самое, когда мы разговаривали сегодня утром.

Питер удивленно посмотрел на мать.

– Я ничего такого не делала.

Гамаш подошел к буфету и взял сахарницу из тонкого фарфора.

– Вы позволите? – спросил он у мадам Дюбуа.

Та кивнула в ответ. Тогда он снял скатерть с одного из столов, обнажив деревянную столешницу. Это была старинная сосна с грубоватой поверхностью. Сняв крышку с сахарницы, он рассыпал песок по столешнице.

– Вы что, с ума сошли? – спросила миссис Финни, однако присоединилась ко всем остальным, сгрудившимся у стола с пирамидкой гранулированного белого песка.

Гамаш разровнял песок, покрывший половину темной деревянной поверхности.

– Сегодня утром, когда мы разговаривали на террасе, перед вами была точно такая же сахарница, – сказал старший инспектор миссис Финни. – Вы были взволнованы и двигали сахарницу туда-сюда по просыпанному песку.

– Ничего я не была взволнована.

– Извините, это моя ошибка, – сказал Гамаш. – Вероятно, слово «оживлены» будет точнее. Тот мальчик за ланчем делал то же самое с жестяной банкой колы, хотя и не так грациозно, как вы. Он просто оттолкнул от себя банку по просыпанной соли. Вот так.

Гамаш поставил сахарницу на деревянный стол и толкнул ее. Она заскользила по усыпанной сахаром поверхности и остановилась у края.

– А теперь посмотрите, что будет на другой половине, где нет сахара.

Он запустил сахарницу еще раз, но она отъехала всего на дюйм-другой и остановилась.

– Вот так и было совершено убийство.

Гамаш оглядел недоумевающие лица. Теперь они стали еще более растерянными.

– Сегодня я звонил в Музей Родена в Париже, разговаривал с архивистом, которому известна эта техника. Один рабочий с кладбища в Кот-де-Неж тоже слышал о такой технике, хотя она у них не используется много лет. Это такой трюк, с помощью которого можно перемещать статуи.

– Мы все еще говорим о банке колы? – спросил Питер. – Или о сахарнице?

– Мы говорим о статуе вашего отца. Пьер Патенод как-то летом работал на кладбище и видел, как устанавливают памятники. Тогда старые рабочие еще пользовались этой техникой.

Гамаш взял сахарницу и снова послал ее по части стола, усыпанной песком. На этот раз сахарница не остановилась у края, а соскользнула вниз. Бовуар подхватил ее на лету.

– Voilà, – сказал Гамаш. – Убийство. В Музее Родена, устанавливая скульптуру «Граждане Кале», насыпали на пьедестал сахарную подушку, чтобы можно было передвигать скульптуру на дюйм туда-сюда, чуть поворачивать ее. Перед тем как привезли статую вашего отца, то же самое сделал и Пьер Патенод. Насыпал на пьедестал слой сахара.

– Для этого ему, вероятно, потребовалось немало сахара, – сказала Клара.

– Так оно и было. Он несколько дней таскал туда сахар. Вот почему в «Усадьбе» вдруг не оказалось сахара. Патенод его воровал. Вы помните, какой белый цвет у пьедестала?

Все кивнули.

– Метрдотель сообразил, что слой сахара не будет заметен, но на всякий случай всех прогнал – остались только мадам Дюбуа и крановщик, а их мысли были заняты другим.

Они видели все это. Статую крепко перевязали и подняли из кузова, все глаза были устремлены на нее, все затаили дыхание и молились, чтобы она не упала. Потом ее медленно, очень медленно опустили на пьедестал.

– А мы ничего не заметили даже на открытии, – сказала Клара. – Мы только ос видели.

– Их привлекал сахар, – объяснил Гамаш. – Осы, медоносные пчелы, муравьи. Коллин, молодую садовницу, даже кошмары мучили из-за муравьев, и я предположил, что ей снились муравьи, ползущие по

мертвому телу. Но я ошибся. Коронер сказала нам, что сильный дождь должен был смыть всех муравьев. Коллин видела муравьев до падения статуи. На пьедестале и на ногах статуи.

Он посмотрел на Коллин, и она кивнула.

– Сахарная подушка привлекала всех насекомых на милю вокруг. Когда я увидел ос и муравьев у лужицы колы, я понял, что их привлекает все сладкое.

– Медоносные пчелы… – Питер помотал головой. – Интересно, Патенод понимал, насколько все это против божеских и человеческих законов?

– Такая малость – пчела. Представить только, что она выдала преступника, – проговорила Клара.

– Но самая изюминка этой сахарной технологии в том, что время не оставляет от нее следов, – сказал Гамаш. – Один хороший дождичек – и сахар растворяется, статуя оседает на пьедестал и остается там навечно.

– А если бы дождя не было, что тогда? – спросил Питер.

– Можно просто смыть водой из шланга. Коллин могла бы заметить, но, вероятно, это ее не очень бы удивило.

– Но где доказательство, что это сделал Пьер? – спросила мадам Дюбуа. – Любой из нас мог притащить туда сахар.

– Это верно. Он был наиболее вероятным подозреваемым, но мне требовались неопровержимые доказательства. И я получил их от Габри, когда он рассказывал нам про свое имя. Габри – это сокращение от Габриэля. Ты, Рейн-Мари, сказала ему об именах наших детей, которые есть и в английском и во французском.

– Я помню, – подтвердила Рейн-Мари.

– Это и послужило уликой. А еще фраза «все возвращаются на эту неделю». Дэвид Мартин сказал инспектору Бовуару, что он несколько раз возвращался в Монреаль. Возвращался. Я считал, что он англоязычный канадец из Британской Колумбии, но что, если на самом деле он монреалец и зовут его Давид Мартен? – Гамаш произнес это имя на французский манер. – Вернувшись в «Усадьбу», я позвонил Мартину, и тот подтвердил, что он монреалец и что Франсуа Патенод вкладывал деньги в его первый бизнес, закончившийся банкротством.

Потом Гамаш пересказал то, что метрдотель поведал им в кухне.

Бовуар, внимая шефу, оглянулся и увидел шеф-повара Веронику – она стояла у кухонных дверей, слушала. И в этот момент он понял, кто она и почему его так потянуло к ней.

Глава тридцать вторая

Дождь прекратился, но трава под ногами хлюпала. Солнце пробивалось сквозь тучи и освещало озеро, лужайку, громаду металлической крыши. Пока две пары и Бовуар шли по лужайке к кружку кресел, досуха вытертых молодым персоналом, туфли у них промокли.

– И что же теперь будет с «Охотничьей усадьбой»? – спросила Рейн-Мари; она держала за руку мужа, но вопрос свой обратила к Кларе.

Клара помолчала, оглянулась на величественный и надежный дом.

– Он построен на века, – сказала она наконец, увидев солнечный зайчик, отраженный крышей. – Я думаю, так оно и будет.

– Согласен, – кивнул Гамаш.

На террасе стоял Элиот Бирн, расставляя столы к обеду и давая указания ребятам помоложе. Выглядел он естественно.

– Как вы? – спросила Рейн-Мари у Бовуара, который шел по другую сторону от нее, отмахиваясь от мошки, налетевшей на него.

– Вы знали, кто она? – спросил он.

– Вероника? Я ее узнала, как только увидела, – сказала Рейн-Мари. – Правда, я знала ее под другим именем. Не узнать ее невозможно, даже по прошествии стольких лет. Я смотрела ее программы. Кормила детей по ее рецептам.

– И я тоже смотрел, – сказал Бовуар, потом закашлялся и выплюнул мошку. – Извините. – Он печально улыбнулся мадам Гамаш.

Рой мошки и жужжание уменьшились, и он снова почувствовал запах ментоловой мази от кашля, пресный вкус имбирной газировки и крекеров. Укрытый мягким одеялом, он лежит с высокой температурой на промятом диване. Простуда – в школу можно не ходить. Рядом с ним сидит мать, мягко растирая ему холодные ступни, и вместе они смотрят ее любимое шоу по «Радио Кэнада».

– Bonjour, mes enfants, – говорит полная молодая женщина в чепце. – Спасибо, что вы со мной. Будем надеяться, что я не сожгу кухню. Мать настоятельница все еще злится на меня за то, что на прошлой неделе я забыла на горелке сковородку.

И она смеется. Ее смех похож на трубный глас, а голос – на низкий гул.

Сестра Мари Анжела и ее знаменитое кулинарное шоу. «Midi Avec Ma Soeur».[99]

Эта передача стала обязательной для молодых матерей Квебека. Кое-кто посмеивался над старомодной невзрачной женщиной (на самом деле она была ничуть не старше, чем они), которая учила их, как идеально приготовить бланманже, или rouille, или poire Hélène.[100] Казалось, она прибыла из другой эпохи. Но за насмешками крылось восхищение. Сестра Мари Анжела была талантливым поваром, она любила свое ремесло и предавалась ему весело и радостно. Она олицетворяла простоту и определенность в быстро меняющемся Квебеке.

Бовуар снова слышал смех матери, когда сестра Мари разжевывала для зрителей самые сложные свои рецепты.

Число женщин, желающих постричься в монахини, резко возросло, как и количество проданных экземпляров ее кулинарных книг, на обложках которых была изображена эта простая, счастливая женщина в монашеской одежде с двумя длинными французскими батонами в руках.

И как он мог забыть?

Правда, в его воспоминаниях был один тревожный момент. И тут он вспомнил. Скандал, который разразился, когда сестра Мари Анжела вдруг исчезла. Это стало темой номер один в газетных заголовках и ток-шоу, на улицах и в кухнях Квебека. Почему вдруг сестра Мари Анжела покинула не только шоу, но и монашеский орден?

Она так и не дала ответа на этот вопрос. Просто взяла свои сковородки и исчезла.

Удалилась в глушь и там, насколько это было известно Бовуару, обрела душевный покой. И любовь. И сад, за которым ухаживала, и пасеку, требовавшую ее забот, и людей, для которых ей хотелось готовить.

Она жила незаметной и идеальной жизнью. Вдали от городской мишуры, вдали от пристальных взглядов.

Все маленькие тайны, которые беспокоили его, прояснились. Почему эта женщина, великолепный повар, довольствовалась «Охотничьей усадьбой», тогда как могла работать в лучшем ресторане Квебека. Почему «Усадьба» приглашала только англоязычных ребят из других провинций.

Чтобы сохранить ее тайну. Не нарушить ее покоя. Никто не должен был узнать в шеф-поваре Веронике скандально известную сестру Мари, покинувшую монашеский орден, как тать в ночи. И приехавшую сюда, где ее приняла и оберегала неукротимая мадам Дюбуа. Ее новая мать настоятельница.

– Как вы думаете, почему она ушла из ордена? – спросил Бовуар у Рейн-Мари, когда они шли по лужку.

Она подумала и ответила:

– Все зависит от того, во что вы верите.

– А во что верите вы?

– Я верю, что она нашла себя здесь. Для некоторых, я думаю, это глушь. Зайди на десять футов в лес – и ты уже заблудился. Для других же здесь рай небесный. Зачем искать божественное в холодном и тесном монастыре, когда можно жить здесь? Вы не сможете мне доказать, что Господь не живет на этом озере. – Она улыбнулась Бовуару. – Не самый оригинальный ответ. Но самый простой.

– Бланманже из ответов? – спросил он.

Она удивленно посмотрела на него, потом рассмеялась:

– Как и сам Квебек. Продолжай размешивать, пока не получишь однородной массы.

Возвращенный рай.

На другой стороне лужайки играли Бин и Мариана. Они собрали вещи и готовились к отъезду, но сначала хотели пролететь по саду.

– Мама, мама, ты – Пегас! Беги, взлетай!

– Пегас отдыхает, детка. Пасется. Смотри. – Мариана постучала усталым копытом по земле.

Все часы она уложила в чемодан, потом пошла в ванную собрать туалетные принадлежности. А когда вернулась, то, к своему огорчению, увидела, что часы снова расставлены по всему номеру.

– Что это значит, Бино? – спросила она, стараясь прогнать из голоса рассерженную нотку.

Ее чадо застегнуло маленький, почти пустой чемодан.

– Думаю, они мне больше не нужны.

– Почему?

– Ты ведь станешь будить меня вовремя, верно?

– Непременно, детка, – сказала Мариана.

И теперь она смотрела, как ее странный ребенок скачет по источающему фруктовые ароматы саду.

– Я думаю, даже Пегасу нужно отдыхать.

Мариана наблюдала, как Бин, вытянув руки вперед, то ослабляет, то натягивает поводья, придерживая могучего жеребца.

Морроу и Гамаши сели, но Бовуар остался стоять.

– Мне пора домой. С вами все будет в порядке? – спросил он у шефа.

Гамаш встал и кивнул:

– А с тобой?

– Со мной все прекрасно, как никогда, – сказал Бовуар, почесывая укусы на шее.

– Дай-ка я провожу тебя до машины.

Гамаш прикоснулся к руке Бовуара, и они бок о бок пошли по лужайке.

– Меня только одно беспокоит. И агента Лакост тоже, – сказал Бовуар, когда они подошли к машине.

Лакост сопровождала Патенода в управление полиции в Монреале, а перед отъездом попросила инспектора прояснить один вопрос, на который не мог ответить даже Патенод.

– Почему Джулия распростерла руки, когда статуя начала падать?

Гамаш открыл дверцу своему подчиненному.

– Не знаю.

– Нет, правда, сэр. Зачем бы она стала это делать? Я понимаю, наверняка вы не можете знать, но что вы думаете? Какие-то предположения у вас есть?

Гамаш отрицательно покачал головой. Хотя кое-какие вопросы он себе задавал. Сколько раз Джулия воображала, что воссоединилась с отцом? Что отец обнимает ее? Как часто в тихие минуты задумчивости предавалась она этим фантазиям, чувствовала объятия его крепких рук? Его запах, ткань его костюма? Тосковала ли она по всему этому? Может быть, она стояла под статуей, снова представляя себе все это, когда эта встреча прощения с обеих сторон состоялась? И когда он двинулся ей навстречу, может быть, она в этот последний миг не смогла отличить действительность от снедавшей ее тоски?

– Не знаю, – повторил он и медленно пошел назад по влажной пахучей лужайке, чуть не до боли сжав в кулак правую руку.

* * *

– Позвольте присоединиться к вам? – Мариана уселась в кресло-лежак. – От этой игры в Пегаса я совсем вымоталась. Маджилла хоть в клетке жила. Это куда как спокойнее.

К ним присоединилось и ее чадо, а через минуту подошел присланный Элиотом официант и спросил, не нужно ли им чего-нибудь. Бин и Мариана заказали суп, а остальные – чай и сэндвичи.

Рейн-Мари залезла в сумочку.

– У меня есть кое-что для тебя, – сказала она ребенку, чьи глаза тут же широко распахнулись.

– Подарок?

Рейн-Мари протянула подарок, в несколько секунд обертка была

сорвана, и на Рейн-Мари уставились удивленные глаза.

– Как вы ее нашли?

Рейн-Мари наблюдала, как Бин нетерпеливо листает «Мифы, которые должен знать каждый ребенок» и наконец останавливается на истории про летающего коня.

– Мирна? – спросила Клара, подумав о подружке, владеющей книжным магазином в Трех Соснах.

Рейн-Мари кивнула.

– Какова вероятность того, что у нее могла обнаружиться эта книга? – спросила Клара.

– Ну, у нее есть все, – ответил Питер.

Клара кивнула, но подумала о том, что, наверное, на титульной странице книги округлыми детскими буквами написано имя мальчика, а еще есть рисунок. Птичка без ног.

– Расскажи мне про Пегаса, – попросила Рейн-Мари, глядя, как Бин, притулившись к ней, открывает книгу и начинает читать.

По другую сторону стола Мариана тихонько дула на горячий суп своего ребенка.

* * *

– Почему вы сказали, что не были в плену?

Гамаш проводил Бовуара и двинулся назад, к остальным. Тело его болело, ему хотелось домой – принять горячую ванну, залезть под одеяло к Рейн-Мари. Но он вдруг остановился и изменил направление. Пошел к пристани и остановился рядом со стариком. Теперь это казалось естественным – стоять здесь бок о бок.

– Я не был в плену, – ответил Финни. – Вы правильно сказали, я попал в японский концентрационный лагерь, но в плену я не был. Это не игра слов. Тут существенная разница. Критическая.

– Я вам верю.

– Я видел, как там люди умирали. Много людей. Большинство. И знаете, что их убило?

«Голод, – хотел было сказать Гамаш. – Дизентерия. Жестокость».

– Отчаяние, – ответил Финни. – Они считали себя пленными. Я жил с этими людьми, ел баланду с червями, спал на таких же нарах, так же, как они, надрывался на работе. Но они умерли, а я выжил. И знаете почему?

– Вы были свободны.

– Я был свободен. Мильтон в конечном счете прав. Я никогда не был пленником. Ни тогда, ни теперь.

– Какие же подсчеты вы ведете, приходя сюда? Птиц вы не считаете. И я не думаю, что вы считаете деньги.

Финни улыбнулся:

– Вы знаете, что можно купить за деньги?

Гамаш отрицательно покачал головой.

– Я бухгалтер, я всю жизнь считал деньги и наблюдал за людьми, которые ими владеют. И знаете, к какому выводу я пришел? Знаете, что единственное можно приобрести за деньги?

Гамаш ждал.

– Пространство.

– Пространство? – переспросил Гамаш.

– Дом побольше, машину побольше, побольше номер в отеле. Билеты первого класса на самолет. Но на них нельзя купить даже комфорта. Никто так не жалуется на неудобства, как богатые и имеющие привилегии. Комфорт, безопасность, легкость. Ничего этого не купишь за деньги.

Он медленно побрел прочь с пристани, тихонько постукивая туфлями о доски.

– Знаете, ваш отец был героем. Ему хватило мужества признать, что он ошибался. И измениться. Он ненавидел насилие, ненавидел убийство. Занятно, что его сын посвятил себя поиску убийц и передаче их в руки правосудия. Но будьте осторожны, молодой Арман. Не несите его крест. Вы не обязаны мстить за каждую смерть.

– Меня выводит из себя не смерть, – возразил Гамаш. – А страдания. Моему отцу это тоже не давало покоя. Я не считаю это крестом, не считаю бременем. Может быть, это наследственное.

Финни внимательно посмотрел на него:

– Вы спрашивали, что я считаю каждый вечер и каждое утро. Что я считал каждый день в плену, когда люди лучше меня слабели и умирали. Знаете, что я считаю?

Гамаш стоял неподвижно, боясь спугнуть этого человека и так никогда и не узнать ответа. Но он знал, что может не беспокоиться. Этот человек не боялся ничего.

– Я считаю, сколько раз благодать осенила меня.

Он повернулся и увидел Айрин на террасе, словно почувствовав ее присутствие.

– Нас всех осенила благодать, и мы все порчены, старший инспектор, – сказал Финни. – Каждый день каждый из нас ведет подсчет. Вопрос только

в том, что мы считаем.

Старик снял шляпу с головы и протянул Гамашу.

– Нет-нет, пожалуйста, оставьте ее себе, – попросил Гамаш.

– Я старик. Мне она больше не понадобится. А вам пригодится. Для защиты.

Финни вернул ему шляпу – ту самую, что он купил вместе со шляпой для Рейн-Мари, когда у нее вдруг появилась боязнь заболеть раком кожи. Он купил себе такую же, чтобы она не чувствовала себя глупо в этой защитной шляпе с огромными полями.

Гамаш взял шляпу.

– Вы знаете Марианские острова, сэр? С них американцы отправились освобождать Бирму. Марианы.

Финни остановился и посмотрел на четыре кресла, на одном из которых сидели женщина и ребенок, так непохожие на остальных Морроу.

* * *

– И теперь я хочу рассказать тебе историю, – сказала Рейн-Мари, глядя на возбужденного ребенка, который только что закончил рассказывать взрослым о Пегасе. – О Пандоре.

Питер поднялся с места:

– Мне что-то не хочется слушать это еще раз.

– Останься, Питер, – попросила Клара, беря его за руку.

Он помедлил, но все же сел на свое место и принялся ерзать, не в состоянии найти удобное положение. Сердце его отчаянно билось, пока он слушал знакомую историю. Он снова был дома на диване, пытался удержать свое место рядом с братом и сестрами, чтобы его не выкинули. А напротив них сидела мать с прямой спиной и читала. Отец играл на пианино.

«А вот это для Питера», – говорила мать, и остальные начинали хихикать.

И она читала им про Пандору, которая жила в раю. В мире, где нет места печали и боли, насилию и болезням. Но в один прекрасный день верховный бог Зевс сделал Пандоре подарок. Великолепную шкатулку. Но с одним условием: Пандора никогда не должна была ее открывать. Каждый день Пандору тянуло к шкатулке, и каждый день она находила в себе силы противиться желанию, вспоминая слова Зевса, что шкатулку открывать нельзя. Но однажды любопытство пересилило, и она приоткрыла шкатулку.

Всего на чуть-чуть. Но этого было достаточно. Более чем достаточно.

Наружу вырвались крылатые ужасы. Ненависть, клевета, злоба, зависть, корысть – все они с криком вылетели в мир. Болезни, боль, насилие.

Пандора захлопнула шкатулку, но было поздно.

Питер ерзал на кресле, чувствуя, как паника, словно армия муравьев, заползает на него. Вот так же он ерзал и на диване, а брат и сестры щипали его, чтобы он угомонился. Но он никак не мог угомониться.

Не мог и теперь. Его взгляд упал на сияющий белый куб в непреходящей тени черного ореха, дерева-убийцы. И Питер понял: что бы ни думал Гамаш, эта шкатулка открылась сама по себе. И из нее вылетели ужасы. Она наклонила и уронила статую отца на Джулию. Убила, раздавила ее.

Он снова услышал голос Рейн-Мари:

– Но не все успело вырваться на свободу. Что-то осталось лежать, свернувшись, на самом дне.

Ребенок смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Питер перестал ерзать и тоже уставился на Рейн-Мари.

Что-то осталось в шкатулке? Для него это было откровением. Его мать никогда об этом не рассказывала.

– На самом дне, под всем остальным, лежало что-то. И оно осталось. Не вылетело.

– И что же это было? – прозвучал детский голос.

– Надежда.

* * *

– Дай-ка я тебе помогу. – Питер потянулся к чемодану матери.

– Это может сделать Берт. Или кто-нибудь из швейцаров.

– Я знаю, что они могут. Но я хочу сам тебе помочь.

– Как тебе угодно.

Он понес ее чемодан к двери. Томас и Сандра уезжали не попрощавшись. Томас, правда, посигналил – то ли на прощание, то ли прогоняя Питера с дороги.

– Берт сейчас подгонит машину, – сказал миссис Финни, глядя перед собой.

– Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно.

– Мама, я так виноват с этой надписью. Я не должен был это делать.

– Справедливо. Ты поступил отвратительно.

Питер ждал какого-нибудь «но».

Айрин Финни ждала машину. Что это Берт так задерживается? Когда они собирали вещи в номере, он просил ее все сказать детям. Объяснить, почему она никогда не прикасается к ним, не обнимает их. Никогда никого не целует и не позволяет целовать себя. В особенности последнее. Рассказать им про боли, которые доставляет ей невралгия, отчего любое прикосновение, даже самое легкое, для нее мучительно.

Она знала, что они думают про нее. Что она холодная. Бесчувственная. Она же, напротив, была сверхчувственная. Чувствовала слишком глубоко.

Но так ее воспитали: никогда не выдавать своих изъянов, слабостей, чувств.

Она посмотрела на Питера, который держал ее чемодан. Открыла было рот, но в этот момент появилась машина. Она вышла из пустоты.

– Вот и он.

Не оглянувшись, она села в машину и уехала.

«В скобяной лавке не купишь молока».

Мариана сказала Питеру о записке, которую оставил ей отец. «Может быть, – подумал Питер, – если собрать все записки, что мы получили, то можно будет разгадать код». Но потом он улыбнулся и покачал головой. Старые привычки. Никакого кода не было, и он давно знал ответ.

Отец любил его.

Он проводил взглядом мать, исчезнувшую в лесу, пытаясь понять, сможет ли он когда-нибудь убедить себя, что и мать любит его. Когда-нибудь, возможно. Но не сегодня.

Он вернулся к Кларе, зная, что не все покинуло «Усадьбу». Одно осталось.

* * *

Рейн-Мари нашла мужа на пристани. На нем снова была его широкополая шляпа, брюки закатаны, ноги опущены в чистую, прохладную воду.

– Я чуть не потеряла тебя сегодня, да? – Она села рядом с ним и почувствовала аромат розовой воды и сандалового дерева.

– Ерунда. Я, как и «Усадьба», построен на века.

Она улыбнулась и похлопала его по руке, постаралась выкинуть это из

головы.

– Я наконец дозвонился Даниелю, – сообщил Гамаш. – Извинился перед ним.

Он сделал это искренне.

– Я сказал ему: если он хочет назвать сына Оноре, то я его на это благословляю. Он был прав. Оноре – хорошее имя. И потом, его ребенок пойдет своим путем. Как и Бин. Я думал, что это жестоко – называть ребенка Бин, что это не принесет ему счастья. Но Бин вовсе не кажется несчастным.

– Могло быть и хуже, – сказала Рейн-Мари. – Мариана могла выйти замуж за Дэвида Мартина.

– И что тут хуже?

– Бин Мартин?[101]

Гамаш рассмеялся низким, рокочущим смехом.

– Удивительно знать, что твой ребенок смелее тебя.

– Он сын своего отца.

Они уставились в воду озера, погруженные в свои мысли.

– О чем ты думаешь? – спросила она немного спустя.

– Я считаю, сколько раз меня осенила благодать, – прошептал Гамаш, глядя на нее и ее широкополую шляпу. – Даниель сказал мне кое-что еще. Они сегодня узнали, какой пол будет у ребенка, и с именем теперь решено.

– Оноре?

– Зора.

– Зора, – повторила Рейн-Мари.

Она потянулась к его поврежденной руке, и они вместе принялись за подсчеты.

На это ушло немало времени.

Благодарности

Многие люди внесли вклад в появление этой книги. Прежде всего, как всегда, я должна выразить благодарность моему доброму и милому мужу Майклу. Я должна была гораздо раньше понять, что Арман Гамаш не просто мой литературный муж – он мой настоящий муж. Но, даже не понимая этого, я срисовывала старшего инспектора Гамаша с моего Майкла. Человека, который удовлетворен жизнью и познал огромное счастье, потому что на его долю приходились и немалые скорби. И главное, он умеет отличать одно от другого.

Еще я хотела бы поблагодарить Рашель Хьюитт, которая является куратором коллекции скульптур в Королевской академии в Лондоне.

Мои редакторы Хоуп Деллон из «Сент-Мартинс Минотавр» и Шерис Хоббс из «Хедлайн» немало поработали, чтобы эта книга стала такой, какая она есть. Я многим обязана им, как и самому замечательному литературному агенту в мире Терезе Крис. Она необыкновенно мудра.

Многим я обязана и Лиз Пейдж, моей помощнице, которая терпеливо ухаживает за садом летом, а в остальную часть года ухаживает за нами. Все, к чему она прикасается, расцветает. И она редко пользуется удобрениями.

И наконец, моя благодарность Джейсону, Стивену и Кати Стаффорд, которые владеют и управляют бистро «Усадьба Ове» в квебекской деревне Норт-Хатли. «Охотничья усадьба» обязана своим появлением «Усадьбе Ове» и великому множеству замечательных вечеров, что мы там провели. Если вы, прочтя эту книгу, посетите «Ове», то увидите, что «Охотничья» далеко не точная копия этой гостинички, и озеро там другое. Но надеюсь, что дух «Усадьбы Ове» мне удалось передать. Да что говорить, мы с Майклом так любим это место, что много лет назад венчались в маленькой англиканской часовне в Норт-Хатли, а потом два дня играли свадьбу в «Ове».

Счастье.

Впрочем, как заметил Стивен, в Норт-Хатли нет и вполовину того количества мошки, как в вымышленной «Охотничьей усадьбе». Следует добавить, что и количество убийств там весьма далеко от такового в вымышленной деревне.

notes

Примечания

1

«Бароны-разбойники» – презрительное прозвище основателей крупных промышленно-финансовых корпораций, сколотивших свои состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX в., в частности в годы Гражданской войны и Реконструкции, причем зачастую при помощи обмана и грубой силы. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

2

Дословно: лесной бегун *(фр.)*; в Америке таких людей называли первопроходцами, пионерами.

3

В старой Канаде так называли первопроходцев. *Абенаки* – название индейского племени, обитающего в Северной Америке.

4

Гостиница с рестораном *(фр.)*.

5

Охлажденный чай *(фр.)*.

6

Месье и мадам Гамаш, как я вам рада *(фр.)*.

7

Ухоженная *(фр.)*.

8

Здесь: но послушайте *(фр.)*.

9

Ладно *(фр.)*.

10

Добрый день, говорит «Охотничья усадьба». Чем могу вам помочь? *(фр.)*

11

Спасибо *(фр.)*.

12

Ваш охлажденный чай, мадам *(фр.)*.

13

Рад услужить *(фр.)*.

14

Ресторан *(фр.)*.

15

Прошу прощения *(фр.)*.

16

Ну вот! *(фр.)*

17

Для вас, месье, с удовольствием *(фр.)*.

18

Неужели? *(фр.)*

19

Безусловно *(фр.)*.

20

Закуска к аперитиву *(фр.)*.

21

Праздничный пудинг с кленовым сиропом и взбитыми сливками *(фр.)*.

22

Плесневой сыр *(фр.)*.

23

Из поэмы Вальтера Скотта «Песнь последнего менестреля». Перевод Т. Гнедич.

24

Спасибо, мое сердце *(фр.)*.

25

Я тебя жду *(фр.)*.

26

Неужели? *(фр.)*

27

Понимаю *(фр.)*.

28

Прошу прощения *(фр.)*.

29

Чудесно. Отличная идея *(фр.)*.

30

Здесь: что-то не то *(фр.)*.

31

Кригхофф Корнелиус Дэвид (1815–1872) – канадский художник, более всего известен как пейзажист.

32

Игра слов, основанная на том, что английское слово bed означает и «клумба», и «кровать».

33

Имеется в виду известный гейзер в штате Вайоминг, который с поразительно точной периодичностью выбрасывает в воздух горячую струю воды.

34

Одно из значений английского слова spot – «пятно».

35

Мои поздравления *(фр.)*.

36

Joy в переводе с английского означает «радость».

37

Какая досада *(фр.)*.

38

Прошу прощения? *(фр.)*

39

Мильтон Дж. Потерянный рай. Книга 1. Перевод Арк. Штейнберга.

40

Печенье *(фр.)*.

41

В этом нет необходимости *(фр.)*.

42

Понятно *(фр.)*.

43

Договорились *(фр.)*.

44

Но это невероятно *(фр.)*.

45

Будьте добры *(фр.)*.

46

«К Элизе» *(нем.)*, знаменитая фортепианная пьеса-багатель Бетховена.

47

Меритократия – общество, которым управляет элита образованных людей.

48

Ну видишь *(фр.)*.

49

Хозяин, шеф *(фр.)*.

50

Имя Бин в переводе с английского означает «фасоль».

51

Живая картина *(фр.)*.

52

Наконец-то *(фр.)*.

53

«Уолтоны» – американский телесериал, который транслировался на протяжении девяти сезонов. Герои сериала – семейство из сельской местности в Виргинии во времена Великой депрессии и Второй мировой войны.

54

Фред Флинстон – персонаж мультипликационного сериала «Флинстоны». Фред живет в доисторическом пещерном городе Бедрок, в мире, в котором динозавры сосуществуют с современными устройствами – телефонами, автомашинами и т. п.

55

Да, именно так *(фр.)*.

56

Привет, мои друзья *(фр.)*.

57

Имя Рейн-Мари (Reine-Marie) в переводе с французского означает «царица Мария».

58

«Граждане Кале» – бронзовая скульптура Огюста Родена, посвященная одному из эпизодов Столетней войны.

59

Черт побери *(канадский фр.)*.

60

Сиротка Анни – персонаж комиксов, название которых восходит к стихотворению «Сиротка Анни», опубликованному в 1924 г.

61

Сьюз Теодор (1904–1991) – американский литератор и художник, наиболее известный своими книгами для детей.

62

Здесь: да ладно *(фр.)*.

63

Дукенфилд Уильям Клод (1880–1946) – американский комик, фокусник и писатель.

64

Сирсакер – тонкая хлопчатобумажная ткань типа жатого ситца с рельефными полосками.

65

Хорошо. Теперь расскажите *(фр.)*.

66

Филе-миньон, стейк из вырезки *(фр.)*.

67

Строки из стихотворения «Кремация Сэма Макги» англоканадского поэта Роберта Уильяма Сервиса, получившего прозвище «бард Юкона». Перевод Евгения Витковского.

68

С удовольствием *(фр.)*.

69

Из стихотворения «Высокий полет» американского летчика и поэта Джона Маги (1922–1941).

70

Имеется в виду песня «Let It Be».

71

Прекрасно *(фр.)*.

72

Моряк Попай (от *англ*. pop-eyed – пучеглазый) – герой американских комиксов и мультфильмов.

73

Зачем? *(фр.)*

74

Что-что? *(фр.)*

75

Си-би-си – канадская вещательная компания.

76

Чудо-женщина – персонаж серии комиксов, неуничтожимые браслеты защищают эту супергероиню.

77

Сметана *(фр.)*.

78

Идите за мной *(фр.)*.

79

По моему мнению *(фр.)*.

80

Возможно *(фр.)*.

81

River – река, salmon – лосось *(англ.)*.

82

Королева чечетки слушает *(фр.)*.

83

Здесь: Великолепно *(фр.)*.

84

Бабар и *Тинтин* – персонажи мультипликационных фильмов.

85

Имя героини и название романа (1935) английской писательницы Энид Багнойд (1889–1981). Четырнадцатилетняя героиня Вельвет Браун выигрывает Большие национальные скачки.

86

Орден Почетного легиона *(фр.)*.

87

Автор ошибается: самолет Маги столкнулся в условиях облачности с другим английским самолетом.

88

Мартлет – геральдический символ, стилизованная птица без ножек.

89

В подливке *(фр.)*.

90

Старший инспектор Жак Клузо – кинематографический комедийный персонаж, герой серии «Розовая пантера».

91

Моя милая *(фр.)*.

92

Решительный удар *(фр.)*.

93

В Берген-Бельзене находился германский концентрационный лагерь.

94

Черт побери *(фр.)*.

95

Фредди Крюгер – персонаж киносериала ужасов «Кошмар на улице Вязов», вымышленный маньяк-убийца; *Ганнибал Лектер* – вымышленный персонаж четырех романов Томаса Харриса и их экранизаций, выдающийся хирург и одновременно чудовищный серийный убийца, практикующий каннибализм. *«Ведьма из Блэр: Курсовая с того света»* – фильм, история трех студентов, которые заблудились и бесследно исчезли в лесах Мэриленда, снимая свой курсовой проект о местной легенде – ведьме из Блэр.

96

Да, он самый *(фр.)*.

97

Ты как? *(фр.)*

98

«Люди страны» *(фр.)* – неофициальный гимн Квебека.

99

Полдень с сестрой Мари *(фр.)*.

100

Rouille – приправа, *poire Hélène* – груша в шоколаде с мороженым.

101

Такое словосочетание переводится с английского как «гороховая ласточка».